

ЛОРА ВАНХОРН

ВЫХОД ЗУБНОЙ ФЕИ

Лора Ванхорн

Выход зубной феи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22966577

Аннотация

Коллектив элитной гимназии в областном центре готовится к 1-му сентября. Новый директор, в прошлом летчик-испытатель, уже пообещал прополоть ряды заслуженных педагогов, а на свободное место рассадить дисциплину в глухих блузках. Для учительницы русского Насти Поповой это совсем некстати – в школе она берет передышку от семейного счастья, которому после приезда свекрови стало негде развернуться. Ее коллегам тоже есть, что терять. Красавец-химик, загадочный миллионер-русофил и девочка с колокольчиком дают бывшему авиатору "черную метку". Война с зарвавшимся новичком обрывается на самом интересном месте: пока весь педсостав ищет ускользнувшие в канализацию зубы, летчик наносит роковой удар. Он не знает, что за кустом боярышника уже заждались ошибки его молодости, и удар превращается в промах...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	34
Глава 4	42
Глава 5	53
Глава 6	72
Глава 7	89
Глава 8	107
Глава 9	123
Глава 10	141
Глава 11	159
Глава 12	175
Глава 13	190
Глава 14	208
Глава 15	227
Глава 16	245
Глава 17	262
Глава 18	282
Глава 19	298
Глава 20	317
Глава 21	335
Глава 22	354
Глава 23	372

Глава 24	390
Глава 25	408
Глава 26	426
Глава 27	446
Глава 28	468

Глава 1

Нет, опаздывать сегодня было решительно нельзя! Это все равно, что по совету школьного военрука при ядерном взрыве бежать в эпицентр и спасать раненых – и то менее опасно для жизни и гораздо радужнее в плане дальнейших перспектив. Именно в этот погожий сентябрьский день новое начальство приступало к решительному исполнению своих обязанностей.

Первейшим долгом директор элитной языковой школы Леонид Серафимович Поленко полагал установление окончательной и бесповоротной победы дисциплины над всем живущим. Утомленный перегрузками мозг отставного летчика-испытателя не мог смириться с хаосом творческого процесса преподавания. В сладких снах полковнику являлись вежливые тихие дети, глухие блузки учителей и всеобщая пунктуальность. Леонид Серафимович был человек дела и сны претворял в реальность незамедлительно. Начало новой жизни было намечено на первое сентября и приурочено к торжественной линейке. И на нее всем участникам следовало явиться вовремя.

Отдохнувшие за лето, набравшиеся сил, но поиздержавшиеся в средствах педагоги узнали о постигших их переменах только накануне. Назначение Поленко было внезапным, что, впрочем, никак не умаляло его эффекта: умы и

чувства подчиненных волновались. На педсовете коллектив с недоумением взирал на компактного пеговолосого мужчину, волею судьбы и районного отдела образования ставшего их рулевым. Только врожденная интеллигентность и временные финансовые трудности присутствующих уберегли полковника-энтузиаста от немедленного столкновения с народным мнением.

Мятежный дух, однако, уже витал среди сеятелей разумного, доброго и вечного. Несколько десятков настороженных глаз следили, как Поленко, потешно выставляя вперед нижнюю челюсть, сокращается на тему прежней учительской вольницы. Ее он клятвенно обещал вырезать прямо со вчера.

– Камикадзе, – наконец, вынесла общий вердикт Динара Ефимовна, преподаватель творчески переработанного английского языка. – Даю ему месяц.

Учительница не учла, что директор не привык пасовать перед трудностями, а в случае их отсутствия он даже создавал эти трудности сам и бросал на их преодоление личный состав. Путь в светлое будущее школы по замыслу свеженазначенного руководителя определенно лежал через тернии, призванные естественным образом отобрать сильнейших и отсеять недостойных. На собрании он внимательно рассматривал свою маленькую гвардию воинов просвещения вместе и по одному, пытаясь прикинуть, кого первого должна разгладить тяжелая длань нового порядка. В его неповоротли-

вый, как асфальтовый каток, мозг потихоньку закрадывалось подозрение о неминуемом саботаже.

“Каленым железом! – заключил про себя полковник. – И не таких перевоспитывали”.

Будучи поклонником кнута, а не пряника, Леонид Серафимович решил воздействовать самым доступным, легким, но чувствительным методом – лишать довольствия. В общем, вниманию присутствующих был предложен сборник наказаний для уклонистов, не желающих разделять радости светлого завтра, в виде лишения премий, надбавок, удобного графика и библиотечных дней. На робкий вопрос о поощрениях директор долго мерил мутным рыбьим взглядом внезапно побледневшего учителя истории.

– В мое время, молодой человек, люди за идею работали. Вам что, отдельное спасибо нужно? Может, вас еще и под руку на работу водить?

Нежная психика историка, и без того изможденная бесконечными размышлениями о судьбах Родины и тщете всего сущего, приготовилась к немедленной капитуляции. Тонкие пергаментные веки задрожали, цвет лица уже плавно перешел в зеленый спектр, когда подоспела неожиданная помощь.

– Хотелось бы знать конкретные цифры, господин Поленко. Во сколько нынче Отечество оценивает "спасибо" выдающемуся учителю?

Как подсолнухи за солнцем головы собравшихся поверну-

лись к источнику смелости и звука. Аудитория с восхищением взидала на оратора. Им оказался учитель химии Назар Никонович Берин, дьявольски красивый мужчина с ассирийской бородкой, раздутым самомнением и мамой, не только флагманом правящей партии по области, но и бессменным школьным спонсором. То ли это, то ли страсть к преподаванию и химии во всех ее проявлениях делали Назара неуязвимым для любых рокировок и перемен в педсоставе. Поленко, как человек новый, об этих весомых достоинствах Берина пока не подозревал. Со скоростью и грацией чугунного паровоза он летел навстречу неминуемому столкновению с харизмой демона от науки.

Облизнув узким змеиным язычком тонкие губы, Леонид Серафимович уставился на красавца-учителя. Лучшего кандидата для публичной казни было не сыскать, неприязнь с первого взгляда была безоговорочной и полностью взаимной.

– Слишком много у вас прав, я смотрю! – завелся директор. – Только про обязанности забываете. Образование – это вам не торговля на базаре, здесь нужно самоотдаваться! – в ответ на пламенный призыв Динара Ефимовна заиграла густыми бровями и с внезапным интересом взглянула на полковника, чем смутила начальство окончательно. Забившись за стоящий у доски стол и глотнув водички, Леонид Серафимович чуть тише продолжил:

– Самоотдаваться, а не считать, на сколько вас оспасиби-

ли! Это вы скажите спасибо, что не расстреляли за все ваши выверты, как в семнадцатом! Да, товарищ, вы со своей химией на паперти будете стоять, так что потрудитесь сидеть и слушать, а не спорить со старшими. Руководство, оно для того здесь и поставлено, что лучше знает. Вот так. Еще вопросы есть?

Вопросы были, но обсудить их слаженный и выдавший виды коллектив собирался после окончания благородного собрания. А пока Назар задумчиво поглаживал блестящие кольца черной как смоль бородки и чему-то плотоядно улыбался. Молоденькие преподавательницы английского тесно сгрудились вокруг своей патронессы, аксакала латинской и менее изящной словесности Динары Ефимовны, и перешептывались, то и дело поглядывая на задние парты. Там, в отдалении от простого люда, заседала тяжелая артиллерия педсостава, до сих пор хранившая полное, какое-то вязко-зловещее молчание.

Троицу сильных школьного мира местные острословы прозвали "Могучей Кучкой", и это вполне отражало суть их командных выступлений: уж на кого они положили, тот в темпе вальса должен был бежать без оглядки. Хотя и там ему не сразу удавалось отмыться от острых Кучкиных посылов. Ядром группы были математик Амалия Петровна Винтер и ее заклятая подруга Вишневская, преподаватель физики. То, перед чем пасовали детская комната милиции, воскресная школа и авторитет родителей, Амалия искореняла раз и на-

всегда одним взглядом стальных глаз. Ужас парализовал вчерашних хулиганов, выветривая из их сознания все лишнее, а освободившееся место занимали твёрдые знания по математике. Госпожа Вишневская, женщина гренадерского роста и трубного гласа, внушала уважение своими габаритами: глядя на медальон, лежащий на ее мощной груди параллельно полу, связываться не хотелось.

Пряную ноту в трио мегер вносила биологиня. Главной мечтой покровительницы фотосинтеза и марайских тараканов было замужество, что в условиях школьного дефицита рыцарей никак не становилось явью. На амбразуру великой цели бросались все подручные средства, от небывалой яркости макияжа до спиритических сеансов с чучелом совы и скелетом под инвентарным номером 237 в вверенном Марине Тухтидзе кабинете. Суженый все медлил, характер Марины портился, и последствия страшной лавиной обрушивались на мужчин, не догадавшихся по достоинству оценить девицу.

Заручись Поленко поддержкой "Могучий Кучки", его воцарение на должность прошло бы гладко и без сучка, а с директорским креслом разлучила бы только смерть. Теперь же, после краткого знакомства в коридоре перед началом педсовета, Леонид Серафимович стал обладателем трех страшных и злопамятных врагов. Вишневская не оценила армейской шутки о вреде физики для слабого бабьего ума, Марине полковник посоветовал смыть раскраску падшей женщины и

защитить то, что на его взгляд было разошедшимся швом, а на взгляд Марины – соблазнительным и рискованным разрезом на юбке. Для Амалии Петровны директор тоже приберет пару ценных советов, но, встретившись с ней глазами, отчего-то поперхнулся и передумал, в тайне решив все же отправить Винтер на пенсию при первой okazji. Воздержание ему не зачлось: Амалия Петровна не доверяла людям, не знакомым с геометрией хотя бы до равенства треугольников включительно, а Поленко произвел на нее впечатление человека без способностей к математике. Административная звезда бывшего летчика обречена была угаснуть, даже толком не взойдя.

В общем, собрание заканчивалось, а низы не проявляли никакой солидарности с верхами. Сидящие на первом ряду учительницы русского все еще по инерции записывали распоряжения Леонида Серафимовича, в тылах же царили полный разброд и шатание: коллеги строили друг другу многозначительные лица, передавали записочки и вопреки всем стараниям директора не боялись. Даже историк слегка оклемаля и привычно задумался о своей будущей роли в неизбежном установлении монархии, что придало его лицу благородное, но вполне отсутствующее выражение.

Лишь один человек в классной комнате внимал Поленко со всей страстью преданного вассала и почитателя. Им оказался учитель труда Тихон Гаврилович, школьный отщепенец и фанат начальства. Истинная профессия Тихона, как

и его дошкольная жизнь, были покрыты мраком неизвестности. Сам он представлял себя специалистом во всех мыслимых областях, от запуска синхрофазотрона до зашептывания больного зуба в лунную ночь. Между тем, ни одна поделка, изготовленная в логове трудовика – подсобке на первом этаже под лестницей – не напоминала ничего, что могло бы пригодиться для жизни на Земле даже с учетом стремительно растущих потребностей современного человека. Младшеклассники, который месяц под его чутким руководством выпиливающие некое подобие юлы на палочке, говорили изумленным родителям, что это рубанок. Или табуретка. В зависимости от стадии процесса. Далекие от ручного труда папы и мамы недоуменно пожимали плечами и ставили комок стружки с железками на балкон.

Сам же Тихон не испытывал сомнений в уникальности своего таланта, а светлое будущее собирался организовать лично сам еще до прихода Поленко. Препятствием стало отсутствие широких полномочий и нелюбовь к доморощенному гению со стороны коллектива. Люди не жаловали Тихона, хоть и оборачивались ему в след на улицах города.

Еще в бытность трудовиком-новобранцем Тихон Гаврилович увлекся изобретением пышных названий, вполне отражающих суть и непосильность для простого смертного выполняемой им работы. "Генеральный эксперт по мануальному древопрокату" звучало гордо, но тяжело поддавалось чеканке на заранее заготовленной чугунной доске, предва-

рительно и за немалые деньги вырезанной автогенном из доставшейся по наследству советской ванной. После долгих колебаний кустарь-индиго остановился на "квазитехническом менеджере", выбил красивые, но непонятные слова на металле и водрузил панно у входа в подсобку. С того достопамятного дня к Тихону прочно прилепилось прозвище "наш Квазимодыш", запущенное в жизнь меткой Динарой Ефимовной, и содержанием точно отражающее внешние формы главного школьного трудоголика.

Шли годы, а Тихон Гаврилович ни на шаг не приближался к логическому венцу своей неустанной творческой и общественной деятельности, а именно к креслу заместителя директора школы по воспитательной работе. Тихон недоумевал. Винил завистников и тайных врагов реформации, пока одна бабуля из Районо, сочувствовавшая юродивым, не намекнула ему ласково, что дело, собственно, в нем. Смягчив, конечно, откровение сетованием на несовершенство мира и недостаток у Тихона специального образования. Трудовику явилась истина, осенившая его предшественников-профессиональных революционеров из кухарок – столетием ранее: учиться, учиться и учиться. С тех пор он забрасывал дирекцию и Районо просьбами отправить его на курсы топ-менеджеров в Канаду, или хотя бы оплатить двухгодичный MBA в столице. Тихон Гаврилович оставался человеком основательным, как он говорил "особого качества", и вариантов попроще не искал.

У вот теперь, сидя на первом педсовете с Поленко, учитель труда интуитивно чувствовал, что настало его время. Затянувшаяся на два года починка розетки в кабинете истории не прошла даром для его возмущенного разума. "Кто был ничем, тот станет всем!!!" – бешено колотилось в мозгу, по телу бегали задорные импульсы, а взгляд горел неугасимой любовью к руководителю, мудрому и, очевидно, справедливому. Слушая, как Леонид Серафимович обещает разобраться с тунеядцами и разгильдяями, воздавая каждому по способностям и педнагрузке, Тихон внутренне соглашался с каждым словом своего нового гуру. Он даже двигал кадыком в такт особо экспрессивных пассажей полковника и с неодобрением поглядывал на коллег, без особого пиетета внимающих вестнику нового порядка.

"Нет... О нет... Нельзя, чтоб он думал, что я с ними!" – беспокоился трудовик. – "А я ведь сам, я особый! Надо дать понять уважаемому, нет, высокоуважаемому! Зачем же приносить святого человека... Да, высокоуважаемому Леониду Серафимовичу, что я с ним! Плечом к плечу!"

– Товарищи! – наконец, решился Тихон Гаврилович. – Прошу минуточку внимания!

Класс оживленно заерзал, предвкушая очередное юмористическое соло звезды прикладных ремесел. Даже физрук Юрьич оторвался от созерцания бескрайнего бюста физика Вишневской, бывшего его Альфой и Омегой весь прошлый год, и перенастроил свою единственную извилину на прием

Тихоновского потока сознания. Поленко на полуслове оборвал свою речь о вреде опозданий и всем корпусом развернулся к нахалу, перехватившему трибуну. Тихон Гаврилович набирал обороты:

– Высокоуважаемый Леонид Серафимович, разрешите с вами согласиться во всем! И также на будущее, отдел труда поддерживает все ваши начинания и аплодирует стоя. Вернее, стоя передает вам низкий поклон за все уже сказанное и еще не сделанное!

Глаза трудовика сияли. Худощавое тельце, заправленное в черные брючки, рубашку и галстук на манер людей Икс вкупе со склоненной вбок головкой придавали Тихону полное сходство с золотушным грачом. Леонид Серафимович мучительно пытался сопоставить сладость речей нежданного союзника с общей ущербностью его облика, но за отсутствием иных, более солидных вариантов, ободряющим жестом попросил продолжать.

– Вы совершенно верно заметили, товарищ директор! Вот тут у меня небольшой список недоработок и недоделок, страниц на сорок, которые вы можете заметить в дальнейшем. Чтобы, значит, ничего не осталось сокрытым от вашего правильного мнения, высокоуважаемый Леонид Серафимович! Я от лица преданной вам части коллектива, то есть от меня, выражаю восхищение вашими такими золотыми словами. Готов служить не покладая! А теперь позвольте фото на память, для углубления, так сказать, единства!

И пока ошарашенный директор хватал ртом воздух в поисках достойного ответа, Тихон Гаврилович рысцой протрусил до его стола, встал чуть позади, положил лапку на крепкое полковничье плечо и навел камеру телефона. Снимок вышел загляденье: Поленко в виде выброшенного на берег окуня, со снулыми глазами и губами широкой буквой "О", приятно оттененный лучезарной бело-керамической улыбкой своего нового соратника. Позже, выложенная в сеть, эпохальная фотография стала иллюстрацией к научной статье о внешних проявлениях органических поражений головного мозга и имела успех у специалистов.

Экспромт трудовых резервов не только до предела повысил градус настроения педагогов, но и окончательно вывел бывшего летчика из равновесия. Налившись опасно-гипертонической краснотой, Леонид Серафимович отрывисто проорал:

– Вы! Что! Себе! Позволяете! Завтра! Чтобы все, как один! Вовремя и без фокусов! Все свободны, и в это свободное время советую задуматься о своем поведении! А ты, как там, Тихон... Гаврилович, ты останься. У меня к тебе поручение.

Присутствующие хором встали, раздался лязг и скрежет отодвигаемых железных стульев эпохи “сталинский ампир”, бессменных с самых пятидесятых по причине собственной антикварности. Второго приглашения на выход аудитории не требовалось – луч директорского разума основательно рас-

сеял туманность учебного плана на текущий год и в клочки разодрал мрак неизвестности о премиях ко дню учителя. И ко всем будущим дням тоже.

Повинуясь извечному вселенскому закону единства малых, по которому гуппи и прочая океанская мелюзга трепещет в волнах монолитной массой, а птицы встают в клин для покорения жаркого юга, стайка молоденьких англичанок синхронно обогнула директора по самой широкой дуге. Авангардом непокорных выступал Назар Никонович, глядевший прямо в глаза зарвавшемуся полкану своим нехорошим иезуитским взглядом. С полуулыбкой обронив что-то между “прощайте” и “то будет вам предвестьем злых невзгод”, химик удалился в коридор, увлекая за собой менее стойких историка и географичку, напрасно надеявшуюся дослужить до пенсии без потрясений: пенсия свалилась, как снег на голову, уже три года назад, а потрясения все не кончались. Замыкала исход неверных "Могучая Кучка". Три гарпии, выстроившись смертоносной тевтонской “свиньей”, уверенно шли к выходу из этого бедлама, окутывая остающихся густым ядовитым облаком крайнего презрения. Наконец, класс опустел, и слегка ошарашенный теплым приемом директор приступил к вербовке потенциального соратника.

– Вот что, Тихон. Ход твоих мыслей в целом, конечно, правильный... хотя есть и перегибы, мда. Что ж, докажи свои благие намерения. В этом вашем осином гнезде черт ногу сломит... – проговорил Поленко, задумчиво подтягивая

нижнюю губу поближе к носу. – Вот и задание тебе, так, на проверку, напиши. . . Напиши на всех характеристики, кто да что, чем дышит, слабости, умения какие есть, хотя я таких не заметил. Да, а вот эти писульки свои убери, не дорос еще до замечаний опытному руководству. – Тут Леонид Серафимович спохватился, что при завоевании плацдарма каждый боец на счету, и чуть смягчился. – Ты, Тиша, имеешь шансы, ну, по крайней мере, побольше остальных. За работу.

За всю свою хиленькую карьеру трудовик никогда прежде не удостоивался столь полного доверия высокого начальства, и, как следствие, столь ответственного задания. Причем задание впервые было сформулировано не в форме посылки к такой-то матери. Счастье и желание оправдать, превзойти и вознестись переполняли избранного пролетария, он млея и неустанно кивал головой. Давясь теснящимися в мозгу словами благодарности, Тихон Гаврилович заверил Поленко, что с первыми петухами поименный справочник-донос будет готов, и, хотя у директора были более мирные планы на раннее утро, он одобрительно кивнул и сказал:

– Вот это правильно. Жду тебя завтра в своем кабинете.

Глава 2

Картины памятного собрания то и дело всплывали в Настином воображении. Воображение вообще было сильной стороной Анастасии Поповой, учительницы русского и литературы, а подстегнутое угрозами нового директора оно распустилось окончательно. К тому же увольняться именно сейчас, когда в однокомнатной квартире молодого педагога поселились дальние родственники, они же погорельцы, было неразумно. Жить на этой микроплощади можно было только посменно, а значит, на работу походить стоило.

"Только бы не опоздать. Опаздывать-то сегодня ну вообще никак, что за невезение... Хотя ведь и зубы – это вам не жук начихал! Надо искать, ничего не поделаешь..." – думала Настя, лихорадочно шаря в пыльной темноте подъезда. – "Все-таки пока не все в порядке у нас с жилищно-коммунальным хозяйством. Свет в холле две недели не горит. И с медициной неспокойно. Чертов мост! И надо же было дорогой мамуле посеять свою челюсть именно здесь и сейчас!"

Предметом поиска и неугасимой надежды был верхний мост из четырех белоснежных передних зубов, составлявших лучшую часть внешности Нины Васильевны, Настинной свекрови. Женщины примитивной, но энергичной и злопамятной. Не было в подлунном мире такой вещи или дела, в которых свекровь не разбиралась или не давала бы советов.

Причем в системе координат Нины Васильевны существовали только два мнения: свое и неправильное. Такая жесткая позиция старушки плюс совместное проживание на весьма ограниченной территории делали Настино участие в успешном обретении свежесваренных запчастей обязательным.

Зубы, изготовленные по образцу и подобию лучших голливудских улыбок, имели только один недостаток: слабое сцепление с организмом носителя. Нина Васильевна теряла их на торжественных собраниях, в тарелках с супом, в море и поездах дальнего следования, а вот теперь они выпали в подъезде типового панельного дома в спальном районе. Весело проскакав по небольшой лестнице, зубы унеслись во мрак парадного, не оставив следов. Попова-старшая тщетно вытягивала густо покрашенные алой помадой губы и ахала – чудо протезирования на позывные не являлось. Зато Настя, младшая в семейной иерархии, сразу же и без рассуждений была брошена на поиски. И вот теперь, вместо того, чтобы по замыслу Поленко уже мчаться навстречу новой жизни, Анастасия Попова перебирала тлен и мусор по углам подъезда.

"С одной стороны он, конечно, директор. Но мамуля-то тоже человек. Сложный человек в смысле. Немилосердно выпускать ее без зубов на люди, нам они ничего плохого не сделали. В этом плане мне даже везет, что темно. Куда же они завалились?" – Настя повернулась в сторону, где предположительно стояла Нина Васильевна, и решительно сказала:

– Так мы можем искать до морковкиного заговенья, а я

опаздываю. Стойте здесь и охраняйте, чтоб граждане вашу ценность не раздавили ненароком. Я за фонариком, туда и обратно.

– Пока ты там ходишь, зубки мои и унесут! Для покражи самое выгодное место, темно и бабуля беззащитная одна. – обиженно забубнила свекровь.

Настя с сомнением покачала головой. В крошечной тьме холла встреча с непознанным в виде старухи с двумя торчащими клыками и для невпечатлительного человека могла закончиться трагически.

– Не преувеличивайте, Нина Васильевна. Шесть утра, для зубных воров уже поздно, хотя если кого из них заметите, можете задержать.

Настя на ощупь поднялась по лестнице к площадке лифтов. В это время двери грузового медленно разъехались, проливая спасительный свет на место происшествия. Настя отметила, что не ошиблась насчет воздействия нового имиджа свекрови на еще не совсем проснувшихся соседей. Молодой человек с собакой при первом взгляде в сумеречные глубины подъезда произвольно дернулся и потряс головой, как бы отрицая факт нашествия кровопийц в старушечьем обличье. Заметив Настасью, он с облегчением вздохнул:

– А, это вы тут, девушка! Я уж подумал того, слишком мы вчера вздрогнули. Видения какие-то. Случилось чего?

– Да, это мы, – мрачно отозвалась Настя. – Мы вот тоже вздрогнули, только не совсем удачно. Зубы потеряли, так

что вы поаккуратней, не наступите. Может, ваша собачка их найдет? Она у вас овчарка, они и преступников ловят, даже если они по частям по всему городу раскиданы. По запаху определяют, наверное.

Молодой человек замаялся: желание побороться за высокое звание овчарки для его не совсем породистого пса блекло перед мизерностью цели. Искать бабкины обломки, тем более по запаху, было неинтересно. Нет, не такой судьбы он хотел для своего четвероногого друга.

– Вот что, барышня. Это порода для охраны, а не для охоты на протезы. Давайте-ка мы вас лучше посторожим. Снаружи естественно. А вы пока все и найдете.

Настя покрутила губами и вздохнула:

– Ну да, помогли так помогли. Хотя бы не топчите тогда, а то придется вашему песику охранять старушку до стоматолога и обратно, если раздавите ее главную ценность. Давайте я подержу лифт открытым, а вы аккуратно пройдете, пока светло, – девушка сняла с себя Нину Васильевну, уцепившуюся при виде собаки в невесткин локоть, и вставила разгоряченную поисками свекровь в угол у лестницы.

– Мамуля, я быстро, – сурово бросила Настя и скрылась в коробке лифта.

Тихонько отперев входную дверь, молодая женщина на цыпочках вошла в свою квартиру. В годы застоя кооперативная однушка с лоджией и большой кухней представлялась если не Эверестом комфорта, то по крайней мере позволяла

молодой семье ковать личное счастье вдали от бесценного опыта родителей. В нынешние времена такой метраж именовался "студией", а журнал "Cosmopolitan" упрямо советовал, что современной горожанке нужно места на гардеробную больше, чем вся эта конура. Настя внутренне соглашалась и с рынком недвижимости, и с прессой, но внешне приходилось только мечтать, что муж Насти, уроженец далекой провинции, все же заработает на расширение площади.

Правда, пока супруг обеспечивал только расширение состава новорожденной семьи: сначала проведать кровиночку подтянулась мама, да так и осталась на полгода. А третьего дня появились настолько многообразные племянники, что Настя и ее муж до сих пор ломали голову, кому же из них те приходятся родней. Сами приезжие путались в показаниях, на расспросы реагировали вяло и избегали прямых ответов, дружно совпадая в одном – погорели они, последняя рубашка ушла на оплату билетов на поезд. Жертвы пожара вели себя тихо и, проявив истинно деревенскую смекалку, обосновались на кухне. Несчастные божились, что это ненадолго, и обещали в самом скором времени уехать в поисках правды в Москву. Погорельцам разрешено было остаться до того момента, пока их не зацепит рука помощи государства, а то, что в капиталистической реальности на это могут уйти миллионы световых лет, Настя не подумала. Как истинный представитель русской интеллигенции она чувствовала себя в ответе за сирых и убогих, что и положило начало коммуне

в квартире №86 в доме на окраине города.

Теперь первым делом Настя заглянула в спальню, где богатырским сном почивал ее супруг Костик, подающий надежды аспирант физико-математического университета. В конце запутанного научного пути маячили премии, мировое признание и прочие атрибуты сладкой жизни, так что нынешнюю тесноту и скромность бюджета супруги рассматривали как временные неудобства и не унывали. Работа над диссертацией кипела в основном по ночам – это была смена хозяина дома пользоваться благами городского быта в виде стола, санузла и холодильника.

Днем будущий светила науки вкалывал на факультете и занимался в меру своих скромных способностей приготовлением пищи. Неординарный взгляд физика-ядерщика на допустимые гастрономические комбинации делали его весьма экстравагантным поваром: задолго до изнеженных западных кулинаров он изобрел макробиотическое питание и вывел теорию "суперфуда", которая позволила молодой семье без чувства ущербности питаться одной пшеничкой как самым полезным в мире продуктом.

Сейчас герой коллайдеров и поварешек спал, безмятежно расположив косую сажень плеч на семейном ложе системы "диван раскладной". Настя подоткнула ему одеяло и вышла в коридор, по дороге отметив какое-то несоответствие в интерьере. Чего-то определенно не хватало, но времени поразмыслить о недостатке не было. Прихватив туристический

фонарик, прекрасная половина семьи Поповых устремилась назад к темному подъезду, в недрах которого скрывались летучие челюсти.

В парадном уже кипела привычная утренняя жизнь: возвращались с прогулки собачники, то и дело пробегали нахохленные труженики, а в углу у почтовых ящиков солировала свекровь, завывая на манер азиатского акына о своей великой потере. Терпеливый русский народ, привычный и к более ощутимым ударам судьбы, безучастно пронесился мимо, следя, однако, чтобы лишние зубы не налипли к подошвам. Мрачные чертоги подъезда наполнялись робкими лучами сентябрьского солнца, тьма отступала, но на аскетически голом полу холла никаких посторонних предметов не наблюдалось.

– Надо обследовать под лестницей, – решила Настя. – Потому как если зубы были в проходе, то мы их уже потеряли, слишком оживленная трасса. Мамуля, нате мою сумку и отойдите, не загораживаете свет. Линейка в школе через час, а мы еще копаемся.

Анастасия нырнула под пролет и сразу же поняла, что она, возможно, первый человек со времен сдачи дома, чья нога ступила в этот заповедник плесени и хилых городских паучков. За годы забвения бесконечные слои пыли и грязи спрессовались в единый монолит отборного перегноя и там вполне удалось бы выращивать трюфели не хуже французских.

"Интересно, и за что это мы собираем по 80 рублей с носа

на уборку дома? Это же рассадник малярии и энцефалитных клещей!" – в Насте просыпалась дремавшая доселе гражданская сознательность. – "А в нашем доме живут маленькие дети, лишенные здоровья и самообладания старушки, и вот кстати молодые педагоги, надежда общества. Устроили здесь серпентарий!"

Настины ноги мягко пружинили по новооткрытой экосистеме, и вдруг луч фонарика выхватил что-то блестящее в самой глубине под верхней ступенькой. Она наклонилась и не смогла сдержать вздох облегчения – миссия состоялась, чудо отечественной стоматологии тихо лежало прямо перед ее глазами. Подлестничный микромир уже свыкся с прилетом к ним неопознанного объекта: бабкины зубы, наполовину скрытые в древней пыли, были надежно оплетены паутиной и наверняка служили самым шикарным домом для целой колонии простейших. Настя двумя пальцами подхватила протез, брезгливо им потрясла и заулыбалась. Во-первых, побывавшие в экстремальном путешествии зубки предстояло носить не ей, а, во-вторых, шансы попасть на линейку значительно возрастали.

Продолжая по инерции шарить лучом фонарика по полу, окрыленная успехом учительница заметила, что блестит еще кое-что. Прямо в углу у стенки угадывался стальной шов подвального люка.

– Дожили! – пробурчала Настя, слегка заведенная утренней эпопеей. – Граждане не знают о возможных путях отхода

на случай атомной войны и прочих мировых катаклизмов! Правильно дед говорил: развалили страну. А ведь там, наверное, роскошное бомбоубежище с неприкосновенным запасом тушенки и сухариков для всех жильцов нашей панели. Тех, кто постоянно прописан, конечно. Ладно, потом разберемся. Мамуля, вы сами до автобуса дойдете? Я-то сейчас бегом побегу.

Все это время Нина Васильевна с сомнением рассматривала блудные зубы, обретенные ценой столь невероятных усилий. Свекровь уже твердо вошла в драматичный образ Короля Лира после потери всех благ земных, и так просто расставаться с привилегиями вселенской страдальницы не желала. Теперь, когда вожделенный ряд передних и вторых боковых был у нее в руках, злоупотреблять невесткиным вниманием становилось затруднительно. Нина Васильевна судорожно перебирала в уме все возможные хвори, которые могли внезапно подкосить ее слабое здоровье на фоне пережитого стресса. Идеальный недуг был обязан обеспечить не только глубокое смятение близких и родных подальше, но и выдоить положенные дивиденды. В качестве приятного приложения к перекошенным от забот лицам домочадцев свекровь охотно бы приняла отдельную квартиру и безутешных детей, день и ночь бдящих у постели умирающей, готовых на любой подвиг, чтобы только скрасить последние тридцать—сорок лет жизни старушки. При этом потомкам полагалось не надоедать маменьке своим присутствием, много

зарабатывать и каждый день развлекать ее по-новому, то в Монте-Карло, то в Баден-Баден, ибо по телевизору сказали, что это хорошо.

Всякое по мелочи, типа непрерывной трансляции по ТВ программы "Пусть говорят" и засахаренных лимонов, которые Нина Васильевна обожала, само собой подразумевалось.

По-прежнему стоя в темном подъезде и теребя в сушеных ручках центральной элемент своей челюсти, мысленно бабка уже унеслась через столетия, к неизбежному финалу всех редких болезней: к пышным, торжественным похоронам, с военным оркестром, вереницами одетых в глухое черное людей и всенародной скорбью. Скорбь по великому замыслу должна была длиться долго, очень долго, передаваться из поколения в поколение, хотя нет, лучше, если все участники траурной процессии вдруг разом падут, сраженные непомерным горем...

Настя с тревогой наблюдала за калейдоскопом выражений, сменявшихся на свекровином лице со скоростью вспышки: сетка морщин то складывалась в клубок вселенских печалей, то растягивалась до блаженной улыбки объешегося тортом ребенка.

"Да, сдает старушка, – подумала Попова-младшая. – Вот к чему приводит смычка города и деревни в таком возрасте! А этим коновалам из поликлиники все равно, говорят, отправьте ее на природу. Там поля стоят не паханы, мол, без такого бульдозера. Бездушные люди!"

– Мамуля, – Настя настойчиво лезла в бабкины мечты, – может, вы на почту завтра ходите? Я совсем опаздываю, нет времени вас провожать.

Свекровь только собралась завести привычную песню о том, насколько ничтожно молодежь ценит ее великий материнской подвиг, беспримерный в истории человечества, как двери лифта в очередном раз разъехались и выпустили на волю самого главного человека в доме – слесаря-сантехника Геню.

– А-а! Анастасия свет Борисовна, наше вам здрасте, – пропел Геня, сбегая по лестнице. – Наслышан о вашем бодром утре. Ну как, обрели вы счастье свое?

Настя радостно закивала головой:

– Да, нашли, хотя пришлось попотеть. Зато опаздываю теперь, сами же знаете, сколько от нас выбираться. А мне еще маму до почты надо проводить.

Геня тут же по обыкновению протянул руку помощи – молодые и симпатичные женщины всегда вызывали в нем всплеск благородных чувств.

– Так давайте вашу зубную фею мне, – предложил мужчина, – я как раз в ту сторону. Главное, чтобы по дороге из нее лишние детали не сыпались.

Настя с благодарностью взглянула на сантехника, ободряющее похлопала свекровь по плечу и вылетела из подъезда, не дав мамуле опомниться и завести свои саратовские страдания.

– Адью, Настасья!

Геня махнул вслед посылавшей ему воздушный поцелуй девушке и подмигнул ее свекрови:

– Милая дама, цепляйтесь покрепче. Я буду вашим спутником на маршруте дом–почта. Но обратно вам придется вести, а то и нести меня самой! Намечается выгодная замена прокладок в продуктовом напротив.

Нина Васильевна, опешившая от перемены мест проводящих, покорно дала себя прицепить к Гениному локтю. Парочка засемила по тротуару, охая старушечьим голосом и замирая около всех барышень с юбками выше колена. Яркая точка Настиного плаща еще некоторое время маячила впереди, но вскоре совершенно слилась с багрянцем осеннего пейзажа.

Учительница нервничала и торопилась не зря. Время в пути из их микрорайона, с размахом отстроенного на окраинах большого города, и до школы никакими разумными величинами не ограничивалось. Главный архитектор жилого массива был истинный виртуоз шлакобетонной панели и мастер урбанизации самых пасторальных ландшафтов. Имея в своем распоряжении весьма ограниченный набор-конструктор советского строителя, из домов, прудов и садов он сумел создать город будущего, как его представляли в конце семидесятых. Типовые двенадцатиэтажки унылым веером расходились от центров районной культурной жизни – магазинов "Диета" и "Вино-водочный". В четырех темных тухлых водо-

емах водилась неведомая рыба, а последние дома упирались прямо в самый настоящий лес, на чем городская цивилизация и заканчивалась. Вернее, цивилизация там в принципе шла, как пишут в объявлениях о продаже посредственных дач, "по границе". То есть за пределами микрорайона уже давно наслаждались суши и запросто ходили в 3Д-кино, тогда как его обитатели застряли на макаронах по-флотски и жизненных коллизиях "Просто Марии".

Когда-то эти дома должны были решить жилищную проблему сибирских нефтяников и старателей Заполярья, но по странному капризу судьбы место застройки совпало с отметкой "101-ый километр", и круг претендентов на социалистический рай расширился. Год за годом он заселялся суровыми ребятами с Севера и авантюристами всех мастей, и в конце концов по духу стал напоминать Дикий Запад Америки, где состав участников во времена первых переселенцев был примерно тот же. А по устойчивости жителей к невзгодам бытия район опережал не только Новый Свет, но большую часть матушки-России.

Единственная проблема, которую не смогли решить ни архитектор-планировщик, ни постоянные жалобы жителей, заключалась в том, как из этого района выбраться на Большую Землю, то есть в городской центр. Гипотетически в распоряжении местных жителей имелись автобусы и трамвай, но до них надо было не только дойти, а еще и суметь как-то ввинтиться в нутро всегда забитого транспорта, не выпадая

из него на следующей остановке. Для пущего колорита автобусы ходили редко, а трамвай как-то вообще стеснялся показываться.

Настя успела родиться, вырасти, закончить школу и сама же начать в школе преподавать, а ситуация с наземным сообщением в районе не менялась. На последней скорости несясь к остановке, девушка лихорадочно прикидывала, а есть ли шансы успеть на линейку пусть не вовремя, то хотя бы с не критическим опозданием. Так, чтобы незаметно слиться с коллективом и вместе, единым фронтом, выступить против сомнительной личности нового директора.

Народу на остановке скопилась тьма, что с одной стороны вселяло надежду на скорое появление автобуса, а с другой, самые выгодные позиции для его штурма были заняты. Первую линию уже оккупировали весьма агрессивные настроенные граждане, закаленные регулярными боями и дергающиеся теперь в фальстартах. Наконец, на радость Насте появился желтый Икарус гармошкой, замерев дверью прямо напротив девушке. Полоса везения продолжалась: каким-то чудом ее зацепил активный дедуля с тележкой на колесиках, который, распахивая конкурентов локтями, вслед за собой просто внес Настю в подошедший транспорт. Притулившись у окошка, она отряхнула плащ и погрузилась в воспоминания о втором отделении педсовета, проведенном учителями после дебюта Леонида Серафимовича. Но уже без звезды первого акта.

И задуматься над этим стоило всем без исключения.

Глава 3

О минорном финале педсовета коллектив школы, сплошь состоящий из людей неглупых и опытных, догадывался. Правда, по мнению педагогов, его тяжкие последствия должны были упасть на голову бывшего летчика, и, если не раздавить, то точно контузить. После первой же ходки Поленко в народ, свидетели этого события собрались на импровизированную летучку в коридоре.

Марина Тухтидзе, жестоко обманутая в своих матримониальных ожиданиях непригодным ко флирту и пламенной страсти полковником, шипела на ухо Динаре Ефимовне:

– Заморыш. Да он ростом с сидящую собаку, и глаза как у дохлой рыбы. Нет, Динарочка Ефимовна, мы с ним не срабатываемся. Совершенно бесполезен в прикладном плане. Ну вот инфузорию же от юбки-плиссе не отличит... Может, он вообще взяточник или даже хуже того – женатый! Вам как показалось?

Заслуженный преподаватель английского могла бы ругаться – ей не показалось. Женатым полковник мог быть только на какой-нибудь упертой греховоднице в качестве посланного проклятия. Чтобы, значит, она еще при жизни смогла искупить не только за себя, но и на сто поколений вперед.

– Есть вещи и пострашнее, чем окольцованный...хм...

друг сердца, душа моя, – возразила нюхавшая пороху Динара, биологичка же с сомнением поджала губы. – Уж поверьте моему опыту. Меня охватывают смутные сомнения относительно наших премий, да-да. Больно ретивые запросы у этого авиатора недоделанного, как вы считаете, Амалия Петровна?

Математик василиском взглянула на дверь, за которой Поленко давал первую аудиенцию блаженному Тихону. Видимо, какие-то тлетворные флюиды в кабинет все же проникли: стало слышно, как полковник перестал бубнить и закашлялся.

– Считают у меня на уроках, господа, а я уверена, – отрезала Винтер. – Мне все равно, какие запросы у этого пигмея, но удовлетворять их советую как можно дальше. От меня. От школы. И от города в целом. Мадам Вишневская, а вас как всегда общие дела не касаются? Вы все надеетесь на торжество мирного атома, не так ли?

Женщина-физик нехотя оторвалась от созерцания нескольких из своих подбородков в карманном зеркальце, отстранила незаметно подбравшегося под сень ее богатого тела физрука и ехидно зашевелила усиками.

– Что вы, Амалия Петровна, меня таки наши дела очень волнуют, – нарочито гнусавым голосом отозвалась Вишневская. – Вот буквально не буду ночью спать, так переживаю за вашу печень. Это видимо она вам и нам заодно травит всю красивую жизнь. Вы бы проверились, что ли. Глядишь, чужие торжества вас бы не задевали, – физик с удовольстви-

ем поймала ненавидящий взгляд Амалии и резко вильнула в сторону. Метод назывался "контрастный душ" и был чудно эффективен, чтоб пронять некоторых до истерики. – По поводу вашего Леонида Агасферовича – но пасаран, как говорится. Назар Никонович, это у нас какой по счету лишний директор?

Берин сложил на подоконник висевшего на нем историка – последние полчаса впечатлительный знаток мировых культур благодарил Назара за свое чудесное спасение на педсовете. Элегантным движением холеных рук химик поправил галстук, пригладил бородку, чем вызвал жар и трепет среди молоденьких англичанок, и улыбнулся:

– Дорогие дамы, вы все сегодня – само очарование. Давайте не будем ссориться, тем более по такому ничтожному поводу. А по существу, мне надо посоветоваться с мамой. Интересно, как к нам занесло старичка, здесь не богадельня. Хотя... Не в моих правилах обижать пожилых, но, боюсь, Серафимыч сейчас набирается плохого от нашего пролетария, – Берин кивнул на дверь кабинета, где Поленко все еще раздавал сверхсекретные поручения Тихону. – Но в целом... Тот, кто направлял его судьбы корабль, уж поднял парус. И совсем не в ту сторону. Скоро мы увидим труп нашего врага, если терпеливо подождем. Я чувствую. У меня все, – Назар Никонович уверенно посмотрел на собравшихся.

– Истину глаголишь, – вдруг шалыпинским басом заговорил до этого никем не замеченный, как и подобает серому

кардиналу, школьный завхоз Финоген Семенович.

Дальний потомок отважных финансистов, сосланных в эти места еще при царизме за безудержную смекалку и неумение делиться, Финоген был прирожденным стяжателем. Период первоначального накопления капитала он счастливо завершил еще дошкольником, нажившись на продажах мальчишкам сушеных кузнечиков под видом отворота от ремня родителей. Девочкам облагороженные гуашью прыгуны продавались в качестве лекарства от выпадения волос у кукол.

Дела шли бойко, но уже тогда маленький Феня знал, что наглеть не стоит. Он сам вывел основную аксиому успешного дела: клиент должен быть доволен, и обезжиривать его следует нежно. Чудо-кузнечики не были полной профанацией: родительские сердца смягчались при виде юного натуралиста, стоящего в углу с хрупким насекомым, и рука на сорванца не поднималась. Девочки тоже не знали разочарований в покупке: кудри у советских кукол и так сидели намертво. Зато цветастым кузнечиком можно было здорово поугубить бабушку, сказав, что вот так выглядит колорадский жук, пожравший всю картошку. Два в одном, как сказали бы теперь, и за смешную цену: осторожный Феня менял свой экзотический товар на посильный взнос продуктами или ненужными вещами. Среди последних попадались весьма интересные экземпляры, ибо ненужными детскому разумению представлялись иногда вещи вполне ценные.

К получению аттестата зрелости Финоген подошел уже вполне состоятельным молодым человеком, что во многом и обусловило блестящие оценки в документе об окончании школы. Образование помогло ему вывести вторую аксиому, важную для избранной стези: большие капиталы нуждаются в малой огласке. Достойный юноша не лез на рожон и не играл в хозяина жизни. Третья и главная аксиома, достойная того, чтобы ее увековечили в золоте и включили в программу обязательного обучения, досталась Финогену Семеновичу по наследству: надо делиться!

Полвека пронеслись как один миг. Менялись власти, распадались империи и возникали содружества, в унылую уездную жизнь вторгались орды мигрантов и технический прогресс, но аксиомы работали. Финоген без конца покупал, менял, расселял, прикармливал и дожил до того дня, когда уже все было и ничего больше не требовалось. И не хотелось. Дом – полная чаша, надежно размещены капиталы и удачно пристроены дети, выплывшие в большой международный бизнес. Финоген Семенович хандрил – желать оставалось нечего.

И тут случилось чудо! Сотворили его три абсолютно замухрышечных Свидетеля Иеговы, даже не уполномоченные их шарлатанским начальством на подобный подвиг. Расписанный под хохлому "Майбах" Финогена на минутку остановился у центрального городского парка – босс затребовал "Эскимо", которое продавалось в единственном уцелевшем

в вихре перестройки киоске. Привычные сумерки сознания Свидетелей помешали им трезво оценить обстановку, они выстроились клином и храбро полетели на не спасенного пока Финогена. То ли воистину Бог хранит сумасшедших, то ли будущий завхоз почувствовал руку провидения, только Свидетели выжили, а богатейший человек города стал обладателем брошюры под интригующим названием "Царствие Небесное".

Дальше обложки не привыкший тратить время на глупости Финоген читать не стал, но и этого было достаточно. Он уже точно знал, чего ему не достает в жизни: райских кущ, молочных рек или хотя бы уверенности в том, что они для Финогена Семеновича зарезервированы. Первое собеседование с батюшкой показало, однако, что не все так просто. Отец Андрей озвучил знаменитую притчу о богатстве и игольном ушке, испытующе глянул на олигарха и осторожно заметил, что выплата десятины за все пропущенные годы могла бы значительно ускорить дело. Но Финоген пока не торопился в лучший, но все де незнакомый мир. Как человек практичный и экономный, он взял неделю на раздумье и засел за Святое Писание в поисках менее болезненных вариантов. Озарение настигло его сразу же: Финоген Семенович понял, что он – верный кандидат по статье "блаженные нищие духом". Он давно уже ничего не хотел и ничему не был рад, осталось только разбавить это дополнительной простотой и смирением. Так Финоген Семенович стал завхозом школы

с углубленным изучением языков: скромно, но вполне сочетаемо с привычной деятельностью. Те же люди, те же задачи.

Украсив собой слаженный коллектив работников образования, самородок от финансов уже в самом скором времени стал истинным хозяином школы. До назначения Поленко без согласования с завхозом не решалось ни одно дело, будь то приобретение макета звездного неба в натуральную величину для кабинета физики или создание очередного фонда для покрытия подобных экстренных нужд.

Сейчас впервые за пятилетку Финоген Семенович почувствовал некоторое оживление, его седые мохнатые брови уже начали свое движение к переносице, спина распрямилась, чего не случалось со времен лихих девяностых, а все помыслы переместились в сферу уничтожения врага. Созревала четвертая аксиома дельца наивысшего порядка, которую на другом конце Земного шара в то же самое время в муках рождал президент свободных штатов: в целях профилактики нападай первым. Не важно, если противник еще и сам не знает, что он против; превентивная атака гарантировано избавит его от таких вредных мыслей, и то если он, конечно, уцелеет. Финоген Семенович, завхоз и миллионер, понял, что надо действовать.

Для начала необходимо было выяснить, каким ураганом бравого авиатора занесло в лучшую в городе гимназию. Разыгрался он явно неслучайно, ибо на nive образования Поленко был зеленый салага, без признаков опыта по части

сложной комбинаторики школьной жизни. Вычислить розу ветров и найти, откуда дуло, завхоз поклялся самолично. Сейчас покровителям Поленко, где бы они не находились, по всему суждено было обываться, так часто и так нелитературно их поминали.

На том и порешили: красавец-химик обещал пораспрашивать державную матушку, Финоген Семенович – потрясти частный капитал, а "Могучая Кучка" и Ко возлагали большие надежды на Районо, ведущий центр слухов и сплетен по области. Леонида Серафимовича обложили со всех сторон, штат его врагов рос в геометрической прогрессии. И это еще до того, как он столкнулся с самой коварной и непредсказуемой силой возглавленного им рассадника знаний – родительским комитетом и непосредственно дорогими детишками.

До этого момента ему оставались считанные часы.

Глава 4

Прохладное сентябрьское утро было солнечным и ясным, что по мнению большинства учеников элитной школы как нельзя меньше подходило для достойного начала учебного года. Под град с дождем, завывающий ветер и ненастье в духе последних дней Апокалипсиса не так обидно было бы дни напролет отсиживать в классах и усваивать строение пестиков с законами Ньютона, столь необходимыми каждому в послешкольной жизни. Тот факт, что этот день был первым из девяти бесконечных месяцев дисциплины, зубрежки, экзаменов и контрольных, поднимал настроение только самым отпетым отличникам и первоклассникам, еще не понимавшим своим наивным малышковым умом, что десять лет – это очень долго.

Примерно так рассуждал шестиклассник Тарас Динин, критическим взглядом обводя шеренги торжественной линейки: родителей, прикрывавшихся своими нарядными чадами, колонны независимых старшеклассников и учителей, настроенных весьма серьезно. Такое количество цветов мальчик видел только на похоронах папиного коллеги, а то был очень грустный момент. У Тараса слезы навернулись на глаза: вот и его сейчас замуруют в этом склепе науки почти на целый год, и даже не оставят ободряющей надписи, какая украшала глыбу каррарского мрамора для дяди Коляна:

"Спи спокойно, а мы разберемся". От сокрушительной жалости к себе, невинно обреченному на тяготы и лишения среднего образования, у мальчика задрожали коленки и гулко застучало в груди. Тарас решил, что достаточно пострадал за прогресс и под прикрытием своего огромного букета попытался просочиться в задние ряды зрителей, откуда до выхода со школьного двора было рукой подать.

Неожиданно на его плечо легла тяжелая длань Динина-старшего, известного в городе коммерсанта, бывшего борца греко-римского стиля и нынешнего авторитета для многих молодых спортсменов и прочих крепких ребят. Интерпол тщетно искал Павла Динина где-то между Кап-Ферра, Лондоном и Кокосовыми островами, он же мирно жил в уездном городе, куда не дотягивались вредоносные щупальца международных душителей личной инициативы.

– Что, сынок, соскакиваешь? Мама расстроится, – Павлик потрепал сына по голове. – Сам подумай, полсрока уже отмотал, недолго осталось. Я в твои годы по поездкам... Ну, короче, не вышло у меня счастливого детства. А тебе повезло, братан, школа, знания всякие. Большим человеком станешь, как Финоген Семеныч.

Тарас с недоверием прикинул, стоит ли стремиться к таким высоким идеалам. Завхоз, на его взгляд, был мрачный старикашка с лицом, как будто навсегда окисленным острым несварением желудка. Наконец, он шмыгнул носом и вздохнул:

– Хорошо, пап. Ты только учительницу не вспугни. Анастасия Борисовна добрая. Она конкурсы всякие обещает, театр там. Пусть мама меня после уроков заберет, а?

– Лады, – Павел подставил сыну раскрытую для ответного хлопка ладонь. Получив звонкий удар, он одобрительно улыбнулся и предложил: – На выходных на рыбалку тебя возьму. Иди, Тарас, мне еще надо здесь по делу пошуршать кое с кем.

Папа строгим взглядом придал сыну нужное ускорение, и мальчик, ловко орудуя локтями и колючим букетом, стал пробираться к только что подошедшей классной руководительнице. Анастасия Борисовна, запыхавшаяся и со сдвинутой набекрень прической, с самым рассеянным видом отвечала на вопросы родителей. Дети, не проявлявшее после веселого и вольного лета особого желания погрызть гранит науки, стояли чуть поодаль, не теряя надежды на нечто экстраординарное, что могло бы навсегда положить конец обязательному образованию. На всякий случай – может, папа еще смотрит, чем занят наследник – Тарас подошел к учительнице и запричитал:

– Ой, Анастасия Борисовна, как хорошо, что вы пришли! А я все лето по школе скучал, по урокам всяким... – начищающий дипломат замялся, воскрешая в памяти хотя бы названия тех предметов, с которыми он вел неравный бой весь прошлый год. Как назло, перед внутренним взором Тараса всплывали только тарзанки, клубника с сахаром, мохнатые

гусеницы, заточённые в банках, исключительно в целях наблюдения за их реинкарнацией в бабочек, купание в морях и реках – в общем, все те великолепные летние развлечения, которые не только не давали скучать, но и были много милее его сердцу, чем школьные будни. Замечтавшись, Тарас ослабил бдительность и заступил за белую линию с надписью б "Б". Проворная Анастасия Борисовна тут же поймала мальчика за руку и быстро подтянула ему в пару отличницу Сашу Багрову, существо бледное, хрупкое и чрезмерно укомплектованное знаниями. Назад дороги не было.

– Молодец, Динин! Теперь у тебя скучать времени не будет. В этом году нас ждет много нового и интересного: физика, химия... – оптимизм Тараса таял на глазах, пока учительница перечисляла, чем время его жизни будут убивать в этом учебном году. Он вздохнул, потряс уже много повидавшим букетом. Раз уж так вышло, мальчик решил использовать момент

и войти в Сашино доверие, исключительно ввиду будущей взаимопомощи на контрольных.

Раздался треск, тонкий свист и микрофон заревел бодрым голосом Динары Ефимовны:

– Внимание, дети, родители, – на подмостках англичанка чувствовала себя распрекрасно. Видно было, что другие солисты ей в принципе не нужны, поэтому объявление о выходе следующего оратора прозвучало квело. Выпустив из легких почти весь воздух, Динара махнула рукой куда-то в сто-

рону и затараторила:

– Выступает новый директор нашей дорогой во всех смыслах школы, Леонид как ни странно Серафимович! Он тоже приготовил вам, да и нам, разные сюрпризы, о которых я-то уже знаю, а вот вы еще спали этой ночью спокойно... Но это жизнь, как говорится, сейчас исправит!

Большинство присутствующих верило в стародавнюю русскую примету, надежную, как Братская ГЭС – держаться подальше от инициатив, призванных немедленно улучшить жизнь у всех без исключения. Одолеваемые дурными предчувствиями школьники, их родные и учителя сомкнулись тесными рядами, готовясь внимать заявленному реформатору. Директор окуньком проскользнул на середину трибуны, оттеснив Динару от микрофона, и тусклым взглядом обвел площадку перед собой. Они стояли теперь один на один: общественность и перекошенный от лишней энергии Поленко. Взволнованные массы колыхались и бурлили, переливаясь разноцветным целлофаном букетов, гремя портфелями и смягчая даже черствые сердца полянками пышных бантов. У директора эта картина вызывала тошноту. Он понял, что устраивать дивный новый мир надо здесь и сейчас.

– Товарищи! – загудел Леонид Серафимович похожим на прокисшее молоко голосом. – Я вас поздравляю! Прежде всего с тем, что наконец-то школа в опытных руках человека, который знает. Все знает. И что делать с ней тоже. Переделывать, вернее. Больше у нас не будет всякой ереси, типа бе-

готни в коридорах, педагогов-диссидентов и самоуправления в виде родительских комитетов! Дисциплина – это наше все, и я бы не советовал об этом забывать, как делают некоторые. Не будем показывать пальцем, мы и так прекрасно знаем, что это всякие химики да историки.. – Поленко в упор взглянул на Назара Никоновича, стоявшего от него по левую руку. Вероятно, бывший летчик-испытатель не вполне отрезшился от старого мира и по-прежнему желал острых ощущений. Мрачно-загадочное выражение лица Берина ему подобные ощущения гарантировало вполне. Директор отвел глаза, но речь продолжил:

– Да, и историки... Изжившие себя в век ЕГЭ псевдоспециалисты! Родителям предлагаю не стесняться, а подходить ко мне для беседы по одному. Для подробного анализа будущего их детей в моей школе. Ученики! Быстро и без шума шагаем парами к раздевалке, там теперь каждый день мы станем проверять чистоту рук и учебников. Да, и сменку! Помните, девиз нашей школы с этого дня – скромность, послушание и это... Тишина! Кстати, об этом. Амалия Петровна, а где Тихон Гаврилович?

Ледяная королева интегралов не интересовалась жизнью насекомых, а по сему пролить свет на местонахождение трудолика не могла. Не удостоив директора ответом, математичка одним слегка заметным кивком головы направила ставшие четкими колонны старшеклассников ко входу в школу. Вслед за ними с видом каторжан на владимирском тракте

потянулись ровесники Тараса Динина: слишком опытные и много видевшие, чтобы верить в сказочные истории о прелестьях учения, но еще очень далекие от заветного финиша и будущей нежной дружбы в "Одноклассниках". Замыкали шествие щедро украшенные цветами и родительскими напутствиями первоклашки, с умильными личиками семенящие за своими учителями.

В суматохе воцарения начальника-самодура все как-то позабыли про розовощекую девочку в белых кружевных лентах. Она восседала на плечах рослого, но слегка уставшего выпускника и битых полчаса истошно звенела в звонок. Теперь, когда площадка перед школой стремительно пустела, одиннадцатиклассник решил, что пришло время привыкать девочке к суровой правде жизни. Без особого пиетета свалив бантичное безумие прямо перед оставшимся в одиночестве Поленко, он пробурчал что-то невнятное о новых порядках и резво проскакал ко входу в здание. Юноша скрылся в школьном подъезде, и директор с девочкой, плотно втиснутой в белое с горохом платье, остались во дворе одни.

Это был первый близкий контакт Леонида Серафимовича с детьми: свои у летчика завестись побоялись, чужие же, надежно запуганные его прототипом в русском сказочном фольклоре – дедом Бабайкой – были осторожны и к Поленко не приближались. Пухлое создание с колокольчиком, так подло обманутое в своих ожиданиях быть гвоздем праздничной программы, уже кривило губки и шмыгало носом, и, ко-

гда не разбиравшийся в девичьих горестях директор загробным голосом прошипел: – Где твоя мама? – первоклассница разразилась рыданиями. Как все избалованные дети, она плакала профессионально, с подвываниями и всхлипами, не забывая при этом поглядывать на аудиторию. Поскольку директор, в отличие от прежних зрителей, стоял столбом и не проявлял действенных намерений успокоить чадо, девочка пошла на крайние меры: упала прямо под ноги бывшему летчику и принялась истошно верещать.

Обескураженный Леонид Серафимович вначале беспомощно топтался вокруг орущего ребенка, затем попытался поднять ее с асфальта и придать вертикальное положение. Схватка была неравной: дочь явно любящих родителей не только имела весовое преимущество перед сухощавым директором, но на ее стороне имелся опыт баталий с бабушкой за велосипед и домик для кукол. Мертвой хваткой она вцепилась в чахлый кустик с клумбы под школьными окнами, точными ударами тufелькой отбрыкиваясь от доведенного до ручки дяденьки и вопя ультразвуком. Не известно, как долго бы еще смог продержаться как Поленко, так и его рассудок, но вдруг прямо за его спиной материализовалась блондинка в умопомрачительном платье.

– Марточка! Крошка! Что случилось, сокровище мое?? – заламывая руки, запричитала прекрасная незнакомка. – Этот дядя тебя обидел, да?

Поленко отпрыгнул от девочки на безопасное расстояние,

откашлялся и коршуном накинулся на красавицу:

– Вашего ребенка обидишь, как же! Уймите ее наконец. И что вы вообще себе тут позволяете, женщина! У нас режимный объект, дисциплина, а она орет благим матом. Если не умеете воспитывать, не беритесь. Отдайте в школу, только не в мою, – тут директор критически посмотрел на слегка поутихший пончик в бантиках, – а в какую-нибудь попроще, для буйных. И на диету посадите, раскормили девицу... Она у вас на свиноматку похожа, зарежете в голодный год. – Поленко уже вполне оправился от потрясения и привычно хамил окружающим.

Если бы новоиспеченный директор хоть немного разобрался бы в тонкостях школьного порядка и устройства, он бы доподлинно знал, что случайным детям колокольчики первого сентября не раздают. Для этого у первоклассника должны быть необходимые качества в виде, например, известных родителей или лоббистов в Районо. Девочка Марта нужными достоинствами обладала безусловно: ее папа, заммэра города, помимо дорогого ребенка был обременен трубопрокатным заводом, сетью супермаркетов и другими милыми его сердцу игрушками для взрослых.

Михаил Владимирович, разбогатеv, отправил постаревшую первую жену на богомолье и как-то за делами позабыл вернуть обратно. Детей и имущества, о которых знала бы супруга, у них не было, поэтому после блиц-развода заммэра зажил холостяком спокойно.

Приятельствовал с Финогеном Семеновичем, которого считал человеком исключительной бодрости духа и коммерческой фантазии, потихоньку перекраивал администрацию города и губернии в целом, интересовался зарубежной географией в части хранения непосильно нажитого – в общем, был занят. И вот однажды, исключительно ради обмена опытом с такими же попечителями Отечества, он побывал в далекой Панаме. Эта поездка переменяла все и была почище Финогеновского озарения после встречи со Свидетелями: заммэра влюбился. Избранницей его каменного прежде сердца стала восхитительная красавица-журналист Вероника, прозябавшая на вилле российского пресс-агентства уже восьмой год и отчаивавшаяся составить свое женское счастье с коренными обитателями этого ромового узилища. Михаил Владимирович поразил ее слегка побитое тропикозом воображение, и они зажили душа в душу. Обзаведясь второй, на этот раз, любимой женой и долгожданным потомством в весьма солидном возрасте, заммэра души не чаял в своих девочках и баловал их безмерно.

И вот в эту самую минуту Леонид Серафимович, директор и камикадзе, с упоением поливал грязью красавицу-жену и к тому же мать единственной наследницы этого золотого человека. Вероника, женщина спокойная, но любившая справедливость, базарной лексикой не владела, несмотря на прекрасные университеты, преподанные ей на знаменитой вилле мастерами этого жанра. Дослушав оглушительную ти-

раду Поленко до конца, она подождала, пока пылкий мужчина скроется в глубине двора. Затем, вырвав беснующееся чадо из шипов боярышника, Вероника просто позвонила любимому мужу.

– Кроличек, здесь какой-то сумасшедший – он называет себя Директором – бродит по Марточкиной школе. Я видела, как он толкнул нашу девочку прямо в грязь. Да, сам взял и толкнул, представляешь, дорогой! А потом, кажется, даже хотел ее ударить. И на меня накричал... Сейчас? А я не вижу, ушел куда-то. Конечно, узнаю! У него лицо потомственного олигофрена и взгляд такой, м-м-м, дикий.

Трубка ответила мягким мужниным баритоном и лицо Вероники просветлело. Она положила телефон в сумочку, подхватила дочку и направилась к подъезду школы. На другом конце города в своем кабинете Михаил Владимирович массировал виски, чтобы хоть немного прийти в себя и не перебить всех идиотов города сразу, без опознания.

Определенно, колокол Марточки сегодня звонил по Поленко.

Глава 5

Напрасно Леонид Серафимович, тряхнув стариной, истребителем носился по гулким коридорам довоенного школьного здания. Тихона Гавриловича нигде не было. Дома у него никто не отвечал, мобильным подозрительный трудовик ни с кем не делился, а подсобка стояла необитаемой с мая месяца. Кроме похожей на корабельные канаты паутины и засохшего блинчика краски там не нашлось ничего, напоминающего о хозяине. Поленко вслух пообещал неверному вассалу самое волнительное будущее и отправился к Финогену Семеновичу для принудительной передачи всех непосильных финансовых дел в его мудрое директорское ведение.

А с Тихоном Гавриловичем все уже случилось. За каких-то двенадцать часов новообращенный фанат полковника пережил самые яркие события своей и без того нескучной жизни. Выйдя накануне с педсовета, окрыленный трудовик со слезами на глазах благодарил провидение и не совмещаемую с работой язву предыдущего директора. Он летел домой, рассылая прохожим пучки своих самых лучезарных улыбок, столь действенных, что одна впечатлительная старушка дома заявила детям, будто видела свою смерть. Учитель твердо решил выполнить наказ Великого Кормчего и Благодетеля образования, как он в мыслях кратко называл

Леонида Серафимовича, и к утру изготовить полный и подробный отчет о каждом сотруднике их школы, а также, в качестве комплимента, выпилить лобзиком парадный портрет Поленко в мантии и с восхваляющей надписью. Он даже попытался сочинить славословие директору в стихотворной форме, но ангелы-хранители Земли Русской помешали свершиться этому сомнительному замыслу: и без того поэзия приходит в упадок.

Придя домой, Тихон еще с полчаса от переизбытка чувств вальсировал по комнатам, напевая с придыханием: "Великий, великий человек!", потом хлопнул себя по голове и засел за монументальный труд. Работа спорилась. Благодаря случайному выбору полковника открылся главный талант Тихона Гавриловича и суть его бытия: он был прирожденным, гениальным доносчиком. В годы расцвета Тайной Канцелярии его кляузы вошли бы во все хрестоматии для начинающих шпииков, а способность подмечать или воображать, что подметил нужные следствию детали ставили бы в пример. Правда, сам Тихон точно не дожил бы до половозрелого возраста, задушенный поклонниками своего таланта. Дедушка Фрейд наверняка объяснил бы пристрастия Тихона неудачами на личном фронте, но в реальности у его неиссякаемого вдохновения были гораздо менее изящные источники: зависть и желание показать всем кузькину мать.

Трудовик состоял в бурной, пусть и односторонней переписке со всеми инстанциями городских и районных вла-

стей. С каждого письма он снимал копию, складывал в личный архив и делал приписку, каким именно непечатным словом вахтер учреждения мотивировал свой отказ в принятии сверхважной корреспонденции. В школе повелитель гачных ключей и гуру стамески тоже не терял времени зря, ежедневно скрупулёзно записывая всякие мелкие новости, сплетни и почасовую раскладку жизни коллектива. Наряду с хаотичным и нудным потоком сознания автора, в его дневниках нашлось бы немало удивительного для заинтересованных лиц: тут были и странные посетители Финогена Семеновича с подозрительными коробками из-под ксероксов, и влюбленные, но не совсем совершеннолетние воздыхательницы Берина, оккультные сеансы Марины Тухтидзе и многое, многое другое. Сейчас Тихон Гаврилович перелистывал свой кондуит – клеенчатую тетрадь в клетку с птичкой на каждой странице. Он гордился собственной предусмотрительностью и укреплялся в мысли, что лучше не растаскивать великую летопись на цитаты. Решено было передать записки Поленко в их первоизданном виде, без купюр. Квазимодыш любовно упаковал тетрадь в бездонный карман, пришитый к брючкам с изнанки, плотно завязал тесемки морским узлом и вздохнул: многолетний труд нашел своего читателя.

На лобзик еще оставалась пара часов, Тихон довольно зажмурился и сложился кузнечиком в мягком кресле перед телевизором – заслуженный отдых после успешной умствен-

ной атаки. За окном моросил последний летний дождь, часы убаюкивающе тикали, а будущее было фантастически приятным. В нем Тихон стоял у руля управления школой плечом к плечу с Поленко, и директор ласково улыбался своему единственному помощнику. Вот трудовика выбирают учителем года, да что там, столетия, всенародным голосованием, толпа почитателей круглосуточно дежурит у его подъезда, записывая номерки на руке в очереди прикоснуться, а то и просто посмотреть на эталон педагогической мысли. Его мемуары выходят в свет, первые сорок томов наблюдений за прошлый год. И вот слуга превосходит хозяина, Поленко остается далеко позади и умоляюще смотрит в голубую высь на своего бывшего подчиненного. Но Тихон знает, что время великих людей дорого и не может его тратить на какого-то бывшего летчика. Он получает безвозмездную ссуду от Районо, за заслуги, ну скажем, триста тысяч и строит роскошный дворец прямо напротив школы. Фасад собственноручно украшен макраме из березовой коры, а на резном крыльце выжжены по дереву отрывки из его сочинений. Масштабы уездного города слишком мелки для Тихона, он выходит на международную арену, и тут ему уже рукоплещет загнивающая до его появления Европа. Как же, ведь это он придумал, хм...да все придумал именно он! Америка, земля новаторов и деловых людей, немедленно выписывает гения из заснеженной России.

И вот он мчится на громадной яхте, и не такой, какую Ти-

хон видел у сторожки Рыбнадзора, а целой! Яхта уносит его к берегам Нового Света, где вокруг топчутся американские миллионеры и слезно просят совета. Прямо по курсу – Майями!

Далекий и почти нереальный город Майями был для Тихона сосредоточием всех мыслимых и немыслимых благ, конечной точкой на пути в рай, его Валгаллой и Эльсинором. Там, на берегах неведомой Атлантики ждали утомленного путника социальная помощь, приветливые миграционные службы и простор для творчества. Обо всех этих плюсах Тихон знал не понаслышке: в прошлом году, для расширения кругозора, он затеял переписку с трудовиком из этого города мечты, Карлосом Пуэнтосом. Карлос был вырвавшийся из объятий коммунизма кубинец, человек бывалый, что и позволило ему не прибегать к услугам психотерапевта после первого письма Тихона Гавриловича. До Дяди Сэма в свое время Карлито добрался на собственноручно выструганном плоту, это и помогло ему найти себя в каменных джунглях капитализма. Он стал учителем ремесла в школе для трудных подростков. Не вполне еще американец, мистер Пуэнтос гордился своей новой Родиной, но старался особо не рекламировать ее за пределами – самому не хватало. А то ведь понаедут!

Поэтому на вопросы незнакомцев о его жизни во Флориде, штате цветов, он всегда старался отвечать и отвечать честно. Что трудно, надо много работать, учиться, ходить на

курсы, расти над собой, соревноваться с коллегами, а в свободное время читать полезную литературу и соревноваться с коллегами, только уже в вольном стиле, вне офиса. Например, сразиться с ними в регби или за распродажный телевизор в Черную Пятницу.

К письму Тихона Карлос тоже подошел обстоятельно. Хотя работал он еще недолго, но познакомиться с приметами сложновоспитуемых успел и в письме заокеанского коллеги уловил знакомые нотки. «Сэр нуждается в немедленной помощи», – от всего сердца ответил он Тихону. – «Алкоголизм и сумеречные расстройства лечатся в наше время очень успешно». Гугл перевел это весьма вольно, и Тихон выжал из послания только ощущение полной поддержки со стороны Соединенных Штатов.

Итак, заслуженный учитель плыл в сторону жемчужины американского континента. Вот Майями уже замаячило на горизонте пальмами и приветственным салютом. Тихон Гаврилович в позе и почему-то даже в камзоле Наполеона стоит на носу своей выросшей до размеров "Пелоруса" яхты. У его ног суетятся малые народы и президенты стран большой восьмерки... И тут сон закончился.

Тихон Гаврилович очнулся в тот самый страшный пред-рассветный час, который называется часом быка: время между тремя и пятью пополуночи. В народе он известен разгулом всякой чертовщины, а среди работников скорой знаменит инфарктами и прочими расстройствами здоровья со

смертельным исходом. На часах было четыре. Без пяти минут спаситель человечества заметался по комнате, хватаясь то за лобзик, то за брюки и что-то бормоча про первых пехухов, которые должны были вот-вот нагрянуть и принести с собой Поленко.

– Леонид Серафимович, я вас не подведу! Уже бегу, – воскликнул Тихон, до предела выпучив прозрачные голубые глазки и вытянувшись в струну перед полной луной в окне. В этот момент его сходство с нечистой, но не совсем могущественной силой было абсолютным, и провинциальные театры знатного упыренка оторвали бы с руками. Стремглав слетев по лестнице в компании клеенчатой тетради, Тихон лесным оленем мчался к школе. Автобусы еще не ходили, честные люди спали и только несколько неисправимых городских плохишей шатались по улицам в поисках легкой наживы. Безусловно, они предпочли бы нежных пугливых дам в норковых мантиях и бриллиантах, но час быка и доя них стал роковым. Навстречу криминалу несся неустрашимый Тихон Гаврилович. Статистика ночных ограблений после этого сократилась примерно вдвое, и долго еще в далеких скитах и психбольницах бывшие злодеи вспоминали об улюлюкающем дьяволенке с жезлом Апокалипсиса, он же лобзик, наставившем их на путь истинный одним своим видом.

Добравшись до ограды родимой школы, Тихон слегка отдышался и завертел головой. Признаков жизни в пустом дворе не наблюдалось, только высаженные еще первыми боль-

шевиками тополя стучали ветками и скрипели. Трудовик решил не поддаваться меланхолии, навеваемой темным зданием и гулом ветра в кронах деревьев. Смело форсировав невысокий забор из сетки, будущий герой бодрой лошадиной походкой, высоко подкидывая колени, порысил ко входу – наверняка Леонид Серафимович уже давно ждет его там, изнывая от нетерпения.

Подойдя к двери парадного, Тихон Гаврилович сразу же с облегчением заметил, что она не заперта, и сквозь щель льется вполне себе гостеприимный свет. Скользнув внутрь, трудовик, как человек педантичный и внимательный к деталям, дверь все же затворил – а вдруг война и немцы, надо сохранять бдительность! В предбаннике у раздевалки стоял стол главного школьного борца за мир, охранника Вольдемара Афонькина или "Красномордого", как емко и со вкусом окрестила его Динара Ефимовна. На столе была накрыта на двоих не доигранная партия в домино, умело приправленная недопитой бутылкой водки и усохшими пластинками морковки. Участники банкета отсутствовали, что казалось совершенно нормально для пяти утра. Нетипичным было само украшение стола, оставленное нетронутым. Для торжественной встречи невинных первоклассников оно подходило не очень. Кроме того, Вольдемар не отличался широтой души во всем, что касалось спиртосодержащих жидкостей: водку он бы не забыл ни за что. «Значит, – подумал Тихон Гаврилович, – Леонид его высокомудрейшество Серафимович точно

здесь проходил. Истинно святой человек! Наш драгоценный руководитель смог побороть этот гнойный нарост на исстрадавшемся теле российского образования. Так то, Афонькин! Поделом тебе, алкоголик красномордый».

То были отголоски давней войны честолюбий, с год назад развязанной самыми значимыми специалистами школы – трудовиком и сторожем. Стороннему наблюдателю могло бы показаться, что их отношения обречены перейти в крепкую дружбу, настолько оба совпадали в глубоком презрении к коллегам-интеллигентам. И Тихон, и охранник не признавали превосходства умственного труда над физическим, особенно, по выражению Вольдемара, в деле превращения детей в человеков. Им бы сплотиться и изводить белых воротничков сообща, но карты путала внутривидовая агрессия, столь характерная для самцов в прайде африканских львов и коммунальных соседей.

Тихон раздражал Афонькина властью, которую тот имел над средним школьным баллом и накрепко с ним связанным кошельком родителей. Квазимодыш обожал вызвать к себе каких-нибудь солидных отцов семейств и ласково напомнить, что только абсолютная успеваемость по его предмету может обеспечить ихним ребятам путевку в ПТУ. Папаши бледнели, просили учителя быть построже и не думать, будто эти шалопаи подтянутся до уровня Мастера. В результате, труд на пятерку не знал никто, кроме самого Тихона Гавриловича. Зато все знали, что приглашения в дневнике

от этого учителя игнорировать не стоит.

Полномочия Афонькина были куда скромнее. В общем-то, они ограничивались ворчанием на грязную обувь посетителей и подвижные игры в раздевалке. Зато Вольдемар дружил и обменивался опытом со всеми участниками Великого водочного пути, от агрономов пшеничных полей до художников бутылочных этикеток, что делало его постоянной величиной в любых уравнениях на троих. Таким макаром он умел договориться с любым человеком по любому вопросу, что богомолообразному Тихону не грозило. Кустарное производство мебели из телефонной проволоки, затеянное Гаврилычем для обретения аналогичной народной любви, не принесло результатов. Вернее, трудовик уже был близок к заслуженному общественному резонансу, но тут пропажу нескольких километров кабеля в окрестных деревнях вдруг решили повесить на директора мясокомбината. Поделки из редкого материала следствие забрало в качестве улики прямо с задворок Тихоновского дома, а сам Квазимодыш затаился, решив на будущее пользоваться менее элегантным сырьем. В общем, чаши весов колебались, Афонькин и Тихон издалека ненавидели друг друга, но развязка не наступала.

Теперь, стоя в гулком и пустом школьном предбаннике, Квазимодыш был как никогда уверен в своей безоговорочной победе над этой посредственностью, охранником-алконавтом. Разгадка ребуса, в каком же отделении горбольни-

цы сейчас латают Афонькина после его встречи с директором, занял еще с десяток чудесных минут. Бальзамом излили на истерзанное трудовое сердце мысль о том, что за ненаглядного Леонида Серафимовича беспокоиться не приходится. Педсовет показал, что директор способен запросто сокрушить несогласных словом, а не делом, то есть без уклона в тяжкие статьи Уголовного Кодекса. Значит, обошлось без кровопролитья и милиции. О, это сладкое чувство, когда убираешь давних врагов чужими руками!

Прикинув диспозицию, трудовик решил, что сон про Майами и грамоту "Учитель Года" был таки вещий, и пообещал себе в ближайшее время заняться покупкой парадной одежды для достойной встречи всемирной славы. Не то, чтобы он собирался изменить выстрадавшему имиджу в виде черного костюма–тройки с вороним галстуком и лаковыми туфлями; по разумению Тихона это торжественно-похоронное обрамление приятно оттеняло больничную белизну его зубной керамики, подчеркивая исключительную стройность и красоту членов. Просто привычный образ стоило бы – не ради себя, а для удобства армии поклонников – слегка разбавить черными очками или вожделенным браслетом часов "Сейко", на которые теперь, безусловно, удастся накопить. Всеблагой Леонид Серафимович уже наверняка это продумал.

Тихон, вертясь и скашивая глаза за спину, внимательно оглядел себя в зеркале у раздевалки. Ревизией, судя по все-

му, он остался доволен чрезвычайно, и честно говоря, тому был повод. При взгляде на него начитанным и незлобивым людям вспоминалась княжна Марья из "Войны и Мира" в части лучистых очей и отсутствия даже намека на гармонию и красоту во всех остальных отделах Тихоновского организма. Детям и коллегам попроще он виделся каким-то чудесным чахоточным уродом, находящимся в вечном бессмысленном движении и без конца верещащим птичьим голоском с клеткотом на обертонах. Голова, венчавшая сушеное тельце в черном футляре костюма, была всегда чуть склонена набок, рот сложен клювиком, и только выражение прозрачных голубых глаз выдавало постоянную заботу, не свойственную пернатым. В этом смысле черные очки пришлись бы весьма кстати.

Тихон Гаврилович любовно разложил на острых коленках клеенчатую тетрадь, где еще оставалась пара чистых листов. Скрупулёзно и со знанием дела расписал под текущей датой всю сервировку последнего банкета Афонькина. Не забыл и обстоятельства, при которых это неслыханное попустительство обнаружили. Парой минут раньше, заглянув под стол, он с ликованием извлек еще две пустые бутылки и морковочный хвостик с необычайно кудрявой зеленью. Такой богатый верх мог быть только у корнеплода, выращенного на опытной делянке Марины Тухтидзе с применением ей одной известной смеси компоста с аспирином.

– Саботаж и расхищение казенного имущества, – отчека-

нил трудовик, вспоминая директорское проричание на педсовете. – А я вам, Вольдемар, обещал, что вы не будете работать в этой школе. Оставить пост, побросать свой реквизит и даже не потрудиться оставить объяснительную записку! Работничек, – фыркнул Тихон. Вдруг он вздрогнул, выпучил глаза, а лицом в бледных разводах стал напоминать новомодные столешницы под мрамор из пластика: – Да это же увольнение по статье! – страшная догадка молотом ухнула где-то за сердцем, побоксировала с желудком и дошла до головы, где и растворилась в поисках мозга. Тихон Гаврилович жизнь вне работы отрицал. Афонькин, отчисленный из стана трудящихся за халатность и пьянство на производстве, как бы исключался из окружающей действительности вообще. Его ждали забвение, позор и само собой ежедневные письма от Тихона с подробным напоминанием о пережитом. Мысль беспокойного пролетария уже аллюром унеслась к этому роскошному финалу, когда червь сомнения проделал дыру в картине об изгнанных из рая. Может быть, не уволят?

А вдруг только строгий выговор и прощай, сладкое видение: Вольдемар в лаптях и домотканых обносках стоит под окнами своего бывшего врага и льет голодные слезы, дабы разжалобить справедливое, но непреклонное сердце Тихона Гавриловича... Нет, нельзя допустить, чтобы приказ об увольнении не нашел своего героя! Надо скорее бежать к Поленко, он уже наверняка заждался и сам жаждет поделиться

новостями о нерадивом секьюрити.

Трудовик поспешно захлопнул свой кондуит, аккуратно расправив верхние загнутыиися от времени кончики страниц, где пестрела маленькая желтая птичка. В сборнике его мудрых заметок о житие всей школы оставался один лист, на котором Тихон собрался черкнуть прославляющую оду Поленко взамен так и не выпиленной по металлу миниатюры. Он даже вывел вверху название и теперь, сосредоточенно высунув синий, как у корейской собаки, язык, заботливо обводил его завитушками и недавно самолично изобретенным руническим узором.

"Всемиловистый и всемогущий" – скромно, но метко и по существу", – решил Тихон, не подозревая, что некоторых пророков в истории человечества уже так называли и последователи до сих пор весьма ревностно следят за плагиатом. Дальше дело застопорилось, родник вдохновения иссяк на первой же рифме.

– Наш Леонид побеждает колит! Нет, это как-то фамильярно и непонятно, не прикладывать же господина директора ко всяким больным местам, даже если поможет... Весь мир пред Поленко стоит на коленке! Тьфу, ну вот мы, например, с Леонидом Серафимовичем на равных, а против правды нельзя, не солидно... Ладно, – сдался трудовик, – лобзик надежнее и все привычней. Завтра же займусь скульптурой малых форм, а сейчас скорее к начальству!

Он поспешил по длинному коридору первого этажа, в са-

мом конце которого находился кабинет директора, закуток его секретарши, медпункт и кабинет труда с подведомственным ему складом поломанных стульев, обрезков ткани, выжатых тюбиков суперклея и другого бесценного для рукастого человека добра. Напротив владений Поленко висели расписание уроков и доска почета с портретами наследников лучших семей города. Некоторые из этих выдающихся учеников окончили школу совсем без четверок. О пятерках и говорить нечего. Они были стабильные удовлетвористы, и пусть тройки ладными завитушками украшали их табели, зато ниже они никогда не падали. Нет ничего лучше надежных, устойчивых результатов!

Была в конце коридора и еще одна дверь, чисто покрашенная, с неясным и зловещим знаком вроде черепа с костями; вела она в святая святых, красу и гордость Финогена Семеновича – учительскую уборную. В узкой с высоченными потолками комнатке на подиуме о трех мраморных ступеньках сияло японское чудо сантехники – глянцевоый и гладкий, как кит, сенсорный унитаз. Адская машина была поумнее некоторых с доски почета и продавалось вместе с пухлым руководством по эксплуатации, основная мысль которого состояла в том, что дурными руками в этот апофеоз интеллектуальной техники лезть не надо. Унитаз наигрывал расслабляющую музыку, массировал остеохондроз, проверял уровень сахара и гормоны стресса, и это помимо основной нагрузки. Для учеников и не дослужившихся пока преподавателей он

был легендой, ибо прикасаться к чуду полагалось только метрам и начальству. В преддверии первосентябрьского столпотворения храм гигиены щерился грозной черной табличкой с молнией и призывом не влезать.

Тихон Гаврилович прошел весь этаж и застыл у директорского кабинета. Дверь была прикрыта, и за ней явно улавливалось чье-то осторожное присутствие: легко шуршала бумага, медленно открывались и закрывались ящики древнего, но крепкого стола из ольхи – по всему выходило, что Леонид Серафимович здесь и осваивает новое для себя место. Будущий заместитель откашлялся, громко и художественно выбил на косяке пару тактов из его любимой песни о счастье и, не дождавшись приглашения, чуть приоткрыл дверь.

– Глубокоочтимый Леонид Серафимович, как же так вышло – я здесь, а вы здесь еще раньше! – бодро крикнул Тихон во тьму комнаты. – Все, все у меня тут в тетради, и то, что я только что видел там, в коридоре! Вопиющее безобразие нас с вами постигло, господин директор, вернее, нас еще постигло, а вы уже разобрались своей многомудрой карающей рукой!! Вот, смотрите! – смелым жестом фокусника, легко превращающего вагон тушенки в дачу на Рублевке, он распахнул дверь в коридор и укоряющим перстом указал на стол, свободный от Афонькина, но не от его хобби-набора.

Тихон точно знал: святейший Леонид Серафимович не одобряет самодеятельности и личных вещей на рабочем месте. Нарушивший святые заповеди дисциплины Вольдемар

наверняка уже удостоился самого сурового наказания, а теперь он отгребет как рецидивист, ведь там, в тетради, описано еще много моментов из его бурной тяги к веселью. По расчетам коварного трудовика Поленко вовсю должен был коршуном пикировать на место преступления, но в кабинете никакого движения не ощущалось. Тихон осторожно сделал пару шагов в темноту и прикрыл за собой дверь.

– Леонид Серафимович?! – он вопросительно взглянул в сторону проема, отделяющего кабинет директора от комнатки секретаря. Директор почему-то не торопился отзываться, и Тихон забеспокоился: неужели Поленко передумал насчет крепкой спайки двух воль, или, что маловероятно для человека строгих правил, пал жертвой гастрономических привычек Красномордого?

Он внимательно оглядел кабинет. В секретарском предбаннике, где последние сорок лет бессменно царствовала Неонила Павловна, год от года все более укреплявшая характер и выдержку, начальника не наблюдалось. Там высилась накрытая чехлом печатная машинка, пахло пылью и доисторическими духами, но никаких признаков полнокровной административной жизни не было. Тихон замер в недоумении: он мог бы поклясться, что именно отсюда слышались все те звуки, которые минуту назад делали присутствие Поленко фактом. Сейчас же в комнатке стояла абсолютная тишина и пустота, только ненавидящая все живое китайская черепаха Неонилы прилепила злобный глаз к круглому стеклу аква-

риума, где она провела все лето на диете и в одиночестве. Незванный ночной гость уже был мысленно разобран оголодавшей рептилией на окорок и шейку, и только ее природная заторможенность сохранила трудовой организм Гаврилыча в целости. Избежав таким образом первой опасной встречи в директорских покоях, Тихон, не раздумывая, ринулся в объятия второй.

Свет лился непосредственно из кабинета Поленко, и трудовик, балансируя на цыпочках, ночной татью подлетел к арке. Вытянув шею, как выставочный индюк-чемпион, он необычайным с точки зрения физиологии движением мышц вставил голову в щель приоткрытой двери. В кабинете оказалось на удивление пусто, только на столе горела лампа и лежал листок бумаги, весь расчерченный восклицательными знаками – видимо, Поленко выпускал пар после собрания. Тихон Гаврилович, вмиг забыв про странные шорохи, серной метнулся к столу, дабы первому припасть к источнику директорской мудрости.

– От преданного друга и помощника драгоценный Леонид Серафимович не стал бы скрывать важную информацию! – успокаивал свою ветреную совесть лучший сотрудник школы. – К тому же это наверно записка с указаниями, где же состоится наше архиважное совещание и мой доклад по ситуации... Конечно же, как я сразу не подумал, здесь могут быть чьи-то уши! – Тихон плавно съезжал в раж привычной мании преследования. – Однако, предусмотрительно! Ну-с,

вперед.

Трудовик обогнул пару этажерок, нагруженных тяжеленными фолиантами школьной истории, и уселся за Поленковский стол. Ощущение ему понравилось, Тихон даже решил, что для подготовки к его будущей великой миссии перевоспитателя человечества необходимо посиживать в этом кресле хотя бы несколько дней в неделю. Заодно избавить любезного, но уже не раз контуженного на предыдущей работе летчика от тягот руководства их вконец распутившимся заведением. Глаза Квазимодыша заволакивались слезами восхищения и благодарности самому себе, но тут от шкафа бесшумно отделилась неясная тень, занесла над светлой головой явно тяжелый предмет, и через долю секунды прожектор школьной перестройки уже аккуратно лежал под столом.

Тихон Гаврилович был без сознания.

Глава 6

В одном трудовик оказался совершенно прав: судьбоносная встреча Камикадзе и Красномордого действительно состоялась. Накануне вечером после педсовета директор еще немного попримерял новый кабинет, пощурил глаза своему отражению в зеркале, отрабатывая зверское выражение лица для раздачи зарвавшимся подчиненным, и с чувством выполненного долга отправился домой. Внизу у раздевалки сидел охранник, по совместительству сторож и подсобный рабочий, с терракотово-красным лицом записного индейца и ясным взором, лишенным всякого подобия мысли.

Это была любовь с первого взгляда: литой мозг Вольдемара паззлом встал в пару с плоским и пустынным, как автобан в Неваде, сознанием бывшего летчика-испытателя. Знала бы Марина Тухтидзе, что не с разноцветной магией следует заигрывать, коли желаешь обрести своего астрального близнеца. Общность интересов – вот, что составляет идеальную пару!

Перекинувшись всего парой слов, Леонид Серафимович и Афонькин тут же почувствовали, что знакомство надо закрепить, а сам факт его – отметить. Наплевав на начало будней недели и завтрашний богатый на мероприятия день, новоиспеченные друзья засели за аперитив. На закуску с экспериментальной грядки кабинета биологии была вырвана оди-

чавшая за лето кривая, мелкая и даже червивая морковь.

– Самая польза в ней, Серафимыч, – назидательно и с постановкой учил директора Вольдемар. – Потому и червивая такая, что очень натуральная. Оттягивает. Весь вред от алкоголя, говорю, оттягивает на собственную дезинфекцию. Поэтому мыть ее не надо, а то все целебные свойства теряются.

В пару к чудодейственной моркови откуда-то из недр стола появился сморщенный и чуть пахнувший мышами огурчик.

– Великий русский писатель Лёв Толстой очень любил огурцы, – наставительно заворчал языком Вольдемар. – Потому что в них плавают особая минеральная вода, очень полезная для мозга, – он выразительно постучал пальцем по лбу, радостно жмурясь ответному гулкому звуку. – Только ей и спасаюсь. Ну, за тебя, Ленид Серафимыч! Чтоб все, значит. И чтоб ты их здесь вздрючил как следует.

Директор согласно кивал, стаканы звенели, а дружба накалялась. Началась плотная, по всем правилам, смычка социальных слоев на основе суперэффективной смазки – литровой сорокоградусной. Первым актом премьеры их совместной попойки дирижировала общедоступная "Пшеничная", на втором же от щедрот Поленко на столе появилась "Белуга", и Афонькин понял, что умирать не страшно: лучшее в подлунном мире он уже видел. И пробовал в отличной компании.

Полковник тоже отдыхал душой. Впервые за последние

десятилетия он встретил человека, абсолютно ему ясного и понятного, а главного, полностью разделявшего его чаяния и заботы.

– Вот понимаешь, Вова, они же здесь все – вредители! Да еще и в самоволке, – Афонькин сочувственно кивал головой и сквозь отяжелевшие веки ласково и тупо, как квочка-мать на птицефабрике, смотрел на директора. Проклятым вредителям он бы и сам навредил с удовольствием, если бы мог уложить хотя бы две мысли рядом и придумать, как. Полковник проникся Вовиным участием и выплескивал наболевшее фонтаном:

– И эти недобитки еще мне рассказывают, как я ими должен руководить. Распустились совсем без твердой руки. Ты один меня понимаешь, друг. И я тебе как на духу скажу: вместе-то мы им здесь таких дел наделаем! Согласен?

Видимо, морковь на этот раз была не вполне свободна от нитратов, потому как Вольдемарову часть спиртов на себя не приняла. Сидя на стуле, он описывал круги всеми не закрепленными конечностями, включая голову, которая в его организме выполняла роль противовеса и иной смысловой нагрузки не имела. Мутный взгляд Афонькина хотя и сквозил любовью к Поленко, но продолжения связной беседы не обещал.

Леонид Серафимович заботливо налил охраннику еще стакан – он где-то слышал, будто подобное лечат подобным, что-то там про "в стакане лекарство, в ложке яд". Просто, ре-

шил полковник, пока доза была ни туда, ни сюда, так, в глаза закапать. Надо скорее добрать до полезного уровня, чтоб полупустое состояние не навредило организму.

Последние двести грамм, влитые в Вольдемара согласно принципам гомеопатии, окончательно убедили полковника в том, что это – лженаука. Лечение не помогло, охранник рухнул под стол вверенного ему объекта и признаков скорого пробуждения не подавал. Леонид Серафимович, согласно кодексу мужской дружбы, не бросил воина на поле брани, а заботливо переложил бесчувственное тело на скамейку в учительской раздевалке и плотно прикрыл дверь.

– Спи, дорогой Вова, нас ждут великие дела! – торжественно и почти внятно провозгласил директор. Несмотря на плотную дымку алкогольного тумана в голове бравого летчика, план перекройки школы приобретал все более четкие очертания. Сам Поленко, натренированный на авиационных жидкостях и нестандартных смесях в период сухого закона, бодрой походкой отправился домой. Его сердце пело, встретив верного и дельного соратника, а разум заметно подтянулся после приема огуречной воды.

"Ну кто они против меня? Хмыри провинциальные, вот они кто. И сегодня как я их отделал! – вспоминал директор по дороге. – Морально раздавленный противник к борьбе непригоден. А если еще и без финансовых вливаний! Премия им... Нет такого слова в нашем учреждении! Не заслужили пока", – Леонид Серафимович в который раз подивил-

ся собственной изобретательности. Ведь как ловко все получилось! Объектом он руководит меньше суток, а генеральная линия их совместной со школой жизни уже начертана. Нет сомнений, что приписанные к ней байстрюки от образования самоисправятся в самое ближайшее время.

Умиротворенный и до краев наполненный верой в себя Поленко нырнул в подъезд одного из самых прогрессивных домов города, монолитную башню из утопии позабытого ныне Чернышевского – стекло и бетон. В засаженном вековыми липами центре она смотрелась как зеленые дреды на голове примы-балерины в "Жизели", но отцам-администраторам из мэрии нравилось. Чиновники, а также члены их семей в свое время пасовали перед вескими аргументами, которые подрядчик подробно изложил им в выездной сессии Гордумы на Майорке. Теперь автор уездного ответа Манхэттенским небоскрегам без стеснений продолжал творить и в других районах города, хотя простых жителей старательно избегал. И без того к его скульптурам слагали булыжники, так и норовя снести ими особо удавшиеся композиции. Все-таки, народная любовь – штука непредсказуемая, а архитектор не гнался за свежими впечатлениями.

Самая известная его постройка, жилой комплекс напротив городского парка, носил многообещающее название "Иглостар". Или "Чучело", как знали это чудо таксисты, хотя лингвистически подкованные граждане и пытались заливать что-то про "Старого орла". Башня стала первым приютом

Поленко на новом месте, но в самом скором времени он рассчитывал перебраться в небольшое имение в английском стиле, отстроенное на сэкономленные от приобретения указок и паркетной мастики деньги.

А пока приходилось ютиться в трех спальнях, вознесенных на сорок второй этаж супердома, парящего над городом в облаках выхлопа с другой местной гордости – нефтеперерабатывающего завода имени Святого Иова Многострадального, покровителя всех вредных производств. Слегка грацирующий на манер балеруна-француза риэлтор окрестил элитные апартаменты "хай-теком для успешного эгоиста". Текущая мадам Поленко немедленно парировала, что, хоть ее супруг и эгоист первостатейный, но хаять она его предпочитает сама, без всяких современных вывертом и теков. Что и доказывала ежедневно, стремясь благим матом придать Поленке облик нормального человека и мужа. Летчик дрессуре поддавался неважно, то и дело выпячивая очередную, незаметную раньше мерзкую грань своей в этом смысле многосторонней личности.

Подкидывала сюрпризов и новомодная квартира: в ней была установлена система так называемого интеллектуального дома, должна неимоверно облегчить жизнь хозяев и превратить ее в обломовскую сказку. Хитрые сенсоры предугадывали все пожелания квартирантов области жилищной эксплуатации. Шторы бойко открывались с рассветом, лампы включались и выключались по мере движения в лабирин-

тах нетиповых просторов, а робот-пылесос вечно кружил по периметру, собирая и превращая пыль и мусор в оригинальные поделки. Это и сотня других вестников прогресса давили на психику мадам Поленко сутки напролет. Одурев от высоких технологий, она даже выписала из родной деревни стиральную машину-полуавтомат Sanyo MW, которую родственники за ненужностью собирались уже приспособить под помидорную рассаду. Бестолковый агрегат радовал глаз своей куцей по нынешним просвещенным временам формой и полным отсутствием интеллекта, не говоря о творческих способностях. А уж когда отказалась работать центрифуга и стиралка протекла, Клавдия и вовсе вздохнула спокойно: эта восстание машин в чудо-доме не организует.

Мадам Поленко боролась за уют как могла. Она было попыталась облагородить современное жилище напольным фонтанчиком и леопардовым ковром на стене. Под глянцевыми серебристыми потолками голубые огни светодиодов закрыли расписные закомары, но неистребимый дух хай-тека пер ото всюду. Бедная женщина спасалась только сермяжной крестьянской простотой и забористой настойкой алтайский трав, однако и это проверенное снадобье уже не отвлекло от горьких мыслей. При взгляде на неприкаянную гостиную из гнутых трубочек и стального сита, Клавдия худела и теряла тонус для своих основных занятий: перевоспитания Леонида Серафимовича и вышивку подушек национальным узором. Наконец, ведомая несвойственной ее наливно-

му организму хандрой, Клавдия оказалась у мага, целителя и просто фантастического мужчины Господина Рафаэля. Среди энтузиастов оккультного дела заскучавшая супруга бывшего летчика как-то сразу выделила Нину Васильевну, филигранно разбирающуюся в метафизике и имеющую объяснения на все мучившее новую знакомую проблемы. Бойкую и неунывающую старушенцию, мать начинающего ученого и свекровь законченной учительницы, утомило мракобесие домашних, не верящих в кодирование по фотографии. Спасения от сатанинского коллайдера и спряжений она искала у леших да домовых.

Вместе женщины погрузились в чарующий мир приворотов, венцов безбрачия и проклятий до стопятого колена. Их сердца навсегда завоевали простые, но надежные рецепты, типа сожжения шестиугольного клочка с блузки обидчицы в ненастную погоду. Подруги часами могли говорить о достижениях современной магии и способах прогнать грусть-тоску с ее помощью. Вместе штудировали "Колдовской вестник" и "Хрестоматию ворожбы на дому", вместе дивились правдивым примерам из жизни таких же простых людей, нашедших золото лепреконов или заговорившихся от облысения всего лишь с помощью яйца, праха, черного воска и жира муравьеда. Вдвоем вздыхали о далеком заокеанском дереве сейба, на ветвях которого, по уверениям местных черных колдунов, сидели самые могущественные в мире духи. Конечно, духи из тропиков, не обремененные проблемами

центрального отопления и парниковых огурцов, определенно имели больше сил для исполнения парочкиных пожеланий. Увы, до сейбы пока было не добраться.

И сейчас, в первом часу ночи, две подруги сидели напротив толстой горящей свечи и сосредоточенно заворачивали чайные ложки в полосы из газет. Бабуля сдобным голосом Арины Родионовны рассуждала об алгоритме предстоящего эксперимента:

– Вот говорю тебе, душа моя, Господин Рафаэль меня предупреждал. Нельзя отклоняться от заклинания, потому у нас и успеха нет. Сказано: "Осените гадание лапкой дикого зайца троекратно и, повернувшись на восток, скажите: "Перун, защити!". Вот где у нас лапка? – в ответ мадам Поленко душераздирающе вздохнула и опустила плечи. Нина Васильевна попыталась приободрить наперсницу:

– Клавочка, голубчик! Почему заяц-то лесной нужен? Потому как в лесу он от всякого зверья натерпелся, страдал, значит, заяц много. И лапа у него, получается, налилась потусторонней силой через все, что косою пережил. А ты вот думаешь, шиншилла твоя с шубы меньше зайца страдала? – Нина Васильевна сделала страшные глаза, и Клавдия тут же прониклась глубиной шиншилловых бед. – Так давай лапку и возьмем с шубы, даже благородней. Осеняющий грызун – как заказывали.

Владелица мехов согласилась, хотя доводы многомудрой и опытной подруги ее убедили не вполне. Вопрос на повестке

дня стоял крайне важный и требовал абсолютной стерильности всего магического реквизита. Мадам Поленко намеревалась узнать, станет ли ее любимый лысый котик чемпионом выставки в субботу и будет ли ей от этого счастье.

Сфинкс появился у Клавды недавно. Количество нерастроченной любви, заключенной в ее мощной оболочке, достигло в тот день критического максимума. Половодье чувств захлестнуло всегда строгую женщину, и большая часть бурного потока обрушилась на жалкое создание, увиденное Клавдией на рынке садоводов. Продавец явно чувствовал себя не в своей тарелке, предлагая этот выверт селекции за деньги, и успокаивал совесть тем, что называл уродца экзотом. Мадам Поленко не стала разбираться в диагнозах страшилы. Любопытство мгновенно перешло в жалость и затем вполне себе по-русски в любовь. Кот был взят на довольствие и за пять минут взял штурмом не только пылкое сердце Клавдии, но и ее руку, и кошелек.

Теперь женщина боролась за публичное признание исключительных качеств своего любимца. Если бы Клавдия просто опросила соседей и случайных прохожих на улице, она уже могла бы быть спокойна: общественность давно пришла к единому мнению, что Поленковский котик держит мировое гран-при за уродство. В этом плане сочетание бело-розовой кожаной тушки и заостренной хищной физиономии представлялось беспроегрешным вариантом. Худое ушастое существо с кривым частоколом острых мелких зу-

бов к тому же обладало характером избалованного нефтяного принца: потребляло только домашний творог с рынка и чуть обжаренную парную печенку, спало на подушках из шелка с мышинным узором, не терпело сквозняков, шума и когда мимо него ходят – в общем, кот был создан для полной, яркой жизнью сибарита и гедониста.

Загвоздка состояла в том, что хозяин дома, Леонид Серафимович, такой жизнью планировал жить сам и конкуренты ему казались без надобности. Открыто воевать с котиком ему не хотелось: Клавин любимец был злопамятен, как слон, а итальянские ботинки и хорошие брюки у директора заканчивались. Поэтому летчик уже пару лет занимал выжидательную позицию, внимательно наблюдая за котиковым самочувствием и время от времени подсыпая ему в еду таблетки никотиновой кислоты. Он читал, что они и коня не скаку прикончат, но эта животина оказалась стойкой.

Господин Рафаэль на первом свидании со сфинксом зашелся в экстазе и попросил одолжить ему животное на спиритические сеансы. Для антуража, как утварь Мефистофеля или посланника Люцифера. Звучное имя хозяйке понравилось: хоть и отдавало оно чем-то строительным, но прижилось, и получилось, что название котика полностью отражало его содержание.

И вот теперь Люциферу предстояло второе после дебюта на рынке испытание: через три дня он должен был принять участие в губернской выставке и превзойти себе подобных

в лысости и сморщенности. Предчувствуя своей кошачьей интуицией этот великий подвиг, кот с удвоенной энергией взялся за капризы и даже добавил в обиход новые. Клавдия сбилась с ног, пытаясь угодить ему с питанием, мягкостью лежанки и ласковым обращением. Кот вконец забылся и обнаглел окончательно: стал охранять холодильник от посягательств лишнего в их с Клавдией союзе и вообще в доме человека, Леонида Серафимовича. Супружеское ложе огромных размеров также было оккупировано Люцифером: в самый ненужный момент он высовывал свою милую мордашку из-под одеяла, чем доводил Поленко до трясучки. Еще котик грамотно выставлял острые и кривые как ятаган когти именно тогда, когда против них находились наиболее чувствительные части полковника. Наивная Клава пока еще не замечала революционной ситуации, а между тем свержение самодержавного котика уже витало в воздухе: угнетенный полковник твердо решил положить конец засилью домашней фауны на кухне и в спальне.

А сейчас лишенная дурных предчувствий мадам Поленко просила потусторонние силы помочь их делегату на кошачьей выставке. Совместными усилиями ложки были надежно завернуты в длинные бумажные полосы и укрыты полотенцем с веселенькими глазастыми помидорами, призванными, видимо, привести в тонус волооких славянских богов, ответственных за эксперимент. Для решения котикового вопроса Господин Рафаэль посоветовал побеспокоить Перуна

и Кострубоньку, в честь которого праславяне устраивали и гораздо более странные мероприятия.

Городской чародей нисколько не сомневался, что эти боги непременно захотят принять участие в судьбе колоритного котяры; в случае их принципиального согласия, ложки чудесным образом должны были самоосвободиться от бумаги прямо под полотенцем. Очевидно, ложкам-Гудини требовалось больше тренировок для успешного показа их номера: до сих пор на гаданиях Клавдии происходило что угодно, но только столовые приборы крепко и неизменно сидели в бумажных гнездах – на Перуна им было начихать.

Не теряя веры в успех их безнадежного предприятия, мадам Поленко начала сеанс любительской магии.

– Ну, Васильевна, вроде все на месте... Так, ложки мельхиоровые старые – четыре штуки, горсть пепла, фото Люцифера, ах вот еще, газета...

– Клавочка, душа моя, – забеспокоилась многоопытная Нина. – А газеты-то, полосочки наши, это из-под духовного содержания газеты? А то ведь, сама знаешь, с этими иродами натовскими любое гаданье насмарку. Вранье одно.

Клавдия крепко задумалась, но тут же просветлела:

– Так то же "Вестник бюджетника", Нин! Им только о душе и остается думать, на мирское откуда средства?

– Это точно, – вздохнула Нина Васильевна, недвусмысленно обводя взглядом богатые интерьеры Поленковских хором. – Мы, пенсионеры да врачи, только энергией космоса

и спасаемся. Ладно, попозже решим, там Господин Рафаэль разработал новейшую методику привлечения достатку и отвлекания мужа, чтоб не пил. Во сне ему приснилась, называется фен-шуй. – вспомнила старушка и для убедительности задрала палец вверх.

Клавдия даже перестала дышать на минутку, такой манящей показалась перспектива волшебного разбогатеть. И не отвлекаться при этом на лишнего мужа, который дегустирует любое горячее. Мадам Поленко завертелась по комнате:

– Дорогуша, что же мне-то не сказали! Люцик может обождавать, давай займемся этой феней, а то ведь сама видишь, губит себя мой Леонид Серафимович неправославными чивасами да хенесси!

Нина Васильевна даже после краткого знакомства с отставным летчиком была уверена, что погубится скорее все живое в радиусе ста километров от полковника, но, чтобы не огорчать подругу и благодетельницу, сказала:

– Не доработана пока система-то, спонсоров он ищет для проведения экспериментов. Значит, пока по нашему, по-старославянски, погадаем – Костробунька нам поможет! Все, теперь надо ауру декристаллизировать, и можно начинать. Вот у меня здесь мазь заготовлена и веревка имеется.

– А это зачем?

– Чтобы в гадание не привносить балласт отрицательной энергии, вот зачем. Сначала открываем третий глаз скипидарным компрессом. На пятки изнутри, верное средство! А

лодыжку веревочкой перевязываешь с заклинанием, чтобы аура не вышла. – Мадам Поленко поводила под носом крышечкой от мази, щурясь от резкого запаха. Потом взяла плотно скрученную почтовую бечевку и в сомнениях приложила ее хвостик к полной ноге.

– На колготки-то повязывать можно? – спросила она у подруги. – Ими ведь тоже можно ауру держать, по всей поверхности.

Нина Васильевна чуть не растеряла через край выпученные глаза. Видно было, что легкомысленный подход Клавдии к ритуалам ее убивает.

– Как же, краса ты моя, чулков не сымать! Это же новая технология, микрофибра, там ветры гуляют! Прогресс – первый враг третьему глазу. Не говори глупостей, горлица, раздевайся, лягай на диван и откушай скипидарчику. Я пока охранительную надпись выведу.

Несмотря на частое общение с Господином Рафаэлем, благодаря крестьянской выделке и образованию кассира мадам Поленко еще сохранила остатки здравого смысла. Валиться на кожаную дизайнерскую софу в гостиной и травиться скипидаром казалось ей не очень полезным для торжества котика на выставке. С другой стороны, лишать драгоценного сфинкса пусть и призрачной, но вполне возможной поддержки из астрала тоже не хотелось. После краткой внутренней борьбы победило тщеславие: Клавдия молниеносно сняла чулки и расположилась на софе, решив идти до конца в

деле победы Люцифера на мировых аренах.

Пахучую мазь все-таки пришлось бы глотать, уж очень пристально Нина Васильевна следила за точностью рецепта. На счастье потенциальной жертвы Фармацевтического цеха при лесохвойной фабрике №2 – ведущего производителя скипидаров и поддельного янтаря в области – с последним ударом часов в два пополудни входная дверь распахнулась, и в облаке знойного перегара на пороге возник Леонид Серафимович.

Свежий ночной воздух и интенсивная прогулка равномерно распределили хмель по всем уголкам сознания директора и супруга, придав ему неустршимое мужество для разрешения давно назревших проблем. Ухватив маслянистым взором голые Клавины ступни с аккуратно привязанным номерком, толстую погребальную свечу и старуху в черном, Поленко вдруг с ликованием понял, что он свободен. Между ним и последним звеном кошачьей мутации Люцифером не было больше преград в виде большого сердца и твердой руки его жены. Не вникая в обстоятельства постигшей его трагедии, новоиспеченный вдовец мигом подхватил меньшого брата за шкурку и выкинул в лестничный проем, сопроводив широкий жест многоэтажным напутствием. Откуда-то изда-лека эхом отозвался пронзительный вой Люцика о помощи, затем последовала серия шлепков и ударов, и через несколько минут воцарилась непроницаемая плотная тишина. Леонид Серафимович победоносно щелкнул каблуками и повер-

нулся на пятках в сторону смертного одра. Оттуда не него не мигая смотрели два горящих живых глаза его благоверной. У директора, в общем-то, были более умеренные ожидания на вечер. Поленко задумчиво икнул, отвесил глубокий поклон в сторону внезапно воскресшей Клавдии и, сшибая по дороге углы и предметы обстановки, понесся в спальню.

Это была единственная комната в доме, которая закрывалась на замок изнутри.

Глава 7

– Маман, разрешите проводить Вас к столу? – Назар Никонович подал руку эффектной брюнетке в вечернем платье, сидящей за инкрустированным перламутром столиком.

Урожденная Валорская, а в удачном замужестве Берина, Жанна Станиславовна мягко улыбнулась и погрозила любимому сыну пальчиком с изящным маникюром:

– Полно, Mon cher, мы же не в Версале! Пообедаем скромно, я распорядилась накрыть в Северной столовой. Не совсем подходит к трапезе а la Marcel, конечно, но, душа моя, и к домашней жизни стоит добавлять перчик небольшой авантюры! А то уже пять лет, как построились, а я не бывала в том крыле. Ты, кстати, не знаешь, как туда лучше идти?

Немного, насколько позволяло великосветское воспитание и привычка к сдержанности, сын поморщился и ответил:

– Маман, вы знаете, я не люблю долгие прогулки. Даже не предполагал, что за библиотекой еще что-то есть, хотя это многое объясняет, – на прекрасное чело крон-принца династии Бериных легла печать глубокой задумчивости. Но тут же, уловив вопросительный материнский взгляд, Назар спохватился, разгладил лицо до выражения сплина не жиге баронского и пояснил: – У меня там терялся...кое-кто, в той стороне. Впрочем, уже неважно, с тех пор мои вкусы изменились.

– Ах, проказник! – Жанна понимающе прикрыла дивные аквамариновые глаза. – И ведь кто бы мог подумать, глядя на тебя, крошку в матросском костюмчике, такого послушного всегда, такого кроткого... Впрочем, нет. Ты, кажется, послушным был только на стадии пеленок. Лежишь, помню, хорошенький такой, в матросских пеленочках...

Почтительный сын взял мать под локоток в шелках и, царапаясь о тут и там выступающие бриллианты, повел ее в столовую. Нежное воркование Жанны хрупким эхом растворялось по анфиладам комнат, поглощаемое персидскими коврами, стенными панелями драгоценного дерева и прочими излишествами интерьера, праведным трудом добытыми отцом семейства в далеких заграничах.

Никон Берин, выдающийся портретист и донжуан, с начала восьмидесятых гремел на уже тогда загнивающим Западе, запечатлевая в присущей ему авангардной манере лики и чресла победителей из списка Форбс. Ежегодная ротация в рейтинге миллионеров, неиссякаемая энергия художника и его авторский подход к изобразительному искусству гарантировали Никону полную занятость. И в краткие минуты простоя, и на пике страды он не забывал оказывать мелкие услуги приятелям, самым преданным патриотам своей Родины, честным труженикам с холодными головами и горячими сердцами. Таким образом, объекты творчества Никона тоже иногда становились пылкими друзьями Советского Союза, а при новой России, в период увлечения маэстро нестан-

дартными материалами типа пластилина или полония, даже иногда приказывали долго жить от стыда за свое прежнее русофобство. В закордонных вояжах Берин и его благодетели помнили о семье художника – осиротевших без отца и мужа Жанне и маленьком мальчике с ассирийскими кудрями, для которого папа был человеком-легендой вроде меча-кладенца: с одной стороны, исторический факт, а с другой – все очевидцы уже умерли.

Сам выходец из затерянного рыбацкого поселка, художник еще в бурные времена сватовства поклялся не дать своим детям жить так же, как отцы и деды. У суровых поморов, вероятно, были свои ценности, но маленький Никон успел застать только скромность. Практичный, как его предки, он все же верил в более материальные выражения любви и начал расширение семьи с добычи необходимой для воспроизводства населения жилплощади. По мере обретения популярности и доверия со стороны товарищей его семейное гнездо расширялась, чудесным образом наполняясь ценными безделушками и артефактами покрупнее, пока в один прекрасный день квартиру Бериных не пришлось вынести за черту города и присвоить ей статус отдельной деревни, Заозерной-17.

Тут в неге и покое долго завязывался, наливался силой и, наконец, распустился ядовитый, как оказалось впоследствии, цветок Жанниного тщеславия. Среди немногочисленных предметов, полученных девицей Валорской в качестве

приданого, нашлась старая, гнутая, но все же серебряная ложечка с почерневшим вензелем "К", которая тут же была признана неоспоримым доказательством высокого происхождения супруги портретиста-международника. Дотошное изучение исторических справочников и архива уездного ЗАГСа не подтвердило прав госпожи Бериной на достойный европейский престол, однако явило миру загадочных будто бы поляков Валорских, эвакуированных на целину с бескрайних просторов Смоленщины. Летопись сельскохозяйственных мытарств и неудач в деле коммунистического строительства явно указывала на голубую кровь переселенцев. Подобная криворукость могла быть присуща только людям, знающим о труде за хлеб насущный исключительно из художественной литературы. Назло простым работягам семейство пестрило талантами самого изысканного свойства. По всему краю им не было равных в питье шампанского, кутежах до утра и навязчивой потребности ехать к цыганам по малейшему поводу. Советская действительность не поощряла подобных увлечений, и, как всяким идейным тунеядцам, Валорским пришлось сделать своей родовой профессией дворничество и вахтерство в котельной.

Однако сполохи былого разгуляя все же оставались путеводным светом для гордых шляхтичей. В начале застойного конца Советской власти последний из могикан допрыгался до далекой северной колонии, где вроде бы и сгинул. Поездку ему обеспечили итоги блестящей операции по изъятию

цветных металлов из вентилях вверенных ему котлов отопления. На его беду котлы обогревали санаторий для знатных милиционеров, которые расценили внезапное похолодание как диверсию. На многие годы опередив догадливых американцев из ЦРУ, они раздули маленькую экономическую инновацию до масштаба мирового терроризма. Пункт приема металлолома исчез с карты мира, а поляк Валорский, сверкая редкого цвета аквамаринными глазами, проклял самый гуманный суд в мире и отправился по этапу. Преступные деньги при нем не нашлись, никто не подозревал о наличии у предприимчивого вахтера близких. Собственно, здесь следствие зашло в тупик: Валорский был трижды официально женат, а сколько раз не был, этого он и сам не мог вспомнить точно и путался в показаниях. В завидной для всего просвещенного мира бордовой книжечке паспорта обнаружилось шестеро отпрысков, и это лишь те, о которых осужденный доподлинно знал. Потомки отбывшего в захватывающий мир тайги авантюриста рассеялись по окрестным городам и весям, прижились, но на протяжении всей биографии имели единые свойства: стойкий иммунитет к труду, неотвратимую тягу к прекрасному и аквамаринные глаза.

С этими-то Валорскими, по убеждению Жанны Станиславовны, она и состояла в самом ближайшем родстве. Супруга Берина, в полной мере обладавшая достоинством видеть в любых фактах только желаемый, пусть не всегда здравый, смысл, торжественно провозгласила себя баронессой

Валорской, наследницей великого, но гонимого и обобранного Советами рода. История с вентилями не оставила сомнений, что предки ее занимались торговлей, операциями с драгметаллами и прочим антиквариатом. За сим пострадали невинно, разделив судьбу Джордано Бруно и последнего российского императора, а именно были изничтожены плебеями-завистниками. Проникнувшись трагической судьбой несчастных предков, Жанна полностью отгородилась от построения коммунизма и ушла с работы экскурсовода в местном краеведческом музее, так как поделки из бересты и палки-копалки навевали на нее тоску по утраченным крепостным и оброке. Заработки и положение ее верного мужа, конечно, позволяли не гореть на работе, но вот отрицание марксистско-ленинской теории грозило обернуться последствиями. В некотором роде, это могло приблизить Жанну к корням, дав ей конкретную возможность уехать в том же таежном направлении, что и дед.

Благо, грянула перестройка, быстро сменившаяся всеобщим развалом и преобразованием основ. Аристократов и новопровозглашенных графов расплодилось столько, что как-то даже более почетно и необыкновенно стало быть рядовым чертежником, не замеченным в заседаниях Англицкого клуба и скачках а-ля Аскотт. Княжеские титулы покупались тут же за партию древнеевропейских ноутбуков, а родовые земли как-то сами собой приписывались к наиболее шустрим младореформаторам. Вчерашние затрапезные зав-

лабы и кандидаты в мастера по боксу сегодня становились господами их святейшествами герцогами, например, Василенко или Пузиковыми.

Жанна загрустила – не так она представляла себе место баронессы среди дрожащих смердов. На помощь как всегда пришел гений креативности Никон Берин, истинный провидец и конъюнктурщик. Вовремя почуяв, куда дует ветер истории, художник подсуетился и записал любимую жену в ряды новой аристократии, как никогда приближённой к богам по статусу и возможностям. Так Жанна Станиславовна Берина стала лидером правящей партии в губернии, превосходящей по размерам и скрытому потенциалу четыре Франции, семь Голландий и бесчисленное количество мелюзги типа Андорры.

Ответственностью за судьбы Родины урожденная Валорская щедро поделилась с обширным аппаратом в Гордуме и на местах: партия и регион слились в едином порыве трудового подвига. Мельница истории при поддержке федерального бюджета вдруг вывела заштатную ранее область на первые строки всероссийского хит-парада достижений. Заколотились озимые, трубопрокатный завод работал в три смены, выпуская из сэкономленного материала больше всех тяпок в Европе, а темпы коттеджного строительства опережали по размаху и скорости кипевшую в другом конце страны Великую Олимпийскую стройку. Качество жизни резко взметнулось вверх и дальнейший его рост уже заставил французские

фабрики предметов роскоши наплевать на профсоюзы и задуматься о ночных работах на производстве. Злые языки как всегда мололи, что дело в бесконечной энергии уставшего от прозябания русского народа, наконец, восставшего дать всему остальному миру прикурить и благополучную. Это еретическое мнение однако не просочилось дальше упадочного листка местных оппозиционеров, который те по недосмотру или из самомнения обозвали "Правда встает!", чем породили массу скабрёзных анекдотов о содержании свободной прессы. Жена главного редактора, автора и по совместительству почтальона рупора оппозиции вообще предъявила ультиматум о немедленном и ежедневном претворении лозунга в быт, угрожая члену общественного движения лишением всего, коли правда не встанет.

До Жанны Станиславовны это брожение не дошло. Она с волнением глядела на лоснящиеся от улучшений лица подчиненных и случайных людей на улице, заботливо подбираемых преданным секретарем из самых веселых пациентов близлежащей клиники ожирения. Партийная дива все больше укреплялась в мысли о своем беспримерном вкладе в расцвет города и области, дальновидно отмечая при этом, что много хорошо тоже нехорошо.

По опыту рассудив, что излишнее благоденствие уже погубило Рим и прочие успешные, но изнеженные империи, Жанна решила побережь население от дальнейших потребительских потрясений и прежде установить окончательную

победу капитализма на вверенном ей полигоне семейной усадьбы. В режиме тест-драйва проект должен был наглядно показать, стоит ли он воплощения в быль в каждом глухом уголке губернии, а до тех пор госпожа Берина самоустранялась от прикладного руководства. Она избрала позицию заботливого монарха, на пяток лет отбывшего в крестовый поход во имя всеобщего счастья, ведь кто-то должен впрягаться и за высшие ценности. Напоследок введя обязательное ношение запонок для классных советников и назначив штраф за несоблюдение политеса на приемах в администрации, она окончательно закрепила за собой репутацию спасительницы России и отбыла в Заозерную.

Прорву образовавшегося свободного времени независимая от домашнего хозяйства и прочих отрезвляющих супружеских обязанностей Жанна тратила с изощренностью Макиавелли. В этот сезон она крепко вошла в образ мученицы, положившей себя на алтарь бескорыстной материнской любви, и театрализованными постановками на эту тему сына доставала преизрядно. В драмкружок, помимо баронессы, невольно входили товарищи по партийной работе, которым в обязательном порядке вменялось прослушивание лекций на тему Жанниной жертвенности и черствости единокровного чада. Не желая оставаться единственными пострадавшими от силы валорского актерского мастерства, слаженный гордумовский коллектив с ехидством ретранслировал Назару саги о страданиях мамыши и вечных ее заботах о его, небла-

годарном недоросле, благе. Лищедеи на зарплате – домашние работники в виде повара, горничных, садовников и слуг без определенных занятий – привыкли к хозяйским фанабериям и механически поддерживали высокую патетику момента, подгоняя нужные декорации для обмороков, хрустальных слез на фоне багрового заката и всепрощающих взглядов из глубины траурной кельи.

Любое простецкое дело превращалось в апофеоз высокого стиля: вместо конкретного "Купи хлеба", Назар Никонович давился над смс "Прости, жестоковыйный сын, что умираю без единой засохшей корки! Более не побеспокою тебя. Так ты оплатил мне за материнский подвиг!". Схватив первый в своей богатой биографии нервный тик, химик для сохранения собственного здоровья и предотвращения уже назревавшего бытового убийства взял себя в руки и впредь реагировал на все стойко и с неизменным хладнокровием, оставив сантименты

Горизонт не омрачали даже бесконечные причитания о внуках и конце славных берино-валорских родов. Недавно Жанну осенила мысль, что пронзительность ее духовного одиночества в этом мире очень бы усилил златокудрый младенец. Малыш то утыкал бы заплаканное личико в ладошки, то огромными глазами осуждающе смотрел на Назара, оскорбляющего дом жалкой учительской зарплатой. В свободное время херувимчик мог бы выгодно подчеркивать ее молодость и красоту, называть маменькой и вообще оправ-

дывать надежды. Назар на провокации о потомстве не велся и подрывные разговоры пресекал на корню, переводя напор материнской энергии в более устойчивые русла актуальных задач.

Назар Никонович вообще был личностью весьма примечательной. Запутанная наука генетика как всегда не подвела и из бурлящего компота доминантных признаков родителей явила абсолютно необычный и самобытный экземпляр. Сын унаследовал от заслуженного папы способность химичить на любом уровне, венценосная мать передала ему блестящие кольца черных кудрей и по-Валорски аквамаринный взгляд, но на этом сходство с Бериными-старшими заканчивалось. Мальчик с детства презирал живопись, никогда не метил в предводители дворянства и первейшим деликатесом почитал кильку в томате, с восемнадцати лет отлично шедшую под коктейли собственного приготовления. Страсть к открытию неизведанных ранее и убойных по силе смесей продолжила ему дорогу в университет на факультет естественных наук, где Назар заблудил в темных дебрях органической химии. Великий папа вздыхал, но, нутром чуя второе дно в увлечениях сына, все же верил в его комбинаторский гений. Жанна же с соблюдением всех норм безопасности то и дело падала в обморок. Давая очередное последнее напутствие наследнику со своего бескрайнего ложа в стиле рококо, она шептала из пены валансьенских кружев:

– Се ля ви, сын. Если по-нашему, село в тебе живет, друг

мой. Весь в отца, такой же ремесленник... Вот так одаренные дети из приличных семей вырастают и становятся школьными учителями, а убитые горем родители бессильны...

Многочисленный штат прислуги встревоженным термитником суетился вокруг своей королевы-матери, но виновник переполоха был непреклонен: всегда де мечтал преподавать и нести свет науки в инертные массы учеников. Умудренный опытом Берин-отец смутно догадывался, что доступность реактивов, вполне законная лаборантская и обилие контактов среди падкой на новшества молодежи сыграли не последнюю роль в избрании тернистой стези учительства. Жанна Станиславовна грешила на легковатое в нынешние времена поведение старшекласниц, к чей свободной валентности химик охотно присоединялся – в чисто педагогических целях, конечно. В целом же жаркого конфликта отцов и детей не получалось: Назар вырос первоклассный льстец и интриган, и с приближением первых вестников семейной бури умело переключал внимание старшего поколения на более насущные проблемы.

Сейчас по дороге к столу чуткий сын в который раз воспользовался беспроегрышным маневром и кардинально отвлек Жанну от скользкой темы его мутной мужской жизни.

– *S'il vous plait, Maman*, – галантно поцеловав родительнице руку, Назар ловко усадил ее за стол поближе к полезному для настроения и живости мысли французскому шампанскому. Сам он занял место на противоположном конце в

тени прозрачных бутылок и штофов благородного хрустала, тоже очевидно не с компотом. Вопреки хорошему светскому правилу за первой переменной блюд мировых проблем не обсуждать, Берин-младший сразу же слегка пощупал самый насыщенный для него вопрос:

– Судак сегодня прекрасен, вы не находите, маман? – вкрадчиво прошелестел Никон. – А желе мне напоминает господина Поленко. Леонида Серафимовича.

И тут Жанна Станиславовна, баронесса, по ее вычислениям, в тринадцатом колене, львица аристократических салонов и дама беспримерного воспитания, вдруг громко икнула, отбросила вилку и заверещала не хуже торговки квасом в Медведково.

– Ктоооооо?? Поленко?! Господин...Откуда ты знаешь?? – голос Бериной взметнулся к потолку, откуда ударной волной смел сырную крошку с салатов и покачнул тяжелые канделябры. Назар, не ожидавший такого поразительного результата, с удивлением воззрился на матушку, свободной рукой незаметно убирая со стола ножи и прочие опасные предметы. Прислуга слилась с оббитым веселеньким шелком стенами Голубой гостиной и до выяснения обстоятельств не вмешивалась в явно непостановочное извержение хозяйкиного вулкана страстей. Наконец, с шумом всосав содержание какого-то дивного резного графинчика с вязко-синим содержимым, Жанна в изнеможении стекла на стул, закрыла лицо прекрасными руками и погрузилась в молчание. Сын-прово-

катор, вполне потрясенный успехом пробного шара на тему нового директора, забарабанил пальцами по столу. Сощурился в сторону застывшей фигуры напротив, он отметил про себя, что аллегория скорби еще никогда так ладно госпоже Бериной не удавалась.

– Жанна Станиславовна, что же это делается, – к хозяйке робко засеменял дворецкий. – Может, не в то горло попало? Вы только дайте знак, я сразу врача, полицию, священника... Говорил же вам, хороший был обычай этих поваров по субботам пороть профилактически, чтоб не расхолаживались. Вот, дожили, отравили кормилицу нашу! Жанна Станиславовна, что же вы молчите?

Обычным порядком баронесса не позволяла холопам таких длинных монологов, но теперь, вопреки трепетным ожиданиям Назара Никоновича и кое-кого из претендентов на место дворецкого, последнего ждало только ответное молчание и неподвижно склоненная головка в аккуратных локонях. Дело принимало нестандартный оборот, и химик решил, что пора вмешаться проверенным средствам от передоза впечатлений. Послав прислугу за йодом и сушеными грибами, юноша привычными движениями занялся изготовлением эликсира бодрости из подручных ингредиентов. В гостиную влетела запыхавшаяся горничная с подносом, на который в спешке были навалены какие-то пакетики со специями, нитки грибов и лекарства:

– Назар Никонович, вот здесь все, что нашли! А еще есть

настойка валерианы, может, нужно?

Хозяйский сын одобрительно потер между пальцами грибочки и жестом отстранил беспокойную помощницу.

– Свободны. Я привык без ассистентов. К тому же в чрезвычайной ситуации мы должны обходиться малым, именно для этого и существует наука химия! – Назар назидательно погрозил пальцем притихшим женщинам в передниках, вытряхнул из хрустальной вазочки розу и принялся колдовать над целительным коктейлем.

Через минуту в вазочке пенилось и переливалось неоним чудодейственное средство, и Назар, залившись румянцем, как Мария Кюри при первом явлении радия, с чувством гордости поднес сосуд к выведенной из строя мамаше.

– До дна! – торжественно провозгласил Берин. – Как лекарство! – и вложил вазочку в обессиленные руки потерявшей бдительность и чувство самосохранения Жанны. Несчастная женщина автоматически поднесла напиток к элегантно покрашенным губам, а заботливый сын ловким движением руки тут же направил содержимое импровизированной чаши Грааля прямо по назначению.

По всему выходило, что наследник великого папы не ошибся с выбором жизненной стези: коктейль удался на славу. Жанна, как выброшенный волнами придонный сомик, хватала ртом воздух и вращала выпученными глазами, но из состояния амока вышла капитально. Пару минут она петляла по гостиной со скоростью и траекторией не до конца изучен-

ных еще наночастиц. Спустя время женщина вполне освоилась с избыточным количеством так коварно сообщенной энергии и аккуратно присела за стол, правда, все еще кузничком подкидывая коленки и слегка клацая зубами.

– Вот что... Товарищи, – под влиянием стресса на ум Жанне приходил только родной, советский пролетарский язык. – Охренели вы, что ли? А ты, Назар, – на химика был наведен острый блестящий ноготь, – ты своих порошков перекушал, балда, перепутал малость, как надо уважать старость и покой отечественных пенсионеров? Которые тебе к тому же пока еще мать! – и, не дав изумленной общественности вполне насладиться кудрявым, но четким изложением ее мысли, просветленная баронесса взялась за главное: – Так что ты там лепетал про желе?

– Маман, не стоит так волноваться, – Назар запорхал вокруг первой испытательницы своей живой воды, полностью изменив Поленку с великим открытием по части энергетиков и модуляторов сознания. – Не будем возвращаться к мелочам. Разрешите измерить ваш пульс?

– Полюбуйтесь на этого клоуна в манишке! – Жанна Станиславовна отняла у сына налившуюся богатырской силой руку и пребольно хрястнула ему по переносице, поставив крест на дальнейших лабораторных наблюдениях. – Чуть не загнал в гроб, а теперь в кусты. Давай, выкладывай, где ты откопал эту жабу бородавчатую, Леньку Поленку.

Опешивший от контрудара и мамулиного необычайно-

го красноречия Назар только сейчас вспомнил, о чем, собственно, был разговор и попытался сочинить связное оправдание:

– Это не я откопал. У меня, маман, по прежнему другие приоритеты в знакомствах, – госпожа Берина саркастически зацокала не усмирённым пока язычком, а химик-сын насутился. – Да, у меня обширные, но беспорочные связи, по крайней мере, жаба – это ваш приятель, не так ли? – Жанна хмыкнула, но слегка остудила злое, как жерло Йеллоустона, выражение лица. Назар продолжал:

– Впрочем, не будем тянуть с преамбулой: господина Поленко назначили директором нашей школы, и он, между прочим, намеревается меня уволить. Как борца за права интеллигенции, что вам, уполномоченному глашатаю народной воли по области, должно быть весьма интересно!

Выдохнув эту сногсшибательную для баронессы новость, Назар откинулся в кресле и пристально посмотрел на родительницу. Ее обычно бледное лицо полыхало теперь революционными кумачовыми оттенками.

– Неисповедимы пути, – задумчиво отозвалась баронесса. И после пятиминутного молчания, плотоядно сощуривая блестящие гневом глаза, добавила: – Вот мы и встретились, Ленчик... Только теперь моя возьмет.

Жанна Станиславовна стремительно встала и уже вполне голубокровным жестом пригласила сына следовать на ее половину:

– Мальчик мой, за мной! Положим конец этой истории. Сейчас ты услышишь такое, что вряд ли позволит этому скунсу Поленко вообще кого-либо увольнять.

Мать и полный энтузиазма сын скрылись за портьерой, а пораженная экстравагантным ужином прислуга осталась прибирать поле боя.

К двум по полуночи жизнь в доме Бериных только началась.

Глава 8

За всеми вечерне-ночными хлопотами провидение как-то подзабыло Тихона Гавриловича, сраженного коварным ударом неизвестного прямо в эпицентре своей мечты – кресле директора спецшколы. В тот миг, когда он, рассматривая забытый на столе листок, уже почти вник в тайну червеобразных каракуль и внезапное озарение уже было готово осенить любознательную голову, поменяв весь ход школьной истории, прямо на темечко трудовика опустилось могучее пресс-папье с конем и Ильей Муромцем в полном богатырском облачении. К чести легкомысленного колеса фортуны, оно наконец таки давало честолюбцу-учителю шанс отъехать в лучший мир с высочайшей в его жизни позиции: буйна голова сложилась на начальственных бумагах, в окружении гарнитура карельской березы и под охраной секретарского предбанника.

Хлипкий организм Квазимодыша не был рассчитан на подобные приветствия недоброжелателей и теперь тряпичной куклой стекал по ребристому кожаному креслу в таинственные глубины директорского подстоля. Настенные часы в деревянном ящике советской сборки механически цоколи, отбивая, казалось, последние минуты молодой тихоновской жизни. Впервые за свою яркую биографию трудовик душой и телом пребывал в полном статическом покое. Его ангел-хра-

нитель, окончательно загнанный подлым демоном всевластия и очумелым чертом-изобретателем, дивился неожиданно подарку сверху. Он уже расправлял потихоньку свои пожухлые крылья, дабы осенить ими подопечного и вознести куда следует. Еще совсем немного, и шестеренки расшатанного пустыми усилиями мозга встали бы наконец на место, положенное им анатомическим атласом, и в любом из миров Тихон, глядишь, и стал бы если не полезным, то хотя бы безвредным членом общества. Отдых – лучшее лекарство, как правильно подметил еще старик Авиценна, не желавший тащиться к недужным в мороз и слякоть античного бездорожья, и ловко отсылавший гонцов от пациентов таким вот верным рецептом.

Но, как всегда, добро опоздало победить: пока ангел возносил хвалу Всевышнему, а шестеренки собирали перекличку для установления отсутствующих, прозрачные веки Тихона затрепетали, раздался протяжный стон, и в предрасветный сумрак кабинета вперился взор мятущихся водянисто-голубых глазок. Тихон выглядел скорее живым, хотя общая синюшность его птичьего личика хороших перспектив не обещала.

Спасли неутомимого труженика прогресс и дружба народов. Богатырский конь был изготовлен из китайской бронзы по особой технологии шанхайских умельцев, набивших руку на картонных джипах и яйцах из желатина с паклей. Работая без выходных и перерывов на обед, стратегический партнер

из Поднебесной наводнил своим изделием все сопредельные территории, в зависимости от региона продавая его под видом гнета для капусты, истинно русского сувенира или наглядного пособия по строению простыночника древовидного.

Губерния не стала исключением на пути товарного изобилия: подаренная старому директору вещица прочно угнездилась в его кабинете, радуя глаз посетителей оригинальностью композиции и тренируя их ум и сообразительность задачей – а что же это все-таки такое.

Правдивой в этой тяжелой на вид миниатюре была только надпись на псевдомраморной подложке: "Дорогому начальнику – 65!", в остальном же и всадник, и его средство передвижения вызывали много вопросов. Во избежание раскола в коллективе мудрый директор гигантским усилием воображения провозгласил штуковину былинным богатырем. Впрочем, при проходах на пенсию он все же не рискнул унести это непотребство в дом. Жена и так в красках живописала ему горгулий, являвшихся к ценителям водочки и крымского портвейна, а видеть их наяву было выше его сил.

Затылку Тихона Гавриловича довелось познакомиться исключительно с достоинствами необычной скульптурки. Легкость и неопределенность форм боевого коня подарили ему жизнь, а упитанный Муромец при столкновении с монолитом трудовой головы отозвался глухим звоном и смялся до микrorазмеров самых дорогих манекенщиц, так и не причи-

нив жертве весомого вреда. Ночной злодей, видимо, все же был удовлетворен исходом поединка и высоко оценил многофункциональное пресс-папье. По крайнем мере, после нападения он аккуратно протер его тряпочкой и с заботливо водрузил на шкаф, подальше от шаловливых пальчиков нечутких к восточному искусству товарищей.

Сейчас трудовик, чуть приоткрыв рот и вылупив глаза на манер щедушного журавлика, проспавшего вылет на юг, в недоумении озирался по сторонам, пытаясь сопоставить время, место и саднящую боль в затылке.

– Удар, это удар! – запричитал Тихон. Ему почему-то не хватало воздуха, челюсть ныла и неохотно включалась в работу, а сухие, бесформенные, как два куска взопревшего теста, губы шлепали друг о друга с липким болотным звуком. Тщательно ощупав ребра, галстук и пряжку на ремне, Квазимодыш немного успокоился, раскидал собравшиеся было мысли и привел рассудок в обычное разболтанное положение. Дышать стало легче. – Инсульт в расцвете лет! – плач Ярославны продолжился уверенней. – Тогда, когда меня поимело, наконец, руководство! Заметило, и поимело меня соратником, правой рукой! Вся эта никоновская шушера и мизинца выеденного не стоит дорогого нашего Леопольда...Леококка...Как же?! – Тихон горестно закатил сверкнувшие слезой глазки и энергично потряс и без того перетрясенной головой, на что она мгновенно отозвалась всеми симптомами крепкой черепно-мозговой травмы. Трудовика

затошнило и бросило в пот. В испуге от признаков скорой кончины помазанник новой власти заметался в кресле, выскивая бумагу. Она срочно нужна была для записи его последней воли, призванной значительно облегчить будущее человечества.

– Хотя бы краткую программку реформ в школе, стране и мире! На двадцатипятилетку, не больше... Времени, наверное, в обрез, где же ручка? – сокрушался Квазимодыш, шаря под креслом.

Классическое сотрясение мозга разыгрывалось как по нотам: вместо вождельных пера и бумаги Тихону являлись только яркие красные круги со зловещей махровой каемочкой. Удерживать на чахлой шейке отягощенный травмой и ответственностью сосуд мысли дальше было невозможно. Трудовик поднялся, притих и аккуратно разложил пострадавшие части тела на столешнице.

– Вот правду тетушка говорила... Беда мне наступила от головы, прямо на самое святое место беда наступила... Довели завистники надежду просвещенных элит! Хотят обессточить свет моей творческой деятельности. Но я молчать не стану, сообщу по инстанциям! – Тихон Гаврилович по капле наливался прежним непримиримым духом. – Так... Гаагский суд отпадает... Они мне так и написали: если проблема с головой, их не беспокоить. Я понимаю, уважаю даже их позицию, все-таки организация молодая, неопытная. Нашим бы клоунам столько самокритики! – и он на мгновение

погрузился в сладкий мир восстановленной справедливости, где каждый из его коллег и прочих недругов уезжает в кругосветный тур публичного покаяния в своем сволочизме.

Благостная картина потеснила алые вспышки сотрясения, сумерки сознания слегка расступились, и с предельной ясностью Тихон вдруг вспомнил забытую на столе Поленко бумажку, таинственную тень и последовавший за этим перди-монокль. Внезапное открытие его совершенно не успокоило, хотя позволило далеко продвинуться в вопросах диагностики упадка сил. А также обозначило круг подозреваемых, определенно обладавших каменным сердцем и сделанным из того же материала орудием преступления.

Мотивы покушения также были очевидны: в их основе лежала древняя, как мир, и изобретательная, как модница в обделенной изобилием Северной Корее, борьба за власть. Трудовика не смущало, что прежде игры престолов в спецшколе не выливались в леденящие кровь заголовки криминальных новостей, оседаая сухими параграфами приказов в Районо. А там войны годами велись только в виде сражений фасонами юбок и количеством ювелирки, как и в любой другом терра-риуме чисто женского коллектива.

Теперь все изменилось. Долгожданный день, вернее рассвет, икс настал: виртуальные недруги, из-за которых из года в год срывалось назначение Тихона Гавриловича на руководящую должность, наконец-то вышли из сумрака и обрели вполне конкретные очертания черного человека в чер-

ных штанах и черных ботинках. Противостояние предстояло нешуточное, но поднаторевший в склоках Квазимодыш и больной головы не склонил. Поудобней расположившись на кресле, он с решимостью недужного петуха, выходящего на предсмертный бой с кухаркой, стал прикидывать план великой административной битвы. Травма давала о себе знать, мысли путались в густом мареве головной боли, но трудовик со знанием дела продирался сквозь лабиринт искривленной китайским сувениром логики.

– Оскорбление действием и тяжкий вред здоровью – это раз. – Схема обещала быть оригинальной. – Главное, сохранять все симптомы нетронутыми до конца следствия. С нашим участковым терапевтом это не сложно. Два – я знаю, что они хотели, а значит, в милиции больше не будут отмахиваться обидными намеками, что, мол, масонам от меня ничего не надо и они не могли расковырять замок в моей квартире. А ведь то, что замок поцарапан изнутри, и указывает на масонов напрямую! Они – везде, проникли в святая святых нашего общества, вездесующие масоны. По телевизору так и говорили.

Тихон нахмурился и по привычке молниеносным движением руки проверил наличие вольных каменщиков у себя за спиной. Все было чисто. Наметки по плану продолжались:

– Третье, мой главный козырь: я смогу их опознать! По острому холодному кулаку и черным штиблетам. С моей-то наблюдательностью этот преступник поймается не один раз,

во всех тайных уголках страны его будет высматривать автотреть, или по-научному, фоторобот. Вот я сейчас быстренько его отрисую, еще сниму отпечатки пальцев с затылка. И он у меня в руках! Где же мой блокнот?

На столе заветной тетрадки не оказалось, не было ее и под столом, и на стуле, и вообще в обозримых пределах директорского кабинета. Тихон попытался вспомнить, где они с бесценным молескиным виделись в последний раз. По всему выходило, что, истратив последний лист безоговорочную победу зеленого змия над Афонькиным, он бережно погладил клеенчатый переплет и уложил свою прелесть в специальный карман брюк. Ночная сцена в школьном предбаннике встала пред его внутренним взором во всех отчетливых подробностях. Вот о Красномордом напоминает батарея, нет, целый батальон бутылок; вот пораженный Тихон опускается на скамью под зеркалом и фиксирует акт нарушения Афонькиным общественного спокойствия – ведь не может же общество спокойно спать, когда его член, понимаешь, налил порок. Вот трудовик, оставив тару на столе в качестве улики и для того, чтобы испарениями потравить моль в раздевалке, мчится к дорогому Леониду Серафимовичу со сверхважными новостями и тетрадь в кармане. Уже стоя перед директорской дверью и потев от избытка благоговения перед начальством, он достает великую летопись из широких штанин и готовится с почетом преподнести ее долгожданному читателю. Он один сможет по достоинству наказать всех действу-

ющих лиц этой повести школьных годин.

– А дальше-то что? – в задумчивости выдохнул Квазимо- дыш, насупив бровки и силой мысли пытаюсь приподнять за- весу тайны над будущим этого прошлого. – Дальше эти, вра- ги, лишили меня физической возможности слиться в поры- ве с высокоуважаемым господином Поленко! Он меня сам уполномочил разоблачать, особенно таких вот несогласных с моим возвышением, – Тихон для верности стукнул кулаком по столешнице, на что ударом чугунного молота тут же ото- звалась боль в затылке, и тонким, мелодичным переливом запело что-то у ножки стола. Оглушенный уполномоченный переломился пополам и уткнулся носом в источник райско- го звона: то вибрировал его прекрасный немецкий лобзик, а чуть поодаль мирно лежала клеенчатая тетрадь.

К гулу в голове прибавилось нешуточное сердцебиение – такую радость от встречи испытывали разве что наконец обнявшие друг друга однополчане, прошедшие Варкрафт с первого до восемьдесят пятого уровня рука к руке, то есть мышка к мышке, один в Находке, а другой в Буэнос-Айресе.

Под непрерывный грохот черепно-мозговой наковальни размякший от пережитого Тихон сполз на пол, прижал к гру- ди свое сокровище и хозяйским движением притянул к себе лобзик. Сил на то, чтобы облобызать его уже не оставалось, и трудовик просто тихо млел, привалившись к ножке стола и нежась в первых лучах сентябрьского солнышка, нарезавше- го, подобно всесильным мечам джедаев, в симпатичную зо-

лотую дырочку тусклые гардины и пыльный воздух кабинета. Тщательно натертый паркет блестел свежей мастикой, которая намертво въедалась в брюки сидельца, попутно обволакивая его самого ядовитыми парами канцерогенного свойства. Часы мерно цоколи, время подходило к семи.

Лобзик, тетрадь и человек еще долго могли бы наслаждаться негой и покоем акварельного утра, но Тихона Гавриловича вид неработающего бездельника раздражал всегда. Превозмогая ноющую боль в висках, он сложил колени и локти и из этой позы эмбриона попытался одним щелчком разложиться до размеров нормального мужчины. Трюк не удался, и не только потому, что означенной цели Тихон не осилил на протяжении всей своей энергичной жизни – нормальным его постеснялись бы назвать даже мегакорректные ребята из ОБСЕ. Дело стопорил нужный, но все-таки балласт: инструмент и собрание сочинений на двухсот двадцати листах в клеенчатом переплете. Дорогие сердцу предметы намертво застряли в цепких ладошках, лишая трудовика возможности удачно сгруппироваться для принятия вертикального положения. Наконец, конфликт потребностей и возможностей был решен; тетрадь с большими предосторожностями отправилась в карман, а лобзик, достойно выполнив роль противовеса при поднятии груза, заслужил место в руках Квазимодыша. Теперь Тихон стоял, стонал и покачивался прямо у окна кабинета, подсвеченного шальным калейдоскопом солнечных зайчиков от проезжавших мимо школы

автомобилей.

На стоянке у ограды одиноко стояла машина Леонида Серафимовича, которой вся школа успела подивиться еще накануне. На черном джипе новомодным изыском сияла аэрография из прошлой жизни Камикадзе: самолет какой-то необычной толстоту, взлетная полоса и ангар со всеми авиационными подробностями. Притихшему педсоставу Поленко объяснил, что не забывает славных дней в небе, картина на капоте – это, собственно, фотография его прежнего рабочего места, которое, конечно, было не чета нынешнему: там царили неустрашимое мужество и подвиг, а здесь бледными поганками прут учителя-белоручки.

Тихон сразу же заметил необычное авто, и в его рассеянном сознании взорвались давно зревшие сомнения: где же всепочитаемый господин директор и почему не состоялась конспиративная встреча по переделке школьного порядка? Догадка не заставила себя ждать:

– Значит, вот зачем Черный покушался на кресло, когда в нем был я! – в системе координат Тихона центр мира по-прежнему не сдвинулся, продолжая благополучно сидеть в его пупе. – Он знал, что Леонид дорогой Серафимович меня выбрал возвысить, и решил сразу зарубить будущее на корню: и директорское место, и меня как его молодого отростка!

Трудовик нервно теребил галстук, представляя, чего бы могла лишиться школа и мир, будь у него голова более хлипкой. Трон вообще чудом уцелел, видно, только потому, что

его в момент покушения осеяло сиденье великого человека, Тихона Гавриловича.

– Ах, какие все-таки негодяи наши белые воротнички! – вслух размышлял защитник имущества. – Чисто, как из-под наждачки – такой хитроумный план могли придумать только выпускники этой клоаки, нашего пединститута. Назар-то, яйцелобый, всегда повторяет: надо смотреть на три хода вперед, чтобы не взорвать пробирку. Смотрящий наш. Допланировался! – Тихон начал было довольно потирать ладони, но лобзик слишком царапался. Поморщившись, трудовик отложил орудие пролетариата на подоконник и пальцами начал давить запекшиеся на нем пузыри масляной краски.

Монотонное занятие расслабляло натруженные ночной борьбой члены, бешеный аллюр сердца перешел в степенную иноходь – все у Тихона было не как у людей – и трудовик вдруг отчетливо понял, что ночной гость уже, пожалуй, был в кабинете к моменту его прихода. И этот злодей определенно что-то искал, хлопал ящиками, ходил и кашлял, тоже наверняка с преступными целями, ведь достаточно одной молекулы лихорадки Эбола, что наутро вырезать всю школу и смежные организации! Как же он раньше не догадался!..

Ясно как день, что коварные макаренки разыграли целую партию, стремясь и дальше киснуть в болоте своей педагогической запущенности. Конечно, их целью было выкрасть великий план школьных преобразований, переданный Тихоном Гавриловичем на педсовете и наверняка убранный

потрясенным директором в сейф. И, чтобы исключить всякую возможность утечки радикальных реформ в благодарный окружающий мир, эти подлецы заманили, скрутили и даже устранили святоуважаемого господина Поленко, лишив его пусть крохотного, но шанса потрындеть с автором проекта лично. Школе просто повезло, что на пути черных гроссмейстеров костью и головой лег сам Тихон. Ничего, теперь он докажет, что шахматный ум Назара не применим в обычной жизни, а таланты Амалии Винтер ограничивается подзрительными рисунками, которые она величает синусоидами.

Воодушевленный трудовик взял свой конduit и приготовился сделать последнюю, но самую важную запись на задней обложке.

– Светлая вечная память жарколюбимому директору Поленко, – он послунял ручку, скосил глаза на высунутый синий кончик языка и впал в задумчивость. – Ну, Леонид Серафимович и не побыл директором-то толком. Не добыл, не доруководил... Но для потомков сделал самое главное, хотя и не сделал потомков. Вот, какой софизм, – Тихон ласково заулыбался, – пойдет для мемуаров и журнала "Прикладная философия". Ладно, к делу. Он меня в это кресло усадил и пострадал за правду. Впрочем, даже и хорошо, что так все вышло, – Квазимодыш пустил в ход только что изученную им американскую технику позитивного мышления, которое на Руси издревле кратко, но емко именовалось "признаком

дурачины". В формате его патологического сознания зарубежная наука заискрилась новыми гранями, одержав полную победу над атавизмами вроде здравомыслия или простого анализа. Трудовик уже ликовал:

– Там ему хорошо, где нас нет. Самое ему и место. Не примажется теперь к моей славе, а то было бы потом: "Я тебя возвысил, я тебя породил" и другая старческая перхоть.

Полностью придя в себя и уверившись, что путь к трону свободен, а сам трон в некотором роде освоен и насижен, Тихон Гаврилович расслаился во всю мощь своего бледного узкого личика. С топотом проскакав кабинет от окна к шкафу, он по-хозяйски снес выступающие углы и растревожил ворох бумаг на столе. Хрустящие белые листочки, бумажки и записки взметнулись маленьким торнадо и разметались по помещению, забиваясь в самые дальние и тайные щели, как и пристало ценным документам в присутствии. Новое руководство наступало на школу семимильными шагами.

В темпе экзотического танца под аккомпанемент визжащих в мозгу шестеренок и винтиков трудовика вынесло за дверь. Где-то вдалеке звучал оркестр, входя в диссонанс с рваным джазом в Тихоновской голове своей стройной мелодией школьного вальса. В пустой коридор первого этажа потихоньку просачивалась жизнь: к воодушевляющей музыке торжественной линейки присоединился звук подъезжающих автомобилей, бодрая перебранка на парковке оттеняла ба-сами ровный гул сотен веселых учеников. Все вокруг, каза-

лось, пело и плясало в честь новенького рулевого, отстоявшего свой титул в ночной схватке.

В предчувствии долгожданных перемен Квазимодыш почти лунной походкой засеменял к доске почета, которая всегда была лучшим пособием по силе фигур в сложных школьных партиях. Перемен, однако, видно не было: висевшая напротив кабинета доска все еще пестрела мерзкими ухмылками вчерашних героев. Финоген Семенович жал мужественные руки снятых со спины спонсоров, пожелавших остаться неизвестными; Динара Ефимовна приветствовала прибывших по обмену из Лондона пакистанских школьников, призванных обучить ровесников в России оксфордскому английскому; расписная Марина млела на уроке мужества, где славные воины-десантники ладно уверяли учеников, что военкомат – друг человека, а значит лучше учиться лучше. Правда, стараниями прошлого директора, стремившегося дать ученикам полное представление о добре и зле, Тихон Гаврилович тоже был прибит к ватману в виде руки с огнетушителем на агитке о вреде пожаров для бюджета школы.

Тихону показалось непедагогичным оставлять панно в обнаженном виде, без своего светлого лика, и на этот случай в подсобке у него давно был заготовлен коллаж из наиболее значимых в его жизни моментов. Еще немного и чудная по-месь фотоискусства с фотошопом заняла бы центральное место в экспозиции, но тут в глубине коридора бухнула входная

дверь. Первого сентября обычно открывали парадную лестницу, и узкий предбанник перед раздевалкой в торце школы оставался на замке. Теперь чья-то командорская поступь раздавалась из темноты этажа, оттуда, откуда в этот торжественный день добрые люди за знаниями не приходят. Разве что знания будут такого свойства, что потребуют кулуарности или там горячего утюжка при их получении. Тихон, наученный горьким опытом столкновения с неизвестными, плотнее прижался к стеклянным окошкам дверям, отделявшим коридор от лестничной клетки, и замер в тревожном ожидании, держа лобзик наготове.

Шаги приближались. Эта размашистая поступь никак не могла принадлежать пропойце Афонькину, не ходившему в ногу даже на дембельском выпускном смотре. Эфемерные создания типа учительниц или родительниц, повинувшись последней моде, даже гуртом не весили достаточно, чтобы старый паркет пошел такой волной. Личность идущего оставалась загадкой, хотя он все более и более напоминал давешнего Черного. Пока эти неутешительные выводы вскипали и пенились в сознании трудовика, дверь со свистом распахнулась, облилась потоком разбитых стекол и унесла Квазимодыша с боевой позиции, надежно вмяв его в стену вместе с лобзиком и многострадальной тетрадкой.

Тихон Гаврилович опять был без сознания.

Глава 9

Финоген Семенович сидел в своем маленьком кабинете на втором этаже школьной сталинки и упивался счастьем. В последний раз завхоз так любил жизнь задолго до встречи с судьбоносными Свидетелями, круто изменившими виды богача на достойную старость.

С тех самых пор много воды утекло. Еще крепкие его годы, брошенные на алтарь скромности и смирения, незаметно прошелестели унылой школьной бухгалтерией, унеслись в небытие серой бумагой ордеров на указки и белоснежной крошкой мела осели на русых волосах. Ни единой искры желания обладать чем-либо страстно, с напором, не вспыхнуло в его глазах цвета топкого торфяного болота. Отвернувшись от океана сверхвозможностей, Финоген хлебал из затхлой и вечно пересыхающей лужи дотаций на народное просвещение, что в неясном будущем должно было помочь с местом в райских кущах.

Появление Поленко, без предисловий дерзнувшего повернуть вспять полноводные денежные потоки школьного бюджета, будто пробудило завхоза от долгого липкого сна. Ему и раньше казалось, что обладание манной небесной является пусть и бесценным, но слишком отсроченным благом. Как все старозаветные коммерсанты Финоген принципиально не верил во фьючерсы, сладкие обещания и виртуальные

деньги. Родившийся при ленинском материализме, он знал о загробной жизни ровно столько, сколько позволяло учение Дарвина и нашептывания дряхлой бабки, денно и нощно коптившей лампадку под бесконечную присказку о пекле для всех красных комиссаров. Комиссары из детства Финьки выглядели молодыми и здоровыми, их потомки лоснились еще большим довольством, а бабка при всей своей набожности не молодела и страдала вечной и жаркой, как адское пламя, коликой. Выводы вдумчивый мальчик еще тогда сделал вполне закономерные: каждый сам творец своего рая.

Книга Свидетелей не пойми, чего говорила о Царствии Небесном как о соседней квартире, с полной раскладкой по метражу и удобствам, что и ввело миллионера, любившего конкретику, в стойкое заблуждение. Финансовый гений Финогена Семеновича впервые дал маху и вильнул не в ту сторону, поставив на химеры кисельных рек и молочных берегов. С толку завхоза сбила привычка верить печатному слову. По его разумению, авторы пособия по подселению к святому Петру обязаны были изучить вопрос, прежде чем о нем писать.

Но Финоген был тертый калач, пережившей и волшебное утро, когда самые надежные в мире деньги вдруг стали просто фантиками с Лениным, и безумный месяц, где уже новые деньги стоили меньше фантиков с тремя буквами М, и целый год страшной гонки, в который неплохой алюминиевый заводик падал тебе в руки не за деньги даже, а за какую-то ана-

фему, прозванную ваучером. Из горнила реформ Финоген Семенович вышел закаленной сталью и приобрел привычку перепроверять вещи и более незыблемые, чем ось земли или замки в своем хранилище.

Рай его беспокоил. Перечитав гору литературы, прослушав краткий курс богословия в самой Москве и опросив нищих на паперти известного храма, миллионер пришел к выводу, что Небеса не очень ориентированы на клиента. Всем праведникам предлагалось одинаковое меню: прогулки нагишом под сенью струй, пение ангелов за спиной, брнчание на арфе и освобождение от работы, если таковой не считать вечную молитву. Финоген Семенович не привык к такой дите. Нега и покой в чудесном саду, в маленьком домике на берегу моря Галилейского, увитая виноградом терраса, самовар и пряники после хорошей рыбалки примирили бы его с отсутствием работы. Но по всему выходило, рай не признавал одиночества! Там уже наступил коммунизм: там все было общее и распределялось равно, там херувимы присматривали, чтобы овцы не отбивались от стада, там коллективные молебны перетекали в совместные трапезы, там не было место любящему тишину и тайну Финогену!

Может быть, завхоз еще долго бы хватался за мечту о несбыточном, но назначение Поленко вырвало его из мягко постеленной ловушки секты Иеговых сподручников. Теперь реальный враг собрался помочь ему не тащить лишнего в гроб, а улечься туда спокойно, до нитки свободным от

земных излишеств. Накануне, после знаменитого педсовета, Леонид Серафимович вальяжной походкой прошествовал в кабинет завхоза, скользнул взглядом по квитанциям и отчетам на столе Финогена Семеновича и задал последнему вопрос, который в долю секунды стряхнул Иеговское наваждение со старика.

– Дед, ты здесь на общественных началах, что ли? Мое мнение, а оно правильное – возрастной состав должен скрипеть дома. Нечего здесь песком сыпаться на казенное имущество, – директор уткнулся в немигающие глаза Финогена и чуть стушевался. Черные дыры зрачков засасывали в бесконечную пропасть, втягивая в мрачное никуда случайно оказавшиеся в поле досягаемости помехи, и не обещали мягкой посадки. Летчик-испытатель знал толк в полетных условиях и решил не вступать с дедом в контакт, отправив его восwoяси – на пенсию, а лучше сразу на кладбище.

– Позови-ка мне бухгалтершу, – Поленко под пристальным взором завхоза стал сгребать со стола бумажки. – Развела здесь плюрализм, понимаешь. Если всем давать, конечно, можно свиристеть где угодно в рабочее время. Вот тебе она дала! – Поленко растянул губы осуждающей ниточкой в сторону неподвижного завхоза, хранившего гробовое молчание. – Листочки эти в смысле. А они, между прочим, важный документ, который можно только умелыми руками. Моими. Вы здесь в глуши совсем распоясались, набрали в бухгалтерию толпы! Целых один человек просиживает штаны над

отчетами, да еще помощнички костями вековыми над ухом скрепят. Все, передай, дед, этой вашей Ярмак Ф.С., чтоб домой шла детей рожать. Больше пользы будет для школы. И сам беги, а то помрешь в присутствии. Неси тебя потом в как его там, колумбарий.

Директор-самоубийца запихнул клубок бумажек в свой портфель, пораскачивался на носках для тонуса и пошел к двери с чувством выполненного долга. Рейд по захвату финансов, как ему казалось, прошел успешно и молниеносно. Вдруг в удаляющуюся спину Поленко стукнулся глухой голос старика.

– Я, – чугунным колоколом прогудел завхоз. Поленко с досадой нахмурился и самым поучительным тоном, какой он приберегал для детей и сумасшедших, загудел:

– Вот глухарь. Ну не я же! Ты, дед, собирайся и давай домой. Новая власть тебя освободила от непосильного труда и оставила жировать на пенсию. Легко понять, но трудно не понять.

– Не понять, сокол наш ясный, это ты истинно подметил, – тихо отозвался Финоген. Прежние его оппоненты, не умевшие договориться, бывало, удостаивались такого же вежливого ответа. Как правило, это было их последним, пусть и приятным, впечатлением от брэнного мира. Сейчас Поленко бил все рекорды по продолжительности жизни после конфликта с Финогеном Семеновичем.

– Я, – повторил всесильный дедуля. – Это я – счетовод. А

кто ты таков, мне не ведомо, но, по всему выходит, человек вздорный и пустой. Положи купчие и боны на стол да иди, откуда пришел.

Поленко таял, как пластиковый подоконник под горячей сковородой нерасторопной хозяйки. Нарываться на скандал было его первейшим хобби, усладой контуженного мозга, а тут приличная склока назревала даже без обычных усилий. Дед казался пусть и велеречивым, но несложным соперником.

– Ах, я кто такой? – взвился Камикадзе. – А ты кто такой? Я здесь хозяин и попрошу мне свои соображения не вставлять. Положить на вас всех мне написано распоряжением Района, а послать по миру прилагается, если сами похорошему не выйдете. В общем, дед, уважаю твою ветхость, но она тебе уж всю кору проела. Есть такая в головном мозгу.

Финоген Семенович молча достал из стола раритетную точилку с ручкой, собрал карандаши и, оставляя Поленко единственным топливом для пожарища спора, принялся очинять затупившийся грифель. Ручка противно скрипела, кое-где совпадая в тональности с высоким начальственным диском.

Солировать Леонид Серафимович не умел. Он еще некоторое время полаял под импровизированную шарманку Семеныча, поневоле вторя ее заунывному напеву. Монотонный скрип и шустрое сверкание хромированной ручки в руке завхоза гипнотизировали не хуже магических стаканов Ка-

шпировского, и при этом даже не требовали от подопытного голодного желудка или недоверия к правительству. Поленко, подобно ученой индийской кобре, стал водить носом, описывая аккуратные кружки в такт бега канцелярского прибора. Блеклые глаза остекленели, лицо, и так не омраченное игрой разума, окончательно разгладилось в плоский и какой-то постный блин. Туман забвения ватными клочками затыкал редкие извилины в голове директора, оставляя доступной единственную магистраль, продолбленную, ошкуренную и залакированную годами службы в авиации: Поленко всегда помнил, что есть такое слово – надо. Что именно ему было надо от Финогена, из головы выветрилось.

Как во сне, Поленко открыл свой портфель, вытряхнул из него комок непонятных бумажек и потом сам забурился в кожаные недра с головой. Внутри пахло сигарами и вездесущим китайским клеем, каталась крошки, были тихо и тесно. При этом оказалось, что портфель вполне годится как противогипнозный шлем при правильном нахлобучивании.

Вдруг Финоген прекратил слесарничать и с громким стуком бросил карандаши в ящик стола. Леонид Серафимович выдернул голову из нирваны, вытряхнул крошки, застрявшие в волосах, и с удивлением посмотрел на старика. Топкий мрак в глазах завхоза не предвещал ничего хорошего и разоблачения фокусу не давал

Директор оборонился привычно – нападением.

– Надо работать, вот что я скажу! – после затянувшейся

паузы он с облегчением нащупал понятное и четкое начало. – Вот за этим я здесь, вместо того, чтобы там это самому делать, – Поленко указал пальцем вниз, где по ощущениям находился его кабинет. – Дальше будем больше надобить, поэтому лучше сейчас начать. В общем, дед, я свои указания посеял, теперь всходы за вами. Дело – оно должно трудить человека.

Не дожидаясь комментариев со стороны вроде бы построенного работника, Поленко, пятясь приставными шажками, дошел до двери. Ему почему-то очень не хотелось поворачиваться к безобидному дедуле спиной, наверное, из большого уважения к старости. Наконец, он задом распахнул тяжелые створки, вылетел в коридор и с облегчением выдохнул, округлив глаза и растянув рот уцененным карпиком, которого долго били об лед перед переселением в рыбный отдел. Через несколько минут, вполне оправившись от радостей встречи с миром финансов, Леонид Серафимович погрозил кулаком кабинету недружелюбного завхоза и пошел своей дорогой.

Успокоив себя тем, что век пенсионера короток, а склероз беспощаден, Поленко пришел к весьма утешительному выводу: свидетелей его фиаско нет, дурной пример молодой смене дед подать не успеет, а к завтрашнему дню вообще не вспомнит, что произошло. Если еще утром проснется, что не гарантировано человеку, уже перешагнувшему рубеж, отмеренный мужчинам медицинской статистикой. Настроение

взметнулось до небес, которые в организме директора находились где-то в районе желудка – все, что выше, было высечено из камня дисциплины и на внешнюю среду не реагировало. Живот весело отозвался перебежками шустрых пузырьков и уханьем метеоров покрепче: настало время обедать, и директор, как человек четкий, бодро зашагал в столовую.

Финоген же, все это время внимательно наблюдавший за Поленко через замочную скважину, с неодобрением крикнул и на цыпочках подошел к столу. Аккуратно собрав и разложив перед собой бумаги, которые несчастный Камикадзе безо всякого почтения к школьной бухгалтерии вывалил из своего портфеля, старик сел на жесткий деревянный стул и погрузился в думы. Леонид Серафимович ему не понравился. Вернее, люб он казначею всея города не стал еще на педсовете, хотя Семеныч всю дорогу просидел в тени за шкафом и снулого взгляда начальника не удостоился.

Завхоз, в свою очередь, не мигая смотрел на оратора, с любопытством и недоверием вслушиваясь в его бредовые речи. Время от времени поглядывал на смущенных молоденьких учительниц, любуясь яркостью девичьего румянца, но других положительных результатов от появления Камикадзе не намечалось. По достоинству оценив военную выправку бывшего авиатора и его упорство натасканного фокстерьера, Финоген причмокивал, гадая, дадут ли смельчаку Поленко место на Аллее Славы самого почетного кладбища в городе или

обойдутся простой грамотой на вечный сон грядущий. Уж слишком часто воздух сотрясало опасное слово "передел", которое на памяти миллионера частенько оборачивалось летальным исходом для желающих по-новому нарезать пирог скромных приходов на районе. Но богатый опыт также подсказывал, что по собственной воле летчик первый не свернет. Не зря он был испытатель и, судя по внешнему виду, даже в чем-то каскадер.

По мере того, как революционные идеи выпадали из директора на головы изумленной публики, Финоген все отчетливее понимал, что первое впечатление оказалось верным. Оно переросло в стойкую уверенность по окончании педсовета, а после визита Поленко в кабинет завхоза стало намерением: Леонида Серафимовича предстояло убрать со сцены. Желательно, в то место, откуда не возвращаются: на повышение в депутаты, что хлопотно и затратно, или под надежный гранитный памятник, что было подешевле – как постоянному клиенту, надгробия Финогену отпускали со скидкой.

Посоветовавшись вечером кое-с-какими неприметными людишками, состоявшими на давней и дельной службе по мелким поручениям, миллионер так и не выяснил, откуда взялся бесстрашный реформатор. Получалось, что человек он был ничейный, явных покровителей не имел и дружбы со слугами государевыми не водил. То и казалось престранным, как вовсе из ниоткуда, без взяток и связей, свалился такой переделщик на его всеильные руки, чуть с лету не выбив

из них бразды правления школой и прилегающим к ней городом.

Рациональная супруга Семеныча, всегда корившая человеческий фактор в искажении конечных данных, прибегла к надежной системе верификации: раскинула Таро. Запутанный пасьянс главных фигур разбивался будто выпавшей из рукава простофили Районо картой нового директора, и в любом раскладе тот выходил не Шутом и не мелькнувшим на мгновение Странником, а самым настоящим Дьяволом.

Столь точные данные Финогена не успокоили, наоборот, заставили еще с большим пристрастием допрашивать лиц, условно причастных к появлению Поленко: заведующего Районо, хозяина таксопарка и директора местного рынка. Последнего больше по традиции, как вечного должника и мецената всех неформальных структур города.

Чиновник от образования с посеревшим лицом блеял:

– Вы поймите, уважаемый, войдите в мое положение! Я об этом ничего, просто ничегошеньки не знаю. Как прошлый директор, светлая ему память, ушел в огородники, так мы объявили независимый конкурс. Все как положено, выбирали из подающего надежды сына нашего мэра и уже оправдавшей надежды его дочкой! – присутствующих одобрительно закивали, а заведующий перестал трястись, как при шоко-терапии. – И, вдруг, – он продолжил со слезой в голосе, – открывается дверь и входит он! У меня как раз Леночка, секретарша, под столом убиралась, а я за бумагами. Работал. В об-

щем, каждый своим делом, господа, – глаза чиновника задержались истомой, видимо, он и правда горел нешуточной любовью к работе. Очнувшись от сладкого видения под осуждающим взглядом Финогена, он вернулся к рассказу:

– Так вот, входит этот Поленко, усаживается в кресло и говорит: "Я – ваш новый директор. Вам звонили". А у меня, понимаете, Леночка очень занята. Ну не всегда успевает на звонки, все больше она по кадрам. Как пчелка целый день. Ну, я вижу, человек представительный, уверенный. Я ему говорю: "Конечно, конечно, а куда вы директором?". А он на меня так криво посмотрел и шипит прямо: "А могу и на ваше место, если вы других не знаете". Ну тут я как-то понял, что про школу речь. Я его и оформил. Хотя теперь-то думаю, может, он самозванец какой? Но знать – нет, знать не знаю.

Финоген Семенович вздохнул и махнул на чиновника рукой, чем поверг того в полное смятение. Не дожидаясь, пока ответственного за народное образование хватит удар, завхоз дал ему ценные указания о технике безопасности на рабочем месте и отпустил падать в обморок домой.

Заслуженный таксист города свое дело знал, но света на темную предысторию Поленко не пролил:

– Я ж его не возил. Мои хлопцы не возили. Ни до дому, ни до школы, ни до фей.

– Станет такая сволочь по детским праздникам ходить! Феи ему и не снились, – отозвалась из угла почтенная супруга миллионера. Психологию сволочей и мерзавцев она изу-

чила от азъ до последней наколки так, что опытные милиционеры только диву давались. Таксист поперхнулся, но бабуле возразил:

– Як же энтому сушеному без феи, ежели нормальные бабы от него нос воротют. Видал его у башни этой, чертяки колокольной. Иглостраки, тьфу! Страшон як леший и без лоску. Но мы не возили, нет. И хозяйку его не видал. Не знамо, откуда он.

Благородное собрание уже было проваливалось в информационный вакуум, когда помощь неожиданно пришла со стороны хозяина рынка Арсен-джана, этого падишаха незаконных мигрантов и изобретателя жилого контейнера на двести тридцать человек.

– Финогэн Сыменыч, – ласково пропел Арсен, – а менэ вы не за зря пригласили! Вот вино, вот мандарины, нектар, а нэ мандарины, смотри! Долгих лет тэбэ, Финогэн-джан, во веки веков процвэтай нам на радость, вай! А по твоэму делу скажу тэбэ: полохой этот человек, ой, полохой! Виноград брал, персики брал, дыню брал у нас, чистый мед! А сматрэл плохо. Сматрэл, потому что узнал.

Арсен замолк и лучезарно улыбнулся завхозу. Тот умело подбодрил южного гостя какой-то яркой бумажкой, тут же упорхнувшей за подкладку лакированного пиджака. Как музыкальный автомат после серии брошенных монеток, Арсен застрочил новостями:

– Узнал, да. И я его узнал, у Арсена глаз-алмаз! Видэл я

его давно, но запомнил на всю жизнь, поверишь? Только мамой клянусь, был он нэ директор и нэ летчик, а пэрэступник. У мэнэ тогда недоразумений небальшой вышел с таможней, застрял груз настоящей, вай, узбекской чэрэшни из Китая, сладкой, как поцелуй красавицы с гор! Поехал я спасать мой чэрэшня. А там у мэнэ начальник станции – близкий родня, троюродный сват второй жэны соседа моей тетке, и он, канешна, рад был. Приехал я, а у нэго в теплушке живет трэтий день этот Поленка. Сват говорит, из тайга вышэл без всего, совсем один, даже бэз барсэтки! Навэрно, бэглый с зоны. Сват – человек вот с таким бальшим сэрдцем, разрэшил по доброте этому нэсчастному обогреться, да и крышу еще шифэром покрыть. Потом какой-то Аристарх ему с Масквы пазванил и исчез Поленка. Неблагодарный оказался, да же крышу не закончил, вах! Только пачку макарон закончил, да, и укатил сэбэ. Палахой человек, завхоз-джан!

Арсен страдальчески нахмурился, рябь праведного возмущения дошла со самого кончика его солидного носа – он как-то скукожился и скосился в сторону. Финоген Семенович тут же помог его застарелому горю еще одной веселой бумажкой, и три волхва, принесший в дом старика дары истины, с миром удалились.

Миллионер просидел за самоваром до полуночи, хрустя фруктовым сахаром и с удивлением отмечая, что кулебяка с визигой удалась необыкновенно, а чай с липой совсем такой, как до войны. Это вкус к жизни потихонечку заполнял дав-

но потухшего Финогена, проникал в прочно замурованные, покрытые плесенью воздержания закоулки его широкой когда-то души. Тайна, требующая отгадки, недреманный враг, жаждавший все отнять и ничего не делить, разбередили застывшие в ожидании Врат Небесных чувства завхоза и вернули его в коллектив, семью и работу прежним удалым коммерсантом. Сделав несколько междугородних звонков, миллионер с просветлевшим лицом налил себе стопку целительной хреновухи из старых запасов, подошел к потемневшему зеркалу и улыбнулся, чего не случалось с ним с середины двадцатого столетия. Лед в его сердце трескался, таял и превращался в полноводные потоки свежих, безудержных чувств.

Первые петухи застали преображенного дельца уже на подходах к школе. С неудовольствием отметив, что боковая дверь открыта нараспашку, а замок от калитки лежит на заборе, Финоген тут же похвалил себя за предусмотрительность: заказанные на Каймановых островах компьютеры третий год путешествовали морем, с честью суперсовременной техники выдерживая шторма и отсутствие вай-фая. Значит, их не украли.

«Сейф надобно у меня поставить. Дома, – подумал завхоз, – Непокойно в городе пока». И, утвердившись в этом душегреющем решении, ступил под гулкие своды пахнущего сменкой и мышиной травилкой подъезда.

В длинном коридоре первого этажа была темно и тихо,

только в самом конце, у кабинета директора, на натертом полу уютно располагался отблеск включенной в помещении лампы. Из-за начальственной двери до него донеслось какое-то бормотание и звук падающих предметов. Видимо, Камикадзе уже горел на работе.

– У-у, бесовский сын, – Финоген авторитетно определил научный профиль нового руководителя и вплоть до пятого, последнего этажа школы витиевато поминал всех его родственников по материнской линии. Наконец, совладав с архисложной системой замков и запоров в бухгалтерии, завхоз сквозь лабиринт несгораемых шкафов пробрался к своему столу и засел за бумаги.

С первыми звуками торжественной первосентябрьской линейки в дверь постучали и проем заполнила колоссальная фигура предпринимателя Павла Динина. Задорный румянец горел на молодецких щеках, шея, равная по охвату трем балеринам, даже не дрожала под непосильной ношей золотого креста, будто снятого с Казанского собора. Павел был весел, сердечен и переналит новостям.

– Павлик! – пробасил Финоген из-за шкафа. – Опять не по-людски вошел, раскольник садовый! Повесь-ка дверь на петли, да подмети, что ли. Ведь специально для тебя кирпичом створку заложили. Сызнова все снес, анафема!

Павлик виновато огляделся и носком огромного ботинка смел колотый кирпич с останками двери под тумбочку. Решив, что так уже много лучше, он аккуратно пробрался к

столу миллионера и стал оправдываться:

– Так я чего, Финоген Семенович! Здесь такая тема. Минтай, ну, друган мой бывший из Тайланда, мне киллера подослал. Шутилка у нас такая, чтоб форму не терять. Я ему, он мне... Короче, иду щас до вас, а на первом этаже стоит за дверью перец один и стволом сверкает. Уставился, прямо гляделки свои в дверь впечатал. Ну, я его маленько успокоил. Теперь надо Минтайке такого же заказать.

Динин поводил глазами по потолку, вспоминаю, кто из профессионалов подходит под задание с точки зрения здоровья. Выходило, что почти все пали жертвами травматической эпидемии девяностых, а выжившие никак не дотягивали по экстерьеру до утреннего хмыря с глазами. Финоген Семенович, заметив тень раздумья, набежавшей на павликово чело, спас его от непосильной работы головой:

– Потеху попозже обмыслишь. А вообще – не думай ты лучше, тяжело будет с непривычки, – завхоз погладил бороду и скептически посмотрел в глаза бывшему борцу. Глаза четко давали понять, что столько указаний однопроцессорный мозг спортсмена переварить не сможет. Старик махнул рукой, пожевал губами и продолжил:

– Делу прежде время свое молодецкое посвятить. У нас, Павлуша, напасть приключилась, сила твоя богатырская пригодится. Ну и связи, и знание жизни, вестимо, потребуются. Нет тебе равных по части народов севера, особенно освоивших его по этапу! – Финоген не боялся грубой лести

и умасливал Павлика до состояния где-то между медом и лебяжьим пухом. Видя, как его, простого борца, ценят, Динин был готов делиться опытом до последнего семиюродного шурина во вражьей семейке.

К окончанию торжественной встречи Поленко с детско-юношеской начинкой школы план по его ликвидации был конкретно обшептан и принят в работу. Занимался деловой осенний день. Обратный отсчет времени, отмеренного резвому новичку, звонко цокал в саркофаге напольных часов в директорском кабинете. Из ящика донесся скрип кукушки, замурованной сломанной пружиной.

Завхоз на верхнем этаже точно знал, кто сыграет в ящик следующим.

Глава 10

После бодрящего утренника на свежем воздухе школьники шумным потоком растекались по зданию. Ребята постарше чинно выступали в клубных пиджаках с иголки, и с видом заправских денди цедили сквозь зубы едкие замечания о сизом носе физрука и отсутствии спринг-роллов в столовке. Учебные вопросы и всякие мысли Поленко на этот счет интересовали их чуть меньше анатомии задней левой ноги у мамонта. Первые красавицы заведения с утиными лицами – а именно такие должны быть у «див от кутюр», если верить портретам столичных звезд – с презрением морщились на гикающих мальчишек помладше. Последние мерились летними подвигами по спасению утопающих, покорению вершин и вождению спорткаров, и в этой битве воображений не было места случайным помехам типа дисциплины. Учителя внушали, ребята галдели, родители переживали – все было так, как будто ничего и не было на вечернем педсовете.

Школу не впечатлили угрозы нового директора привить трухлявое полено казарменного порядка к крепкому, налитому молодым соком дичку нового поколения. Приговор Леонида Серафимовича никак не опечалил детские сердца и ожидаемой дрожи в коленках при виде наставника не вызвал. Легкомыслие юности и остатки летнего хмеля в головах вполне гарантировали элитных учеников от страха и учи-

тельских упреков. Старшекласниками они ловились с дерзостью молодого бычка, вышедшего на красную тряпку, а интересы малюток надежно охранялись цербером из областного комитета по защите детей от воспитательного произвола.

Работенки у цербера было немного: в душе эстет, он старательно обходил стороной кварталы фабричной панели с тяжелыми на руку отцами, бедовыми мамашами и их чумазыми отпрысками. Смекалистые, но несовершеннолетние героини с городских окраин и рады были бы визиту хорошо одетого гражданина с золотыми часами, но их встреча по непонятным причинам цербером откладывалась. Зато породистые питомцы языковой гимназии могли рассчитывать на неподкупного чиновника в любое время дня и ночи, и дело тут было не только в их родословной; просто он очень любил детей.

Покуда милые крошки в бантах и ранцах радостно торопились на первый в жизни урок, их более опытные товарищи, второгодники и драчуны, понуро плелись за учителями к Голгофе обязательного начального образования. В колонне третьеклашек разгоралась жаркая дискуссия:

– И вот тут я им говорю, – вещал курносый малыш своим товарищам по несчастью. – Говорю, значит: "Все, родные и близкие! Я уже в вашу школу находился. Вы мне, говорю, говорили, там друзья, общение, весело и рассказывают про тигров, и как запустить мыша в космос. Я два года! Два! Ходил и ждал". Вот скажи, Серый, было про тигров?

Серый – шарообразный недоросль с лоснящимся от летней бабушкиной диеты лицом недовольно загундел:

– Не знаю, что там за тигров, а весело было тока тридцать первого мая. Когда вся эта бодяга закончилась, – и он жестом пухлой ладошки обвел товарищей, учителей и гулкий школьный коридор. Обведенные сразу поникли разноцветными головками и еще острее почувствовали безнадежность своего положения.

– Ну да, – после некоторой паузы всхлипнул курносик. – И я про то. Ни тигров, никакого нужного. А мне мама тут говорит: "Данилка, что значит – находился. Это на десять лет, сыночек, твои университеты!". Предупреждать надо! А теперь еще какой-то Поленид Анафемыч рычит как из сериала "Рекс". Хотя нет, не такой, хотя и похож. Этот не добрый, – ребята согласно закивали и наперебой стали убеждать друг друга, что Рекс-то, конечно, умница и свешивает язык совсем не так, как директор, а аккуратно и для вентиляции.

Мало-помалу спор о достоинствах полицейской овчарки и недостатках нового школьного начальника охватил все младшие классы, включая закоренелых отличников. Дрожащий подбородочек и вылупленные от удивления глаза девочки Марты явно указывали на то, что Поленко вреден даже в малых дозах, и лучше вообще с ним не встречаться. Учителя, эти путеводные звезды на небосклоне маленького человека, тоже не внушали особого оптимизма: на свеженьких выпускниц педа брутальная энергия Леонида Серафимовича

произвела неизгладимое впечатление. Самые смелые отделались легким сотрясением мозга и прочих закоулков организма, и теперь с отсутствующим видом гладили своих подопечных по ранцам, пытаясь как-то утихомирить племя младое, незнакомое. Их коллеги послабже так и не вышли из полубморочного состояния, заработанного на вчерашнем собрании и закрепленного лаем директора на линейке. В младшей школе прочно укоренились анархия и плохие предчувствия.

А в это время наличный состав средних классов беспокойным муравейником вибрировал у актового зала, где планшеты родителей собирались осквернить установкой системы контроля успеваемости и поведения. Прогресс велик! Но ничто так не стесняет молодое дарование, как двойка, выставленная на обозрение родителей.

– Тарас, а, Тарас! – жалобно захныкал самый щупленький в 6 «Б» мальчик Антошка. Как всегда, за мелкой массой скрывался непримиримых дух, который противодействовал любым знаниям, атакующим несчастного изо всех кабинетов. – Тарасик, это что получается... Зря я все лето мастерил полочку за электрощитком? Я ведь даже книгу прочитал! Со словами! На три страницы, «В помощь домашнему мастеру». Мне, Тарас, никак нельзя дневник мамуле давать. Она от него случается дико неспокойная. Делать-то что? – Антошка с обидой засопел и ткнул в плечо рослого Динина.

– Что-что, – отозвался наследник славной деловой династии, – сухари сушить. Папа всегда так говорит. Это если те-

бя родичи выгонят из дома за успеваемость. Будешь скитаться хотя бы с сухарями. А воду можно из снега брать. Если до зимы дотянешь, конечно, – Тарас вовремя заметил слезу, закипающую в круглых глазах Антошки, замялся и решил приободрить друга. – А, вообще, Антоха, наши люди не сдаются! Надо найти крайнего, в смысле, кто виноват. И обезвредить. Зови ребят, будем штормить мозгом.

Мигом вокруг Тараса образовался кружок единомышленников, которые тоже любили своих родителей и справедливо полагали, что от лишних знаний им только лишние печали. Двойкам не место в радужном мире отцов и детей! Хотя в современной семье о человека по оценкам вообще не судят, ремень – это атавизм, а углы давно никем не обживаются. Ради спокойствия родных и близких одноклассники Тараса были готовы на подвиг: завести дубликат дневника, обязаться вести его прилежно и пунктуально, а за вполне посильную плату – на нужды общественного движения за мир – надежно хранить его на полочке за электрощитком во дворе. Уютно и скромно, как и требуется от хорошего, послушного сына.

Тут Тарас и показал, каких блестящих результатов можно достичь, лакирую образованием отличную наследственность. Мальчик зрил в корень еще в том возрасте, в котором его папа, лишенный заботы средней школы, по легкомыслию озирался только на инспектора из детской комнаты милиции.

– Дубликат – это неплохо, – подытожил Динин-млад-

ший, – но на время, господа. Дубликат не решает нашей проблемы. Наша проблема – эта программа у родичей в планшете.

– Тарасик, – уже не скрывая отчаяния завопил Антошка, – миленький, ну придумай что-нибудь! Ты же умный! Все там будем, знаю, но, может, есть надежда? Ну хотя бы пока я ба-тю не перерасту или пока физику с химией не уберут. И русский с биологией. А вот рисование можно оставить...

Тарас снисходительно похлопал друга по плечу и с уверенным видом произнес:

– Выход есть, Антошка. Как говорили великие и делал мой папа: "Нет человека – нет проблемы". Нам надо всего лишь найти, кто это придумал и дать ему передумать обратно. Или пусть он в другой город уедет. Сейчас многие любят путешествовать! Ну что, ребя, кто виноват?

Школьники тут же загалдели, выдвигая, опровергая и подтверждая версии. Истина, как это водится у младенцев, быстро нашлась во всей своей неприглядной красе. Пытливый ум некоторых сразу же связал приятное новшество с появлением Леонида Серафимовича, хотя последний еще даже не успел взяться за горло спонсоров и потрясти его хорошенько. А именно они и расщедрились на удобный подарок учителям.

Но с точки зрения б «Б» виновный плавал на поверхности; его было решено извести по неведомым пока, но эффективным рецептам семьи Дининых. Изобретенную дирек-

тором программу следовало, как всегда показывают в фильмах, заразить вирусами. Каждый получил ответственное задание: Тарас обязался взять интервью у папы о боевых заслугах и личном опыте, Антоше досталась миссия попроще – найти хакера мирового уровня, но чтобы недорого. Мелкие поручения – финансы, общественное мнение и моральная поддержка – разошлись по остальным.

К концу совещания лавры предателя единогласно увенчали пегого Поленко, и по старинному обычаю детское горе было тут же отмщено безжалостным гимназическим фольклором. К концу дня история о директоре, спящем в гробу и рычащем на случайных прохожих из-за забора дальней стройки уже дошла до мнительных девиц из девятого.

Выпускники же, вкусившие от заветного дерева репетиторства, уже пропитались горьким от излишнего познания медом его плодов и усвоили главную заповедь: забить на все, чему тебя учили в школе и плевать на то, что ты там видел. Этим сам черт был не страшен, хотя Поленко и на фоне той хвостатой братии выглядел вполне конкурентно.

В общем, очередной залп нового директора по его подопечным прошел вхолостую: на девять утра первого сентября пострадавшими числились только девочка с колокольчиком и очкарик из 7 «А», проглядевший в свои модные затемненные окуляры дверной проем на первом этаже и попытавшийся, как Терминатор-2, пройти сквозь стену. Неудавшийся киборг получил от друзей дельный и исцеляющий совет

смотреть, куда прет, и полностью оправился уже к полудню, так что раненых по большому счету не было.

Список пропавших без вести возглавлял и замыкал Тихон Гаврилович, сильно изумивший коллег своим отсутствием. Злые языки тут же связали его исчезновение с марсианами, так долго не прилетавшими за своим фанатом и в чем-то даже представителем внеземной цивилизации на российских просторах. Вполне допускалось, что зеленые человечка наконец-то решили то ли не бросать своего, то ли не делать ничего плохого нашей зеленой планете, но забрали Тихона с концами. Дома его не оказалось, по дороге к школе тоже была свободна и начальственное тело бегало туда-сюда без этого прилипалы. Финоген Семенович, узнав о бесследной пропаже Квазимодыша, еще больше укрепился в вере во Всевышнего, потянув за собой с десятков бывших идейных атеистов из педсостава. Прочие же наивно благодарили судьбу и неискоренимо высокий уровень преступности в области.

По всему выходило, что, вопреки тяжелым предчувствиям коллектива, новый порядок медлил наступить и нес весомые потери еще до открытия фронта. На всякий случай урок мира было решено провести в формате показательных боевых учений под носом у противника. В классе Амалии Петровны Винтер дрессированные дети непринужденно жонглировали обратными матрицами и пределами, ускоряясь в подсчетах до трехядерного пентиума под ледяным взглядом педагога. Физик Вишневецкая заигрывала с самодельным элек-

трогенератором и по ходу разъясняла восторженным школьникам, что именно такие неуправляемые приборы, плюющиеся искрами безо всякой логики и смысла, и составляют костяк вооружений некоторых забывшихся республик. Мирам эта старозаветная техника, впрочем, не добавляет.

С четвертого этажа циркулярной пилой визжала Марина Тухтидзе, у которой праздничный макияж наглухо затмевал боевую раскраску каманчей и оперение тропических птиц в брачный период. Такой период в жизни Марины затянулся чрезмерно, наполнив голосовые связки желчью ревности к более удачливым невестам и раздвоив и без того острый язычок. Марина шипела про любовь к ближнему с благостью ядовитой мамбы, стреляя кипящими черной смолой глазами по ученикам. Бездарный в плане жениховства директор рушил ее планы скоропостижно обвенчаться с молодым, неженатым и беззащитным новым начальником, коим по всем расчетам должен был стать красавец-сынок мэра. Заняв уже пригретый сыночком стул, Поленко принял удар на себя и спас мэрского первенца от непосильного семейного счастья. Так жестоко надругаться над чувствами биологини мог только настоящий Камикадзе.

Все остальные тоже были при деле, когда из глубин цокольного этажа на школу обрушился леденящий душу вой.

"А-а-а-а-а", – неслось откуда-то из темных недр необитаемого в праздничный день предбанника. "У-у-у-у-а-а-а", – звук легко добирался до верхний этажей, эхом запутываясь

в самых укромных закоулках старого здания, и, ударяясь о глухие простенки, с новой силой обрушивался на изумленных школьников. Стекла в двойных рамах звенели, треньканьем отзывались дверные ручки, а сердца воспитанников гимназии наполнял ужас. Учителя один за другим выходили в коридор на разведку и, не разведав ничего утешительного, ныряли в свои классы и поплотнее закрывали двери. Только одна Анастасия Борисовна, уже давно живущая со свекровью, ничего не боялась и попыталась как-то стабилизировать уходящую в штопор истерики географичку.

– Не вытирайтесь о стену, ее мыли в последний раз перед тем, как красили. В пятьдесят шестом году то есть, – Настя решила как-то отвлечь посеревшего педагога от грустных мыслей, а здесь лучший метод – это переключение. – Платье парадное помните. Это, может, вообще не человек, – географичка стала закатывать глазки и валиться куда-то к плинтусу, когда Настя уточнила:

– Может, это собака какая. Или у Марины вывелся редкий вид и он теперь, вот, мамочку зовет.

– Мы здесь все мамочку зовем, – отозвалась запыхавшаяся Динара Ефимовна, которая только добралась к своим из дальнего лингафонного кабинета. – Я такого ора не слышала со времен бардовского фестиваля в Вязниках в мои девичьи годы. Там обошлось без жертв, но мы были молоды и с портвейном. – При упоминании знакомых истин географичка потихоньку стала наливать румянцем, а Настя, вырос-

шая в непоэтической атмосфере девяностых, просто взяла доступный рецепт на заметку. Молодость у нее была в запасе, а теперь, наконец, выяснилось, что для полного счастья ей просто не хватало портвейна.

Под восходящие гаммы воя Динара Ефимовна покончила с прошлым решительной рецензией:

– Да, мы уж были не хлюпики. Ну сейчас я не поручусь за свою психическую безопасность для окружающих. Это ж надо так портить условия нашего непосильного труда! Причем, слышите, личными проблемами. Застрял кто-то в клозете и давай гудеть. Несварение или всякие бульки в желудке не должны идти в виде концерта!

Англичанка сурово зашевелила усами и опалила взглядом притихших учительниц. Настя с коллегой явно не поспевали за резким слаломом ее рассуждений и на всякий случай ничего не говорили. Но Динара, изучившая все методички бабушки Бонк вдоль и поперек, знала, что для диалогов больше одного человека не обязательно.

– Вот из за таких как вы, пастор Шлак и провалил все явки, – кипятилась учительница. – Как педагогом может быть человек без логического мышления? Хотя что это я вас напрасно оскорбляю, без мышления вообще – вот более верный диагноз. Не понимаете? Звук идет из под меня!

Тут уже и ребята стали выглядывать в коридор, чтобы своими глазами увидеть, как завучу удастся так чревоуещать изпод своей юбки. Динара в изнеможении замахала сосисоч-

ками переплетенных кольцами пальцев и начала объяснять детально:

– Английский, душечка, класс устроен для повышения успеваемости аккурат в бывшем кабинете задумчивости. То есть в туалете. А прямо под нами парадный учительский санузел Финогена Семеновича с тронным залом. Воют оттуда, и я дико сомневаюсь, чтобы там застряла собачка.

Мои крошки стучали туда по трубе, но реакции ноль. А животное ну только из инстинкта самосохранения уже давно бы от страха сдохло!

Рациональное зерно в рассуждениях Динары Ефимовны было, только облегчения паникующим оно не принесло. Помимо этого недостатка наблюдались и более весомые минусы: зарвавшийся певун с несварением и не думал затыкаться, и ужасный замогильный рев свободно лился по территории школы. Посему Настя, пропустившая времена, когда выскочек раскулачивали и клевали им печень, все-таки отважилась внести рацпредложение:

– Может, спуститься вниз? Я уже не слышу даже о чем думаю. Немного уши болят. К тому же, вдруг там помощь нужна?

Динара, поморщившись и потерев заостренные, как у рыси, прозрачные ушки, поводила губами.

– Дельно, свежо. Сходите. А я пожертвую собой за ради нашего всего, наших прелестных детишек. Война войной, как говорится, но английский по расписанию! – в лингафон-

ном кабинете приникших к скважине учеников тут же размело по партам. – Крошки мои, я иду! – возвестила учительница на весь коридор. – Пока другие проветриваются по сортирам, буду выполнять свой долг до конца. А вы, уважаемая, послужите педагогике. Не так, как вы делаете обычно, а с пользой, – она ободряюще отодрала географичку от стенки и выстроила ее в направлении первого этажа. Пока Настя подхватывала лишившуюся последней стойкости пенсионерку, Динара с неожиданной для ее комплекции прытью прогало-пировала в свои владения. Уже держась за ручку кабинета, она ободряюще помахала Анастасии Борисовне кулаком:

– Не рассусоливайтесь с ними там. Мы пришли побеждать, так от меня и переedayте. Воют средь бела дня. Придумали тоже! – и англичанка скрылась в классе, плотно прикрыв за собой дверь и, кажется, даже подперев ее стульчиком.

– Надо все-таки спуститься, – Настя с сочувствием посмотрела на обессиленную пережитым коллегу. Вой между тем усиливался, прирастал новыми жалостливыми тонами и постепенно перешел в монотонный фон ультразвука, как на космодроме. Терпеть эти вредные децибелы больше не получалось, и молодая учительница решительно открыла дверь, отделявшую классный коридор от широкой гранитной лестницы. Прямо с лестничной площадки можно было попасть в учительскую, где хранились классные журналы, дидактический материал и чай с баранками. Краем глаза Настя успела

заметить будто вырезанную из чурбачка нескладную фигуру директора, юркнувшую в кабинет и притаившуюся в его глубинах. Откуда Поленко взялся на лестничных просторах, было неясно, но то, что он в спасательной операции не участвует, не подлежало сомнению.

– Леонид...э-э-э...Серафимович! – шепотом позвала де-вушка. – Что там происходит?

В ответ из учительской раздалось утробное ворчание, какое бывает, если осенью пошуршать палкой в норе сытого и сонного енота: выйти не выйдет, но ругаться будет. Поняв, что начальство занято и мелочи вроде дрожащих стекол его не отвлекают, Анастасия Борисовна, настоящая русская женщина и педагог, бесстрашно ринулась вниз. Добежав до площадки первого этажа, она увидела школьного врача Кондрата Минимовича, непринужденно и весело прятавшегося за антитабачный плакат, что висел на входе в его владения.

– Кондрат, вы просто так стоите? – Настя не могла сдержать радости при виде столь редкого в школах подкрепления – мужского. – Тогда я вас с собой возьму! Мы там все переполошились, ничего не понимаем. Учебный год только первый день, а воют, как будто тридцать лет без каникул. – Она подошла вплотную к медику и ласково ему улыбнулась. Кондрат, не меняя гладко-приветливого выражения лица, спокойно продолжал стоять, изредка сдвигая на Настю умные карие глаза и никак не реагируя на ее призыв. Спустя пару минут, в течение которых Настя прикидывала, стоит ли бо-

яться сошедшего с ума Минимовича или просто отправить его в тыл, на верхние этажи, медик, наконец, заговорил:

– Не просто. Я чутко слежу за здоровьем вверенного мне коллектива. На вверенном мне участке работы. По участку никто не проходил, но я слежу, если идет. Уйду, а вдруг кто пройдет, а следить за здоровьем некому? Так не пойдет, пройдет и уйдет без здоровья. – Кондрат глубокомысленно ткнул пальцем в небо и замолчал. Под горькие, полные скорби рулады, выводимые таинственным существом в дали темного коридора, школьный доктор поводит головой туда-сюда и снова на пять минут замолчал. Он был интроверт и самодостаточный человек, посему вечный зов из учительской уборной не имел шансов пробиться в его внутренний мир. Красивые молодые женщины отрицались им не столь категорично, но в целом Кондрат, как и забытый современной школьной программой Петя Трофимов, был "выше любви". Поэтому теперь довольно-таки симпатичная Настя могла хоть до завтра топтаться пред его очами и что-то взволнованно щебетать. Медик замер в полуулыбке и не волновался.

Поняв, что и с этим каши не сваришь, Анастасия Борисовна раздраженно топнула ножкой в комфортной немецкой лодочке – сразу видно, учителя стали жить лучше! – и уверенным шагом направилась к пятачку расписания. Директорская была плотно закрыта, доска почета пыжилась неувядающими лицами героев и призывом сдавать деньги сейчас, ибо потом будет дороже, зато запретный санузел Финогена

зиял варварски приоткрытой без ведома завхоза дверью. Оттуда и несся, захватывая пространства и парализуя волю слушателей, какой-то дикий, разнотональный вой. Настя, как олимпиец перед стартом, выдохнула, перекрестилась, подтянула колготки и постучала: все-таки учитель – интеллигентная профессия. Стенания вдруг понизили регистр, створка на бесшумном японском механизме плавно отворилась, и в интимном полумраке девушка с облегчением разглядела вполне человеческий силуэт. Кто-то, обняв священный унитаз, самозабвенно причитал в его глубины, скрывшись в чудо-изделии по самые плечи. Настя проворно поднялась на подиум, тронула страдальца за острую лопатку и чуть не рухнула рядом: не превращая выть, существо вынырнуло из бурных потоков и мертвой хваткой вцепилось в протянутую ему руку помощи.

Висеть на ней этому бесноватому, кажется, понравилось: раскачиваясь из стороны в сторону, он издавал звуки, которые заставили бы краснеть и подтягивать мастерство самого матерого тамбовского волка. Но Анастасия Борисовна все же не зря заканчивала знаменитый столичный пед; в доли секунды, собравшись и стряхнув с себя испуг, она что есть силы дернула визжащего товарища и строгим голосом выдала то, что всегда спасало на уроках:

– Сидеть, я сказала!

Чудесное заклинание и на этот раз не подвело. Человек обмяк, закрыл рот и нежно уложил голову на край унитаза,

который тут же по установленной программе ласково обдал его прохладной водицей с запахом ландышей. Это помогло. Бывший возмутитель спокойствия ослабил хватку и скатился со ступенек на анатомический коврик в русском стиле, разметав по этому дорожному удовольствию неподвижные члены.

В бездыханном теле храбрая учительница тут же признала Тихона Гавриловича. Трудовик был сер, помят, обсыпан какой-то пожухлой пылью и осколками стекла. Он лежал у мраморного подножия тихий и смирный, и спустя несколько минут Насте вдруг показалось, что он не дышит.

Она с тревогой наклонилась к поверженному, лихорадочно вспоминая, где искать пульс и что делать, если его нет – извечный вопрос, вызывают ли вперед милицию или скорую. Кое-как расстегнув ворот изорванной мокрой рубашки, чтобы дать воздуху пробиться к больному, Настя приподняла увенчанную жидким хохолком трудовую голову.

Внезапно глаза пострадавшего открылись, он закашлялся и прошептал:

– Они... там...

Девушка, вмиг сообразив, что все-таки, наверное, милиция будет уместней, разволновалась: видимо, ей предстояло узнать последнюю волю умирающего и получить наводку на убийцу. Второе было поважнее, а то добрая традиция записывать в обвиняемые нашедшего труп никак не вязалась с планами Насти на жизнь. Медлить было нельзя:

– Что случилось, Тихон Гаврилович? Кто это вас так, вы его узнали? Не закрывайте глаза, смотрите на меня! Что я делаю? Щелкаю пальцами, раз, раз, смотрите!

Голливудский метод воскрешения мертвых не помогал. Тихон стремительно белел, при этом как-то синея по краям, протяжно вздыхал и ничего не говорил. Наконец, словно собрав последние силы, он притянул Настю к себе и, уже с трудом выговаривая слова, прошелестел:

– Ушли...ищите!

Это были последние слова Тихона, которые обошлись школе очень дорого.

Глава 11

– Значит, вы утверждаете, что во время последней ссоры с мужем видели дьявола, так? – старший оперуполномоченный Виталий Катанин обреченно вздохнул. Напротив него рыхлым студнем трепетала и сотрясалась в рыданиях женщина лет пятидесяти в черных соболях. Каждое слово милиционера она встречала душераздирающими всхлипами и мотала головой, причудливо разукрашенной висюльками сережек, завитыми локонами в каких-то перьях и золотым блеском зубов. Вся эта мишура звенела и скакала перед Виталием уже два часа, и, если бы не его чувство долга и виды на повышение, дама давно бы уже развлекала веселых медбратьев из психиатрической неотложки. Но Катанин не зря носил свои погоны.

– Послушайте, Клавдия, э-э-э... Энгельгартовна! – опер выдохнул и отметил про себя, что иностранные языки, вопреки характеристике из школы милиции, даются ему легко. Всего пара часов практики и отскакивает, как с листа. С видимым удовольствием он повторил:

– Да, Энгельгартовна. Так что же произошло при вашей последней встрече?

– Последней??! – соболя умылись очередным бурным потоком слез, а Катанин был вынужден сглотнуть – верное средство от заложенных ушей. Женщина на достигнутом не

остановилась. Заламывая руки, она напустилась на опера:

– Жестокосердный, нет, жестоковыйный вы молодой человек! – таких обидных, сложных слов опер не слышал даже от матерых рецидивистов. – Да что же вы меня вдовой делаете раньше выплаченной ипотеки? Не вы на мне женились, не вам меня и в брошенки записывать!

Дама шумно высморкалась и скрестила руки на груди, наглядно иллюстрируя пример из языка жестов: разговор окончен и наши дороги разошлись. Какой-нибудь ломающийся на правах человека коп-недоучка спасовал бы и проворонил ценного свидетеля, но Виталика учили там, где женщины с бородой не собирали стадионов и вольнодумства карались по всей строгости.

– Жениться я планирую более удачно, – осадил он свою визави. – А не хотите сотрудничать со следствием, пятнадцать суток в камере вам положены на раздумья. И штраф за оскорбление при исполнении! В размере, который дальнейшую ипотеку действительно ставит под большой такой вопрос!

Руки и соболя вмиг перегруппировались, сложив новую, покорную и очень лояльную к следствию позу. Клавдия шмыгнула носом и дрожащим голосом стала вспоминать:

– В тот вечер произошло много чего. Во-первых, Султан Сулейман кинул фиолетовый платок какой-то чернявой глисте. У меня настроение испортилось на неделю. Во-вторых...

Катанин захрустел пальцами и мысленно представил, как

они уверенно смыкаются на дебелой, обвитой цепочками шее опрашиваемой. Картина выходила загляденье. Отогнав чудное видение, он мягко попытался скорректировать Клавдины показания:

– Прекрасно. С вашими родственниками разберемся позже. Давайте еще раз с самого начала, но про супруга.

– Так я же вам говорю, я же все рассказала! – снова зашлась в рыданиях мадам Поленко. Виталий поморщился, нацедил из графина полный стакан и, критически оглядев распухшую физиономию Клавдии, от души добавил в мутную воду полпузырька валерианки. Пусть потом поговорят, будто родная милиция их не бережет!

Дама одним глотком осушила протянутый ей коктейль. Спиртовая часть настойки была, конечно, не при чем, а вот драгоценные эфиры и растительные вытяжки мгновенно зарумянили Клавины щеки и даже слегка ее успокоили:

– Так вот, с начала. Познакомились мы с Леней на рынке...

Опытные товарищи, конечно, говорили Катанину, что свидетелей, особенно женщин в климаксе, бить и перебивать не следует: в куче навоза обязательно отыщется жемчужина требуемой истины. Но в случае с мадам Поленко опер уже сидел в навозе по горло, захлебываясь в зловонной жиже каких-то обрывочных сплетен, ябед на соседок и мистических откровений. Поэтому, только ради спасения утопающего, он все же нетерпеливо прервал плакальщицу и снова направил

ее в нужное русло:

– Это тоже важно, но давайте все-таки начнем в обратном порядке. Сначала о том, что было на днях. А затем вернемся в прошлое и вспомним все остальное и очень существенное. Ну, попробуйте!

Клавдия Энгельгартовна подняла глаза к потолку и завела рассказ, который в свою очередь уже завел с утра все управление:

– Значит, так. Леонид Серафимович, он, конечно, уже почти стал хороший человек. Мне совсем немного не хватило времени, хотя Господин Рафаэль и говорил, что его сущность астрально светло-голубая. Или даже оранжевая. Как по-вашему, оранжевая все-таки?

Виталий устало прикрыл глаза и безнадежно махнул рукой:

– Вскрытие покажет, какая там сущность. Если найдется. Продолжайте.

Клавдия вздрогнула, поплевала через левое плечо и постучала по столу под носом у опера. Приняв эти, в общем-то, необходимые и достаточные меры, она по рецепту Господина Рафаэля все же припечатала их для надежности заговором: "Оранжевая найдется, слава волоокому Ярилу, паки троекратно!", и, как ни в чем не бывало, продолжила:

– Так вот. Тот день я решила посвятить Люциферу. Леня-то с ним не занимался. Все на мне было! Знаете, это черное существо, может, других и пугало, но не меня. Мы ре-

шили, чтоб он покори́л весь мир, понимаете? Вот я, значит, делала обряд, когда Леня пришел. А Люцифер на мне лежал.

Милиционер аккуратно принялся убирать в стол заточенные карандаши, ножницы и другие острые вещицы, стараясь при этом не спускать глаз со своей собеседницы и дружелюбно ей улыбаться. Немного подумав, он все-таки отодвинул чашку и кактус: когда-то, будучи еще зеленым курсантом, он читал увлекательную книгу о предметах, извлеченных из тел жертв маньяков и сумасшедших. Катанин знал, что последнее "прости" можно сказать и пуговкой. Наконец, почувствовав себя в относительной безопасности, он переспросил:

– Значит, вы уверяете, что Люцифер, дьявол, к вам являлся и даже вступал с вами в связь? Может, говорил еще что?

Клавдия всплеснула похожим на рояль бюстом:

– Являлся??! Да он жил со мной постоянно! В отличие от моего мужа, которого черти, видать, на Луну носили в это время. Хотя вы, товарищ милиционер, вижу, разбираетесь. Он мне и правда все говорил, Люцифер, но только так, что я одна его понимала.

В дверь просунулась рыжая голова катининского коллеги. Повернувшись ухом к замечательной свидетельнице, он транслировал в коридор ее последние откровения. Аудитория рыдала. Проводивший опрос Виталий впадал в бешенство, но поделать ничего не мог. Ему приходилось наслаждаться первоисточником в подлиннике и без купюр. Мадам Поленко заливалась соловьем:

– И, значит, решила я помочь Люциферу завоевать мир! Ну хотя бы в нашем городе, сами понимаете. Как говорит Господин Рафаэль, степ бай степ. Сначала город, область, потом и мир. А Люцик, это мы его так ласково звали по-домашнему, какой-то страшный стал в последнее время, неуправляемый. Вот вы как думаете, это легко мне было?

Катанин с отвращением посмотрел на торчащее в двери ухо и вкрадчивым голосом обратился к Клавдии:

– Думаю, нелегко. Коллеги из вытрезвителя говорят, это очень нелегко, когда черти пляшут и домовые шалют.

– То домовые, а то вещь одушевленная, которая и возмутиться может, набедокурить, – Клавдия Энгельгартовна чувствовала себя все увереннее и спокойней. Сначала Катанин ей не понравился, показался неприветливым, но теперь, разглядев в его душе нежные струны и интерес к ее любимцу, она искренне радовалась новому внимательному собеседнику:

– Значит, вот. Все уже и готово было, когда Леня пришел и стал Люцифера изгонять. И ведь как Люцик с ним бился! Но потом все-таки мой муж заслал его куда-то в тартарары, и мы стали его приманивать обратно, и звать везде... Только все напрасно, о-о-о! Не вернулся Люцифер к мамочке! О-о-о, о-о-о, – мадам Поленко зарыдала горше прежнего, а Катанин отер пот со лба. Схватка с Сатаной добавляла еще одного фигуранта к делу о двенадцати врагах Леонида Серафимовича, и это были только те, которых следствию удалось уста-

новить за минувшие сутки. В целом, показания супруги выглядели на общем фоне ярко и неизбито, но начальство старшего оперуполномоченного предпочитало более скучные отчеты без бесовщины. Виталий встал, походил по кабинету, предусмотрительно не поворачиваясь спиной к Клавдии, и попытался систематизировать полученные сведения.

– Я правильно вас понял: вы поссорились с мужем, потому что он запретил вам сожительство с Сатаной? Соседи снизу утверждают, вы кричали и угрожали мужу убийством.

Клавдия уставилась на милиционера и с сомнением протянула:

– Ну-у-у, убийством вряд ли можно назвать то, чем я ему угрожала... Наоборот! Я сказала, что мама моя с кумой приезжают с деревни. На днях. И брата моего, сварщика, привезут. Потому как он как раз между летом и первым сентября бывает трезвый, и его можно погрузить в поезд. Между нами, если Люцифер не найдется, то братец Леню мог бы на конструктор разобрать и двух новых котиков сделать! Он у меня этот... гиппиусец! Борец за все живое. Но мужу я такого сказать не успела.

Виталий нахмурился:

– Гринписовец, наверное. При чем здесь какие-то котики? Можно это понимать так, что ваш брат конфликтовал с гражданином Поленко?

Теперь уже гораздо более грозно нахмурилась Клавдия Энгельгартовна:

– Писовцы – это у вас здесь в городе в розовых труселях ходят. Советский милиционер бы постыдился слова такие говорить. И знать их тоже! И вообще, что значит "какие-то котики"! Мы с вами цельное деловое утро говорим про моего Люцика и как нам с вами его найти. Вон у вас сколько настрочено, проверьте свои каляки, а не братца моего обзываете.

Где-то на самом краю, у горизонта Катанинского сознания забрезжила мысль, что не так уж и далеко уехала крыша мадам Поленко, а был в ее чернокнижном бреду вполне материалистический подвох. Виталик гнал от себя страшную догадку, как мог, а женщина тем временем лихо закручивала торнадо своего праведного гнева:

– Поглядите-ка на него, – Клавдия совершенно раздухарилась, окончательно стерев с лица рассеянно-идиотическую улыбку, которая всегда сопутствовала рассказам о любимом питомце. Теперь напротив опера сидела совершенно нормальная вздорная бабища от сохи и самым базарным голосом верещала:

– Я здесь распинаюся, открываю свое сердце, а он туда своим кирзовым сапогом и неуважением! Оборотень вы, только и радости, что без погон, – уж об этом я сейчас позабочусь! Чтоб вам с взятками всю жизнь бороться на собственном примере! "Какие-то котики", – мадам Поленко воинственно пыхтела. Видно было, что разъярилась она не на шутку.

Ухо в рыжих завитках исчезло за дверью, оттуда слышалась возня и сдавленные смешки, а до Катанина медленно, но верно доходила фатальность допущенной ошибки. За последние три часа он разнес весть о филигранно раскрытом преступлении по всей вертикали милицейской власти в области. В первичном рапорте были и секта сатанистов, взятая в полном составе вместе с главарем и реквизитом, и точно установленные преступные связи террориста Люцифера, хранение и приобретение всего, чего только можно, вернее, нельзя – в общем, это тянуло на элегантные майорские звездочки и отпуск. Теперь дело нагло рушили котик и рыжий гад, наверняка уже трясший вестью о катанинском фиаско во всех инстанциях.

Медлить было невозможно, а для карьеры просто губительно. Виталик прикинул, сколько понадобится Рыжему, чтобы в деталях донести начальству, а начальству: поднять трубку телефона и взгреть опера по полной вплоть до совсем уж жаркого перевода в сельские участковые. Выходило, у Катанина имелось около четырех с половиной минут для успокоения капризной практикантки черной и белой магий и лепки из ее запутанных показаний чего-то вразумительного.

– Спокойно. Спокойно, – ввиду нехватки времени опер умело совместил аутотренинг с воздействием на свидетеля. – Давайте еще раз пройдемся по ключевым моментам. Вот, Клавдия Энгельгартовна, выпейте настоечки.

– Да что вы меня валерианкой опаиваете, как кота перед

кастрацией? – вскинулась мадам Поленко. Но стакан взяла. Сделав пару шумных глотков, она лихо выдохнула этилом и уже не так непримиримо продолжила:

– Ключевой момент у нас с вами один: искать надо! – гранд-дама зрила в корень. В этом Катанин с ней был вполне солидарен, ибо еще в Академии изучал две главные задачи образцового милиционера: искать и думать. По первому у Виталия была твердая четверка, а по части второго родная кафедра делала ставку на опыт и новые открытия медицины в области развития головного мозга.

Старший оперуполномоченный был из тех счастливцев, которые используют свой разум только на полпроцента от десятой части его нижней мощности, и это означало, что будущее готовит ему ушат чудных открытий. То, чего тибетские монахи достигают спустя десятилетия поста, медитации и купаний с дохлыми осликами в священном Ганге, имелось у него с самого рождения: легкость бытия и полная гармония с собой. Конфликтовать Виталикиному внутреннему миру было не с чем: он состоял из одной полосы, ровненько от окошка для приема пищи до самого черного хода. Бурю страстей в этой вселенной могла пробудить разве что слишком острая корейская морковка, а в остальном Катанин был неуязвим для внешних воздействий. Туман беззаботности чуть было не рассеялся в армии, где и из Далай-ламы могли бы сделать альфа-самца повышенной агрессивности с помощью нехитрых приемов, типа сборки на скорость автомата

Калашникова или генеральской дачи.

Все напортил случай. Виталий попал в знаменитое Коломенский водолазно-танковый полк, который тайно перебросили в тылы явных врагов России в некой игрушечной стране. Как утверждало позднее находчивое вражеское правительство, только для того, чтобы подкашивать их хрупкую экономику своей прожорливостью – иного вооружения у мирных, в общем-то, коломенцев не было. Кроме того, за два года службы призывник так и не нашел ни остальных, ни расположения своей части, зато расширил кругозор, заговорил на самостийной мове и отвык от критического мышления.

Место старшего оперуполномоченного досталось ему по наследству. Демобилизовавшись и вернувшись в родную губернию, он с трудом вливался в гражданскую жизнь без принятых за бугром поскакушек и вечного ничегонеделанья, потому как и так сосед подаст. Спас Катанина портрет бабушки, приколотый прозорливой бабулей к ковру прямо над Виталиной кроватью. Дед, нещадно гонявший в годы войны фрицев, затем играючи поднял целину Караганды и заодно поднялся сам до начальника УГРО – оказалось умение целинника сажать. Зачистка всесоюзной житницы от нежелательных элементов была им проведена настолько быстро и масштабно, что оперативники его отделения спивались от безделья еще многие пятилетки спустя. А славного деда отправили в МУР в мягком вагоне с предварительной останов-

кой в санатории у известной русской реки.

Там на его грудь, и без того усеянную медалями, упала главная награда, герой труда Марья, тоже премированная путевкой. Девушка была честных правил и не смогла расстаться со своим заводом даже после свадьбы, а молодой муж решил, что искоренять преступность можно и не в Москве. Жили они дружно и счастливо, но, как это часто бывает, природа на детях великой пары отдохнула, а на внуках прямо-таки ушла в бессрочный отпуск без сохранения. Виталик вышел не вундеркинд и мечтал о свершениях только в пределах меньшей или большей бутылки пива.

Но со временем – может быть, и потому, что бутылки большего размера стали преобладать – ежеутренние встречи с полным достоинства взглядом великого деда на фотокарточке стали напрягать. Предок делался, как казалось Катанину, все мрачнее и мрачнее, пока в одно прекрасное утро после новогоднего марафона со стороны ковра донеслось: "Уголовка по тебе плачет!". То обменивались мнениями соседи за стенкой, но Виталик принял издержки панельного строительства за глас с того света. На утро он сдался в лицейскую академию.

С той поры недоросль стал человеком. Все, что еще можно было спасти из его серенького вещества, пошло в дело: опытные сыскари из старой гвардии не жалели сил, чтобы Катанин-старший перестал краснеть на Небесах и знал, что внучек не посрамит честь фамилии. В качестве поощрения

и аванса за будущие заслуги Виталий довольно скоро даже не дорос, а взлетел на должность старопера, где и застрял в немом изумлении от обилия работы.

Вот и сейчас Виталий сидел и с трудом выжимал правду из миллиона никчемных фактов и недомолвок. Дело о произошедшем в школе не задалось с самого начала. Систематизировать показания свидетелей не смогли бы и Лобачевский с Кони, а каждый новый опрашиваемый только все запутывал еще сильнее. На трехчасовое бдение с мадам Поленко можно было бы запросто продавать билеты ценителям театра абсурда и мексиканских драм с кровосмесительным сюжетом, но вот нести этот протокол начальству точно не стоило. Катанин пригорюнился, задумался, и до него не сразу дошло, что Клавдия Энгельгартовна готова поделиться со следствием еще кое-чем.

– Любовь моя, мое счастьеце, на кого же ты меня покинул! – женщина сыпала крупным горохом слез и надрывно причитала: – Осиротели мы без тебя, без кормильца, о-о-о!

Виталий изумленно посмотрел на столь безмерно скорбящую супругу. По нынешним временам, когда женатым можно быть только до обеда, пока твоя новобрачная не разберется в своих чувствах и не найдет партнера понаваристей, такая лебединая верность внушала уважение. Тем более, что с утра мадам Поленко не казалась чрезмерно любящей женой. Сейчас же она заливалась как Элоиза по своему Абельяру:

– Что же теперь будет-то, о-о-о!! И дом мне опостылел,

ведь нет там тебя, моего дорогого! Вот какая она, жизнь-то несправедливая! Ушел вот так и с концами. Он же даже фамилию свою не знает!

Катанин заинтересовался:

– Фамилию не знает? И давно это у него? Склероз, болезнь Альцгеймера или синдром бродяжника?

Клавдия резко захлопнула рот и с обидой, но совершенно ровным голосом ответила:

– Вы что, он все ж из приличного дома. Я его и кормила, и поила, от себя кусок отрывала получше. Какой там геймор, он у меня и травку специальную ел, для желудка. А фамилию-то он, может, и знает, только сказать не может.

"Надо же, как иные бабы заботятся о мужьях! – отметил про себя Виталий. Вот здесь тухнешь в провинции и не знаешь, какие там травки для желудка. Без женской руки так и загнешься на дошираках! Стану майором – женюсь!". Вслух же он дал более реальное обещание:

– Не паникуйте, гражданка, найдем мы вашего мужа. В каком бы виде он сейчас не был. Даже если уже и не сможет фамилию сказать.

– Да вы издеваетесь надо мной! – Клавдии было не угодить, она опять бурно дышала и рукоплескала во все стороны: – Мужа себе моего оставьте, если только не в виде кота найдете, Люциферчика моего сладкого! Это он принудительно пропал из дома и до сих пор не вернулся. Леня его прогнал, дуб стоеросовый! А если он сам куда-то делся, то в

его интересах, чтоб это были поиски моего дорогого котика. Еще вопросы есть?

Вопросов у Катанина имелось неограниченное множество, но для их решения необходимо было срочно убрать Клавдию из кабинета. Показания ее стоило разобрать, опросить указанных ею лиц на предмет подтверждения и как-то связать с ранее полученные материалы. Дел накопилось, как у Золушки перед балом. Мадам Поленко же будто сроднилась с жестким стулом и уходит собиралась только тогда, когда Катанин в полной мере отдаст ей свой милицейский долг: вернет Люцифера на место, перевоспитает ветреного супруга, накормит голодных и установит мировую справедливость. Виталий уже раздумывал, не дать ли ей возможность переночевать в отделении, когда зазвонил телефон.

– Катанин, – отозвалась трубка полным жизни голосом следователя, – как обстановочка? Заканчивай со своей Мадонной и двигай поршнями ко мне. И эти, хроники Люцифера прихвати! – кто-то по ту сторону провода захрюкал, а Виталий понял, что наверху Рыжий уже отчитался об услышанном, точнее, подслушанном. Трубка лязгнула и начальство отключилось.

Оперуполномоченный собрал бумаги в стопочку, еще раз перечитал последние строчки и в сотый раз подивился, как с таким контингентом милиция вообще кого-то разоблачает. Затем мягко, но настойчиво выпроводил Клавдию за дверь, клятвенно пообещав ей поднять спецназ, МЧС и спасате-

лей-волонтеров на поиски котика, а о результатах отчитаться ей лично, какими бы горькими они не были. Даже, если Люцифер найдется не в обед, а, к примеру, вечером, мадам Поленко обещала ждать и терпеть.

После ее ухода в маленьком кабинете тут же завелся свежий воздух и стало легче дышать. Катанин посидел пару минут в кресле, наслаждаясь тишиной, и стал собираться наверх, но приоткрылась дверь и в нее бочком протиснулся русский мужчина в комбинезоне.

– Вызывали? – робко спросил он у Виталия. – Я с аварийной службы.

– Да вас, если вызывать, не дозовешься! – поделился милиционер жизненным опытом. – Первый случай в истории ЖКХ нашего города, пришли, наконец. Вы по поводу радиатора ко мне?

– Нет, – так же тихо отозвался стеснительный аварийщик. – На радиатор ждите очередь. Я – сантехник по поводу школы. Что там в школе произошло, вы меня вызывали.

Катанин от радости чуть не расцеловал дверь, впустившую такого дорогого гостя. Это был сантехник, который проявил чудеса героизма в день преступления. Он все видел, и, скорее всего, много знал.

Это он поймал тех, кого упустил Тихон.

Глава 12

Упущения в жизни Тихона Гавриловича и раньше случались, но достижений, по его личной шкале ценностей, за ним водилось много больше. В мечтаниях о кисельных берегах далекой Америки трудовик методично подтягивал себя под идеалы этого царства Момуса, страны неограниченных возможностей. В основном для тех, у кого наличествовала пара миллионов в кармане, на текущие расходы по мелочам, так, до завтрака. Долларами, однако, Тихон не запасался: для него они были фантастикой, как антикварные дублоны в трюмах разбитых испанских галеонов у берегов Флориды. *Dolce vita* должна была наступить за океаном по умолчанию. Это подразумевалось как бы само собой: всякий, ступивший на Землю независимости, наследовал часть золота инков, кладов Кортеса, Рокфеллеровских фондов, которые тут же и выдавались приезжему в твердой валюте и с широкой американской улыбкой.

Улыбка, в свою очередь, была загвоздкой. Одним из непрменных атрибутов настоящего гринго, можно сказать, его визитной карточкой являлись, по мнению Тихона, белые, как снег Джомолунгмы, блестящие одинаковые зубы. Об этом трудовику в унисон пели ковбои на пачках Мальборо, невиданные ролики о зубной пасте и двуногих бактериях, выпиливающих кариес в свободное от пения время, и

флагманы Голливуда образца девяностых.

Юный тогда еще Гаврилыч, впервые смущенно переступив порог видеопроката, не стал задерживаться у стендов с Рэмбо и другими мастер-классами по рэкету, но надолго застрял у стеллажа с пропуском в американскую мечту: аэробикой Джейн Фонды и киноуроками по обогащению. Повторить за Джейн не составило труда: Тихон так ходил в обычной жизни, зато сверкать ее фирменным фарфоровым оскалом не получилось. Сода и наждачка-нулевка не помогли: клыки упорно торчали вразнобой, отливая латунным блеском советских пломб и наследственной желтизной семейной эмали. Молодой человек запереживал, ведь в Майами этот казус могли бы неправильно понять, а он не хотел огорчать местных миллионеров непривычной экзотикой.

Перепробовав все доступные средства из "Полного справочника народной медицины", который, кстати, стал настольной книгой Тихона на все времена, юноша впал в уныние: ни трудноизвлекаемое молочко одуванчика с лимоном, ни известка, ни даже кошка, умчавшаяся в ночь с привязанной к хвосту запиской и колокольчиком не обелили зубы до нужной градации белого. Скорее наоборот, от постоянной травли челюсть как-то скукожилась и ныла, а зубы по одному, а то и целыми группами стали покидать это неудобное место. Тихон Гаврилович, руки которого уже тогда были очумелые и тряслись от желания работать, попытался пойти по пути древних китайцев и изготовить протезы самостоятель-

но, взяв за образец всю ту же блистательную Фонду. Подвели неточности в расчетах и сопротивление материалов, хотя сопротивление многострадальной челюсти тоже пришлось учесть. В общем, выпиливание лобзиком малых форм в тот момент не задалось.

Тихон Гаврилович решился. Будучи знатоком и экспертом во всех областях, он никогда ни у кого не просил помощи, но ситуация складывалась патовая. Редкие, как пацифисты в Сомали, зубы ставили под угрозу само существование Тихона: посильные для прикуса протертые супчики надолго отбивали охоту работать, а без работы пропали и супчики, разорвать же этот порочный круг мог только хороший дантист. На счастье, вокруг бушевал только что взятый на воспитание, но дикий пока еще капитализм, раздолбавший своими неуклюжими лапами бесплатную медицину и разбросавший ассов золотых коронок по вещевым рынкам. На их место ветром перемен нанесло специалистом всех мастей, включая даже тех, кого действительно учили подходить к бормашине с безопасной стороны. Среди последних алмазом сиял настоящий американский доктор, предприимчивый Беня Фридман из Гомеля, раньше всех понявший, где теперь нужно ловить удачу. Он быстро свернул свой маленький кабинетик на Брайтоне и на все вырученные деньги отгрохал клинику в областном центре. С чисто еврейской смекалкой он договорился со всесильным Финогеном Семеновичем о расценках на покой и понеслось.

Надо отдать Бене должное: зубы он действительно лечил и лечил без боли. Первые клиенты, боязливо озиравшие мраморный холл с фонтаном приходили в ступор, когда белокурая модель раскладывалась из-за стойки администратора во всю длину бесконечных ног и ласково заводила их в кабинеты. Там, вопреки возникшим сомнениям, царили строгая хирургическая чистота и профессиональный подход, которые воплощали суперсовременные, невиданные доселе в области кресла и приветливо журчащие сверла элегантных аппаратов. Беня к тому же искрился умом и сообразительностью, любил свое дело и за каждый зуб боролся как за родного дядю. Через каких-то полгода клиника стала самым посещаемым местом в городе, а странный мор среди конкурентов, не успевших купить бронжилеты к встрече с опричниками Финогена, и вовсе направил все дороги борцов за здоровье и эстетику в ее двери.

Жертвой рекламы и, что более неожиданно, здравого смысла в этом случае оказался и Тихон Гаврилович. Аккуратно вырезав из постера курсов аэробики в ДК улыбку Джейн, он отправился за консультацией к Бене. Дива-администратор, которую хозяин нещадно дрессировал и натаскивал на зарубежный лад, где клиент уже десятилетия был всегда прав, и бровью не повела, когда странный юноша с куском глянцевого бумажки во рту что-то зашепелявил, указывая в сторону процедурной. Свято помня заповедь американца о том, что с ума сходят в том числе и от денег, а если не от

них, то тем более резких движений лучше не делать, она с радушной улыбкой сдала пришельца на руки Самому.

Беня усадил Тихона в кресло, надежно припер его стойкой бормашины и приступил к осмотру. Изучив со всех сторон облюбованную вырезку, прослушав пару отделений из птичьего клекота с присвистом, что явно указывало на отсутствие передних, нижних, боковых и уж точно зубов мудрости, доктор не стал заигрывать с буйной фантазией мужчины и сразу предложил радикальные меры:

– Не смотрите на меня, как глиста на булочку. Хотя я вас понимаю, рот исключился из вашей пищевой цепочки. Вы голодны. Давайте так: я скажу, насколько вы потратитесь, а вы кивнете, насколько вас это облегчит.

Тихон заворочал шестеренками, чтобы ответить, но на то Фридман и жил на Брайтоне с тетей Цилей. Он двумя пальцами в перчатке захлопнул пациенту рот и продолжал:

– Не стоит сейчас благодарить. У меня слишком чувствительное сердце, оно легче переносит коньяк. Тридцатилетний, – тут Беня со знанием дела оглянулся на стоптанные тихоновские штиблеты и дал корректировку, – Армянский коньяк тоже годится. Беня тоже ходит к нужным людям. А отдавать тридцатилетний коньяк незнакомому человеку, это же как папуасу зеркальце подарить. Банально, но жестоко. Вот я по-вашему – жестокий человек?

Закованный в оборудование Тихон на всякий случай замотал головой.

– А я все-таки жестокий, – Беня сощурил глаза. – Барышни станут кидаться с окна за вашу улыбку, шо я вам сделаю. Да что там барышни! Вы сами в зеркало себе не улыбнетесь, без того, чтоб не поцеловать себя, такого фильдеперсового, в затылок. Чтоб не было больно нам обоим, ни копейки с вас не возьму.

Американец закрутился на табурете, отъехал на нем к своему столу и лучезарно улыбнулся не верившему в свое счастье Тихону.

– Копейки не возьму. А долларов десять тысяч возьму. И мы расстаемся друзьями, и вы с зубами.

Перспектива была ошеломляющей. Такая красота за такие деньги убила Тихона еще до воплощения в действительность – опытный в этих делах доктор правильно оценил ее страшную силу. Перед глазами юноши калейдоскопом складывались и рассыпались яркие обломки ускользающей мечты: яхта с миллионерами разбивается об остов черного зуба, белоснежная улыбка Джейн с хрустом разгрызает коробку его многоэтажки, Тихон грабит сберкассу и крадет мешок рублей, а в следственном изоляторе белые зубы уже не имеют значения... В общем, воротилы Нового Света висели на волоске от счастливого шанса не встретиться с трудовиком никогда.

Но с Беней невозможное становилось возможно. В его энергичном присутствии даже безнадежные кадры проникались верой в себя, когда понимали, сколько же они стоят. Де-

сять тысяч долларов сначала кувалдой обрушились на тихоновское сознание, но тут же отскочили от этой непробиваемой субстанции под искрящийся сноп идей по их добыче.

Но доктор любил, чтоб ему платили до конца и не смог бы, как милосердные русские женщины, ждать своего героя из тюрьмы. Он быстро оценил потенциал своего пациента и предложил схему, отработанную со времен Моисея и слегка оптимизированную фарисеями: посадить клиента на крючок Земли Обетованной и гонять его сорок лет, пока не расплатится.

– Что вы бледный, как спирохета? Я ж вам не предлагаю продать родную маму. – Тихон с интересом вытянул губы трубочкой. Этот бизнес-план ему прежде в голову не приходил. Тут Бенья, наконец, нащупал взаимовыгодную схему расчетов:

– Я буду работать за ваши зубы. Мысленно. А вы копите. Вот каждый раз, когда ваши руки станут пачкать какие-то деньги, говорите себе: "Шлимазл я! Почему эти деньги еще не у Бени?", и несите их сюда. Здесь им будет уютно. И как-нибудь вы придете, а я вам скажу: "Тихон, сегодня вы получите свои зубы совершенно бесплатно. Платить сегодня не надо". Обдумайте это шикарное предложение и кивните любой положительный ответ, – время Бени дорого стоило, и в заботе о расходах клиента он ускорил мыслительный процесс Тихона тычком в плечо. Легкая и с таинственным содержанием, как засохшие коробочки семян на ветках ака-

ции, голова трудовика стала раскачиваться, соглашаясь на несколько шикарных предложений вперед. Доктор-искуситель радостно подмигнул и освободил от оков продавшего ему свою молодость, силы и здоровье охотника за белоснежными челюстями.

С этого момента Тихону пришлось батрачить на Беню в лучших традициях Ветхого Завета. Хотя надо отдать американцу должное: в отличие от праотцов, он не доходил до крайних мер, с молоком матери впитав – нельзя отбирать у клиента последнее. Иаков, желая свою Рахиль, отмотал два семилетних срока каторжных работ, обманом получив в промежутке лишнюю жену Лию и не заработав при этом даже на алименты спонтанно растущей семье. Нет ясности, доставила ли ему много радости вожденная Рахиль, когда она наконец-то вошла в дом, полный малолетних ребятишек и заставленный подарками к годовщинам свадьбы с совершенно другой дамой. Трудовик, в отличии от библейского героя, был в гораздо более каламитном положении: ненужных, плохих и кривых, зубов Беня ему не ставил, деньги на кошерное питание без излишеств оставлял и даже в качестве бонуса уберег от необдуманной женитьбы. Соотечественницы Тихона были ученые и не хотели прыгать вместе с ним в долговую яму, пусть даже в обмен на кольца, ЗАГС и фату с вышивкой на зависть подружкам.

Эпопея с зубами скоро стала достоянием гласности. Каждый уважающий себя светский человек, поговорив о приро-

де и погоде, считал хорошим тоном спросить:

– Как вы думаете, поставит ли Тихон Гаврилович себе протез в этом году?

Местные остряки соревновались в шутках, так и не побив Зенона с его апорией об Ахиллесе и черепахе: сколько бы не копил трудовик, курс валют легко обходил его на выражах. Коллеги по цеху подкалывали Беню замечаниями о том, что над этой челюстью он будет работать до конца времен, и кто есть Вечный Жид, им теперь ясно. Вся школа знала, что трудовик живет и работает ради этой вожденной цели. Особым шиком среди старшеклассников считалось подарить Тихону на День учителя сделанный из папье-маше огромный зуб или открытку с тщательно нарисованным долларом с пожеланием вагона таких же, но настоящих.

С течением лет накал страстей стал спадать, все уже как-то позабыли про договор врача и пациента и история перешла в разряд местного фольклора. Свистящий Рак не выдержал конкуренции с современными идиомами и скатился со своей горы, где теперь прочно заседал трудовик со своим рукотворным чудом. Так и повелось: если интеллигентный городской спорщик объяснял оппоненту, когда даст ему в долг или когда в Пакистане пройдет гей-парад, безнадежное и вечное "никогда" подавалось в виде: "А вот когда этот, рахитичный, своими зубами рельс перегрызет!", или даже без шелухи других аргументов: "Когда Тихон улыбнется!".

Но вдруг однажды, в самый обычный осенний день Ти-

хон Гаврилович появился в школе другим человеком. Впалые щеки, всегда будто покрытые сероватым налетом редкой щетины, вдруг налились соком жизни и образовали два аккуратных холмика, безупречных по симметрии и форме, как груди Царицы Савской. Голубые глазки сияли неугасимым огнем и лихорадочно стреляли по сторонам, жадные до новых впечатлений, ибо все теперь их владельцу было ново и подвластно. Трудовик улыбался. И было, чем!

Час назад в кабинете Бени под мелодичную музыку мужчина пережил второе рождение. Многолетняя кабала закончилась, злые чары черных пеньков во рту не имели больше власти над принцем стамески: на столе у доктора лежал и переливался ультрабелым новенький зубной протез. Всякие новшества типа модных имплантов Тихон с презрением отверг. Он бы хотел передать такую ценность по наследству, и недвижимость в виде вживленных намертво клыков для этого не подходила. Американец мог по праву гордиться своим творением, настолько чутко он предугадал в нем все явные и, что более ценно, тайные пожелания клиента. Зубы были ровные, крепкие, на два размера больше, чем требовала физиология, чтобы рот Тихонова даже во сне не распускал белоснежной улыбки настоящего янки. Как великую драгоценность Бенья вложил искусственную челюсть в дрожащую, но санитированную по всем правилам ладонь своего преданного пациента, сказал "Лехаим!", и отпустил Тихона с миром, предварительно прочитав технику безопасности.

Ловкая медсестра в процедурной шаловливо повертела перед трудовиком когда-то принесенной им трофейной улыбкой Фонды; заламинированный обрывок являлся самой хорошо сохранившейся частью Джейн в этом мире, все эти годы напоминая Бене за Родину и не давая окончательно русифицироваться. Копия побила оригинал по всем фронтам. Тихоновский протез был сверкуч, бел и монолитен, как скала из космического сверхкомпозита. Элегантным движением руки деталь вставлялась на место и сливалась с организмом Гаврилыча в единое целое. В общем, не существовало в городе, области и даже в стране вещи совершенней, чем зубы Квазимодыша.

Только вот сам трудовик сдал. До этого момента Тихон Гаврилович казался недообследованным, но, в целом, пригодным к труду и обороне членом общества. К обороне его бы с удовольствием привлекли и после – все-таки милые, непривередливые люди сидят в военкоматах – но вот труд и общество начали обходить знаменитую улыбку стороной, потому как никто точно не знал, есть ли у Тихона справка, и на сколько он может не сесть под ее прикрытием. Но почетный пациент Бени на всех парах готовился к скорому отбытию на ту сторону Атлантики и не замечал косых взглядов, пальцев у виска и предписаний из милиции гасить ослепляющий свет зубов после 23:00, ведь жалуются соседи.

Ночные приключения Тихона абсолютно доказали, что доктор Фридман занят своим делом, и его продукция пре-

восходит все мыслимые стандарты качества. В те злополучные сутки челюсть выдержала серию ударов от судьбы и человека, включая двойной апперкот Динина, который в иных случаях укладывал целые группировки прямо в гроб и по частям. Протез не только не шелохнулся, но и дал сдачи, предельно чиркнув Павлика по костяшкам пальцев. Это смягчало второй удар, что и не позволило внучатым племянникам трудовика получить наследство в этом году – вот так и закаляется характер современной молодежи!

Зубы устояли, но все детали вокруг них пребывали в плачевном состоянии. Задиристый Динин выключил Тихона приблизительно на полчаса. Правда, после бурной ночи взлетов и падений, погонь, пропаж и подозрительных шорохов нокаут стал для трудовика спасительным оазисом отдыха, чем-то вроде медицинской комы для почти несовместимых с жизнью больных. В малиновом омуте сна Квазимодыш дрейфовал в его вязких толщах, с каждым движением углубляясь все ниже и дальше, в пустую темень, где нет печали, нет жизни, нет американских миллионеров...

"Как нет??" – Тихон крикнул прямо в липкий глицерин обморока. Нейроны мозга, испугавшись такой прыти, как-то по инерции заиграли нужными импульсами и послали в космос сигнал о продолжении вахты. Гениальный Энштейн уже выразил закон о сохранении энергии, поэтому и космосу пришлось поднапрячься, чтобы снова подключить трудовика к питанию. Тихон Гаврилович открыл глаза и осмотрелся.

В который раз за истекшие сутки он лежал на натуральном школьном паркете, хотя в этом Квазимодыш усматривал явную пользу: излишки статического электричества он снял на год вперед. Вглядевшись в бархатную темноту первого этажа, Тихон не заметил ничего угрожающего на горизонте и решил восстать из своего упадочного положения, чтобы явиться, наконец, пред светлые очи всешкольного властелина Леонида Серафимовича. Пережитое давало материала на трехтомник с кисточкой, и такой исчерпывающий донос должен был возвысить Тихона еще на стадии предисловия. Потирая ушибленные места, примерно от пяток до макушки – Павлик мастерства не растерял – он стал осторожно вытягиваться вверх по стенке. Рыбе, как следует побившейся головой о лед, это не удастся, не удалось и Тихону. Он замер в коленно-локтевой позиции и стал размышлять, что делать дальше.

Когда-то давно, когда трудовика еще интересовало что-то, кроме него самого, он услышал обрывок страстной речи физика Вишневской о грандиозных открытиях в одном европейском университете. Все западное заведение трудилось над сверхважной задачей: выяснить, полезно или не полезно младенцам ползать. Такая мелочь, как отсутствие широкого выбора у грудничков, ученых мало волновала, и, потратив миллионы евро налогоплательщиков, годы своей жизни, они, наконец, пришли к потрясающему выводу: в основном, полезно. Вредно только в редких случаях, когда не полезно. В

рамках этого колоссального исследования проводились эксперименты с участием взрослых студентов. Перед экзаменами их ставили на карачки и заставляли ползать по сорок минут. Статистика показала лучшие результаты у ползающих студентов – видимо, они боялись других экспериментов для неуспевающих, тогда в Европе еще правильно помнили Аушвиц.

Теперь, вспомнив прошлое, Тихон возликовал. Ясно как день, что, передвигаясь, как есть, он запустит свой мозг на повышенных оборотах, его наверняка осенят новые светлые решения по части реорганизации школы после того, как оттуда через пять минут вылетят все отщепенцы-переучки, типа Назара. После первых же извиваний трудовика посетила дельная мысль: привести себя в порядок и освежиться. Прямо напротив щерился запретительной и устрашающей ослушников табличкой волшебный санузел Финогена, куда Тихону, как существу низшей мастеровой касты, ход при жизни без Поленко был заказан. Теперь, когда былые предрассудки сломались о волю нового директора, вернуть дворцы народу стало делом чести.

Трудовик, скрипя слегка разошедшимися в ночных приключениях членами, дополз до туалета. Споро перебирать ножками, как это без усилий делают девятимесячные крепыши, не получилось; Квазимодыш тащился по-пластунски, словно польский партизан-белоручка, что в конечном итоге и обусловило плачевные результаты всего предприятия:

ученые же говорили, что для успеха надо ползать на локтях и коленях. До выключателя из ляпис-лазури он не дотянулся, впрочем, жечь электричество уже не было необходимости, Тихон за истекшие двенадцать часов стал заправским ночным жителем с круглыми глазами и способностью вышивать гладью в темноте. В принципе, выходило, он ночным жителем и родился: внешние признаки и сумеречное сознание, по крайней мере, сопутствовали Тихону Гавриловичу сызмальства. Теперь этот повелитель тьмы поднапрягся и толкнул дверь секретной комнатки Финогена Семеновича. Та бесшумно отворилась, и смельчак рывками заполз внутрь, скрывшись в прохладном сумраке.

Левиафан дождался свою жертву.

Глава 13

Аварийная бригада на буханке ярко-желтого цвета с красными полосами неслась навстречу очередному приключению, с молодецким безрассудством закладывая крутейшие виражи на поворотах и распуская за собой дымовую завесу солярки с нотками хмеля. Этот дребезжащий и яркий, как передвижной цирк-шапито, автомобиль заключал в своих недрах золотые руки и отборную смекалку города и области. Слесарь, электрик, сантехник и мастер общих вопросов были готовы придти на помощь в любую минуту, а оставшееся еще с советских времен коммунальное хозяйство еще с большей частотой требовало их неусыпного бдения над своим изрядно потрёпанным телом. Сейчас бригада в полном составе спешила на срочный вызов в элитную гимназию. Там, помимо нашего всеобщего богатства, дорогих детишек, их наверняка ожидали и специализированные дары, типа "биотоплива сантехника" в виде чистой, как слеза, пшеничной или хотя бы наваристых супов в столовой.

Настроение у пролетариев в этой связи было отменное, хотя диспетчер так и не смогла назвать им точный диагноз поломки. Звонки из школы обрушились на пульт бесконечным Ниагарским водопадом час назад. Нескончаемый поток истерических голосов на фоне какого-то шипения и треска слился в единый призыв: "Приезжайте срочно!". Хладно-

кровная обычно властелинша "Буханки и Ко" не смогла устоять перед искушением узнать детали, поэтому воздержалась от обычных советов не включать, не спускать и не дергать, чтобы потом не жаловаться, и вообще задуматься, как люди выживали в войну. Но очевидцы аварии сами не могли толком объяснить, что же именно у них вышло из строя. Девушка на пульте сгорала от любопытства, поэтому не прошло и пяти минут, как ворота подстанции с лязгом изрыгнули колоритный автомобиль с полным составом и инструментами, и аварийка устремилась к месту таинственного происшествия.

А незадолго до этого Динара Ефимовна еще не сомневалась, что все обойдется. Навесив на старозаветную ручку не менее древний стул, она подергала дверь и с одобрением крикнула: враг не пройдет. Повернувшись к ребятам, у которых плотный румянец и сбитые челки выдавали не зря проведенные десять минут без учителя, она на всякий случай их пересчитала и уже вслух подытожила:

– Тринадцать. Если считать тебя, Игнатов, за целого ученика. Хотя и оценки, и посещаемость у тебя натягивают только на полмальчика. Значит так, дети, – Динара Ефимовна подошла к своему столу и с подозрением всмотрелась в явно исправленный и дополненный чьей-то дрожащей, но дерзкой рукой классный журнал. Игнатов, кажется, не терял надежды выбиться в отличники с помощью прикладного творчества. Единственный промах состоял в том, что перво-

го сентября заполнить ведомость отметками на месяц вперед мог только беспросветный романтик, а таких англичанка вычисляла сразу и для возвращения к трезвой жизни прописывала факультатив по три часа пять раз в неделю. За дополнительную плату. Если не ученики, то их родители сразу задумывались об ответственном и честном подходе к английскому языку. Но сейчас было не время.

Маленькая и светленькая, прямо какая-то прозрачная девочка на первой парте подняла руку и тонким голоском пропищала:

– Динара Ефимовна, я вопрос скажу, можно? Вот мама говорит, если что случается, надо прятаться или бежать, и кричать громко: "Пожар!". Потому как если кричать "Убивают!", никто не поможет, а на пожар всем охота посмотреть. Вот я думаю...

– Ну почему сразу "пожар"? – встрял малец сзади. – Лучше тогда кричать: "Там деньги рассыпались! Целая фура!" – вот и побегут все. Бандитов затопчут.

Динара Ефимовна в который раз отметила, что не оскудевает земля русская, спасибо правительству за оплачиваемый трюк по расширению семьи. Больше детей, больше мнений, больше доплата учителям за вредность. Теперь же в педагогических целях нужно было подбить дискуссию авторитетным заключением, то есть словом педагога.

– А ничего страшного не произошло, дорогие мои, – Динара Ефимовна заулыбалась. – Анастасия Борисовна уже

спускается вниз, чтобы навести там порядок. Чтобы мы с вами смогли в тишине позаниматься английским языком! Ведь нам для этого Анастасия Борисовна нисколько не нужна, да, мои хорошие?

Детишки кисло закивали. Они бы с радостью поменялись местами с учительницей, которая не только совершенно безнаказанно ушла с уроков, но всего через несколько минут самолично увидит оборотня из "Сумерек" и, может быть, даже никогда больше не вернется! Наивные, они еще не знали, что в школу могли заглянуть персоны пострашнее смазливового хлыща-вампира, санинспекторы, например. Правда, борцы за чистоту никогда не огорчатся настолько, чтобы так выть: их большие сердца и емкие ладони позволяют обсуждать претензии тихим-тихим шепотом.

Пока ученики ломали голову, сам ли пришел Эдвард Каллен или прислал заместителя, а Динара Ефремовна наслаждалась покоем. Вой и в сравнение не шел с той вихрастой какофонией, в которую дети превращали старый добрый английский. Вдруг звуки с нижнего этажа внезапно оборвались. В школе установилась полная, в том числе тревогой, тишина. Через несколько минут по двери лингафонного кабинета кто-то резко чиркнул острым и крепким ногтем; дети зашлись в радостном щебете: "Точно! Вампир, слышь, забрался когтями по стенке!", и начали спорить, кому первому с ним кусаться, потому как станешь бессмертным, будешь носить зачем-то камзолы и не надо есть кашу утром. Дина-

ра Ефимовна слегка побледнела и немного сдулась. На две секунды даже исполнилась мечта всей ее жизни: из портового баса ее голос перешел в колоратурное сопрано, коим она оперно пропела:

– Кто-о-о-о т-т-т-а-а-м?

"Там" вполне по-человечески огрызнулись и попытались открыть дверь, в качестве сезам-пароля используя самые ядовитые интонации физика Вишневской:

– Динара Ефимовна, вы не на Привозе. Не надо опасаться за свою девичью честь, я не старьевщик, – англичанка поджала губы, но облегчение от прибытия подкрепления заглушило все прочие чувства. Физик по ходу дела не скупилась на утешительные подтверждения того, что это действительно она стучится в дверь:

– Открывайте давайте, а то забаррикадировались, как революционные матросы в винном магазине!

Хлипкая ручка не выдержала и отвалилась, потянув за собой всю линию Динариной обороны. Отсюда мораль: не сдавая деньги на ремонт школы, не надейтесь на учителя – в критический момент трухлявая указка не даст ему защитить ваше чадо от опасности! На этот раз пронесло: за дверью стояла "Могучая Кучка" во всем блеске своей силы и стержовности, а Назар Никонович замыкал троицу с фланга.

Сразу уловив присутствие ледяной Амалии где-то поблизости, класс мобилизовался и с похвальным усердием зарылся в учебники, изображая из себя глубоко безразличных к

внешнему миру фанатов ученья. Заскрипели ручки, неправильные глаголы речитативом зазвучали в наушниках, вливаясь в одно ухо и тут же выливаясь обратно из другого: так в магнитофоне не иссякал запас знаний. Динара Ефимовна от неожиданности тоже углубилась в работу, с удивлением замерев на четвертой странице методического пособия – так далеко в науку она никогда не ходила.

Таким образом, взглядам пришельцев открылась совершенно пасторальная картина. Ужасы воя сюда вроде не докатились, и посевная разумного и вечного, пусть даже за минусом доброго, была в самом разгаре. Голубой лазер глаз Амалии Петровны, пронзив пространство кабинета, не встретил на своем пути никаких подлежащих уничтожению препятствий, типа сонных двоечников или витавших в облаках девиц, а ничто так не раздражало математика Винтер, как вид праздного гимназиста. Занятой человек ее, впрочем, тоже не успокаивал, разве что он не был не раб на галерах или моторист в шесть ставок на китайской швейной фабрике – лишь они согласно критериям Амалии выкладывались на все сто. В Динарином хозяйстве с ее точки зрения всегда имелись недочеты, но сейчас разговор предстоял короче и не об этом.

– Шум внизу мне мешает, – процедила математик. – Имя?

По рядам пронеслась холодная волна испуга, пригнув детские головки еще ближе к учебникам. Мальчик за последней партой у входа выронил наушники, но, как завещал Дункан МакЛауд, устоял, чтобы спасти честь и тихо, но твердо от-

ветил:

– Игнатов.

Винтер медленно повернула голову и направила на солиста немигающий взгляд горгульи с Нотр-Дама.

– Как вы это узнали?

Паренек замялся. Он как-то не отследил момента, в котором ему открылась правда о его происхождении, а теперь оказалось, что это важно. Кажется, мама говорила, что они вообще все – Игнатовы. Уж так им повезло встретиться, одинаковым! Папа натолкнулся на маму, а там уже и сын показал голову из капусты, вот мальчишку и подобрали. А подробностей ему, как водится, не сообщили и даже к тому огороду не подвели. Но строгой, как гауляйтер Силезии, Амалии Петровне в этом признаваться категорически не стоило: Игнатов-младший, еще не доросший до фамильных секретов, уже был в курсе, что случается с парнями, которые ничего не знают или слишком быстро все рассказали. За его будущее в математике дадут не больше ломаного циркуля, если не ответить учительнице Винтер правильно. А не ответить было вообще нельзя. Школьник посерьезнел и интуитивно нащупал единственно верный, ссылающийся на авторитетов, вариант.

– Мама всегда говорит, что я – вылитый Игнатов. И она не знает, исправит ли это наша школа. Но вот сколько я здесь, так ничего не поменялось.

Амалия недовольно поморщилась.

– Здесь поменяется, когда вы уйдете и освободится место для людей с логическим мышлением. Вы не поняли условия задачи. Я спрашиваю: кто воет?

Динара Ефимовна не спеша отложила методичку и коброй вытянулась навстречу интервенции Амалии Петровны в ее пенаты.

– Так, дети! Говорить будете, когда вас спросит учитель. Ваш учитель. А до этого счастливого момента, вы все – глух и нем. Игнатов, я смотрю, у тебя появились другие авторитеты, и ты хочешь поговорить об этом? Нет? Тогда сделай открытие, взгляни, что там в учебнике после слов "Английский язык. 4 класс", – в кабинете тут же восстановилась рабочая атмосфера, а понятливые ученики все, как один, развернулись к своему истинному руководителю. Довольная англичанка переключилась на коллег, стоявших за дверью:

– Товарищи, вы вырвали нас из языковой среды! И некоторые сегодня уже не смогут туда вернуться. Как занимательно, три учительницы на пороге, а дисциплины ноль. Надеюсь, повод у вас серьезный?

Амалия Петровна поджала губы. Неизвестно, с каким счетом закончился бы поединок на Ярмарке тщеславия заслуженных учителей, но тут Назар Никонович с элегическим лицом продекламировал:

– Вечная история. "Ведут междоусобные бои и не хотят унять кровопролитья". А каков финал, дамы! Но у нас с вами, кажется, уже кто-то принял яду на лестнице. И кто-то

уже воем над дорогими останками. Будете вторым актом на бис?

Физик Вишневская прыснула и с задором посмотрела на химика:

– Берин, вам за ваши акты скоро больше дадут, чем Ромео вообще прожил! Вы своей поэзией вгоняете меня в краску, а тут дети, им может быть страшно за мое сердце. Давайте уже пощупаем, зачем пришли. Динара Ефимовна, вы таки знаете, зачем надрывается этот голос?

Англичанка всплеснула руками.

– Госпожа Вишневская, а похоже, что я тут сижу совсем случайно, что я в отрыве от пульса жизни? Конечно, знаю. Туда пошла Анастасия Борисовна, сейчас она либо окажет первую помощь, если этот Вый – хороший человек. Ну, либо не окажет. Если не человек. Так что все ясно, предлагаю расходиться.

– А вам не кажется, что это может быть опасно? – возразил Берин.

– Назар Никонович, если вам страшно, вы можете разойтись до моего кабинета. Я доведу вас за ручку, – проворковала Марина Тухтидзе и посмотрела прямо в прекрасные глаза химика. Назар понял, что у него отсюда две дороги: под венец с биологиней или в темные недра первого этажа на встречу с неведомым. Он был верен идеалам современного мужчины: узы брака страшили его больше мифических чудовищ и вполне конкретных преступников. Не раздумывая, педагог

решился:

– Мадемуазель Марина, – с краешку пожав протянутую ему руку, химик поспешно вернул ее владелице. – Тронут вашей смелостью и заботой. Но долг призывает меня вниз, тем более, что туда уже пошла наша молодая коллега. Если с ней что-то произойдет, свидетель лишним не будет.

Марина скривила богато раскрашенные губы, но неприкрытое мужество Назара ее все же впечатлило. Женщины уже пошли провожать героя до лестничной клетки, когда вой завис на высокой ноте, резко оборвался, и всю школу заволочла плотная, осторожная тишина. В этот момент Вишневская чисто машинально посмотрела в окно и заметила канувшую в куст боярышника фигуру Поленко.

"Жив, курилка", – отметила про себя физик и тут же нашла объяснение этому странному явлению: "Дуракам везет. Не оглох, зато обосновался на природе." – а вслух просто заметила:

– Берин, вам надо было на государственной скорой работать: выезжаете, когда клиенту уже памятник успели обмыть. Но давайте таки сначала обсудим. Как вам, за что так дребезжали наши молоточки в ушах? От этого зависит, с чем идти вниз.

– Ага, ведь можно просто дождаться, когда вообще идти будет не надо, – саркастически усмехнулась Тухтидзе. – Может, там Настасья ведет неравный бой. У вас совесть есть?

Вишневская повернулась к биолгичке с видом пинчера,

ужаленного клопом:

– Совесть из меня выжимать не советую. Она слишком нежная, на люди не показывается. Я о деле! Сначала поговорить, а потом пойдете делать хорошо Анастасии Борисовне.

Химик, которому не очень-то хотелось спускаться, с радостью ухватился за предложение подумать, поразмыслить, составить план кампании и перенести на никогда то, что нужно было сделать прямо сейчас. Он выразил полную готовность командовать операцией и взять на себя всю опасность принятия острых решений. Но полководцу в Назаре суждено было умереть, едва зачавшись: лестница зазвенела каскадом цокающих каблучков и с четвертого этажа на инициативную группу обрушилась истерическая лавина молоденьких преподавательниц словесности.

– Настя... Звонила... Там Настя... Тихон Гаврилович... Помощь! – наперебой загалдели девушки. – Скорей!

Назар Никонович замер, как напوماженный культурист из голливудского боевика. Положение складывалось патовое: стайка прелестниц умоляли его о спасении не пойми, чего; внизу зиял мрак неизвестности, пусть теперь и без звука, а сзади наседали гарпии. В этих случаях в американском кино на помощь приходят высшие силы, оставляя прямо под ковриком у двери героя ящик с гранатой или забывая в его авто обрывок карты с телефоном и точным адресом сокровищ. В суровых российских реалиях посланником небес стал медик Максимович, который вдруг образовался в пролете второго

этажа и скучным голосом сказал:

– Там Тихон утопился. А сейчас женщина топится. Еще и говорит, помогите ей. А я врач, я клятву давал. Я в таком деле не могу помочь. Кто у вас здесь самый беспринципный?

По всему выходило, идти надо Назару. От переизбытка волнения он еще раз пожал Марине руку, что чуть было опять не отложило поход надолго, и сбежал по лестнице вниз. Шаги его оборвались где-то на первом этаже и снова наступила тишина. Прошло пять, затем десять минут, но химик не возвращался. Амалия Петровна, все это время диктовавшая в радионяню задачи своему классу, поставила рацию на подоконник, разместила напротив песочные часы и, лязгнув в динамик: "Считайте! Приду – проверю", бойко зашагала по лестнице на первый.

Прошло еще минут семь, а вестей с места событий не наблюдалось. Тут не выдержала Вишневецкая. Щелкнув пальцами, обширная красавица сорвалась с места и понеслась по пролету, обтекая ступеньки пухлыми в ямочку ногами. Тяжелая поступь оборвалась где-то на дальних ступенях и снова наступила тишина. Немного поколебавшись, Марина побежала вслед за физиком, перегибаясь через перила и тщетно пытаясь высмотреть, куда же все запропастились. Спустя некоторое время Кондрат, пробурчав себе под нос что-то про массовый психоз и диссертацию, тоже устремился на первый. Минуты текли, но никто не возвращался. Деятельная натура Динары Ефимовны не могла больше выносить неиз-

вестности. Пометавшись по узкому пяточку лестничной площадки и как следует расспросив молодых учительниц русского, она принялась выяснять, зачем звонила Настя. Кое-что наковырять удалось, хотя молодежь посекундную раскладку переговоров предоставить затруднялась. Вместо этого девицы галдели, как начинающий петь, но опытный петь грузинский хор.

Связь была плохая и в трубке трещало, и ничего почти не было слышно, кроме того, что Тихон Гаврилович не дышит, и что нужна помощь и почему-то аварийная служба. А потом звонок оборвался и телефон совсем-пресовсем не отвечал, и учительницы подумали, что Тихон, пожалуй, что-то сделал Насте своими поделками, ведь взорвалась же в прошлом году его ультрасенсорная сигнализация, и незадачливые воры его сначала чуть не посадили, все-таки травма на производстве... Зато теперь они в Москве зашибают огромные деньги в мафии вокзальных инвалидов. Вроде, даже подарок Квазимодышу присылали.

Англичанка поняла, что для здоровья полезней будет пройтись, чем вникать щебет перепуганных учительниц. Она назначила прячущегося где-то историка за старшего – все-таки мужчина – и отправилась вниз. Широкие лестницы со стертыми ступенями блестели венгерским сервелатом, в большие окна лился мягкий свет осеннего солнца, а за окнами у стоянки Поленко отчитывал какого-то незнакомца. Ясно было, что жизнь школы проходит мимо него и чрезвы-

чайное происшествие придется ликвидировать без директора. Динара Ефимовна фыркнула на этого фальшивого смельчака и открыла двери первого этажа. И ахнула: обещанный медиком психоз был в самом разгаре.

Как это сплошь и рядом случается с психиатрами, расстройство сознания захватило уже самого Максимовича. Он ползал на четвереньках вдоль плинтуса под доской почета и иногда прикладывая лицо к самому паркету. У стенки под расписанием со сложенными на груди руками лежал трудовик. Анастасия Борисовна и Кондрат елозили рядом с ним по полу и щупали досочки, с большим интересом проводя ногтем по щелям. Остальные пропавшие сгрудились у преподавательского туалета и сосредоточенно бросали в унитаз не предназначенные для этого предметы. Химик при этом простукивал санфаянс со всех сторон и возмущенно чертыхался.

– Нет, не достать! Далеко ушли, заразы, – Берин выпрямился, отер пот со лба и тут заметил испуганно вжавшуюся в стенку Динару. – О, милости просим! Нам как раз нужно подкрепление. Переведите нам, что говорит этот лишенец, – Назар указал неподвижного Тихона. Тот вдруг сразу же открыл глаза и вмешался:

– Шапи вы ышеес! Иа повхгахахший!!

Берин утвердительно кивнул и перевел глаза на англичанку:

– Ну, Динара Ефимовна, вы у нас знаток зарубежных

наречий. Мне мерещится что-то индийское, "Пхай-Пхай", например. Хотя Марина утверждает, должно быть "Джими-Джими". По-вашему, что там лопочет этот Рабиндранат Тагор?

Завуч покосилась на Квазимодыша и с осторожностью спросила:

– Вообще и на "цимес" похоже. Редкий язык. Бельгийский наверное. А что это с ним? Вид вообще странный. Не настолько, как обычно, но в принципе.

– А что с ним не так, по-вашему? – химик округлил глаза в притворным удивлении. – Вы удивляетесь, почему он такой пожухлый и смиренный? "Все лучшее от горя хорошеет" – вам этот рецепт должен быть знаком по работе. Как наш коллега до такого докатился, он пока сказать не может. И не сможет, если мы немедленно не найдем его зубы.

Физик Вишневатая, тыкающая в недра унитаза метровой линейкой, в сердцах бросила Назару:

– Кончайте трепаться, юноша. Этот самурайский вазон легко идет один на десятерых. Он меня уже и взвесил, и шампунем облил, и дал рекомендацию чаще жить семейной жизнью против запоров. Лучше помогите. Динара Ефимовна, подрежьте его справа, когда он опять начнет в меня плевать-ся ландышами.

– Ганхыши, ганхыши, – затянул Тихон. – Шпо ше вы га-пехахи!

– Видите, – назидательно сказал Никон Назарович, – мы

на правильном пути. Ландыши ему тоже что-то сделали. Значит, зубы отобрал унитаз.

Вишневская презрительно посмотрела на поверженного трудовика.

– А лобзик, наверное, угрожал ему в подворотне и отобрал зарплату. Его этот падучий в два раза чаще вспоминает, – физик брезгливо отодвинула ногой Тихоновский башмак, валявшийся у нее на пути, и распрямилась на подиуме во весь рост: – Зачем благородному фарфору его подержанные зубы? Может, этот заморыш кому-то неудачно улыбнулся, а мы здесь нападаем на невинного.

Тихон приподнял голову:

– Похвойте! Иа пубу шаховатша в Евгопешкий шут!

Амалия Петровна успокоила несчастного холодной улыбкой:

– Отличный выбор. Вас там давно ждут. Европейских шутов не хватает, они еще не всех мировых фриков собрали.

Тихон опять впал в состояние застывшей лужи, а Винтер поднесла ему листок и ручку.

– Вот, держите. Лежите смирно и думайте. Делите длину труб на скорость смыва, вы же всюду лезете, должны знать, сколько их. Рассчитайте, где ваша бесценная челюсть, – Тихон взял бумагу и забылся в расчетах, а математик повернулась к остальным участникам операции. – Здесь их нет. Правильно госпожа Вишневская говорит: унитаз не хранит всякую гадость. Она уже мчится где-то по сливу. Вызывайте

аварийку.

– А если они не поедут? – Настя знала привычки городских коммунальщиков и поэтому в успехе немного сомневалась.

– Наша зубная фея чувствует ответственность, – в дискуссию вступила женщина–физик. – Настя, вам не кажется, что вы приносите людям падеж протезов? О вашем утреннем приключении только собаки не лают. Вот идите теперь и звоните. Заинтересуйте их как женщина, если не умеете за прямые обязанности.

Настя побежала в учительскую. С этого момента из школы на пульт аварийной службы посыпались вызовы. Звонили преподавательницы русского, звонил Кондрат, звонила администрация города, потревоженная Назаром, звонил Районо. Через полчаса мастера были на месте. Ребята в спецовках, чеканя шаг, прошли через фойе к месту событий и получили от Амалии Петровны краткую зарисовку проблемы. Сантехник, который робел строгих женщин, решил сразу смягчить ее через результат. Зубы он точно нашел бы на фильтрационной решетке, куда можно было попасть через люк на школьном дворе.

На улице выяснилось, что Поленко и здесь подгадил коллективу: прямо над люком стояла его похожая на бульдога машина. Обойдя автомобиль, ремонтники заметили владельца, вольготно устроившегося на переднем сиденье и даже ухом не ведущего на вежливые призывы убраться с тех-

нического отверстия. Главный пролетарий постучал в окно, затем дернул дверь, потому как время аварийки дорого и подороже будет этой буржуйской иномарки.

Хам за рулем не снизошел до ответа простым работягам и получил последнее предупреждение разводным ключом по коленке. Тело откинулось и на бригаду уставились два немигающих застывших глаза.

Хозяин авто был окончательно и бесповоротно мертв.

Глава 14

– Ах, я чувствовала, чувствовала, чем это кончится! Ведь он ясно сказал: "Вы увидите его труп!" – молодая, но уже в классическом пучке и очках, учительница прижимала платок к бледным губам. – Вы понимаете, Назар Никонович – он такой Мефистофель! Он, знаете, бывает, феерически так посмотрит, и все внутри прямо обмирает. И что-то трепещет там, и стучит вот так вот молоточками сердце, понимаете? Вот какую власть этот Калиостро имеет над людьми! А вы спрашиваете: мог ли он убить?

– То есть мог, вы считаете? И про молоточки поподробней, пожалуйста, – Катанин сурово посмотрел на собеседницу.

– Ой, ну что вы, про молоточки – это очень личное! – вспыхнула девица. – Это я вам, не как милиционеру говорю, а как мужчине, по секрету. А так, чтобы до смерти убить, так не мог, нет. Только страсть к нему могла быть смертельной!

Старший оперуполномоченный оторвался от протокола, где час за часом прирастало несурезицы, и пристально всмотрелся в опрашиваемую. Ему вдруг показалось очень странным, что существуют ведь люди, которым женское общество нравится. И они не сбегают в гараж, и не впадают в запой, и даже не ухудшают статистику убийств на бытовой почве. Он, Виталий Катанин, уже не так тянулся к прекрас-

ному. Женский коллектив элитной гимназии за одно утро довел его до дрожи в совсем не слабых коленях, а впереди еще простиралось непаханое поле свидетельниц. Тридцать женщин всех возрастов, убеждений и расцветок спешили поделиться с Катаниным своим внутренним миром, ну и между делом поговорить о чудовищном, ужасном, ах, таком губительном для израненных нервов преступлении в школе.

По существу вопроса сведений поступало не больше, чем могла наплакать канарейка, да и то в ее сушеном варианте. Пересказы местных склок в индивидуальной трактовке помогли бы интерну психиатрии в будущей диссертации или начинающему султанскому евнуху для развития интриганских качеств, но вот к расследованию их пришить не удавалось. Никто ничего не знал, либо знал, но не то; показания милых дам менялись со скоростью света – в зависимости от того, кто против кого дружит, а твердое алиби было только у самого Катанина, да и в нем опер уже немного сомневался.

Вчерашний день Виталий убил с особой жестокостью к своему психическому здоровью. Он устанавливал личность погибшего, обстоятельств произошедшего и черчение круга причастных лиц. С лицами творилась несусветная чехарда. Аварийная бригада, обнаружившая труп, укрепляла нервы спиртовыми компрессами – строго вовнутрь по пятьдесят грамм каждые полчаса! – и в полном составе ушла на больничный. Лечащий врач запретил опрос их ослабших организмов до полного просветления, а пока против них уже ко-

пились улики. Учительница младших классов лично видела, как "человек в синем комбинезоне кричал на труп, оскорблял его и даже грозил какой-то железкой".

С педагогами дело обстояло не легче: все как один ненавидели покойника и желали ему смерти. Общее ликование и энтузиазм настолько заинтересовали прибывшую по вызову скорую, что врачи даже сразу не поняли – их пригласили не к этой группе безумно мечущихся вокруг людей, а к тихо сидящему в автомобиле мужчине. Разобравшись, медики набрали 02 и пожелали всех благ стражам порядка в их нелегком труде.

Наряд людей в форме не заставил себя ждать, и к концу дня на горизонте замаячила тихоходная, но очень надежная, почти не ломавшаяся за последние двадцать лет милицейская Лада. Ребята действовали профессионально и ловко, не тратя время на сантименты: тщательно осмотрели место событий, собрали в неудобные пакетики без ручек всякие подозрительные вещи и прекрасный, крепкий шиповник со школьного двора, и долго вздыхали над облысевшими покрышками директорского авто, так и убиться не долго. А дурные покрышки на таких дорогах дисках – это вообще преступление, за которое хозяина пристрелить мало. Придя к этому успокоительному выводу, милиционеры быстро провели фотосессию водителя и очертили мелом силуэт разводного ключа, выпавшего из ослабевших рук сантехника. Затем дождались скорбной серой машины, которая увезла те-

ло в предпоследний путь к судмедэкспертам, и сами поехали отдыхать после такого радостного, наполненного полезным трудом дня.

Настроение школьного коллектива было логичным, но по качеству уступало милицейскому. Хотя результаты первого раунда борьбы с захватчиком и восхищали, педагогов уж очень интересовало, кого они должны благодарить за это счастье. И вдруг стоит опасаться таких подарочков в дальнейшем? Учителя разбивались на группки и парочки, ожесточенно шептались и трясли друг перед другом листочками с вычислениями потенциальных подозреваемых и совершенно невиновных. Как на президентских выборах, каждый голосовал за себя, особо подчеркивая, что был всегда на виду, от себя никуда не отлучался и вообще директора не знал. По крайней мере, узнал недостаточно, чтобы захотеть с ним расстаться таким запоминающимся способом. В общем, методом самоотвода удалось установить, что педсостав и Районо к хладнокровному убийству, конечно, не причастны. Стройная версия подкреплялась железным доводом Амалии о том, что школьный двор есть двор проходной, особенно в части кустов и стоянки машин, и, соответственно, преступником мог быть кто угодно, например, маньяк-гастролер, директорофоб из Улан-Батора. Теперь его следует искать в степях среди баранов.

Неприятный диссонанс в этот клуб детективов внесли сотрудники милиции, которые как-то незаметно втерлись в

толпу к дискутирующим и стали делать непонятные, как кардиограмма, пометки в блокнотах. Собрав первичную информацию о месте начальства в сердцах своих подчиненных и поняв, что Поленко при жизни здорово расселся у них в печенках, милиционеры предложили записываться в свидетели. Под тем предлогом, что это несколько отсрочит путь в подозреваемые. Если чистосердечно, подробно, с деталями и фактами все-все рассказать. Что тут началось!

Очевидцами были все, включая крепко опоздавшую на работу Неонилу Павловну, секретаря убитого: она подошла вместе с опергруппой и внятного объяснения о своем отсутствии не имела. Вроде бы что-то с внучком, у которого школа в те же часы, что и у остальных, тогда как же работать, если его надо туда водить и забирать? А после обеда Неонила готовила насыпной пирог с яблоками для своего первоклассника, да, и плита еще не остыла, можно проверить. При чем здесь насыпной? А потому как в форму просто сыпешь по стакану муки, манки и сахара, яблочки кладешь, со своего сада, а не эти польские картонные, заливаешь стаканом масла и вуаля! А, гражданин милиционер спрашивает, что еще? Так соды еще ложку, и корицы можно. Ах, что еще делала и кто может подтвердить? Вот спасибо человеку, первый оценил, как она убивается на домашнем хозяйстве! Подозревает, что не только пирогом дело ограничилось. Все правильно! Еще чего только не делала, всего не упомнишь, только разве кто это заметит? Придут, натопчут, зять опять носки

разбрасает... И не подтвердит потом никто, что чисто было. Так что не знает она, Неонила, кого спросить. Дома была, убиралась. С соседом поругалась, там у них такой нехристь на лестничной площадке, что его даже домуправ боится, не то что приличные люди. С директором Леонидом Серафимычем трений не было, нет. Они ж не виделись ни единого разу, потому что внучок в то же время собирался в первый класс, что и другие собирались. На собрание, значит, на педсовет Неонила не пошла. Зато теперь хорошо даже, что так вышло. В смысле, хорошо, что с директором это все произошло, пока он ей прогул не вклеил. И теперь уже не вклеит, Царствие ему Небесное за такую предусмотрительность. В общем, у Неонины Павловны тоже был мотив.

Катанин пообещал секретарше второе свидание и, взяв ее на заметку, отпустил к внучку, у которого кружок был в то же время, что и его, Катанинская, по выражению Неонины, "самодеятельность". Бабушка рисковала: будь Виталий чуть более щепетилен насчет чести мундира, сидеть бы Неониле на казенном довольствии следующие трое суток за оскорбление правопорядка. Но доставшейся от дедушки сыскная "чуйка" нашептала, что, во-первых, самые интересные свидетели еще впереди и для них надо придержать место, а, во-вторых, главная цель посадки – перевоспитание – в случае с бабулей недостижима, по крайней мере, скромными усилиями областного следственного изолятора, где с кровавого царизма не встречалось ни холодных казематов, ни каторжных

гирь на цепочке.

Зов предков опера не обманул, дальше было все кучерявей и кучерявей. На призыв добровольно помочь следствию сразу же откликнулась ослепительно покрашенная брюнетка. Блеск и разнообразие ее румян и теней затмевали огни дискотек 80-х, да и в лице было что-то хищное и в то же время слащавое, как у Дитера Болена с Томасом Андерсом в одном флаконе.

– Я – Марина, – плотоядно сощутив глаза, необыкновенная женщина схватила милиционера за рукав и довольно настойчиво потащила в какой-то темный угол. Не то, чтобы Катанин боялся, но одного мужчину в соку здесь уже пристукнули, поэтому от приглашения на ночное randevu под сенью лестничного пролета он решительно отказался. Некоторое время они бестолково топтались в холле, перетягивая друг друга из света во мрак и наоборот, но в конце концов победила молодость – все-таки Марина слишком давно застряла в двадцати девяти годах и от этой неподвижности подрастеряла тонус. Катанин выпрыгнул из сумрака, отдышался и строго погрозил второй уже подозреваемой. Дама-хищница – идеальный кандидат в преступники на нервной почве.

– Следствие разберется, какая вы Марина! Где вы находились в момент убийства трупа и в каких отношениях с ним состояли?

Вопрос про отношения как всегда задел Тухтидзе за живое. Она сразу же насупилась, напряглась и перешла в на-

ступление.

– А с какой это стати вас волнуют мои отношения? Намекаете, он умер, чтобы со мной не относиться? Такому махровому шовинисту просто трудно смириться, что привлекательная молодая девушка могла выбрать не вас!

– Да я уже немножко видел, что с избранниками случается. Так что держите свои выборные намерения при себе! – Виталий окончательно вывернулся из цепких коготков вечной невесты. – Довольно скоротечно у вас развивалось-то, сутки знакомы – и нет человека. Я бы посоветовал более постоянные отношения. СПИД не спит, как говорится. Подумайте над этим, пока будете ждать повестку. Следующий!

Марина скривила густо подведенные губы и тихо, но внятно усомнилась в качестве современных мужчин вообще и оперов в частности. Последние заслужили еще емкую характеристику на старославянском с описанием слабости членов и пророчеством их полной неработоспособности в недалеком будущем, но до Катанина эти важные замечания уже не дошли. В это время он с напором ледокола "Ленин" крошил лед отчуждения между собой и Амалией Петровной Винтер.

– Пожалуйста, вспомните. Именно ваши показания могут стать решающими для жизни людей, – Виталий заглянул в холодный хрусталь Амальиных глаз и невольно вздрогнул. В яркой зеркальной голубизне мерещились каленая сталь, надсмотрщики на далеких плантациях и торжество кибернетики во всем мире. Сразу захотелось вести себя лучше, расти

к идеалам, а на досуге решать логарифмические уравнения. Для начала Катанин вытянулся по стойке "смирно", состроив максимально умное лицо. Айсберги глаз сверкнули легким интересом к и Винтер заговорила:

– Для жизни все имеет значение только до наступления смерти. Вы даете непроверенные вводные и требуете решения задачи. Это логика, а не бабкины трещотки. Сначала следует точно установить условия, а потом формулировать искомое. Внимание, вопрос: кого и когда убили?

Такой поворот беседы застал Катанина врасплох и отозвался чем-то до боли знакомым еще с ученических лет. Тогда старенький профессор в корсете из наград и орденских планок часто вспоминал, как недобросовестно собранные доказательства и нарушения в ходе их добычи позволяли отборным злодеям избежать наказания, после чего плохие ребята не спешили попадать в лапы закона повторно. Возможно, они перевоспитывались, что хорошо, но следователи были сплошь пессимисты и отыгрывались на нерадивых операх вплоть до записи в личном деле. Такой славы не хотелось и Катанин с сожалением вздохнул:

– Мы предполагаем, уважаемая, следствие предполагает, что убит хозяин автомобиля иностранного производства черного цвета с аэрографией на капоте. Предположительно сегодня, но вскрытие покажет. Ваши показания по существу тоже очень важны.

– По этому вашему существу, по Поленке, Анапский тер-

рариум плачет! Им и показывать заранее не надо! Взяли бы без смотрин, – откуда-то сзади Виталия оглушил трубный глас. Через секунду перед его глазами колыхалось богатое тело физика Вишневской. Дама была откровенной:

– Я лично смогла бы его выносить только заочно, когда я здесь, а он на Франца Иосифа. Хотя сейчас, конечно, еще лучше. Мужчина, вы точно уверены, что он окончательно убит?

Вообще Виталий любил, когда на месте преступления сидит, а лучше спит готовенький и во всем виноватый злоумышленник, с орудием преступления в руках и паспортом в кармане. Еще лучше, если злой умысел он предварительно выкрикивал на глазах у всех соседей и даже, чтоб не забыть, записал на листочке под магнитом на холодильнике. Но такое несметное количество подозреваемых, как в этой неладной школе, ему совсем не нравилось. Каждый считал своим долгом рассказать о своей неприязни к убитому и намерении от него избавиться. Это начинало раздражать.

– Гражданка, – Катанин обратился к зарослям черных кудрей, которые буйно и неаккуратно вились вдоль физика. Куда бы она не приходила, пышные длинные волосы заполняли все вокруг, опадая на бумаги и пол, заползая в рот к случайным прохожим и наматываясь им на пуговицы. Кудри колыхались, сбивались в целые цунами и водопады и обрушивались на собеседника, целясь прямо в глаза. Сейчас Виталий отмахнулся от вездесущих смоляных пружинки и

попытался разговорить их громогласную обладательницу. – Гражданка, а почему вас интересует, убит ли потерпевший до конца?

– Тю-ю, мужчина, меня ни с какого места этот лишенец не интересует. Я только в том смысле, что мы сегодня уже пережили одно воскрешение. Вон оно с комфортом лежит у стенки, пока другие за него травят нервные клетки корвалолом. Не хотелось бы больше неожиданностей.

Опер заинтересовался:

– Значит, есть еще пострадавшие?

– Ну, если вы считаете, что от излишков внимания страдают, то есть, Вообще, я пресс-секретарем не нанималась, так что узнайте у него сами, – Вишневская схватила опера за руку и подтащила к расписанию. Под ним, доверчиво распахнув водянистые глазки навстречу гостю, по-прежнему возлежал Квазимодыш. Физик откашлялась и парадным басом прогудела:

– Это Тихон Гаврилович, наш трудовой лишенец. Восстал из мертвых, жаль только, не в полном комплекте. Сейчас он вам даст показаний на досрочную пенсию по выслуге. Держайте!

– Макомеш-то! Тоштахся я пхафты! – заголосил Тихон, размахивая для убедительности ослабшими конечностями и пытаясь покрепче зацепить ими милиционера. Катанин инстинктивно отшатнулся: все-таки детей у него пока не имелось, а кто знает, какая зараза перескочит с этого, как там

сказали, лишайного. Глупо было бы выйти полноценным мужчиной из тяжелой свинки и сломаться на простом рабочем контакте. Контакт между тем как-то особенно болезненно трепыхался и плевался довольно обидными, на вкус Катанина, словами:

– Г-а-а-шпашин похищайкин, я шнаю, кто фигофат! Шушайте!

Таких провокаторов Виталий чуял за версту и был к ним безжалостен, Оценку своих сыскных способностей он еще смог бы хладнокровно оставить без внимания: все-таки население еще не совсем остыло после цикла вредной телевизионной фантастики про оборотней в погонах. Хотя лично опер себя фиговатым не считал, а начальство вслух об этом не говорило, Виталий не отрицал, что можно лучше. Но оскорблять память его деда-бессребреника, пришивая Виталию коррупционную составляющую в виде каких-то шепелявых хищений, не рискнул бы даже начальник областного УВД. Неподкупность Катанина была в управлении даже не легендой, а неотвратимой явью, и план по взяточникам его отдел редко перевыполнял меньше, чем на двести процентов. Виталия даже старались не пускать к особо лакомым подозреваемым, настолько те проникались честностью милиционера и совестились потом сотрудничать со следствием по хозрасчету.

И вот теперь какая-то падаля у расписания намекала, что и на Солнце есть пятна. От дальнейшей порчи организма Ти-

хона спасла только брезгливость стража порядка, но витиеватым внушением он получил без задержки:

– Тохтамыш папильотный, ты на кого клешни свои заострил? Думаешь, отлежишься таи в теньке, пока за твой прикус здесь людей в убивают? А, может, это отвлекающий маневр такой?! Встать, я сказал! Будем составлять протокол!

От страха трудовик проделал тот же фокус, что и тропические улитки в период засухи: плотно затянул трепещущей пленочкой век голубые глазки и ушел в себя. Брутальному Катанину не удалось достучаться до свидетеля без использования запрещенных приемов, и он махнул на него рукой. Да так удачно, что крепкая милицейская ладонь натолкнулась на единственную в этом чухлом, или, по определению самого Квазимодыша, поджаром тельце твердыню в районе бедра. Ойкнув от радости за не совсем пропащего глистика, Виталий позвал понятых и в их присутствии извлек из брюк, нет, не накачанную в гирию переднюю бедренную мышцу, а пухлую брезентовую тетрадь. На обложке химическим карандашом было со старанием выведено: "Аналитическая докладная записка по проверке деятельности и прочей работы школьного коллектива на очной и заочной основе круглогодичных наблюдений за неуправляемый период без архимудрого директора и авансовый отчет по запланированным новшествам под руководством высокоуважаемого Леонида Се-рафимовича Поленко по его секретному поручению, далее в сокращении и для конспирации "АналДоЗ для ЛеСеПока".

Аббревиатура цвела завитушками с плодово-ягодным узором и бодро выделялась различными оттенками неона – Тихон Гаврилович при жизни не скупился на оформление. Катанин и понятия просто глаз не могли оторвать от чудесной тетрадки, и под влиянием этого необычайного момента опер впервые сделал так, как его учили в Академии: подумал. Его вдруг озарило, что форма блокнота наверняка соответствует содержанию, и последнее непременно стоит исследовать со всем тщанием.

На присутствующих тихоновское имущество тоже произвело впечатление: Назар Никонович что-то шептал на ухо подошедшему Финогену, щуря аквамариновые глаза на клеенчатый фолиант. Вишневецкая с Динарой хрюкали и подначивали лиможного историка принять Аналдоз для тонуса, а Кондрат сокрушенно вздыхал над несправедливостью мира, ведь такой материал для диссертации, прямо-таки летопись шизофрении от начала времен, пропадает, уплывает в вещдоки черствой к науке милиции. Виталий с любопытством уставился на начальную страницу, и по вполне понятным только для одного медика причинам его лицо стало медленно вытягиваться в первый блин, комковатый и перекошенный. Острые заборчики букв разных размеров и наклонов рябили в глазах и падали на неподготовленного читателя обрывками совершенной бессмыслицы. Это были первые потуги Квазимодыша по внедрения в свой конduit хитрой системы шифровки, ключи к которой не были изобретены да-

же самым ее создателем. Из вмняемого на листе имелась только маленькая желтая птичка в верхнем углу, которая при быстром перелистывании страниц как будто оживала, шевелила клювом и со всех лап пыталась унести из этого безумия.

Лишь один из присутствующих точно знал, какие перлы хранятся в этой странной тетрадке, сколько разоблачений она готовит и сколько судеб может поломать при правильном и особенно неправильном использовании. Знал он и о прямой связи между наличием "Аналдоза" и смертью "Ле-СеПока", о коей все вокруг голосили уже пару часов. Знал, но ничем не выдавал, что истина где-то рядом и напрасно эти утлые милиционершкы суетятся и пытаются симулировать следствие. Долдон-полицейский не произвел на него впечатление человека разумного, впрочем, как и все окружающие за последний десяток лет, а, значит, окрылять их идеями не стоило. На общем фоне его, Тихона, коллектив вообще не выделялся ни талантами, ни интеллектом, поэтому ответ на вопрос, кто должен возглавить и присмирить наступающий на школу хаос, был очевиден – гегемон труда созрел для удачно освободившегося трона. Квазимодыш зашевелился, даже привстал и попытался сказать речь:

– Гошпота! – аудитория встретила своего любимца радостными смешками и ахами, только Виталий недобро поморщился. – Шнацаго нато фыпхать нофого начахника! Мы тош-ш-ны... – последние слова Тихона утонули в дружном

гоголе, и Тихон взял обиженную паузу. Катанин решил все-таки выяснить, на каком основании этот паяц совершенно распоясался и оплёвывает присутствующих шипением:

– Ну, товарищи! – он обратился к самому приличному на вид человеку, к тому же, мужчине, с аккуратной бородкой и сверкающими глазами, – не ожидал от учителей, интеллигентных людей! Всякого ожидал: взятки или там, наоборот, хороших подарков, цитат из Кафки, чтоб запутать следствие и уложить его в клинику неврозоз, но вот такого – нет. И тошно ему, и гопота мерещится на место родной милиции. На его налоги перебиваемся, между прочим! Не платил, значит, если милиция не дотягивает. Кто он у вас вообще такой?

Учитель задумчиво посмотрел на Катанина:

– Товарищ капитан! Или господин офицер, как у вас теперь принято? – первый же шар был в лузу, так как Виталий засиделся в старлеях и "капитан" ласкал ему слух необычайно. Он сразу почувствовал к молодому человеку симпатию. – Так вот, господин капитан, перед нами – трагедия века. "Этой горе всех невзгод больше", как говорил один почтенный человек.

– Кто говорил? – переспросил Катанин и тут же уточнил: – Важно для следствия, сами понимаете. И, кстати, зовите меня Виталий.

Назар с сожалением посмотрел на опера и сказал:

– Он уже умер, господин капитан, вряд ли он поможет следствию.

– Ах, этот! – кисло протянул Катанин. – Ну да, он не поможет. Он там за рулем сидел совсем зеленый. Но его слова, даже не последние, имеют значение! Так что запишем. Продолжайте.

Химик давно не получал такого наслаждения от беседы. Шекспир, как бы не был он велик, оставил после себя конечное число сонетов, и его наследие компактно умещалось в шеститомник, зацитированный Бериным до дыр. Постоянный круг общения Назара пропитался Шекспиром до состояния полного отторжения, как перенасыщенный сахарный раствор, который больше не принимает сладких кристаллов, какие бы прекрасные они не были. Благодаря ЧП в школе химик обрел благодарного слушателя, готового записывать нетленные афоризмы и искать в них незамеченные ранее оттенки смысла. Назара Никоновича понесло:

– Запишите, конечно. А сюжет достоин если не программы "Пусть говорят", то точно великого пера драматурга. Тихон – это наш учитель, хотя по виду этого и не скажешь. Он, знаете ли, спустил в унитаз двухкомнатную квартиру и светлое будущее. Нет, он не закупился на ужин в "Азбуке вкуса", вы неправильно поняли. А, вот Анастасия Борисовна вам сейчас все и расскажет. Она лично принимала от Тихона последний вздох, ценный свидетель. Настя, подойдите к нам, будьте любезны!

Красивая свидетельница облагородит любое следствие, особенно, если она на стороне добра и не нарушает мигра-

ционный режим. Виталий приосанился и с удовольствием предвкушал долгий, подробный, а, может, даже многосерийный опрос девушки, когда зазвонил его служебный телефон.

– Катанин, – с характерным потрескиванием заскворчал резкий голос судмедэксперта Вешенки, – скажи мне, Катанин, ты подослал к нам эту черную вдову, как ее, Поленко Клавдию? Она страшно убивается.

– Я, – с готовностью подтвердил опер, умиляясь тому, как выдавший виды эксперт принимает близко к сердцу чужое горе. – Конечно, убивается. Кормильца ее того, не стало посредством насильственной смерти.

– Мы рады, Катанин, что ты не отрицаешь насильственной смерти как факта бытия, – как-то очень глухо отозвался эксперт, – но вдова изнемогает не поэтому. Она волнуется, почему ее обнадежили, ввели в расход на черные соболя, а теперь суют под нос чужой труп. – Четко-беспристрастная машина следствия, запущенная Виталием по верному маршруту, вдруг стала чихать и сбавлять скорость. Опер напрягся, а Вешенка совсем раздербанил сложный механизм своим известием:

– Мы сделали вскрытие, Катанин. Вскрыли внутренний карман рубашки потерпевшего, извлекли паспорт и сравнили его с оригиналом. Вольдемар Жоржович Афонькин у тебя не пережил соприкосновения с тупым предметом, предположительно битой. Ну, бывай. Вдове сам расскажешь, что придется обождать, – судмед бросил трубку, а Виталий остался

стоять посередине коридора совершенно обескураженный.

Следствие начиналось с тупика.

Глава 15

– И вот только тогда я понял, что они просто дематериализовались! Нигде их нет, фантазмагория какая-то, – Костик в фартуке и с раскрытой брошюрой по энергии частиц ходил за сосредоточенной Настей по квартире. Их маленький семейный паровозик быстро двигался обычным маршрутом: китайский карцер прихожей, где стараниями главы семьи поместилась вешалка на два крючка и зеркало на поднебесной высоте его лица; микрованная с поющим краном, коего рука хозяина еще не касалась; кухня улучшенной планировки и, наконец, универсальная комната, восемнадцать квадратов которой были более функциональны и просторны, чем Гатчинский дворец после реставрации. На небольшой площади с легкостью уместились гостиная, спальня, лаборатория, гардероб, столовая, библиотека, кабинет, в будущем, конечно, детская, и лишь за здоровье будущих карапузов курительная была изгнана в парадное. Супруги Поповы также гордились огромной лоджией, где на уютном пяточке, свободном от пустых банок и прохудившихся картонок с очень нужными обрезками, остатками и опилками можно было непринужденно стоять на одной ножке и разглядывать соседей из многоэтажки напротив. В общем, дом у молодых казался полная чаша.

Сейчас Настя мрачно обходила апартаменты, с редкой

сноровкой уворачивалась от книжки Костика, которой тот возбужденно размахивал в такт беседе. Быстро переодевшись и растянув на руке снятые колготки, девушка тяжело вздохнула: так и есть, стрелки на них образуются от контакта с воздухом, не иначе. Наверное, есть на китайских капроновых заводах какие-то вредители, женоненавистники даже, вот они и сбивают петли на готовом изделии. А ты потом ходишь, выверяя шаг как канатоходец, просто даже из принципа, а они все равно рвутся. И еще Костик разливается над ухом, не дает как следует углубиться в себя и хорошенько подумать надо всем произошедшим.

– Вот и мы поздногато поняли, – пробурчала Настя и аккуратно вынула из мужниных рук учебную литературу. Костик перестал сотрясать воздух и утешительно поправил:

– Ну-у-у, в вашем случае поздногато не бывает. Его динамическая энергия уже растворилась в космосе. А чья именно энергия, космосу начихать. Он своего не упустит.

Настя с наукой не согласилась:

– Ничего не начихать, и не говори, если не знаешь. Тут тебе не симпозиум ядерщиков-новаторов, чтоб предположения делать, здесь точность нужна! Этот долдон же не в космосе умер, а на территории нашего образовательного учреждения напакостил, негодяй. Я боюсь, что с премиями пока придется обождать, да и вообще... – тут и Костику стало грустно, физик в премиях разбирался. Пока он подсчитывал упущенные выгоды, девушка, наконец, отыскала тапочки и

заскользила по паркету на кухню. Как любил повторять ее дедушка, «Обед – друг желудка», к тому же за готовкой лучше думается. Окинув взглядом нехитрый кулинарный конструктор из курицы, лапши и кастрюли, Настя достала нож и повернулась к мужу:

– И куртка на нем была поленковская, вот в чем вопрос.

Супруг удивленно поднял брови, а Настя продолжала:

– Бегу я, представляешь, утром, уже из-за мамулиной несобранности опаздываю на двадцать минут. Она, кстати, тебе рассказала, как мне удалась утренняя смычка ее с чеплюстью?

Костик обрушил брови на место, зато завел глаза:

– Что ты, все рассказы даже не поместились в сегодня.

Завтра жду продолжения про долгий период распада мамули на лестнице. Соседи ругались?

– Соседи боялись! Думаю, некоторые даже бросят пить.

И чеснок начнут на шее носить, от нечисти. Не суть важно. В общем, выпадаю я из трамвая, благо дело, прямо на нужной остановке, и со всех ног лечу на линейку. У калитки я немножко притормозила, потому как, во-первых, негоже перед детьми пыхтеть, как владимирский тяжеловоз на дистанции, а, во-вторых, смотрю, этот индюк около своей машины топчется, еще в куртке.

– Кто? Убитый который? – муж как-то хитро исполосовал курицу и теперь задумчиво смотрел, на какое блюдо это похоже. Придя к консенсусу со своим поварским чутьем по

части цыплячьей участи, он повернулся к Насте и еще раз спросил:

– И что? Ты говоришь: "Убитый стоял в куртке".

Девушка вздохнула:

– Волнуюсь я за коллайдер, дорогая ведь штука. Непонятно, что с ним будет, если ты инструкцию к нему читаешь так же, как меня слушаешь. Ну ладно, не обижайся. Я имела ввиду, Поленко, наш новый розговед и мозгоед, стоял в куртке у машины. И так глазами и шнырял, примечал, наверное, кто во сколько придет. Я решила с другой стороны обойти, где старые ворота: далеко, зато без фейерверка. С Камикадзе встретиться по-тихому, считай, невозможно, начнет своими выхлопами травить: «Не по уставу ходите!", "Не по линейке подстриглись!", фу.

– Кстати, о линейке, – вставил Костик, – там он работал на публику в верхней одежде?

Настя задумалась и наклонилась пониже к столу, как будто в прозрачной соломке нарезанных огурцов можно было узреть минувшее. Огурчики глянцево сияли свежей зеленцой и топорщились семечками, которые показывали только щедрость фермера на удобрения и полив. Вспомнить костюм Поленко на мероприятии с их помощью не удавалось.

– Марина была в помаде цвета фуксии, за это я ручаюсь, – девушка начала подбираться к директору издалека и загибала пальцы по ходу движения, – Динара всем глаза язвила своим безумным горохом на полосочке... Ну, Урий, физрук, на-

терся луком до полосы отчуждения вокруг него на три метра. Он так нейтрализует запах спиртного, надежный метод, говорит... Что еще... Дети, конечно, все нарядные с цветами, а вот Леонид Серафимович... Не помню. Слушай, а что мы, собственно, делаем? Я интересуюсь, что там у тебя за анатомический театр с курицей?

Костик заулыбался и с гордым видом пустился в объяснения:

– Так сегодня же праздник, дорогая! Был, по крайней мере, до того, как там у вас все умерли. Хотя и после немногие особо огорчились. К таким дополнительным занятиям я не готовился! Думал, ты придешь, и я тебя удивлю торжественным блюдом. А получилось наоборот, сам удивился как после электрошокера, – Настя пригорюнилась, и, чтобы как-то исправить положение, молодой физик углубился в кулинарные дебри сегодняшнего меню. – Полистал я днем "Праздничный стол разных народов", познавательная книженция, доложу тебе. Даже страшно представить, что едят масаи каждый день, если на восьмое марта у них подтухший жираф в маланге. Были варианты попроще, но не за неделю до зарплаты. Кулебяка на сорок блинов не подошла, торт надо три дня готовить, а плевков фуа-гра стоит, э-э, ну это число высшего порядка, ты таких не знаешь. Зато был корейский суп-второе ким-чи, его мы и делаем. Просто, ярко, недорого, с моими инновациями. Ты лучше подумай, у Поленко под курткой было что?

Настя укоризненно посмотрела на супруга и pokrутила пальцев у виска:

– Под курткой у Поленко был Поленко, а что там у него дальше, он не дал поковырять. Я с ним в баню не ходила, чтобы разглядывать.

– Как педагогом может быть такая испорченная женщина! – Костик всплеснул руками. – Детишки, хоть и легче делаются, чем коллаидер, все равно дороги родителям. Тебе только весталок обучать, а не современную нравственную молодежь. Я спрашиваю, во что он был одет? Кроме куртки.

– Костюм имелся, это точно. Цвет? Как у больничных бэушных бинтов, и такой же мятый. Сидел на Поленке, будто его в жеваный папирус закатали.

– А, знаю. У нашего проректора по хозяйственной части такой, льняной. Бешеных денег стоит, между прочим. Элегантная небрежность городского бродяги, как-то так он объясняет, когда ему бабули случайно на улице подают.

– Про бродягу прямо в точку! И лицо у него было в масть к костюму, скомканное в пустынно-бежевых тонах. Вроде, получается, на линейке он появился без куртки, она как раз броская, с зелеными манжетами и воротником, – довольная Настя посмотрела, как муж ловко шинкует капусту и в который раз согласилась с великими: труд облагораживает. Костик весь сиял, споро орудуя сечкой. Наконец, он стряхнул плоды своих усилий в кастрюлю и сказал:

– Ну вот мы и добрались до главного! Подожди со сво-

им убийством, там без тебя прекрасно обошлись. Готовим овощную заправку. Ты разогревай подсолнечное масло, а я покрошу чеснок. Еще надо разбить яйцо и блинчиком зажарить на сковородке. Кунжут и корейские специи есть в этом доме? Нет? Вот так мечты и разбиваются о быт. Хотя бы семечек туда надо нагрызть.

Супруги на время полностью отделились приготовлению необыкновенного блюда. На плите кипел куриный бульон, шипела и пахла чесноком залитая горячим маслом капуста, пузырился тонкий омлет, а огурцы просто лежали в сторонке. От классического рецепта Костик удалялся со скоростью обломков астероида в сверхновой галактике, но корейский дух только крепчал: смелый шеф-повар щедро одобрил свое творение несочетаемой в обычной жизни комбинацией специй и попал в точку: пахло, как на задворках индийского базара, по-восточному. Аккуратно разложив по сторонам тарелок яичную соломку, овощи и кусочки курицы, Костик с прищуром опытного иллюзиониста опрокинул туда бульон, из которого Настя в последний момент успела выловить склизкую вареную луковицу. Физик сдернул фартук и широким гусарским жестом бросил его под ноги супруге.

– Красная дорожка самоотверженной бюджетнице! Откусайте, чем Бог послал!

– Корейский бог мог послать только рагу из чау-чау. Курицу твою не стал бы даже нюхать после таких деликатесов, – Настя ворчала, но было видно, что настроение девушки рез-

ко качнулось в мажорную сторону. – Ты сам садишься или хочешь на мне проверить, не ядовит ли Кимченыровский супчик? У нас теперь и следователь знакомый есть, поможет тебе потом с телом.

Костика дважды приглашать за стол не приходилось. в топке его ученого мозга сгорало больше калорий, чем у штангиста-тяжеловеса, идущего на Олимпийский рекорд. Он резво пододвинул табуретку и присел напротив жены.

– А ваш следователь, что, освободился уже? Я так понял, он там немного запутался в потерпевших.

– Ты представляешь, это просто какое-то очевидно-невероятное! Первый раз умер совсем не он, вернее, не совсем умер, только начал, но все равно это не с ним было. Так вот, веду я урок, рассказываю про голубь мира, и как он плавно реет в голубом небе, если есть система ПРО. И тут – сирена, противно так орет! Ну все, думаю, доигралась какая-нибудь заокеанская обезьяна с красной кнопкой. Подождала четыре минуты – наш военрук говорил, столько нужно ядерному взрыву на конечный результат. Ничего не происходит, кроме того, что вой усиливается и слышны в нем теперь конкретные человеческие компоненты, типа «Ой-йо» и прочей лирики.

Костик с интересом слушал супругу, не забывая подливать ей чудо-супчик. Откуда-то появилась любимая Настина яичная лапша и сразу же заняла достойное место в корейском блюде. Становилось все вкуснее.

– А остальные-то что? Не заинтересовались? – поинтересовался хозяин дома.

– Заинтересовались, еще как! В основном тем, где находится бомбоубежище. Дети предложили милицию вызвать, пожарных, но это у них еще возраст такой, верят в чудеса всякие. В общем, я решила спуститься и посмотреть, дважды все равно не умрешь.

Физик поперхнулся:

– Настюша, и одного раза всем хватает. Я тебя в таких решениях не поддерживаю, учти на будущее.

Настя подложила себе огуречной соломки и махнула рукой:

– Ладно, обычно я возражаю, но ты меня уговорил. Умирать не буду. Так вот. Иду я вниз, на эти виртуозные завывания. Никакой мужской крепкой руки по дороге завербовать не удалось, но я на всякий случай взяла с собой указку, красивую такую, витую. Весь первый этаж как на ладони, ничего подозрительного. Вой при этом разносится такой, как будто с другой стороны коридор присоединили к межгалактической турбине, и мы все сейчас взлетим. У директора дверь закрыта, к тому же он сам предусмотрительно эвакуировался наверх, я его видела. Зато дверь напротив, в королевский санузел, приоткрыта! Странно!

– Ну да, короли не какают, зачем им туда дверь открывать, – согласился Костик. – Seriously, у вас там сокровища Монтесумы, что зайти можно только со справкой из рейтин-

га Форбс о постоянной прописке?

– Да нет! – Настя механически отмахнулась, забыв, что в руках пустые тарелки со стола. Ложки и вилки со звоном рассыпались, и Костик стал лениво подтягивать их к себе огромной ногой в шлепанце. Его прекрасная половина сложила тарелки в раковину, отобрала у мужа столовые приборы и с оживлением начала описывать великолепие мраморных чертогов Финогена:

– Я и сама там была, пару раз. Теперь я приблизительно представляю себе, как выглядит Тадж-Махал, все вокруг такое резное, прохладное и белоснежное. А этот японский унитаз! Мне кажется, вдвоем вы бы намного быстрее диссертацию написали, и еще бы вернее защитились, потому как этот стульчак запросто бы вылечил твоего профессора от печени. И от неурядиц в личной жизни тоже. Все умел! А тут от него доносится вполне человеческое гудение, немного даже с присвистом и слезами. Я вздохнула спокойно: интеллектуальный интерактивный прибор в конце концов, он же все-таки в школе стоит, обучился. Может, это у него протест из-за цеховой солидарности с японскими собратьями, Курильский вопрос его беспокоит или объем работы недостаточен, они ведь все там трудоголики.

Костик понимающе кивнул, а Настя, хлебнув чаю, продолжала:

– Захожу, а там какой-то черный и мшистый диверсант отламывает наш бесценный фаянс от пола! Правда, сразу стало

понятно, что унитаз побеждает, он этого хмыря смыл почти по пояс. И тут меня осенило, что спасать надо человека, а не имущество!

– Да, Настасья, – разочарованно протянул муж, – не ужилась бы ты среди западноевропейских ценностей с такими идеалами. Там частная собственность превыше всего.

– Вот поэтому они и вырождаются, – отрезала девушка, – предались изнеженности и заменили семейные отношения имущественными. В прошлый раз их на этой стадии завоевали воинственные галлы. Посмотрим, куда сейчас занесет на этой собственности!

Костик согласно закивал:

– Схлопнется тамошняя цивилизация, как Вселенная перед Большим Взрывом. Зато мы ничем не рискуем, до перенасыщения комфортом российской глубинке еще несколько световых лет. Аж гордость разбирает, какая у нас огромная страна! Только закончили оплетать всю территорию телеграфом, а поди же ты, за это время телеграф не только успел устареть, но и исчез с точки начала его прокладки. Там теперь 4G устанавливают, в начале, а в конце только электролампочки появились. Нашим европейским партнерам просто повезло, что между ними и этими, с конца, Москва как тренировочная груша для снятия напряжения. Едет такой пышущий силой и здоровыми инстинктами молодец покорять Запад, а тут ему столица под ноги, город соблазнов. Попыткается он там между менеджером и промоутером, помы-

кается по съемным хатам, потолкается в метро...

– И попадетя под поезд, который унесет его останки на родной полустанок... – трагическим шепотом закончила Настя. Ее молодой муж был философ, хоть и не лишенный пользы в быту, и, чтобы не развить в нем извечную слабость русской интеллигенции к анализу судеб мира и его, философа, центрального в нем места, девушка старательно переводила непредметные разговоры в практическое русло современных реалий. Как всегда, размечтавшийся Костик больно ударился воображением о правду жизни, часто заморгал и вспомнил про основной мотив их с Настей беседы.

– Ты права, дорогая. Так что там с супер-унитазом?

Супруга со всем тщанием размещала сахар в кружке и отыскала последнюю в хрустальной корзинке конфету Коровка". Убедившись, что начинка должным образом подсохла в тягучую ириску, Настя довольно кивнула и вернулась к обстоятельному рассказу о приключениях в сортире:

– Значит, неизвестный еще немного пополоскался, но это его не утешило. Гудел при этом исправно, ты знаешь, у этого унитаза совершенная акустика! Звук разносило, как на рок-концерте. Ну, потом они с фаянсом распались на составляющие, и мне уже тогда показалось, что нашего Выя японец сильно обидел. Что-то из этого человека выпало, а унитаз забрал.

Костика передернуло.

– Да, совсем распоясались всякие адепты уринотерапии и

чего похлеще! – посетовал крепко стоящий на страже здравого смысла физик. – Не грамма у них пропасть не должно, видите ли. Куда катится мир?

Настя энергично замахала руками:

– Тфу на тебя! Я теперь конфету съесть не смогу. Нет, там в другом было дело. Короче, этот еще потрепыхался над урной, и, не выдержав потери, укатился в темноту. На пол упал то есть. Смотрю – это же наш Тихон Гаврилович, да в каком виде! Похож на певца кабаре в изгнании, весь в какой-то алмазной стружке, пыли и с разодранной рубашкой. В принципе, это меня не очень удивило, трудовик не обязан быть в манишке с бабочкой, да и какие туалеты сравнятся с финогеновским японцем! Но он еще хрипел так по-нехорошему.

– Слушай, а я давно хотел спросить: вас там вообще учат оказывать первую помощь? Могу я при тебе смело падать на уголки или ветрянкой заболеть? – спросил Костик и игриво подмигнул супруге,

– Болей на здоровье! Первую помощь тебе будет оказывать мамуля какими-нибудь порошками из сушеных кузнечиков с чабрецом. Не зря же ты ее пригласил на недельку из деревни. На днях будет у недельки юбилей: уже два года, как она длится, – Настя хмуро отобрала у маминого сына банку с медом и после некоторой паузы продолжила сагу о метаниях Тихона в водоворотах санфаянса.

– Нас всему учат, в отличии от узких, узеньких таких специалистов в ядерной физике, – настоящим учительским то-

ном объявила девушка. – Вот и я не растерялась, попыталась привести человека в чувство, но он оттуда ушел капитально. На расспросы особо не отвечал, а просто лег и умер. Но я проявила мужество и решительность: мозг-то живет семь минут, и это у тех, у кого он при жизни работал! А здесь совсем другой случай. В общем, я побежала за Кондратом. Он – медик.

Костик уже не сдерживал рыданий и каких-то похрюкиваний, чувствовалось, история Тихона взяла его за живое. Он уже подумывал, как бы разыграть эту милую сценку на кафедральном капустнике, когда Настя разразилась самыми интересными подробностями.

– Максимович немного поупирался в своем репертуаре, мол, разложившуюся протоплазму он не собирает, но из научного интереса пошел. Глядим, а Тихон уже вполне живой шуршит моей новенькой указкой в унитазе. Я его немного пожурила, нельзя же только воскреснуть и поднимать тяжелое. У меня рука до сих пор ноет после этого внушения! А трудовик все шипит что-то, дергается и тыкает в смыв. Кондрат говорит: "У него удар. Все навыки стерлись, остались одни рефлексy. Сознание на уровне кровати, причем глубоководной". Они самые сплюснутые, знаешь, плохо сообщают. Но тут Тихон показал, что атавизмы высокоорганизованной особи у него еще остались, по крайней мере, ручку он откуда-то извлек и стал себе на руке писать. Максимович эти каракули хотел срезать и сохранить для революционной

медицинской статьи, хорошо, прочитал сначала!

– Редкий по нынешним временам доктор, – согласился Костик. – Наши районные эскулапы нороят вперед до вскрытия довести, а потом радостно отчитываются, что человек умер здоровым, кроме натертой пятки, ничем не болел, а причиной смерти стало неосторожное попадание на стол к патологоанатому. Знакомо. Так что респект Максимо-вичу!

Настя постучала пальцем по столу и строго посмотрела на безудержного аспиранта:

– Что ты постоянно меня перебиваешь! Кондрат прочитал и ахнул, и мне тоже от увиденного поплохело: у Тихона в унитаз упали зубы! И унеслись! Представляешь, это те самые, за фантастическую сумму зубы, которых он десять лет ждал. Они одни такие на свете, говорят, там в каждом зубе бриллиант внутри. По крайней мере Квазимодыш так себя вел, как будто у него во рту диамант «Орлов». Мы думали, поймаем их, далеко уйти не могли.

Девушка подцепила черенок ложки, Титаником оседавшей на дно медовой банки и стала задумчиво ее чистить о край посуды. Если бы челюсть Тихона так же неспешно дрейфовала по канализационным глубинам! Нет, бесценное изделие мгновенно унеслось с Ниагарой горизонтального смыва, продезинфицированное, взвешенное и получившее от интеллектуального сортира красную карточку в связи со своей небывалой твердостью. К моменту прихода в туа-

лет, то есть в штаб по отлову сокровищ, Назара Никоновича, протез уже резвился в волнах стока, но предприимчивый химик тоже был настоящий мужчина, который учится только на своем опыте. Он критически отверг указку и предложил использовать гибкую проволоку с большим сечением. Когда к группе спасения присоединилась Амалия Петровна, Кондрат с Назаром уже всюю препирались, под каким углом нужно засовывать цинковый прутик, найденный в хламе у Тихона. Логик и математик Винтер едко заметила, что ареал обитания протеза никем разумным не обозначен, и, следовательно, стоит искать везде, где на вошеном полу пролегает широкая борозда от ползавшего Тихона.

Люди все подходили и подходили, идеи рождались со скоростью появления новой любви у кролика, а результата не было. Про директора в это момент все забыли, хотя, по свидетельствам очевидцев, время от времени он мелькал в районе первого этажа. Смирившись с тактическим поражением, педагоги вызвали подкрепление в виде аварийки, которая заставила себя ждать ровно столько, сколько было нужно физруку, чтобы выломать унитаз с корнем. Таким образом, веселье началось бы гораздо раньше приезда ремонтной бригады, если бы хладнокровная Амалия вместе с Кондратом не перекрыли бы в подвале воду.

Дальше стартовало второе отделение зубной драмы, с обнаружением тела и некоторой путаницей по его идентификации. Первой об убийстве директора заголосила молодень-

кая учительница начальной школы, у которой тот день был первый в жизни рабочий. Куртку директора, элегантно облекавшую плечи трупа, она опознала без запинки. Уверенность в том, что пристукнули именно Поленко, немедленно охватила всех присутствующих, потому как других кандидатов на расход в школе и окрестностях не наблюдалось. Во-первых, все были на месте, а, во-вторых, они сохранялись на этих своих местах без вреда для себя и окружающих уже значительное время, чего о директоре не скажешь. Правда всплыла наружу в самый критический момент, когда количество подозреваемых-добровольцев превысило объем милицейского мозга, выделенный под анализ ситуации. Убитый Афонькин здорово разрядил обстановку и заново сплотил педсостав, несколько разобщенный слишком быстрым избавлением от тирана, с которым локомотив их волю только разогнался бороться как следует. Опер, отбиравший свидетелей для дальнейшего конкурса на подозреваемого и преступника в последнем туре, впал в замешательство: ему предстояло очистить от шелухи ненависти к Поленко все наличные показания и обратить их во благо по Афонькину. Он пообещал всем повестки и убежал.

Потом Настя поехала домой. В борьбе за место в транспорте, хотя бы всячее, острота пережитого немного сгладилась. Девушка была очень рада застать дома только Костика, а не весь их дружный родственный коллектив. С порога муж огорошил ее новостью о мистической пропаже ящика с ин-

струментами и, видимо, никак не связанном с этим фактом спешном отъезде погорельцев.

– Быстро они свернули свой бивуак, – докладывал Костик после финального обсуждения зубной эпопеи. – А я не верил в наше правительство! Значит, выделили им жилплощадь. Хотя не поручусь, не успел расспросить. Они незаметно уехали, я еще спал.

– Вообще их еще утром унесло на новоселью, – добавила Настя. – Правильно. У нас, если дают, щелкать клювом некогда. Надо заселяться сразу.

Костик был с супругой абсолютно солидарен:

– Вот-вот! Они, видно, ученые. Хотя нет. Они же потом возвращались, я сквозь сон слышал. Еще подумал, что это ты раньше закончила. А когда вышел на кухню, и след простыл. Только записка валялась у стола, так, даже не записка, клочок какой-то непонятный. Я не разобрал, что там к чему, отборная абракадабра.

– Дай-ка посмотреть, – Настя заинтересовалась. – Мне надо практиковаться в расшифровке запутанных почерков аля участковый терапевт. Сейчас дети плохо рукой пишут, у них пальцы стучат. А все компьютеры, говорят, развивают.

Костик зашуршал квитанциями на подоконнике и извлек из кипы смятый листок.

Настя посмотрела на него и чуть не захлебнулась чаем.

Перед ней лежал обрывок с желтой птичкой и тихоновскими каракулями.

Глава 16

О том, что Поленко опять возглавляет топ наименее желательных лиц в его хозяйстве, Финоген узнал вместе со всеми, когда оперу Катанину был ниспослан звонок от судмедэксперта. За час до этого завхоз мысленно перетряхнул весь город в поисках отщепенца, способного убить пусть и врага, но на территории его школы и даже не отогнать автомобиль с телом хотя бы в соседнюю губернию. Бракоделам грозили мор и потрава, в список Семеныча на естественную убыль вошли все подающие надежды горячие головы области. Финоген уже спустился вниз, чтобы передать заказ в работу, как тут обстоятельства изменились.

– Не вразумею, – завхоз точно передал состояние присутствующих. Потом задумался и, опираясь на жизненный опыт и врожденное чутье к хитрым комбинациям, одним предложением дал следствию надежду: – Разве обознался кто, туплупчик-то на убиенном какой...

Из правильного на потерпевшем действительно была только Поленковская куртка, остальное ни в какие ворота не лезло. Место преступления тоже оставалось неясным. Вернее, оно могла быть где угодно, кроме злополучного автомобиля, ибо даже в его просторном салоне смертельно замахнуться тупым предметом представлялось невозможным. Мотив, скатившийся с высот финансовых споров и войны

честолюбий, затерялся где-то в алкогольных связях убитого Афонькина, которые, по традиции российской глубинки, охватывали большую часть населения области. С другой стороны, алиби у записных маргиналов имелось железное: в кармане брюк Вольдемара обнаружилась непочатая четвертинка, а какой уважающий себя пьяница бросит ее там, где она больше не нужна?

С легкой руки Финогена следствие решило пока не погружаться в завлекательный мир бытовухи и преступлений на почве "ничего не помню, проспался, а тут вон оно как!", и пойти в более высокие сферы. Катаниным было установлено и перепроверено, что автомобиль и куртка абсолютно точно принадлежали Леониду Серафимовичу Поленко, а, значит, убийца, плохо знавший его лично, либо неплохо, но в сочетании со слабым зрением, мог принять Афонькина за директора.

– Либо директор, знавший о готовящемся покушении, решил пожертвовать пешкой в своей свите, переодел потерпевшего и решил посмотреть, что будет! – Рыжий подмигнул Виталию и налил себе еще кофе. Теперь пусть старший оперуполномоченный не думает, что в отделе только он способен на аналитику. – Правда, с другой стороны, этот Вольдемар мог тоже случайно догадаться о грозящей шефу опасности и взять удар на себя!

– Ну да, – кивнул Катанин. – Очень стройная версия. А еще Афонькин, находясь в состоянии похмелья, мог просто

взять чужую куртку и попытаться угнать автомобиль. С бодуна, вон, люди турбины с ГЭС укатывали, а здесь мелочевка. Нет, все сходится к одному: необходимо допросить Поленко. Где он?

– А вот это неизвестно, – сказал еще один милиционер, сидевший в углу. – Так. Несостоявшуюся вдову директора к вам на сегодня вызвали, придет. По телефону велела не беспокоиться, все нормально, говорит – Поленко дома не объявлялся. Соседей мы по возможности опросили. Кроме ста двадцати семей новых подозреваемых, это ничего не дало – все пожелали Поленко и его сигнализации провалиться до Вашингтона, то есть прямо в ад.

– А что в школе говорят? – Виталий открыл свои вчерашние записи и сразу поежился, вспомнив огненные глаза Марины Тухтидзе. Ей, чтобы разнести голову мужчине, посторонние предметы были явно не нужны: мозг выносило давлением. После их первого свидания Катанин малодушно исключил биологичку даже из списков свидетелей, решив, что к ней милиция обратится только в самом крайнем случае. Его сослуживцы пока с Мариной не сталкивались и были настроены оптимистично:

– В школе говорят... – отозвался Рыжий. – Поленко вчера неоднократно видели живьем, он шнырял по зданию и рядом, по кустам лазил.

– По какой нужде?

– Да не по нужде, хотя и этого нельзя отрицать, – Ры-

жий неуверенно посмотрел на опера, – канализацию свою они вчера пустили обратным ходом, чуть по всей школе не организовали плодородный слой. Может, он, конечно, и за этим вышел, но вот некая гражданка Вишневецкая утверждает, будто Поленко от кого-то прятался. Или подсматривал за кем-то. Ей так показалось.

– Жаль, ей чуть больше не показалось, лучше с подробными приметами и фотороботом, – вздохнул Катанин. Он предпочитал свидетелей порасторопнее. В принципе, в школе имелся широкий выбор, но качество заметно хромало, по крайней мере, вчера. – Значит, исходим из того, что директор пропал. Либо сам, либо ему помогли. Будем искать.

Летучка закончилась, и начался обычный размеренный трудовой день в Управлении. Помимо загадочного убийства в школе, Катанин вел еще несколько не менее занимательных дел, часть из которых давно переросла в хронические. Постоянными подопечными Виталия были жильцы когда-то особенного, партийного, а теперь самого обычного двухэтажного сталинского дома в центре. Первый этаж заселяли отставные тузы тюремного начальства из знаменитого в области изолятора, зато на втором две квартиры принадлежали их бывшим клиентам. Войны не случилось, потому как силы противников были неравны: на стороне дебоширов сверху стояли воровская закалка, проспиртованный организм, устойчивый к инфекциям и паленой водке, а также возможность заливать соседей, не получая в ответ. Убеленные се-

динами полковники снизу боролись с произволом привычными им методами: жаловались, куда следует и ждали, когда доблестная милиция примет меры. Катанин, уважавший старость, не раз намекал дедулям, что это не поможет, а самым лучшим выходом будет научиться резать проводку беспокойным хозяевам или вообще сдать квартиру гостям с солнечного юга, дружному семейству на двадцать штыков, не меньше. Добрый совет остался без внимания. Первые с большим отрывом проигрывали, и паводок жалоб оттуда рисковал затопить Катанинские уголья.

Были и еще дела, требующие внимания, но вопрос пропаяжи Поленко не давал старшему оперуполномоченному покоя. Каждый, кто хоть раз сталкивался с директором, оставался к нему равнодушным, и не всегда после встречи оставались только материальные претензии. За годы службы Виталий хорошо уяснил, что есть для нашего человека кое-что подороже денег: принцип и та индивидуальная странность, фантазия или вера, которая позволяет ему никогда и нигде не считать себя побежденным. Он будет идти с последней гранатой на танковую дивизию, кривой репкой платить дань орде днем и ночью партизанить, принося обратно золото Батыя, сдаст столицу, а потом погонит в сто крат более сильного, более подготовленного на первый взгляд врага голыми руками до самого конца Европы. Потому как нет поражения, пока живо это особое содержание личности, сознание, которое отрицает тупики, а видит только движение,

развитие, выход. Там, где здравомыслящий средний, ну, скажем, англичанин шагнет назад и подопрет спиной стену, наш человек в худшем случае сделает подкоп, а лучший вариант просто станет последним в жизни нападавших.

Этот кремень русской самобытности не смогли обточить ни Чингисхан, ни глобализация с модифицированной кукурузой и священными правами опять на гуманное отношение. К приезду Поленко общество в городе, хотя и было слегка одурманено тонким в их местах запахом нефтедолларов, сущности своей не изменило. "Враг не дремлет" было написано на хмурых лицах горожан, штурмующих по утрам автобус, подъезды отнюдь не мраморных хрущевок шерились сейфовыми дверями, и все, как один, зорко стояли на страже собственных интересов.

Леонид Серафимович по своей сути был типичный агрессор и обладал редким даром уязвить в каждом то, что гражданин почитал за святое. Он умел в считанные минуты вызвать возмущение и гнев десятка совершенно не похожих друг на друга людей, спровоцировать скандал, попирая незыблемые авторитеты, и как-то походя заставить попавшего в его орбиту человека поступиться принципами ради совершенной своей прихоти. Окружающие прощали ему хамство, но не прощали идиотских ситуаций, в которых им приходилось побывать благодаря этому гению раздора. Директор выходил в народ как безусловный победитель среди покоренных и недоразвитых туземцев, и это раздражало. На

освоенной Поленко территории не оставалось индивида, который не был бы с ним в контрах, и Катанин это понял спустя полсутки с начала расследования.

Молоденькая учительница, сидевшая на стуле напротив, с упоением рассказывала о факультативном педсовете, проведенном в аккурат после первого дубля с Леонидом Серафимовичем:

– Про Берина можно говорить часами, поверьте мне. Какая глубина, какое проникновенное отношение к Ph-среде и прочей валентности, ах, это так возбуждает воображение, неорганическая химия! Назар Никонович – настоящий нанонист, знаете, так увлеченно рассказывает про эти наночастицы. Они сейчас ползают по нам с вами! – она экзальтированно пробежала пальчиками по блузке, а Катанин поспешил стряхнуть мерзкую живность с брюк. Девица засмеялась:

– Ах, как феерично! Господин майор, их же не видно, только вооруженным глазом! Вот химик наш может, он для этого вооружен.

Виталий уже понял, что к разгадке непонятных событий в школе эта доморощенная Персефона его не приблизит, но счастья все же попытался:

– Чем же по-вашему вооружен гражданин Берин?

Учительница залилась румянцем, как кухарка над шестикомфорочной плитой, и вытянула нарисованные сердечком губы:

– Экий вы дерзкий, однако! Это ужасно непристойно с

вашей стороны, задавать такие вопросы молодым девушкам. Назар Никонович вооружен против нашего слабого пола всем джентльменским набором...

– Коньяком и коллекцией пластинок Дайяны Росс? – переспросил из угла Рыжий. – Вообще химик мог бы так и не тратиться, у него же на работе целая фабрика "Сделай сам". А так набор хороший.

– Попрошу вас не отвлекаться! У нас следствие, а не собрание начинающих ловеласов! – Катанин сурово цыкнул на коллегу и постучал рукой по столу, что произвело неизгладимое впечатление на нежную барышню напротив. Она вдруг пошла пятнами, а узкий остренький подбородочек предательски задрожал. Мелкое пшено слез застучало по столу опера, совершенно не готового к подобным издержкам производства. Он неуклюже заметался между чайником, батареей невымытых чашек с присохшими ложками и протоколом, на котором паучками расплзались чернильные пятна от девициных рыданий.

– Ну, все, все, – Виталий примирительно подставил учительнице стакан. – Я имел ввиду, постарайтесь вспомнить, не замечали ли вы ссор или конфликтов между вашими коллегами и новым директором?

Опрашиваемая постучала зубами о стакан, пытаясь справиться с затянувшимся всхлипом, последний раз надрывно икнула и несчастным голосом сообщила:

– Замечала, конечно. Лично я его терпеть не могла, он

меня профурсеткой лысой обозвал! А у меня натуральные пепельные локоны, смотрите, – девушка стала истерически выдергивать волосики из жидкого пучка на затылке и, чтобы предотвратить возможный эстетический шок, Катанину пришлось быстро занять ее руки пиалкой с печеньем. Учительница успокоилась, пощипала галету и совершенно уверенно заявила:

– Убила бы его, если честно.

– Ну, раз честно, так пишите явку с повинной. И нам легче, – Рыжий подмигнул барышне, и та снова начала радовать глаз повышенной пятнистостью. Опер же в сотый раз помянул знаменитого деда, который не удосужился оставить в наследство простую и понятную профессию сталевара или циркача, а своим неосмотрительным примером обрек внука мучиться похлеще узников Пиночета. Пока его коллега пикировался со свидетельницей насчет своего извращенного чувства юмора, Катанин бегло просмотрел протокол и нашел в нем некоторые указания на, видимо, более осведомленных будущих помощников, а, может, даже объектов следствия. Девушка сделала акцент на одиночном выступлении Назара Никоновича Берина на педсовете и высоких оценках, данных ему коллективом. Однозначно, директору этот номер не понравился, у него ведь были свои фавориты. В виде человека, похоже, как это теперь говорится-то? Да, человека с ограниченными возможностями, Тихона Гавриловича, трудовика. "Вот, знал бы дедушка, в гробу бы перевернулся, – думал

опер под заунывный аккомпанемент девичьих причитаний. – Опровергли его Маркса: не из каждой обезьяны труд может сделать человека! Я же этого Тихона вчера видел. Полный, э-э-э, нехорошо ведь так про неполноценных. В общем, уподобный". Вслух же Катанин продолжил:

– Так, хватит. Получите повестку на следующий раз, когда будете в форме. Быстро говорите, когда видели гражданина Поленко и свободны.

Рыжий укоризненно заворчал из своего угла:

– Рановато обнадеживаете! Вольница начинается тогда, когда настоящий преступник сидит. А пока именно он у нас свободен, – тут он подозрительно зыркнул на притихшую учительницу, – и я бы не поручился, что это не вы. Уж очень нервная.

Девушка, совершенно деморализованная избитым приемом "плохого полицейского", почти смирилась с неизбежной каторгой и последующим скитанием по папертям храмов Крайнего Севера. Она тщетно выискивала в памяти хоть что-то, что могло бы отвратить безжалостный маховик следствия от ее молодой, мало пожившей головы, и направить его по иной траектории. Наконец, барышня заискивающе посмотрела на Катанина, который олицетворил в милицейском дуэте Добро, и тихонько сказала:

– Директора последний раз я видела после линейки. Я пошла свою девочку искать, Марточку, она звонком была. Вообще-то это не моя девочка, а заммэра. Оказалось, Леонид

Серафимович все-таки летчик, только такой мог быть смелым и безрассудным. Он Марточку уронил, а потом на ее маму наорал. Но ушел целый, я даже сама удивилась. Правда, Вероника Матвеевна потом по телефону говорила с мужем, и я поняла, что это в принципе ненадолго. В смысле, что целый – ненадолго.

Виталий без удовольствия сделал пометки в блокноте и с грустью посмотрел в окно. Если так пойдет дальше, с этими березками он очень скоро попрощается. В канву следствия уже вплелся Финоген Семенович, с которым связываться не хотелось, теперь еще заммэра и его кровиночка. А Берин со своей сиявшей где-то в верхних слоях стратосферы венценосной мамашей вообще был противопоказан начинающему сотруднику милиции. Спасало только то, что Катанин за неимением опыта и природных склонностей не шибко умел думать, для него это был скорее процесс, не ориентированный на результат. Где-то внутри от всего разведанного завелся противный холодок, будто ниточкой связанный с волосами на загривке: они потихоньку шевелились, но пока насыщенного места не бежали. Опер в течение минуты прослушивал свой внутренний голос, который из глухого ворчания под ложечкой никак не мог оформиться в отдельные четкие слова. Он был бы и рад приободрить хозяина чем-то навряде "Перед законом все равны", но для таких перлов в лексиконе стоило бы посещать в Академии историю права, а Катанин традиционно избегал излишних напряжений. Поэто-

му голос ничего внятного не сообщал, и Виталий решил, что чему быть, того не миновать: придется идти к следователю и спрашивать знакомства с заммэра, даже, возможно, на коротке, с принудительным привлечением на будущие свидания.

Учительницу он отпустил после ее отчаянной попытки еще больше запутать следствие: педагогичка с издёвкой, как показалось Рыжему, сообщила, что алиби любого из своих коллег подтвердить не сможет, потому как всю катавасию с зубами пересидела со своими учениками в запертом изнутри кабинете и боялась. Спустилась вниз, когда в вестибюль ворвались мужественные, ах, такие brutальные рабочие с аварийки. Дальше все как в тумане, поэтому и о себе толком рассказать не получится. Нет, кто был в холле на тот момент, кроме бравых мужчин в комбинезонах, она не помнит, кажется, Анастасия Борисовна суетилась вокруг каких-то протезов. Потом пролетарии вышли во двор, а она, учительница, стояла в дверях и глаз не могла оторвать от их больших, крепких, налитых гаечных ключей. В труп он сразу опознала Поленко. Почему? Потому что, во-первых, это его машина, зачем там сидеть и умирать посторонним, во-вторых, куртка с зелеными бархатными отворотами прекрасно запомнилась еще с линейки, в-третьих, ее близорукость на минус пять позволяет на другие признаки не опираться. И так все понятно.

Катанин поблагодарил внимательную свидетельницу и по-

просил ее, в случае любых обновлений или детально всплывших в памяти сцен из прошлого, непременно звонить. Барышня с придыханием попросила номер Виталия, не сомневаясь, что откровения о произошедшем ее посетят, и вообще, дружеская беседа просто так, без повода, очень освежает и позволяет в некотором роде переосмыслить минувшие события. А ей очень бы хотелось помочь следствию в лице такого умного, доброго и понимающего человека, как старший оперуполномоченный. Пока Катанин с каким-то сквашенным лицом выискивал достойную отговорку, Рыжий на полном серьезе шепнул девице, что потоки сознания с удовольствием принимают по 03, отделят там мух от котлет и передают куда следует, даже униформу предоставляют, с удлиненными рукавами-реглан. Виталин номер может быть и недоступен, а вдруг придется поделиться сведениями немедленно! Учительница фыркнула на безудержно веселого милиционера и удалилась.

Старший лейтенант Катанин с хрустом потянулся на колченогом стуле и в изнеможении откинулся на визгнувшую под его массой ореховую спинку. Дни мебели, принимавшей участие в расследовании школьного трупа, были явно сочтены, с таким остервенением Виталий выстукивал по ней онемевшей от писанины рукой. Через пару часов сюда должна была явиться несостоявшаяся вдова, которая уже заявила энергичный протест обманутым надеждам и приобщению к уликам их семейного автомобиля. Доя сохранения работо-

способности отделения необходимо было срочно прополоть этот буйный цветник из дам-свидетельниц и занять освободившееся место радующим глаз и слух обычным мужчиной, пусть даже и заммэра. Опер коротко проинструктировал Рыжего насчет покупки печенок к чаю и прочих ответственных моментов, а сам быстро прикинул маршрут восхождение на свой Олимп, к чертогам небожителей. В золотом списке значились достойный сын своих родителей Назар Никонович Берин, Финоген Семенович, такой почтенный, что свет уважения к нему освещал потомков до десятого колена – приблизительно на столько должно было хватить заработанного им богатства, и, конечно, заместитель главы города, слуга народа Михаил Владимирович.

С Назаром им уже удалось перекинуться парой слов, и теперь Катанин хотел подождать, пока первая их встреча лучше выветрится из головы химика. На тот момент опер еще не знал, что Берин, помимо витиеватой бородки и взгляда Цезаря Борджиа просто так и на жизнь знаменит еще, как пишут в рекламе особо удачных пометов в собачьих питомниках, "титulóванными родителями, призерами призов и чемпионами Европы". Тогда Виталий был слишком ошарашен теплым приемом со стороны школьной гурии, бодрой духом Марины Тухтидзе, чтобы по достоинству оценить попытки Назара Никоновича помочь следствию.

После ряда, в общем-то, неглупых замечаний этого начинающего Альберта Хофмана – так Берина называл Рыжий –

старший оперуполномоченный в сердцах пообещал ему текущее небо в алмазах заменить на строгую линейность неба в клеточку, где соловьи не поют и Назару тоже придется заткнуться. Химик оскорбился и заявил, что в этом случае он умолкает и говорить за него будет его адвокат, так что теперь Катанин вряд ли мог рассчитывать на его искреннюю симпатию. Из протокола, однако, было не вырубить самоличного признания Назара о том, что смертью Поленко он не удивлен, ибо целая группа знакомых и незнакомых Берину лиц "на мщенье подвинутых из Ада и с небес" желала директору плохого. Правда, к убийству Афонькина это отношения не имело, но все же характеризовало учителя как человека, сведущего в мотивах. Так что переговорить с ним еще придется, пусть пока остынет.

Общение с Финогеном Семеновичем могло обогатить, кого угодно: дед обладал широчайшей сетью знакомств и феноменальной интуицией, так что его показания представляли для следствия что-то вроде смазки для движка. Но способность предвидеть ход событий на этот раз подсказала Финогену взять бюллетень и со старческим дребезжанием в голосе сообщить оперу о своем недуге по телефону. Видимо, у завхоза шло альтернативное расследование, и делом принципа было раньше милиции найти преступника, осквернившего школьный двор некрасивым трупом.

"Сам-то он его не убил и даже не заказал, – рассуждал про себя Катанин. – Точность – вежливость королей. Если бы

деду помешал Поленко, то сейчас уже конкретно поленковские останки плавали бы в стоках от Мальорки до поселка Новки Камешковского района, причем совершенно не опознаваемые. При этом нашлась бы сотня свидетелей, что директор, подхватив официантку из кафе "Последняя рюмка", сбежал в соседнюю губернию и даже устроился там зубным техником на полставки, о чем и справка есть. И жена бы подтвердила, если бы хотела самолично узнать, есть ли жизнь на пенсии. Так что нет, к Финогену Семеновичу надо идти, когда он уже чего-то накопает, а сейчас используем служебное положение в личных целях и познакомимся с сильными мира сего, то есть с мэрией".

Опер не спеша дошел до главной улицы города, которая, как бы соперничая с европейскими игрушечными столицами, была разряжена властями в пух и прах. Прах особенно удался и непобедимо вылезал из всех боковых улочек, осыпался под ноги прохожим с угрожающе кренящихся балконов и в кое-где облупившихся фасадах разноцветных сталинок являл их истинный возраст многослойными годовыми кольцами покраски. Городское начальство сидело в бетонно-стальном кубике эпохи развитого социализма и подчеркивало доброту своих намерений мегатонными серпом и молотом у подъезда. Виталий прошел в прохладный сверкающий гранитом вестибюль, показал охране удостоверение, которое чуть было не поставило крест на его продвижения внутрь и по службе, потому как отцов города не велено бес-

покоить. Мэрия так усердно думает об общем благе, что частные визиты могут выбить ее из наезженной колеи обеспечения народа счастьем. Но тут Катанину впервые за годы службы вдруг пришла мысль, и не какая-нибудь, а здравая.

– Я от Ленинского УВД принес в честь Дня милиции памятный сувенир, – Виталий помялся и заглянул в потрепанный портфель с бумагами и старыми очками, – памятные...э-э-э...линзы, телескопические, с секретом. Какие очки, это, как его, конопль, редкая вещь, старинная! Вероника Матвевна изволила забыть, а он ей так нравился! Говорит, прямо жизнь без него вся из рук валится. Я пройду, секретарше ее мужа передать договорились. А то нехорошо получается.

Охранники помялись, но про высокие чувства заммэра к утонченной супруге знали все. Мало ли, что она там любит, может, эти стекла для нее как котята новорожденные, нельзя без присмотра оставить. А, если опер, коллега в некотором роде, пройдет аккуратно до секретаря и обратно, худого не будет.

Турникет щелкнул зеленым и окрыленный Виталий понесся вверх по лестнице.

Если бы он знал, какое откровение ждет его впереди, то бежал бы еще быстрее.

Но только в обратном направлении.

Глава 17

– Господин Рафаэль так и сказал давеча, что кошка – не животная, а дух древний египетский, и Велесу здесь наговаривать бесполезно. Только потревожишь его всеу, а результата нема, – поучала свою напарницу по практической магии Нина Васильевна. Мадам Поленко, исполнявшая в их дуэте роль мецената, подопытного и по совместительству декоратора-мастера сцены, суетливо убирала пучки травы с трюмо на большой глиняный поднос с надписью "Суздаль – жемчужина Земли Русской". Орнамент в виде искореженных славянских рун и луковичек церковей в самоварном золоте обещал придать пучкам русский дух и волшебные свойства. Вот как бездумная туристическая покупка оборачивалась для Клавдии Энгельгартовны ценнейшим в обиходе предметом! Господин Рафаэль недавно ниспослал на блюдо полномочия Всесветной Родильницы. Мадам Поленко и не представляла, что такое чудо можно сотворить всего за десять тысяч рублей! Теперь этот в прошлом топорный сувенир, а ныне – воплощение всех созидающих богов славянских племен, должен быть напитать и корешки, и сообщниц силами для поиска и нахождения Люцифера, то есть Поленковского кота.

В процессе эксперимента выяснилось, что третий глаз у мадам Поленко абсолютно безнадежен, на его месте даже ничего не свербило. Нина Васильевна попыталась было сама

приоткрыта завесу в неведомое, но чуть не свела у себя количество наличных глаз до одного, пребольно ткнув во второй острой палочкой какого-то цветка. Поднос винить не приходилось, все-таки Господин Рафаэль очень наглядно показал, как духи плодородия впитали в себя десять тысяч, ну просто слизнули их с шероховатой поверхности блюда. Это ведь не проходимцы какие-то, а авторитеты, проверенные временем, им уже за тысячу лет! Значит, свою работу выполнили и посуду по части оккультных возможностей подтянули. Дело, однако, стопорилось. Подруги еще некоторое время провозились в ожидании магических перемен, пробуя составить на подносе наиболее действенную икебану, но чуда не происходило. Вдруг Нину Васильевну осенило.

– Котик ведь какой у нас породы? – старушка с видом Коперника, усмотревшего, наконец, логику в движении планет, торжествующе посмотрела на заплаканную Лициферову хозяйку. – Не камышовый и не дымчатый сибирский. Котик у нас сфинкс хохлатый, да простит меня Ярило! Солохи мы с тобой, Клавдия! Разве ж поможет отечественная ворожба на живность-то иноверскую? У него там своя Аюрведа, и вот поэтому-то он на наши чары домотканные не отзывчив. Прана не дает! Так он домой не возвратится, нет.

Клавдия Энгельгартовна достала из комода глянцевый светлый лист и прижала его к пышной груди. На нем якобы был запечатлен Люцик в юные годы, но удачная фотография лысого белого кота на фоне кожаного белого дивана не да-

вала точного ответа, а был ли котик. Установить, смотрелся ли котик красавцем в молодости, тоже не представлялось возможным. Любящее сердце хозяйки, однако, безошибочно угадывало контуры дорогого существа, Клавдия гладила листок строго в определенном месте и заунывно причитала. От такой душещипательной картины даже у самого прожженного передовика скотобойни встала бы работа из-за застилающего глаза потока слез, что уж говорить о простых людях! Подруга Клавдии не была исключением и остротой момента прониклась.

В период невзгод Нина Васильевна показала себя, как человек дела: оставив единственного сыночку на произвол семейных отношений и даже не понудев на его жену-интеллигентшу, она живенько унеслась в резиденцию Поленко помогать. Задачей минимум было вернуть потерянное счастье, максимум – обрести новое в виде проживания с котиком наедине, без лишних людей типа исчезнувшего при странных обстоятельствах супруга.

События, о которых старушка во всех подробностях слышала от своей невестки, настраивали на вполне оптимистический лад: один труп уже образовался, посему пропавший из школы человек мог быть либо убийцей, либо упущенной и разыскиваемой жертвой. Из этого щекотливого положения было только два выхода и оба мимо этого милого, гостеприимного дома: тюрьма или кладбище. Поэтому возвращение мужа и дальнейшее свинское поведение вряд ли угрожали

его супруге. Нине Васильевне тоже как-то больше нравилось без него. Уж слишком скабрёзно Леонид Серафимович отзывался о великой науке хиромантии и даже однажды сложил из священного ее объекта – левой руки – увесистый кукиш под носом у Господина Рафаэля! Да разве мог этот нечестивец составить счастье такой женщины, как Клавдия, которая вечером не метет, через плечо плюет, пустыми ведрами прохожих не смущает и вообще делает все для благополучия семьи!

Сегодня днем мадам Поленко отдала всю себя на свидетельские показания в милиции и вернулась совершенно без настроения. Зато крепко убежденная, что опер Виталий Катанин – идиот и не то, что котика, а даже дерево вокруг дупла найти не способен. Путь домой прошел в горьких размышлениях о неуточненных судьбах Люцифера, автомашины, закрепленной на милицейской стоянке для изучения, и виновника этих ужасных событий, которые Клавдия переносила с огромным риском для здоровья, прежде всего, окружающих. В ее обширной грудной клетке klokотал вулкан ярости, и только цунами слез этажом выше не давало обжигающей лаве натурального деревенского скандала вырваться наружу. Но равновесие было хрупким, и каждый час без родного Люцика приближал страшную развязку.

После визита в милицию Клавдия Энгельгартовна поняла, что с пропажами придется разбираться самой, но делать это тонко, чтобы не переборщить с находками. Житье без Лео-

нида Серафимовича, сначала воспринятое женщиной как гром с небес и сотрясение основ, на поверку оказалось тихим, спокойным, без гонки за трехразовым мясным питанием, зато с ежевечерним просмотром развивающих передач про свах и женитьбу на центральном, а, значит, самом правильном канале. Деньги по-прежнему отыскивались в тумбочке, а не исчезали в прожорливых кассах любимых магазинов Поленко-мужа. Там он втихую покупал чучела для коллекции собственных охотничьих трофеев. Имелась у него такая слабость, совершенно деморализовавшая Люцика при близком с ней знакомстве. Леонид Серафимович уже добыл экспонатов на филиал зоологического музея или выставку к юбилею Ноева ковчега, но все никак не мог остановиться, и несколько лет назад даже пробовал пойти на редкую дичь сам, но что-то не срослось. В последнее время Люцифер, ловя на себе какой-то нехороший, естествоведческий взгляд хозяина дома, ясно чувствовал, что чучело – наиболее понятная для летчика ипостась млекопитающего, и старался спиной к Поленко не стоять. Теперь без Леонида и его вредного хобби квартира дышала миром и негой, с которыми жена директора не намеревалась без боя расстаться. Вот только, если бы можно было вернуть Люцика...

Встретив в дверях дорогую Нину Васильевну, мадам Поленко облегченно вздохнула и возблагодарила внимательно к ней сегодня Белбога поклоном в пяточке света у подъезда. Накануне Господин Рафаэль был недоволен слабень-

ким почитанием это центрального для истого славянина бога удачи и прямо сказал, что счастья не дожидаться, если не сдать немного золота на белбоговы нужды – это должно заменить ему редко появляющееся в четвертом квартале Солнце. Клавдия тогда пожадничала, уж очень ей нравился внушительный золотой ошейник, привезенный из Дубаи на зло всем таможням, а вот вышло, что древнее божество взяло ее на заметку и отняло самую большую драгоценность. Да еще с процентами в виде автомобиля! Так что с сегодняшнего дня Клавдия пообещала себе исправиться и таких просчетов не допускать, в чем Нина Васильевна, конечно, ей будет самый крепкий помощник.

Женщины обнялись и так, клубком, закатились в шикарный скоростной лифт и добрались до квартиры мадам Поленко. Оказавшись на родных просторах, таких гулких и одиноких без ласкового домашнего любимца, потенциальная кандидатка во вдовы, или даже, в зависимости от хода следствия, на увлекательные поездки в Анадырь по тюремным свиданиям, Клавдия дала, наконец, волю чувствам:

– Ах, Ниночка, какое мракобесие! У них там в отделении – прошлый век, сидели и за мной ручкой записывали. Я-то по телевизору видела, знаю, как в Москве люди работают: на поимку маньяка им отводится сорок минут, и это с рекламой! А тут... – супруга директора уселась на банкетку в прихожей и повернулась к своей гордости, колонне с пляшущими пузырьками и рыбками. Столп мигал разноцветными ог-

нями, как тренировочная лампочка собаки Павлова, и гранд-дама понемногу приходила в себя после свидания с Катаниным. Видимо, переменный сигнал и у Клавдии Энгельгартовны закрепил необходимые рефлексы, потому как она внезапно встрепелась и стала приглашать Нину Васильевну откусать, чем Крышень послал:

– Кушать хочется, что даже воздуху больше в нос забираешь от голода! А ведь я в "Магических ведомостях" читала, что йоги много дышать не советуют. Даже обращают внимание, что лучше для кислорода использовать пупок, через него зеленая энергия входит. Там и картинка есть, – женщина деловито переставляла на кухне кастрюли и одновременно делилась с подругой последними важными открытиями. Все для плотного обеда уже стояло на столе, когда Нина Васильевна самоотверженно вызвалась приготовить живительный эликсир для чистки печени из масла черного тмина с чесноком. Клавдия, подумав, перенесла коктейль на субботу, потому как вместе с посещением УВД очистительных мероприятий выходил перебор. Вместо полезного черного тмина выбор дам пал на пару стопочек беленькой, откуда-то тут же возникла бутылка "Столичной", зазвенела посуда, и повеселевшие товарки уселись подкрепиться.

– Ты бы, голубушка, поменьше смотрела картинки всякие срамные, – где-то в середине отбивной по-французски заметила осмелевшая от градусов и калорий Нина Васильевна. – Видела я вашу книгу про йогов, что-то там "С утра" назы-

вается. Я у Леонида Серафимыча кабинет случайно проходила, вот просто мимо шла, а книга та возьми и откуда-то с задних рядов и выпади. И прямо в руки, прости меня, Ярило, мерзость такая! Уж я на обложку взглянула и дальше смотреть не стала. Там, внутри-то, еще хлеще, разврат сплошной, как будто мы в Амстердаме на улице Де Валлен. Картинки подробные такие, даже объяснение есть, что, как. Ну, да я не читала, не знаю. И ты думать забудь про пупок, да входы всякие!

Клавдия замахала на раскрасневшуюся подругу и с набитым ртом начала объяснять:

– Да что вы несете, Нина Васильевна, какой разврат! Я ведь даже колготок не ношу, такая скромная. А то по телевизору видела, девица в одних чулках носится по дому, будто угорела. А какой-то мужчина – его не показали, видимо, не важно, их там много бывает – мужчина ей радостным голосом говорит: "Умей соблазнять". Когда попа тощая и ума нет, можно, конечно, и колготками соблазнять. И подтяжками можно, главное, чем крепче привязать, чтобы не рыпался и соблазнялся. Но я на всякий случай не ношу, мало ли таких вот извращенцев, что с этой вакханкой на квартире побывали. Начнут еще бегать за мной, приставать. Да ну их!

Нина критически оглядела крестьянские икры мадам Поленко, покрытые панцирем толстых с завитком волос. Чулки на этом зимнем варианте опушки были сильно лишние, это верно.

– Не женщина, ты, Клава, а чистый гренадер, – Настина свекровь, жутко опытная в налаживании чужой семейной жизни, пристально посмотрела на Клавдию, – потому-то и загулял хозяин твой. У учительниц ихних школьных надо его искать, они там есть такие розанчики, ух! На них он, видать, лыжи свои и наострил. А такой солидный мужчина, как Леонид наш Серафимович, он каждой пригодится. Тем более с квартирой! – Нина Васильевна выпустила главный аргумент и с вызовом посмотрела на еще вчера восседавшую на Олимпе удачного замужества подругу. Теперь насиженное место Клавдии было под вопросом. Мадам Поленко встрепенулась:

– А что "квартира"? Квартира-то причем? Нет мне в их школе соперниц, я же всех после педсовета видела! Одни крокодилы трухлявые, еще одна такая кудлатая, как пудель, а молодые все рахитичные, на головастиков похожи. Кто им эту моду подсказал, чтобы ни одного выступа на теле не находилось? К ним Серафимыч не уйдет ни за что, зуб даю.

– Давай зуб, запасной нам пригодится, – Нина протянула сушеную в коричневых пятнах лапку, – а моя Настасья, забыла? Дурында первостатейная, конечно, зато вот точь-в-точь с этими страхолюдинами из конкурсов красоты. Тонкая, звонкая, и волос блондинистый. Про нее наши мужички в подъезде так и говорят, будто про завтрак в яслях: манкая. Могла и твоего заманить! А что? Мой-то сыночек с ней, стервой,

сразу разведется, и мы сюда переедем, к Серафимычу. А молодые пусть там, у Настасьи живут. Так что не знаю, Клавк, мне здесь твое барахлишко пока не мешает, а там, поди, придется прибраться. Или убраться – как правильно говорить? В общем, поедешь на воздух, в деревню свою!

Старушка лихо хлопнула еще рюмочку, крякнула, и не успев еще закусить понюшкой хлебушка, поняла, что в прогнозах перегибать не стоило. Напротив нее с багровым лицом и сковородкой в крепкой ладони стояла Клавдия и угрожающе раскачивалась. Нина Васильевна сморщила лицо в прошлогоднее яблочко и сквозь зубы примирительно засюсюкала:

– Матушка, ты блинчиков напечь решила, горлица наша сизокрылая? Уж ты, благодетельница наша, до того заботливая, до того трудолюбивая, что всем доброта твоя огромная вокруг известна до самого Буэнос-Айреса и даже до острова Пасхи! Ты сковородочку-то положи, в чугуне правды нет, спаси его Велес. А я-то, дура старая, окоlesiцу всякую несу, чтобы только тебя, голубушка, взбодрить и от грустных мыслей отвлечь. Видишь, теперь у тебя и слезки просохли, и на сердце полегчало. Это метод такой, нейролептическое программирование называется. Господин Рафаэль этот материал в тайне изучает, но я добыла! Потому как великое знание и власть дает над миром. Ну, чтобы мир был, а войны не было. Вот и ты, Клавочка моя Энгельгартовна починаясь!

Мадам Поленко еще с минуту с подозрением рассматривала согбенную старушечью фигуру, но сковородку все же поставила и сменила колор лица на менее кровавый. Потом тяжело прошла по кухне, с шумом выпуская воздух из раздутых парусов ноздрей, и, наконец, села напротив Нины.

– Господин Рафаэль, конечно, правильно делает, – с металлом в голосе заключила уже немного пришедшая в себя Клавдия Энгельгартовна, – что не дает это программирование изучать людям без специальной подготовки. Очень круто берет! Хотя чувствую я себя намного лучше, спасибо тебе, Нина Васильевна. Нечего рассупониваться, надо действовать. Люцик, наверное, истосковался уже по мамочке, плачет, зовет, а здесь делаю эмоциональный срыв. Может, объявления по городу расклеить с Люциковым фото, с вознаграждением?

Подруга отрицательно замотала головой:

– Не время сейчас. Там вовсю идет реклама ужасика американского, такие рожи на листовках! И преступника-рецидивиста ищут, из семьи потомственных алкоголиков с наследственным дефектом носовой перегородки. Милиция сама не справляется, как всегда, народ привлекли, плакатов понаклеили! Я к чему: Люцика на их фоне просто не отличить. Одно лицо. Так что остается только верный, надежный метод! – указательным пальцем Нина погрозила натяжным потолкам, торжественно посмотрела на мадам Поленко и провозгласила: – Магия!

Пока Клавдия собирала по квартире подручные средства, старушка листала свою записную книжку в поисках волшебного рецепта. В последние годы она старательно копировала лучшие заговоры, заклинания и заклятья, почерпнутые из бесед в общественном транспорте и в приемной Господина Рафаэля. Помогала телепередача местного телевидения "За гранью неведомого", авторы которой явно не ведали ничего даже в рамках познавательной литературы для дачников и благодаря этому сохраняли чудесную способность всему удивляться и удивлять своей непосредственностью окружающих. В тетрадь также были вклеены вырезка из газет и специализированных изданий для садоводов и охотников на инопланетян.

Досадно, но ворожбы на возвращение котов не находилось. Нине Васильевне пришлось импровизировать на ходу. После небольшого, но бурного совещания было решено скрестить заговор по возвращению любимого от соперницы с обрядом на отыскание потерянного кошелька. Котик, однозначно, являлся любимым и потерянным, поэтому спаренное заклинание сулило успех.

– Так, что у нас здесь? – Нина Васильевна послушав палец и потерла им страницу, как будто в записях имелось второе дно. Старушка тщетно пыталась разобрать многочисленные сокращения, которыми она несколько месяцев назад конспектировала сеанс бытовой магии в исполнении их с Клавдией гуру Рафаэля. Пялясь в стрелки и точки, она

все дальше закидывала голову и поднимала курочкой верхнюю губу, пытаясь удержать сползающие по переносице очки. Вид ее все больше удалялся от требований господина мага к солидности прогрессивных колдунов. Наконец, Настина свекровь подняла руку и неуверенно начала:

– Хм...Руно Мерлина рисуем внутри пентаграммы...Какая такая Мерлина?

– Не Мерлина, а Мэрилин, что же здесь непонятного! – включалась Клавдия. – Мерлин Монро, конечно, – мадам Поленко была лучше знакома с идолами современности в области грации и бюстов досиликоновой эпохи. – Заговор ведь на разлучницу, верно? А эта Монро – первая Мессалина всех времен и народов, красотка, хоть и не без пользы: деньги вместо холодной войны потратили ей на перекись. Аллегория любовницы, вот что я думаю. Теперь руна, ну это просто. По аналогии. Было такое Золотое руно у каких-тогалерщиков, то есть овечья шкура, но высшего качества с драгметаллом.

– Ишь ты, вот почему так дорого в прейскуранте у Господина Рафаэля возврат-то мужа в семью! – бабулька согласно закивала. – Потому что сырье на обряд труднодоступное: попробуй найди шкуру этой развратницы, страх какой.

– Нина Васильевна, всегда же вам говорю: боритесь с узостью мышления. Она – ваш враг! В оккультных науках надо мыслить масштабно, но трезво. Вот скажите, на сколько приемных дней Господину Рафаэлю хватило бы материала, если

б его нужно было брать с Монро? Дня на два-три, а сколько он уже успешно работает? Годы, правильно! Значит, имеется в виду накидка там или шубка.

– Овечья что ли? – до Нины потихоньку начала доходить причинно-следственная связь между Руном и негодницей Мэрилин.

Клавдия только вздохнула:

– Побойтесь Кострубоньки, матушка. У Мэрилин мутона отродясь не водилось, только норка или ценный мех. Понятно, берем мою шиншиллу. Там еще немного осталось с прошлого раза. Я ее тенями для век позолочу. На коробке написано, там его целые караты!

Мадам Поленко направилась в гардеробную, и в эту минуту зазвонил дверной звонок. Женщины замерли. В свете последних событий за порогом мог стоять безжалостный убийца, пришедший к семейному очагу за ошибочно не укукошенным хозяином дома, или просто за ключами к авто, на которое он тоже, наверняка, рассчитывал. Не дыша, Клавдия на цыпочках прошла в коридор и приложила ухо к створке. По ту сторону слышалось чихание, цыканье зубом, но ничего зловещего, вроде легкого скрипа глушителя, привинчиваемого к иностранному пистолету, как всегда предупреждают в детективных сериалах. Накинув цепочку, хозяйка медленно приоткрыла дверь и увидела голубоглазого бородача средних лет, стоящего на безопасном для испуганной матроны расстоянии.

– Ага, вас не забрали? – меланхолически протянул мужчина и отошел еще дальше. – Мне показалось, здесь уже кружила какая-то бабка в черном. Я подумал, безутешная наследница. Вы-то не можете убиенному наследовать.

Разговоры про деньги и раздел имущества всегда оказывали на Клавдию самое живительное воздействие. Вот и сейчас она зарницей всколыхнулась на внезапного гостя.

– Это с какой-то стати я не могу? Я что, не супруга ему или квартира у нас из Красной книги обманутых дольщиков? Что вы меня оскорбляете? И вообще, кто вы? Отвечайте, или вызову милицию!

Мужичок кротко улыбнулся и парировал даме с изяществом овода, жалящего в попу:

– Милицию я для вас сам уже вызвал, даже все им рассказал. Как вы, дамочка, наприглашали в дом своих куртизанов при живом-то муже! Только и слышно от вас криков: "Ах, Велес!", "Дай мне, Перун!". У меня все их прозвища записаны, не обольщайтесь. Как ко мне участковый пришел, спросил про то, где я вашего супруга видел в последний раз, так я сразу все и понял. Вы со своими хахалями его и убили!

Мадам Поленко тщетно боролась с цепочкой, чтобы вырваться наружу и растерзать этого нахала. Ей мешали тахикардические прыжки сердца, трясущиеся им в такт пальцы и немножко Нина Васильевна, повисшая на подруге для предотвращения кровопролитья. Умный дом не знал, какое освещение применить к этим дерганьям под дверью и ми-

гал кафешантанной переменной лампочек. Сосед с издёвкой присвистнул на полное падение нравов в квартире, а потом, смакуя каждое слово, продолжил:

– Да-да, вот поэтому-то и не видать вам наследства, все городу отойдет... Ну, или следствие вспомнит про своих переданных помощников, – мужчина погладил себя по круглому животику. – Не наследуют жертве коварные убийцы. У-у-у, змеи на груди, знаю я вас. Меня жена и белой смертью травила, все плюшки пекла, и излучением на курортах всяких, я всю эту вашу бабью хитрость насквозь вижу. Второго дня сам чуть коньки не откинул, когда вы прямо мне в глаза уродца своего лысого метнули!

Клавдия еще сильнее забесновалась под дверью.

– Не смейте трогать моего Люцика! – мадам Поленко, как упырь из могилы, пыталась рукой дотянуться до горла пришельца. – На меня, честную женщину, клевете, а котика трогать не думайте, а то...!

– А то что, уважаемая? – ухмыльнулся сосед.

– Федя, – вдруг раздался голос с лестницы, – я сейчас расскажу тебе историю из жизни, и ты потом сам скажешь мне, что.

Голос принадлежал маленькой, но очень энергичной женщине, борцу за справедливость и старшему по подъезду тете Гале.

– Была у меня, Федя, собачка. Диной звали. Беспородная, но с большим самомнением, это обычно сочетается. Так вот,

Динка очень любила подраконить овчарку-медалистку Линду из милицейского питомника, когда та в наморднике и на поводке шла со своим хозяином гулять. Все бы хорошо, но Дина однажды не заметила, что большая, но обычно обезвреженная строгим ошейником овчарка из него выбралась. Привычно тявкнула, и только ребята с соседнего района знают, куда ее Линда загнала и где, возможно, съела. Я ее больше не видела.

– Ну? – Федор догонял медленно.

– Сучок к бревну! – тетя Галя теряла терпение. – Вот ты сейчас соседку раздражаешь, а ведь цепочка не вечная. У вас неравные весовые категории, учти, не в твою пользу. Все мы знаем, кошка улетел не со зла. А мужик ее загулял, ну это же хороший признак! Значит, крепкий еще.

Клавдия немного снизила накал борьбы с цепочкой и вполне спокойно поправила Галину:

– Не загулял, а пропал и разыскивается милицией. Зачем вы наговариваете на человека! А Люцик мой, славенький мой котик, просто жертва обстоятельств.

Тетя Галя распустила на лице мину всепонимающего управдома, друга человека:

– Да-да, так я и говорю. А теперь, товарищи, прекращайте шум и спускайтесь на первый этаж. У нас собрание. Федя, отходим по одному.

Сосед бочком пробрался к лифту, не выпуская из виду все еще воинственно настроенную мадам Поленко, и только

запрыгнув в стальные недра машины с удовольствием прошептал: "Накуси! Всех мужиков не переведешь!". На этаже остались старшая по подъезду и магический дуэт из квартиры Поленко.

– И зачем собрание? – недовольно загудела Клавдия. – Опять деньги на взлетную полосу на крыше собирать будут?

Тетя Галя была общественницей со стажем, поэтому слово "деньги" в увертюрах к жилищным проектам избегала, а всегда оставляла этот интимный момент на сладкое. Сейчас она тоже округлила глаза и зажурчала самым мягким голосом:

– Какие сборы, милочка? Нет, мы на голосовании будем выбирать домового.

Нина Васильевна вздрогнула, а Клавдия несказанно удивилась, до чего в их умном доме дошел прогресс.

– Выбирать? А что, разные варианты предлагают? – хозяйка Люцика не могла поверить, что недоступное Господину Рафаэлю управление духами можно запросто освоить на общем собрании.

А тетя Галя в который раз взгрустнула про себя, как безграмотны наши люди в вопросах жилтовариществ и ЖКХ.

– Конечно, предлагаем, Клавочка! Один может целый дом присматривать, так как больше ничем не занят, другой в миру керосином торгует, а это от крыс полезно. Третий предлагает крышу переделать. Так что все в ваших руках!

– Про руки это вы к месту говорите, – пожевав губами,

вставила свое веское слово Нина Васильевна, – чтоб не тягал домовой ваш все, что плохо лежит. А то некоторые так мучаются, дом приходится менять!

Галина сразу посуровела и пошла в атаку на непрописанную, а, значит, вовсе бесправную старушеницу:

– Вообще, это про вас здесь милиция ходила! Наш домовой – это ум, честь и совесть всего "Иглостара", а, если вы намекаете на пропавшие медные завитушки в подъезде, то платите сначала за пользование жилым помещением. Меня интересует мнение только тех, кто на него имеет постоянное право согласно паспортному столу.

– Ну, по мне, лишь бы добрый был и не шалил по ночам, – мадам Поленко повернулась к Нине Васильевне, примиряюще взяв ее за руку. Старушка быстро-быстро закивала, а тетя Галя вновь заулыбалась и погрозила пальчиком:

– Все-то мы, женщины, не по уму выбираем, все-то прощаем. Это же не муж, а смотритель всего дома, а это должность, ответственность, материальная, в том числе! Так что пойдемте, проголосуем вдумчиво и свободно.

Клавдия было хотела надавать Гале советов относительно правил поведения с домовыми, рассказать о проверенных трюках с вазами конфет и молочными блюдечками, когда лифт бесшумно распахнулся и в проеме показалась бледная физиономия Федора. Он выбил зубами особо ярую лезгинку, а потом почти крикнул на мадам Поленко:

– Теперь уж вы не отвертитесь! Там народ уже подтягива-

ется, все видели.

Женщины наперебой затараторили, явно заинтригованные настроением обычно пресного Фёдора. В многоголосом галдеже не сразу удалось выделить главное: там внизу, около лестницы, граждане обнаружили поразительную находку.

То был хозяин Клавиной квартиры, и его было не узнать.

Глава 18

– И пишет он еще, что в чужой стороне всегда вспоминает тебя, дед, низко кланяется и не забывает по твоему совету есть на ночь чеснок от всех их лихих болезней. Вот какой у нас с тобой, старче, внук вырос. Загляденье, а не внук! – жена Финогена Семеновича склонилась над письмом и украдкой смахнула слезу. Завхоз сидел напротив за самоваром, на котором по-старинному собрался в гармошку сапог и висела нитка с толстыми, глянцевыми баранками. Всегда жесткий и безучастный взгляд Финогена был подернут каким-то светлым, мечтательным умилением и вся его грузная фигура дышала покоем. Первый его внучек, затейник и непоседа Алексашенька, выбился-таки в люди, оседлал непокорные науки сначала на суровой к неточностям Неметчине, а потом и в Англии, где на голову обошел своих однокашников и с отличием закончил какой-то мудреный Оксфорд. Стариков своих блестящий юноша не забывал, писал им исправно и неустанно благодарил деда за все его старания и советы. Писал, но в губернскую глушь не показывался, поэтому присланные с оказией его портреты и открытки с видами тщательно Марфой собирались и подклеивались в альбом, а письма зачитывались до ветхости. Вот и сейчас супруга по десятому разу разбирала деду нынешнее послание Алексашеньки:

– Даже недруги и злопыхатели прежние мастерство его признали, так как нет ему равных в Европе, а, может, и во всем мире в искусстве взлома сетей. Не знаю, что за диво такое, дед, но, видимо, очень великое достоинство. Мальчик-то весь в тебя, ученый да смекалистый.

Финоген как-то застенчиво улыбнулся в бороду и перекрестился. Слава Всевышнему, услышал его беспрестанные молитвы и отвадил мальчишку от плохого! Нет ему теперь печали, выучился, вырос, живет в достатке и даже в роскоши, перебил своих отца и деда во всем.

– Ну, почитай еще, Марфушка! Что он про жизнь свою пишет, не болен ли, не хандрит в их туманах английских? Не томи уже, вдруг его на что вразумить надобно?

– Успокойся, старый, да он нас двоих вместе разумней. Все уже прочитала тебе, ты еще когда первый самовар ставил. Вот, пишет он, что все время посвящает занятиям и совершенствованию в науках, а для крепости тела увлекся английской гимнастикой "бокс". Очень полезительна и стойкости ему добавляет. А свободен Алексашенька бывает нечасто, в праздности не шатается. Хотя ты, дед, театров и маскарадов не одобряешь, ходил он на представление, в синему. Называется "Побег из Шоушенка". Очень подивился действию и хочет не менее известным стать, чем главный герой. Не пойму, что такое.

– Темная ты, Марфа, а ведь в школу ходила, пусть и сельскую. Как не поймешь? Это Алексашенька у нас, как всякий

господский отпрыск, революционными идеями прельстился, вольнодумствовать стал. Я бы не посмотрел, что ему двадцать с лишком, разложил бы на лавке и выпорол!

– Да что ты такое говоришь, Финоген Семеныч? Зачем на внучка напраслину возводишь? Разве может наш Алексашенька в этот омут попасть, ни в жизнь не поверю, – Марфа вся побледнела и приложила руки к лицу.

– Что здесь гадать, все же ясно для тебя написано: спектакль он глядел про этого дьявола красного, Ленина, и как он бежал из ссылки в Шушенском! Это они на своем басурманском коверкают, "Шоушенком" его обозвали. Как говорит Назар, Бероевых сынок, "А розу как не назови, все пахнет розой". Тьфу. Шушенское оно и есть, и побег этот проклятый, который царю-батюшке жизни стоил, а нам всем горе и разорение пришло на долгие лета. Лавры каторжника ему полюбились, поди ж ты! Прославиться желает, недоросль! А все мать его, вертихвостка, со своим либеральством. Садись, Марфа, пиши, что наследства лишу, ежели еще раз налево потянет, к коммунистам и террористам всяким. Посмотрим, долго ли на голодный желудок можно робеспьерством развлекаться.

Финоген Семенович не на шутку раздухарился и пыхтением давал приличную фору самовару. В этом воинственном настроении его и застал Павел Динин, привычно стукнувшийся о низкую притолоку в доме крепким кочаном головы и пустивший этим столкновением волну по всему сру-

бу. Лампадка перед иконами закачалась, масло попало на фитиль, и огонек в красном углу чуть не погас. Старик завхоз тут же забыл про семейные неурядицы и накинулся на нежданного гостя:

– Хуже татарина ты, Павлуша! Решил нам с бабкой устроить смерть по неосторожности, не от обрушения, так от пожара?

Павлик виновато жмурился, пытаясь спрятать огромные ручищи под полы дорогого пиджака, где и так было тесно от мускулисто-стального торса и кой-каких не менее опасных железок. Пятясь бочком к старозаветной козетке у окна, он по широте телесной сшиб пару стульев, распугал беспечно дремавших под ними кошек и даже сподвиг испокон веков немую канарейку протрелить истошный СОС собратьям по дому. Тут Марфа решила больше не рисковать хозяйством, и, приманив Павлика гигантской баранкой с маслом, усадила за стол. Со стороны стенки, как всегда учил Финоген Семенович, чтобы хотя бы дубовой мебелью сдержать бьющую из Динина энергию.

Наконец, радость встречи немного поутихла, и Павлуша смог говорить спокойно. Он откашлялся и зычным голосом обратился к завхозу:

– Финоген Семеныч, вы не смотрите, что так получилось. Все как раз наоборот, я с хорошими вещами пришел, сейчас расскажу, – он попытался сложить свой гигантский организм в позу дореволюционной институтки-скромницы, за-

правив ноги в ботинках последнего размера под стул и разложив на коленях салфетку, которая тут же затерялась на бескрайних просторах. Финоген укоризненно повздыхал, прикинул ущерб от Павлушиного вторжения и махнул рукой – сам виноват, нужно было еще с прошлого Дининского визита вынести из гостиной всю мебель, ну или встречаться с этим великим человеком на заброшенном полигоне.

– Скажешь, раз пожаловал, – старик щедро насыпал в блюдечко колотый цветной сахар и пододвинул к гостю. – Прежде чайку откушай и поешь, чего Бог послал. Сладости, они ум подгоняют, – тут Финоген посмотрел на Павлушу с некоторым сомнением и добавил, – но без гарантий, токмо ежели ум в наличии имелся.

Насчет подкрепиться Динин в уговорах не нуждался. Его любимым блюдом был тазик оливье, или ведерко жареной картошки с салом и луком, или, на худой конец, пятилитровая кастрюля борща с огромным тающим айсбергом жирной сметаны. Пригодность рецепта определялась для него количеством затраченных продуктов, поэтому почет и уважение у Павлика заслужила только одна поваренная книга, изданная еще при царизме и дававшая отличные рекомендации в плане организации кухни для барина. Когда нежная жена Динина, медленно водя пальчиком по ятям и ижицам, сказала ему, что готовить по книге невозможно, ибо в первом же рецепте требуются пять сильных кухонных девок, сорок яиц, пятнадцать фунтов масла и полпуда муки, Павлуша по-

нял, что вот она, его отрада. Не супруга, конечно, хотя она ему тоже очень нравилась, а новая система питания. На его столе теперь красовались фазаны и пироги с припеком, курники на шестьдесят блинов и расстегаи на четыре конца, не говоря уже о супах, наливках, моченых яблоках и огурцах в меду. В общем, дома у него был праздник, когда хозяин обедал в гостях. "Хоть чуток передохнуть", – говорили кухарки и шли крутить котлеты на завтра.

Сейчас Павлик вполне увлеченно уничтожал запасы Марфы, в один укус отправляя в рот по два пирожка. Финоген, поняв, что его младший товарищ сам не остановится, поспешил занять его деловой беседой.

– Ну, добрый молодец, откель ты к нам пожаловал такой довольный? – сказал старик и незаметно отодвинул от Павлуши выпечку.

Динин с шумом отхлебнул прекрасного облепихового чая, заел его удивительно пышной сдобой с лесной ягодой и с воодушевлением начал:

– Так я того, Финоген Семеныч, с корешками видался. Пришлось отъехать, сами же просили. Чтоб выяснить про фраерка вашего, Поленко. И вот, что люди говорят: лох он, а не фраер, – Паша умело выдержал паузу, и, воспользовавшись передышкой, с необычайным проворством подтянул к себе поднос с булочками. Марфа осмотрела стол и побежала на кухню за добавкой – в пять минут гость Финогена облегчил сервировку на все съестное, даже прикончил прошло-

годние сушки, висевшие на самоваре в качестве декорации.

Старик терпеливо ждал, пока гость макал остатки хлеба в горячее вологодское масло, с любовью прилаживал сверху сыр и веточку петрушки, а затем отправлял кораблики бутербродов в рот, да не по одному, а целыми флотилиями. Поток снеди не давал новостям, запрятанным внутри Павлика, вырваться наружу, но было видно, что их важность распирает едока пуше трех литров выпитого чаю. Финоген же нежился в негаданном тепле азарта, охватившем его давно иссушенную впечатлениями душу, и Динина не торопил.

С того момента, когда Финогену осталось нечего желать, ибо все ему было доступно и подвластно, завхоз больше не знал радости предвкушения, которое и служит вечным двигателем в обретении блага. Стремление обладать, добиваться, захватывать, наконец, воплощается в действие, а не гаснет сиюминутно и бесславно, если путь к желаемому сам становится желанным, а цель остается лишь вехой, верстовым столбиком на дороге к следующей победе. В достижение искомого первую скрипку играет присущий всему в мире инстинкт борьбы, то есть инстинкт самой жизни. Ты идешь к цели, значит, ты живешь, и чем выше и дальше цель, чем смелее мечтания, чем дальше индивид закидывает удочку своего воображения, тем больше в нем жизни. Хотя, чем больше ее в человеке плещется, тем короче она может быть. Парадокс, но факт. Финоген Семенович вывел его еще до начала 90-х, когда особо витальные фарцовщики почему-то

крайне редко доживали до пенсии. Летали себе, как Икары, где-то в запредельном поднебесье, все и спалились. У старика еще в этом мире имелось предостаточно дел, поэтому он прогореть экспресс-фейерверком не спешил, а медленно и верно, потихонечку, шел к вершинам. Но когда все вершины лежали у его ног покоренными, перед ним вдруг обнаружилась бесконечная равнина, бескрайняя и плоская, как лента отсутствующих глубоких тонов мозга у обреченного. Желания за ненадобностью угасали, под гнетом пустого существования без мысли и действия сгибалась спина, и старик как будто, по словам одного известного человека, готовился к земле. И закопался бы в нее вскорости, если бы не Поленко. Сейчас Марфа с удивлением видела перед собой блестящие глаза, румянец и здоровый аппетит ее Финочки, ее ненаглядного супруга, и это без терапевтической дозы коньяку или просмотра федеральных новостей для тонуса!

Финоген Семенович наслаждался предчувствием дела, которое заварится, когда Павлуша расскажет ему все. За то, что материал будет достойный, старик про себя уже поручился, уж больно занятные события случались вокруг нового директора, и, скорее всего, это неспроста. У завхоза на такие дела имелся стопроцентный нюх.

Налив себе еще чаю, Динин приступил к рассказу:

– Вот почему наши местные брателло не в теме, если к ним прямо с зоны завалился такой трэфовый авторитет? Все просто. Клоун он, потому что. В Нарьян-Маре до сих пор

над его выходом ржут на всю тайгу. Значит, у них там какая история. В голодные годы в каком-то задрипанном НИИ вместо бабок, извиняйте, Марфа Тимофеевна, за ихний грубый диалект, платили сотрудникам орудиями и плодом труда. Хрен редьки не слаще, вместо негодных бумажек со словом "рубль", им давали то, что даже сожрать нельзя или использовать при налете на сберкассу. Или даже на ларек.

Финоген Семенович покачал головой, Марфа заохала, вспоминая, как стерла все руки в кровь, перекладывая и пересчитывая горы денег за день до реформы. Жизнь тогда и впрямь была сложная.

Павлик убедился в первом правильном впечатлении и продолжил:

– Этим завлабам не подфартило очумело: НИИ было по поводу зверья в тайге и его подкорма, которого, ну блин, не было! Сначала эти терпилы распустили меховой цех, горностаев всяких. Хотя, как учит Финоген Семеныч, они могли бы малой кровью спасти великое: шуб из них настрогать и купить мясу белому тигру. Или мясо даже не покупать, а пусть ошкуренных бы горностаев дегустировал. Но они ж там все чудики, расцеловали этим крысам морды и на улицу, жбемс! А там народ злой. В общем, не стало ихнего мелкого пушняка, но без пользы для науки.

Тогда, они ж ученые все-таки, а не от сосиски шкурка, решили большого зверя переместить в естественную среду обитания. А какая, едрить, им среда, если они всю жизнь

вот с такусеньких шкетов провели в этом зазеркалье? Молочко им с бутылочки, мяско с вилочки, тьфу, политесы всякие. И людей они не боятся, а вот темноты очень даже. Но делать нечего. Похмурились профессора коллегиально и отвезли черного кабана Василька и медведя Ласточку в тайгу. Долго прощались, плакали друг на против друга, обещали не забывать. Ученые уехали, а дичь всякая, включая остроухих ежей, уже шлет нашим засланцам последние предубждения и стрелки забивает.

Взяли они дрессурой. Стоят на поляне, спина к спине, и лапами машут по-македонски. Так их и не съели. К тому же худые они были, бледные, под люминесцентными лампами ведь росли, да еще вблизи от компьютера, а это вредно. Значит, время проходит, обжились они на поляне, мед собирают, желуди вместе копают, кооперация и взаимовыручка. Общения им хватает, время от времени в связи с перебоями в электричестве в лагере убегают зэки, одной колючкой их не удержишь, а у конвоя и на вышке за каждый патрон из зарплаты вычитают. Нет их, патронов, а производят ли их в новом государстве и как оно называется, никто пока вообще не знает. Так вот, зэки пробегают иногда мимо полянки, побалакают с Васильком, за ухом его почешут, а он им следы затопчет. С собачками Ласточка договаривался, они к ней не очень были расположены. В смысле, на зуб попасть.

В общем, это начало. Сейчас будет конец. Про Поленко. Финоген одобрительно закричал:

– Пророчишь, Павлуша, но не спеши, еще обождать надобно. Неисповедимо, что готовит для нас день завтрашний, но про конец – это хорошо. Давай, стопочку-то пригуби. Не обижай хозяина.

Динин смазал связки знаменитой зубровкой Марфиного собственноручного производства и еще залиvistей пустился рассказывать.

– А теперь подходим к этому живому уголку с другого конца. Леонида Серафимовича угораздило попасть в Анадырь к военным летчикам. Вернее, это летчиков угораздило его поиметь, но сначала в отряде, а потом уже как хотелось. Одному асу срочно понадобилось на Большую Землю: его невеста сообщила ему о скорой свадьбе с совершенно посторонним мужиком, и летчик поехал расцеловать брачующихся в холодные лобики. На его место прислали Поленко. Он уже давно болтался по гарнизонам как, это, непотопляемое. А тут оказия, и, конечно, его бывшие сослуживцы провожали его самолет всем коллективом, так им радостно было за карьерный рост летчика. Они даже в военнике пытались вымарать название своей части, чтобы Поленко не возвращался к прошлому, а рос над собой.

Значит, в Анадыре он сразу же завоевал такую популярность, что миролюбивые обычно чукчи давали за него годовой приплод оленей и три куба поделок из моржа. Это если за скаल्प. А так, то поменьше, конечно. Летчикам и без него было мутно, икрой травились, от бакланов спасались, ну, за-

то верили в будущее, счастливое в том числе. А с приездом этого выродка все мечты завяли, как окуньки в убыточном рыбхозе. Камбалоглазый Поленко оказался хреновый товарищ, барыга и подлюк. Чукчам продавал свободно растущие на территории части мухоморы по двадцать пять рублей, чем выдоил все их подкожные запасы и подорвал экосистему Дальнего Востока, гад. На экипаж стучал как дятел на току, и подкладывал анонимные записочки их женам, жалуясь на плохую потенцию офицера такого-то от Доброжелательницы. Наконец, когда даже неприхотливые Илы перестали фурычить, если к ним приближался летчик Поленко Л.С., на всеобщей стихийной сходке было решено отдать новичка Матушке Природе, то есть забросить в тундру с термосом прохладной водички и посмотреть, кто победит.

В тот раз победила осторожность. За смелую инициативу можно было лишиться премии, а вот результат, пожалуй, может обломаться: до гарнизона слишком близко. Зато у начфина вдруг отыскался в южном, почти курортном городе Нарьян-Маре свояк, отличный парень и голова Аристарх. Он и предложил: "А премируйте вашего воина отпуском недельки на две и пришлите его к нам на охоту". Все покивали и подивились мудрости простого золотоискателя: и ведь правда, охота – очень травматичный спорт, непредсказуемый. Особенно, если с подготовкой.

В общем, раздутый, как павлин, Поленко вскорости уже вываливался из поезда в Нарьян-Маре. Ему по-быстрому

провели ликбез, как изящно и легко завалить медведя голыми руками, потому как такому богатырю идти на бедное беззащитное животное с ружьем – грех, и выпустили в тайгу с парой кусков вырезки – приманивать мишку, а то он так боится – причем свояк лично обмотал ей Поленковскую талию. «Чтоб видно, где кусить» – как-то по-странному объяснил он новообращенному охотнику.

Короче, в Анадыре уже пили, не чокаясь, а свояк спокойно пошел на работу. И вот здесь начинается полоса феноменального невезения: Поленко сбивается с маршрута, так как кретин и в картах понимает только значок вилки с ножом. Да еще он прихватывает с собой арбалет собственного производства, давно его смастерил и все мечтал применить. Идет он, идет, и натывается на нашу заповедную полянку, где постаревшие Василек с Ласточкой тихо готовятся перекусить ягодками. Поленко вскидывает свое смертоносное оружие, натягивает тетиву и засобачивает корешок стрелы себе в глаз. Ласточка бросается на помощь потерпевшему, но тот не хочет быть счастливым насильно. Вроде как отбивается от заботливого мишки своим прибором. Арбалетом то есть. Сердобольный кабанчик не выдерживает, откладывает свои корешки и интеллигентно заходит на Поленко сзади. В общем, забрали они у Ленки паспорт, деньги и боеприпасы вместе с курткой, чтобы не удушился ею ненароком. Дали пинка и завещали вести себя хорошо. Прежде на него такие советы не действовали, но тут, видно на природе

и свежем воздухе, что-то екнуло.

Леонид Серафимыч, не разбирая дороги, убежал в тайгу. Так у него сверкали пятки, что у росомахи-свидетельницы экологи отмечают расстройство зрения. Как всегда, идиоты бессмертны, поэтому Поленко невредимым добирается до охотничьего домика, где, вместо охотника, заседали уже вторую неделю под таежный чай со спиртом барды. Лирики довели будущего директора до дороги, откуда от собирался попасть в Москву, но рухнул на дистанции в аккурат рядом с домом родни Ахмета. Несколько дней ушло на восстановление отшибленной кроссом памяти, в которой в конце концов проявились цифры Аристарховского телефона. Свояк анадырского летчика знал, что его номер съеденному Поленко никогда не пригодится, поэтому назвал от балды первые попавшиеся цифры. А на языке у него тогда вертелся ненавистный номер тетки-приемщицы с работы. Та Аристарха заложила с радостью, и пришлось суеверному свояку есть чеснок и строгать для свидания с летчиком осиновое колышко. Однако их встреча не состоялась: вроде бы Поленко удалось дозвониться до кого-то еще, ему выслали денег, в милиции дали справку о приблизительно установленной личности, и охотник упорхнул в Москву. Больше его на Севере не видели.

Отсюда вывод: по протекции с Нарьян-Мара Леонида Серафимовича могли бы взять только в цирк или в кино, что-то там было про тупых. Вот, шеф, все, что узнал.

Павлик наклонил самовар, чтобы до краника достали последние капли кипятка, положил в стакан ложку меда и, шумно звякая, принялся размешивать чай. На середине стола дымился пузатый горшочек каши, сваренной по секретному рецепту Финогеновского авторства. В истомившуюся гречку мелко-мелко шинковались соленые огурцы, крупа сдабривалась до золотистости поджаренным репчатым луком, заправлялась постным маслом, и вместе было объеденье. Динин радовался, что удачно зашел, ерзяя от нетерпения на лавке, а старик напротив сидел задумчивый и, не мигая, смотрел в маленькое оконце с витражом. Деревянные часы в углу мерно тикали, напрягаясь пружинами к скорому появлению кукушки, Марфа дула на блюдечко, а Павлик млеял над паром, исходящим от съестного. Наконец, Финоген Семенович вздрогнул, будто очнувшись от морока, навеянного многолетним бесстрашием, и глухо сказал:

– Не ваших будет, значит. Но борзость-то в нем сидит державная. Кто ж он есть – из первопрестольной засланец по мою душу, значит? Так и мы не лапти, одолеем, поди, хоть и туго придется.

Павлик, весь сосредоточенный на медовой ложке, светской беседы все-таки не бросил. Повернувшись к завхозу в анфас, чтобы хотя бы наполовину скрыть от законного владельца уничтожение каши, Динин бросил фразу, которая озарила ум Финогена светом тысячи фейерверков и предотвратила криминальную войну в городе.

– Ну, да, ясен пень. В столице такому недоделку легче затеряться, может, он с Москвы. Но за вашу душу я бы не волновался. Начальник, а что, если он ничейный?

Финоген Семенович уставился на борца.

– Именно, – продолжал осененный догадкой Динин. – А что, если он ниоткуда, а просто хам чучельный?

Старик вскочил и вмиг в его голове из кусочков предположений, обрывков разговоров, трухи мелких сплетен сложился вывод.

Леонид Серафимович был самозванец.

Глава 19

– И сейчас я вам докажу, что Владимир Михайлович – вне подозрений, – заммэра тяжело встал со своего крайне убедительного, в коже и кости, кресла. Вырезанные дотошным индусом караваны слонов, рисовые поля, залитые паводком, танцы магараджей и грибницы храмов – весь этот маленький мир на подлокотнике начальственного трона вдруг завертелся перед глазами Катанина. Его собеседник резким движением оттолкнул от себя дорогую мебель и пошел вокруг не менее прекрасного стола из ценных пород того, что, видимо, оставалось на Земле в последнем экземпляре. По крайней мере, такого платинового дерева опер нигде не встречал. В кабинете чиновника, да и на подступах к нему было, чему подивиться, милиционеру даже показалось, что он попал в будущее. Которое обязательно наступило бы для всех граждан, не будь мелких неполадок со строительством коммунизма в прошлом.

Немного поплутав по коридорам власти после того, как ему удалось миновать пост охраны, Виталий безошибочно угадал самый верный путь в этом лабиринте из переходов, лесенок, площадок и стеклянных перегородок. Он попал в буфет. Слава провидению, не в кофе-зал и не в парадную столовую, а то его простонародное воображение могло бы и не выдержать. В буфете с кожаными высокими табуретами

и урчащей витриной к четырем часа дня не осталось ни воздушных ватрушек с тепло-ванильной творожной мягкотью, ни фирменных котлеток по-киевски, блестящих зажаристыми бочками, ни даже салата "Здоровье", который обычно строгаи в таких количествах, что повар явно оздоравлился больше всех от физической нагрузки и махов ножом. Зато, согласно технологии питания на предприятиях, имелись невостребованные слугами народа картофель-пюре и кнели паровые с овощным гарниром по ценам столь низким, что, казалось, будто им стыдно продаваться и они даже не прочь доплатить сами. По линейке нарезанные ломтики черного давали бесплатно, в углу стоял аппарат с кипятком, и Катанин подумал, если при жизни его занесло в рай, то этим надо воспользоваться.

Кнели оказались на уровне, несмотря на свой диетический вид; сметана, взбитая с сахаром, тоже не вызывала нареканий, а уж компот с песочными колечками окончательно примирил Виталия с необходимостью быть здесь и сейчас. Он даже решил, что, пожалуй, у заммэра рабочее время уже закончилось, а отрывать человека у семьи нехорошо, значит, придется прийти еще раз. Может быть, даже пару раз, ведь со свидетелями надо быть в постоянном контакте. Но все хорошее когда-нибудь кончается, вот и Катанин смог почувствовать себя Золушкой, потому что его туфли, то есть деньги, исчезли раньше, чем бал подошел к финалу. Расплатившись невиданными в буфете железными рублями, опер

предусмотрительно запасся несколькими горбушками бородинского и вышел в коридор, где ему теперь было гораздо уютнее. Вкусив их пищи, он как бы тоже стал частью закрытого для простого человека мира избранных, и в холлах не тушевался, а шел как все, не спеша и с достоинством.

Походив по мягким ковровым дорожкам, без остатка глотающим звуки шагов и обтирающим неположенную в этих местах уличную пыль с ботинок, Катанин любовался прекрасным видом на город из огромных окон, взял пару буклетов санатория "Залесный" где-то в закромах Родины и пошел наверх. На последнем, шестом этаже, царили порядок и строгость, и только уверенно-довольное лицо Виталия спасло его от немедленной сегрегации усилиями первой батареи секретарей. В комнатенке перед приемной заммэра обнаружилось еще одно укрепление, но девушка-блондинка на счастье была занята более дорогим гостем, и, стрельнув взглядом по удаляющейся спине опера, решила, что тому назначено. В самой приемной восседала хозяйка этого чистилища, громовержец и чертяка Оксаночка, стоящая на страже покоя своего повелителя уже добрый для него и кошмарный для окружающих десяток лет. Все было в этой девице прекрасно: великолепный Мерседес-внедорожник, именитая сумка и циркулярный визг голоса, вот только была она дура. И не простая, а набитая двумя высшими образованиями и апломбом величиной с космодром "Байконур" в период начала коммерческих полетов на Луну. В общем, игрой интеллекта и

милыми ухаживаниями такую не проведешь.

Но встретившись лицом к лицу с Катанином, сытым и свободным, Оксаночка как будто посмотрелась в зеркало. Та же уверенность, и ни тени мысли на лице. Мегера интуитивно почувствовала, что они одной крови, а, значит, Самому с этим человеком встретиться не помешает. Через минуту вместе с неким редкой обжарки кофе Виталий был доставлен прямо в святая святых, кабинет Владимира Михайловича, и теперь стоял перед ним, не зная, какими словами говорить в этих имперских интерьерах.

– Оксаночка, подтяните там аппарат, мы скоро едем на открытие молочного завода, – чиновник, не поднимая глаз от бумаг на столе, скомандовал своей оруженосице.

– Михаил Владимирович, а как же полдник? – секретарша округлила глаза. – Врач же рекомендовал вам не пропускать приемов пищи!

Заммэра хрустнул карандашом и раздраженно откинул его в сторону.

– Некогда на рекомендации отрываться. Не время сейчас за плюшками рассиживаться!

– Но ведь врач строго-настрого... – Оксана с первого раза не понимала. Но, как говорится, чего с дурочки возьмешь? Заммэра на провокацию не поддался и блеснул стальной волей напополам с терпением:

– Разница между мной и врачом, – с нотками диктора Левитана завел чиновник, и Катанин вдруг поймал себя на том,

что непроизвольно даже задерживает дыхание, чтобы слово руководящие усвоить вполне. Заммэра между тем продолжал:

– Так вот, Оксаночка, разница между нами в том, что он думает о жизни только одного пациента, а мне приходится думать о жизни всего города! И даже области! Вы представляете себе, какая это ответственность?? Поэтому, конечно, меня спасти важнее. А то кто позаботится обо всех? Тогда полдник обязательно, само собой. Молочный завод – не ядерная кнопка, может немного и без присмотра поболтаться.

– Так, может быть, совсем не стоит сегодня ехать? – помощница метнулась в другую крайность. – Уже шесть скоро, маленько поздновато.

– Маленько – это диагноз в очереди к семейному сексологу, Оксана, – отрезал начальник, – а у нас молокозавод впервые за двадцать лет перестал катиться в пропасть. И даже показал надои, причем настоящим молоком, на котором каймак собирается. Это вам не прозрачная бурда из порошка! Хоть в шесть, хоть в полночь, но надо проверить, как они до такого дошли.

Девушка закивала и сосредоточенно нацарапала что-то в своем блокноте. Затем вдруг начала активно жестикулировать ничего не понимающему Катанину, стуча пальцем по лбу, кивая подбородком на заммэра и выворачивая другой рукой карман офисных брючек. Виталий внимательно по-

смотрел на градоначальника и попытался применить дедуктивный метод. Михаил Владимирович по-прежнему сидел, уперевшись в документы на столе, и не было похоже, чтобы он неожиданно сошел с ума или ему стоило подать на бедность.

"Неужели на взятку намекает? – Виталий мучительно ворочал мозгами, но ничего более понятного на ум не приходило. – Так, а что я хотел? Вот, асфальт перед домом не положили, но зато природа вокруг, травка под ногами... Соседи-алкоголики недолговечнее асфальта, хм, сами справятся. Судя по тому, что у них теперь первым в застолье идет паркетный лак, надо в собесе пошуршать насчет социальных гробов... Что же тогда?"

В этот момент Михаил Владимирович поднял голову и встретился с безжизненным, как будто покрытым бархатным налетом плесени, сероватым взглядом милиционера. Холодом повеяло на выдавшего виды заместителя: такие глаза встречались у непонятных, недоступных ему, запрятанных от всякого простого смертного куда-то в самую суть вещей специальных людей на государственной службе. А именно чекистов и контрразведчиков. Хозяину кабинета было невдомек, что давно истлел оригинал этой особой печати, и что Виталий Катанин – лишь в третьем поколении с нее слепок, нет в нем ни силы, ни полномочий, какими его дед горы сворачивал, только выражение лица и какие-то с двойным дном глаза и остались. Этого заммэра не знал и приготовился к худ-

шему. Вернее, ко всякому, и даже очень плохому. За себя не боялся. Жалко было ему в тот момент, что дочка Марточка, ангелочек, еще такая малюсенькая, забудет его, а Вероника, услада его очей и ночей, хоть и постарше, но постарается забыть еще быстрее. Обо всем он, как муж и отец, давно позаботился, чтобы его ненаглядные девочки ни в чем не знали нужды, но и откуда что берется, тоже не знали, чтобы не смогли по-женски легкомысленно добро разбазарить. Прикрыв на миг веки, чиновник мысленно прикинул, насколько потянут ошибки молодости и нынешняя непартийность, ужаснулся и принял решение.

– Идите, Оксаночка. Вы мне всегда очень помогали. Спасибо, – Михаил Владимирович махнул рукой на опешившую секретаршу, которая, не приходя в сознание от изумления, исчезла из кабинета без лишних вопросов. Когда двери за ней плотно закрылись, заммэра повернулся к Катанину и театрально дрогнувшим голосом поинтересовался: – Вы за мной?

"Значит, следовательно уже звонил", – подумал опер. "Небось опять ерунды про меня наговорил. Вон, каким сычом на меня смотрит! Почувствовал, видать, что я клянуть чего собрался...или с охраны доложили, сволочи? Ладно, с асфальтом я сам, этого только по Поленко опрошу". Виталий смущенно откашлялся и примостился на краешек кресла для посетителей. Но благородная кожа обивки не была создана для полиэстера и прочих дешевых вывертов химиче-

ской промышленности. Синтетические брюки с искрой и задором тут же унесли его по глади сиденья до самой спинки, вскинув Катанинские ноги кверху и бросив их в конце виража прямо на столешницу под нос Михаилу Владимировичу.

Заммэра вздрогнул: сбывались его худшие предположения, человек в штатском с невнятно произнесенным именем пришел не с добром. Вон, уже распоряжается в кабинете как у себя дома. Зачем только время тянет? Шепчет там что-то про себя, смотрит исподлобья... Может, другие сейчас у них дома обыск проводят, и Вероника давно не звонила. А этот сидит напротив вроде дурак-дураком, а сам так и шныряет глазами, так и думает, на чем бы его еще крепче зацепить. Оксаночка-то его без звука пропустила, даже предупредить не успела, значит, что-то он ей очень серьезное показал, но что? Чиновник почувствовал, как на шее выступает противный липкий пот и тонкой неуютной струйкой стекает между лопаток.

Катанин между тем оправился от своего акробатического этюда, ощупал туалет и понял, что фирменные брючки, купленные в надежной точке на рынке "Факел", предательски разошлись по шву. Дороги оперу из этого кресла теперь не было. Он поставил ноги на место, поглубже закопался между валиками кресла и из своего укрытия начал подкоп под алиби чиновника.

– Я к вам некоторым образом по поводу вашей супруги. Дельце здесь небольшое, позволите?

Михаил Владимирович подумал, что напрасно медицинские агитки в поликлиниках предупреждают, что инсульт коварен и поражает человека внезапно и без объявления войны. Он ощутил его приближение совершенно четко: в самом центре грудной клетки разворачивалась красно-красная пелена удара, готовясь вот-вот обрушить свои вязкие волны на его опаленный страхом за жену мозг. Ему не хватало воздуха, в горле пересохло, а шершавый ломоть сухого языка тщетно царапал небо в попытках позвать на помощь. Узел галстука вдруг стал немилосердно жать, и непослушные пальцы уже карабкались вверх по его шелковому пути, когда дверь открылась и в кабинет ворвалась ослепительная Вероника с Марточкой подмышкой.

– Котя, что ты наделал? – не глядя на Катанина, улиткой обернувшегося вокруг кресельных подушек, блондинка кинулась к мужу. Только что заплаканная Оксаночка поведала, что босс в грубой форме, без выходного пособия, отправил верную помощницу на покой. Причем при посторонних уже говорил о ней в прошедшем времени, и теперь она, Оксана, боится одна идти на улицу: кто знает, что случается с бывшими секретаршами? Вероника вмиг сообразила, что перемена партнерш может подействовать на супруга заразительно, и он на достигнутом не остановится. А лично ей чувство меры в этом вопросе пока не изменило. Женщина вооружилась Марточкой и пошла восстанавливать статус-кво. Теперь в кабинете она застала свою сильную половину красным, как

вчерашняя вырезка на витрине с хитрой подсветкой: вроде и прикидывается свежей, но уже заветривается мшисто-зеленым с бочков.

– Сколько раз я тебе говорила, предупреждала! – заламывая лебединой грации руки, дама не стала терять времени. Отстучав острыми каблучками полкабинета, она остановилась против необъятного стола, водрузила на него флегматичный шарик детского тельца и накинулась на мужа: – Ты меня обманывал? Это он, – розовый ноготок ткнул в Катанина, – он тебя надоумил? Ну, что же ты молчишь?

Владимир Михайлович ловил ртом воздух, пытаясь унять разошедшееся сердце, и не мог взять в толк, что за мизансцену подстроил ему опасный посетитель. То, что любимая жена жива и здорова, принесло ему невероятное облегчение, зато вдруг вышедший из берегов ее всегда тихий и спокойный темперамент указывал на события чрезвычайные. Неспроста она сразу помянула мерзкого гостя, может, это сигнал? На столе разрывался телефон, но Владимир Михайлович в какофонии собственных догадок и страхов не слышал его пронзительного звона. Дверь слегка приоткрылась и в узкой щелке показалось распухшее от слез личико секретарши.

– С-с-с-низу, ой, з-з-з-вонили!– Оксаночка протяжно всхлипывала и промокивала глаза платочком. – Товарищ, говорят, обещал вашей жене что-то вручить и назад. А нету, е-е-г-о-о-о! О-о-о! – девушка оборвала сообщение на высокой ноте, и все разом посмотрели на Катанина.

Виталий уже четверть часа неимоверно сопереживал заммэра. Работать в этом дурдоме он бы не согласился даже при наличии трехразового питания в буфете: ни компот, ни кнели паровые не примирили бы его с подобными условиями труда. То, что у чиновника жизнь не личная, а только публичная, да еще в неустанных заботах о благе народном при такой горгоне-жене не казалось страшным несчастьем. Вон, как он радугой переливается под ее стервятничьим взглядом, целая палитра от фиолетового с разводами до нежной зелени майских акаций. И это еще ревнивица застучала супруга с мужчиной, хотя будь Виталий одет понебрежней, по нынешним временам еще неизвестно, что хуже: массажистки из сауны неподалеку или юноша с пробором Джастина Бибера. В общем, тяжела она, шапка Мономаха, и нет числа скорбям и заботам человека на ответственном посту. Опер вздохнул, и твердо решил помочь заммэра как мужчине и как руководителю, и не ради выгоды, а только из солидарности представителей одного пола. Из-за прорехи в штанах встать и внушительно нависнуть над блондинкой он не мог, дабы не ущемить достоинства органов, а вот внушительно выставить грудь колесом ему удалось. Навстречу Веронике из лайковых недр кресла вдруг выпятился бурый свитер в катышкам и тонкий от напряжения голос сказал:

– Гражданка, вы никогда пятнадцать суток не сидели? Рекомендую. Вы задерживаете, между прочим, опрос вашего мужа. А я вместо опроса могу задержать вас. Михаил Влади-

мирович, – Виталий повернулся к застывшему чиновнику, – нам эта женщина мешает. – Катанин кивнул на Веронику и заговорщицки подмигнул собеседнику: мол, только свистни, холостяк всегда поможет женатому собрату.

Заммэра неожиданно для опера побледнел до просвечивания анатомии черепа. Юродствующий чекист был фигурой более мрачной и многообещающей, чем Черная метка пирата Сильвера или средневековый дядька в красном колпаке до шеи и с топором. Хозяин кабинета понял, что надежды нет, и совсем скоро он узнает главную тайну имени товарища Дзержинского: есть ли жизнь в застенках Лубянки или нет. А пока стоило предпринять последнюю попытку вытащить неповинную ни в чем, кроме ангельской красоты, Веронику из бездушной мясорубки людей в сером.

– Чем же она вам мешает? – тихо выдохнул мужчина. – Она больше не будет, я ручаюсь.

«Как запуган-то, а?– сочувственно подумал милиционер. – Бьет она его, что ли? Да вот прямо этим бочонком в оборочках. А ведь красивая женщина! Ей бы на работу пойти, в цветочный магазин или шпалы укладывать, где там у нас одни бабы трудятся? Глядишь, дома бы по струнке ходила от общественно-полезной усталости. А так с жиру бесится». Вслух же опер сказал:

– Это вы невозможное обещаете. Гражданка, я так смотрю, не очень настроена больше не быть, даже наоборот. Вы здесь долго собираетесь ребенком спекулировать? – Ката-

нин окончательно стряхнул с себя остатки послеобеденной неги и теперь профессионально работал со свидетелями. – Не скроешься от вас. Пришли здесь, видите, у руководства совещание, так подождите, как порядочная!

– С бесом в ребрах у вас совещание! – ловко отбила подачу Вероника. – Деточку вообще не трогайте. Я ее сейчас могу отпустить и вынуть пряник изо рта, вам же хуже будет. О чем вы здесь в таких позах договариваетесь? Не удивлюсь, если у вас под столом коньяк! Или еще кто похуже.

– Вероника! – еле слышно захрипел Владимир Михайлович, пытаясь предостеречь дражайшую половину от панибратства с высшими силами. В запале интенсивной перепалки мама Марточки не обратила на легкий треск с того конца стола никакого внимания и продолжала заседать на опера.

– Я уже с одним таким хамом на днях встречалась! Знаете, что с ним случилось? Пропал, предварительно бросив жену, малолетнего кота и все имущество, включая труп мужчины, причиненный к его авто по неосторожности. Вся милиция страны его теперь ищет! Я вам не завидую.

Катанин с облегчением понял, что диалог наконец-то вышел на оперативный простор и сейчас их небольшой междусобойчик, наконец, прольет свет на преступление номер один по его участку. В добрых традициях этого дела очередная свидетельница сразу же брала все подозрения на себя, не скрывая ни злой умысел, ни предварительный сговор. Супруг тоже хорош: полностью признал вину благовер-

ной, правда, пообещал, что на дальнейшие подвиги можно не рассчитывать. Дело сшивалось. Виталий еще больше выгнул грудь и громко сказал:

– И я. И я тоже ищу.

– То, что вы ищите, в приличных домах детям до восемнадцати не показывают, – Веронику не на шутку взбесил этот кресельный утопленник, сияющий исподним сквозь легкомысленное отверстие в брюках. Ясно, почему Михаил Владимирович сидит, до краев наполненный раскаянием и какой-то темной отрешенностью: этот короткоштанишечник рушит его натуральные идеалы и учит плохому. Женщина пошла в прицельную атаку на гостя:

– Вы зачем науськали Мишеньку секретаршу уволить? До нее дольше двенадцати минут никто на этой должности не работал, и именно из-за вас, неуравновешенных просителей.

Катанин нехорошо заулыбался:

– Это, положим, вы себе льстите, спихивая неуравновешенность на посетителей. При мне никто никого не увольнял, разве что муж ваш шамкает самоотвод по состоянию здоровью. Послушайте, как он странно дышит! – тут опер широкой дугой руки указал на заммэра и замер от удивления: чиновник уложил голову на стол и не шевелился.

Весь этот кавардак, бремя государственных забот и любовный марафон в шестьдесят два года привели к закономерному результату: обладатель всего этого счастья устал и не смог более выдерживать атмосферного давления. Что-то

одно надо было сбросить, как ставший ненужным бурдюк с вином в пешем путешествии по Кавказу: понятное дело, что путнику все пригодится, только ему потом не хватит сил для свежих впечатлений. Михаил Владимирович предпочел бы отказаться от жизни, чем от Вероники с дочкой, только жизнь его тоже не желали с ним прощаться. И посему послала своему временному владельцу отрезвляющий обморок на пару минут, чтобы ценил и помнил, когда очнется. Урок оказался открытым: уяснить истину успели и супруга, и опер, пока носились вокруг недвижимого тела с водой, бутылкой Нарзана, подарочным виски и шоколадными медальками из Марточкиных запасов. К реанимационным мероприятиям тут же присоединилась Оксана. В ход пошла перекись водорода, которой секретарша размахивала под носом у шефа, объясняя это тем, что водород Херосиму не просто поднял, а даже в воздух подбросил, ну а кись, то есть кислое – оно всегда полезно, витамин С в конце концов.

Через мгновение заммэра очнулся будто в раю: прекрасная Вероника порхала вокруг него со всякими вкусными бутылками, Марточка рисовала что-то умильное в своем альбоме, а секретарша, высунув от напряжения язык, изучала инструкцию к аптечке первой помощи. Ужасный чекист будто испарился. Михаил Владимирович облегченно вздохнул: пригрезилось. Все-таки права его драгоценная супруга – надо отдыхать больше. Вот сейчас разгребемся с закупками и на Алтай, в баньку, да молоко парное, да мед с разнотравья

и будешь, как новенький. Это сладкое видение дрогнуло и разошлось осколками, как стеклянная витрина, в которую в очередной раз въехал суперагент и супер-водитель Джеймс Бонд, только сейчас не рассчитал Катанин.

Его брюки уже можно было продавать как две независимые юбочки-дудочки, настолько далеко зашла проблема со швом, посему стеснительный Виталий, скрестив ноги уверенной буквой Х, стоял у окна, наполовину завернувшись в портьеру. Оттуда он подал реплику очнувшемуся чиновнику:

– Михаил Владимирович, что вы можете сказать об исчезновении Поленко Л.С.?

Заммэра непонимающим взором уставился на неприятного визитера, прикидывая, что же тот пытается повесить на него в этот раз. Фамилия отзывалась каким-то дискомфортом, на вроде лопнувшего на днях прыща подмышкой: нарывало, но уже затягивается. Чиновник решился на разведку боем и спросил в лоб:

– Кто это? И по какому поводу вы спрашиваете об этом меня?

Виталий, как Шехерезада на свидании у султана, таинственно взмахнул бровями из-за вуали занавески:

– Исключительно по любопытству интересуюсь и не только у вас. Там еще убийство затесалось. Участвовали?

Мясистые щеки чиновника пошли мелкой рябью. Вероника же отрицательно поводила пальчиком, потом стремитель-

но поднесла его к губам и вся зазвенела хрустальным смехом:

– Кроличек, милый! Поленко-это же тот хам из школы! В смысле, до пропажи был из школы, а сейчас с плаката о розыске! Киллер-самоучка. Ясно, господин в свитере интересуется, не мы ли с тобой его сообщники, или, еще того краше, заказчики. Слава Богу, а то я уже испугались, что ты неверен своему Пушистику! Значит, все замечательно. Объясни товарищу поскорее, а потом тебя ждет кое-какой сюрприз, мур–мур!

Вероникины шалости были заммэра сейчас немного некстати, тем более в этом виде спорта, как предостерегают опытные кардиологи, в его возрасте финиш часто случается еще до старта, а это возбуждает только прямых наследников. Проигнорировав игривый тон супруги, мужчина постарался настроиться на главное: гость уйдет из этого кабинета один и больше не вернется, ему нужно только подсобить с этим Поленкой. Начальник тяжело встал с кресла, кулаками уперся в стол и несколько слабым, но четким голосом сказал:

– Вы правильно сделали, что пришли. В нашем справедливом обществе закон един для всех, а для меня даже единее других! Не зря меня ста сорока тремя процентами голосов наших горожан выбрали на эту почетную, но тяжелую должность. Я скажу все!

Опер открыл от волнения рот и приготовился ловить каждое слово Михаила Владимировича.

–Так вот, – торжественно продолжил чиновник, – сейчас

я расскажу вам все и элементарно докажу, что я – что мы! – вне подозрений!

У Катанина захватило дух. Неужели у заммэра есть любительское видео со школьного двора и сейчас все раскроется? Или госслужащий падет ниц в чистосердечное признание, увлекая за собой этот кошачий концерт из неуравновешенных дамочек? Тут Михаил Владимирович подошел еще ближе, бросил взгляд на портрет Верховного Главнокомандующего над столом, и, зарядившись его мужественной энергетикой, отрубил, будто на присяге:

– Я ничего не знаю. Это все. Нет, еще Вероника ничего не знает. У Оксаночки вообще свойство такое – не знать. А Марточка из хорошей семьи, ей не до знаний.

Катанин опешил – не такого худосочного приплота он ждал от замовского экстравагантного предисловия. Оперсглотнул и осторожно спросил:

– Насчет секретарши – допустим. Знания надо где-то держать, а у нее там волосы хранятся. А вы, вы-то как докажете свою непричастность?

Чиновник кротко улыбнулся и подошел к окну.

– У меня, молодой человек, железобетонные гарантии, – мужчина долгим взглядом окинул сплотившийся в вечерней пробке город, потом подошел к столу и положил ладонь на перекидной календарь с триколором.

– Даю вам слово государственного служащего!

Вероника ахнула и в восхищении всплеснула руками, а

Оксаночка украдкой смахнула слезу гордости за неприступный авторитет босса, к которому грязь не пристает, такой он чисто принципиальный. Заммэра между тем продолжал:

– Да не тушуйтесь так, я понимаю, вы потрясены незыблемым аргументом, но не время сейчас держать подобные козыри в рукаве. Все, что имеем, сразу несем родной милиции! Кстати, вот вам еще поднесся курительный набор из меди с эмалью, итальянская работа! А теперь разрешите проводить вас обратно, к станку, так сказать, на ловлю преступников. Не дремлют негодяи и уркаганы, заждались уже, пока вы здесь по честным людям прохлаждаетесь.

Чиновник с Оксаной споро выжали опера из кабинета, и через минуту Катанин уже стоял под крепко запертой дубовой дверью приемной.

Результаты похода за правдой были противоречивые. У следствия появилась новая категории стопроцентных алиби – честное слово слуги народа.

Зато подозреваемые у Катанина закончились.

Глава 20

Рыжий азартно выводил ручкой, кроя из текущего протокола новенькие, развесистые лавры себе на голову. Пока Виталий кланяется сановным подъездам, он, Рыжий, не жалея себя корпит над этим таинственным делом о пропаже директора и предшествующей ему находке совсем неживого охранника. Все вещдоки изучены, очевидцы опрошены и проверены, а некоторым даже придется сесть на месяц-другой за работу над ошибками, если настоящий преступник не проявится в ближайшее время. Все-таки это задача населения – помогать милиции в улучшении криминальной статистики, вот статисты из школьного сообщества пусть пока предварительно и поотдыхают у милиции в отдельных кабинетах.

Всесторонний анализ личности потерпевшего, то есть наиболее потерпевшего из двоих, Вольдемара Афонькина, показал, что врагов у последнего не имелось. Наоборот, в каждой подворотне и канаве у него имелись закадычные друзья, ну просто не разлей вода. Красномордый ценил людей и заработанную репутацию: за последние пять лет разливающим именно воду его никто не видел, только чистый спирт. Пестрая колонна его дружков и просто сочувствующих прошла через руки оперов, не сказав ни одного плохого слова об умершем. Все любили его за пустую и теплую комнату в об-

щежитии, за романтических соседей, гнавших сивуху первого сорта, за бывшую жену, убравшуюся за сто километров в другую губернию, чтобы не отвлекать Вольдемара от жажды жизни, которая мучила его в последнее время до самого порога белой горячки. В общем, он был милый, симпатичный и свойский человек, чего не скажешь о втором фигуранте необычной истории.

Поленко ненавидели все, включая грудных младенцев и столетних дедков со двора соседней к школе пятиэтажки. Доминошникам он стал кровным врагом, когда смял задом своей хищной машины их столик, только к новому сезону выструганный из родных березок и заботливо оббитый цветастой клеенкой. Леонид Серафимович будто специально поддел хлипкую конструкцию своим кенгурятником, а потом еще выкинул на останки столика какой-то пожухлый мусор прямо из окна авто. Дедки от души желали ему разуть глаза или хотя бы сломать руку в двух-трех местах, и это не считая ноги и шеи. Малышня же, натыкаясь на Поленко в своих походах вокруг его припаркованного чуда, навсегда зарекалась вести себя плохо и тайно выуживать из супа вареную морковь, а то вон, кажется, скользкий Горлум уже разведаль, где они живут, того и гляди, придет домой и все расскажет маме, а, может, и съест.

Но Рыжему все же казалось, что след директора не стоит искать в песочнице или среди членов древнего ордена "Забитого козла", а вот свидетелей там присмотреть стоило.

Тщательный опрос старичков и мамаш с колясками принес неожиданный результат: оказывается, подозрительная возня вокруг директора началась задолго до привлечения милиции. В день убийства один любопытный мальчик, которого дед вывел погреться на солнышке, решил заглянуть в будущее и отправился поглазеть на торжественную линейку, которая по-настоящему ждала его на следующий год. Усыпив как дедулину бдительность, так и самого пенсионера, мальчишка перешел дорогу и спрятался за большой черной машиной, стоящей в первом ряду на стоянке. Водитель-тупица раскорячил свою ласточку на три парковочных места, перегородив остальным машинам въезд на следующий ряд. Паренек повис на решетке отбойника и оценил отличный выбор: видно было замечательно, к тому же на капоте и крыльях автомобиля яркими красками сияла изумительная картинка с самолетами, которую мальчик решил потом внимательно изучить.

Немного поглазев на букеты и банты избранных счастливицев, ребенок от нечего делать задумал выразить свою тоску по учению в рисунке. Черная лаковая поверхность машины была просто создана для таких упражнений и манила юное дарование блестящими бочками. Живописец немного поскреб хромированные дуги вдоль капота и стал подбираться к дверце, когда понял, что творит не он один.

Два человека притаились у заднего колеса и по очереди вытягивались, чтобы рассмотреть через стекла салона реву-

щую неподалеку линейку. Мальчик испугался, подумав, что это хозяева машины охраняют ее от дополнительного тюнинга и что сейчас за его манипуляции с ключиком могут поблагодарить не только его, но и родителей, и дедушку. Ребенок пока интуитивно избегал знакомства с медными трубами и решил, что слава подождет, а ему пока лучше остаться инкогнито. Он быстро юркнул под машину, дождался, пока беспокойные ноги двух мужчин исчезнут из поля зрения, и что есть силы припустил на свой двор. Оттуда он еще немного понаблюдал за сверкающим джипом, но ровно столько, сколько ушло у мамы на приготовлением сырников. Потом его позвали кушать, и малыш только и успел заметить, как эти двое отбежали от машины и скрылись в кустах боярышника во дворе.

Дети теперь пошли совсем другие, не сравнить с теми невинными созданиями, у которых любимой игрушкой была резиночка или непонятого происхождения стеклянный шарик с пузырьками внутри, а главным развлечением либо до поступления в институт, либо в противном случае навсегда оставалась улица. Нынешние младенцы входят в мир высоких технологий с первым криком, потом надолго замолкают, общаясь с внешним миром только посредством сенсорной клавиатуры и джойстика. И в этой системе самое длинное слово состоит из трех смайликов с крестиками и нулями. Малец из пятиэтажки от требований эпохи не отставал. Про внешность и особые приметы двух мужчин он не мог

сказать ровным счетом ничего, но зато с легкостью определил, что у них имелась рация воки-токи, предположительно самодельная, и электронный ключ к автомобилю. Как он это узнал? А по характерному треску на линии, по виду, да еще по таким признакам, что Рыжему пришлось бы доучиться до третьего курса политеха, чтобы подняться в подобные сферы. Вундеркинда отдали родителям, которые сокрушенно пообещали развивать у чада зрительную память вместо пагубной склонности к железу, а его показания приобщили к делу.

Деда туда же приписать не удалось: он видел птичек, осенние цветочки мягко отсвечивали ему приглушенной пастелью и разливались по легким сладко-медовым ароматом скорого увядания, красные, желтые, бурые листья жались от его ног к кромкам тротуаров, чтобы в общей тесноте пережить неминуемые холода. Медленными мелеющими потоками текла кровь по дедовым венам, не торопясь вдыхал старик холодок приближающейся зимы, кто знает, не последней ли? А внука не видел, нет, скакал вроде вокруг качелей, непоседа. Машину не признал, а что первое сентября гремело через дорогу, так им все равно не перегреметь первый школьный день тридцать пятого года, когда он, дед, мальчишкой в настоящих ботинках дул в трубу торжественного оркестра. В общем, толку от деда было никакого, разве что потренироваться в терпении.

Рыжий еще раз пролистал показания свидетелей, с отвра-

щением посмотрев на отдельный томик – то были приходящие каждый час новые жалобы, доносы, текущие бюллетени и аналитические записки в помощь следствию от школьного скомороха, безумного учителя Тихона Гавриловича. Специалистам пришлось повозиться с расшифровкой Тихоновской тетрадки, и его пухлый "Аналдоз для Лесепока" вмиг стал бестселлером у весельчаков с психической неотложки и даже разошелся по управлению на цитаты. Жуткий трудовик с истерикой требовал свой конduit обратно, грозя налетом на отделение карателей Всемирного суда по делам меньшинств, проверками ОБСЕ и Камызякского общества потребителей нюхательного табака, с которым он состоял в интенсивной переписке. При этом беззубый борец за свои права не верил в вечно занятые телефоны милиции и не менее десяти раз на дню являлся в отделение лично, шипя и плюясь на дежурного и на каждое замечание сокращаясь перед лицом говорившего, как придавленный к столу соломиной паучок. О директоре он знал больше всех и очень сокрушался, что не может из-за дурацких чиновничьих проволочек поскорее раздобыть истребитель и десять миллионов долларов, просто необходимых для вызволения не начальника из лап недругов. На вопрос о недругах директора и их подробных приметах трудовик отписался целым трактатом о том, что Поленко – разменная пешка в грязной игре на приказ о его, Тихоновском, повышении, и похитителей надо искать среди врагов учителя-ремесленника. К вечеру первый список недоброже-

лателей лег Катанину на стол-это была толстая бухгалтерская тетрадь с надписью "Аа-Аб", каллиграфически выведенной на заглавном листе и дающей намек на содержание: враги с фамилией на "А" до Абрамовых включительно. Картотеку негодяев Тихонов обещался пополнять каждый день и к лету закончить непременно, особенно, если некоторые буквы ему помогут отработать переданные на помощь курсанты Академии милиции. В отделении тихо дурели от энтузиазма добровольного помощника, уже вполне открыто жалея, что он заблаговременно не сообразил поменяться с бедным и безобидным Афонькиным местами.

Без особо труда эксперты установили, что Вольдемар пригласили в мир иной прямым ударом битой по голове, а, чтобы он не мог от приглашения отказаться, предусмотрительно зашли сзади. Преступник был ниже своей жертвы, но обладал значительной силой и определенно знал точку ее приложения. Какой-нибудь задохлик без практики вряд ли одним ударом справился бы с бывшим солдатом срочной службы, которому после неудачных учений в санчасти поставили простой и емкий диагноз: "Семь пулевых ранений в голову. Мозг не задет. К службе годен".

Значит, искать предстояло человека небольшого роста, эдакого Жаботинского с пудовым кулаком и стальными нервами, циничного неряху, не пожалевшего кожаный салон дорогой машины и усадившего туда труп среди бела дня на глазах у всей школы. Преступник, или, возможно, группа лиц с

криминальными склонностями, так и не ставшими профессией, караулила мужчину у автомобиля, вооружившись оружием преступления, но почему-то забыв портфолио своей жертвы дома. Это и ряд других оплошностей указывали на любительский характер злодеяния: мало того, что исполнитель не смутился портретной несхожестью убитого с оригиналом, так еще и звезданул потерпевшему именно битой: на затылке Афонькина крепко отпечатались и ушла в вечность часть вырезанной на деревяшке надписи: перевернутые две двойки, "22". Видимо, что-то нападавшего спугнуло, или он из скромности решил отложить общественный резонанс на свое мерзкое деяние, только тело несчастного было им аккуратно перенесено с газона прямо в салон автомобиля. Следствие показало, что любовь к чистоте проявилась в убийце не сразу, а примерно спустя тридцать-сорок минут после наступления в теле Афонькина смерти. Когда рана на голове слегка затянулась и уже не окропляла багрянцем окрестности, Вольдемар был с комфортом размещен на анатомическом кресле. Сообразительному Катанину даже удалось исключить преступление в состоянии аффекта: труп поместили в аккурат на переднее правое "место смертника", так что в логическом мышлении киллеру не откажешь.

То, что Афонькина убили по ошибке, не вызывало никаких сомнений. Натянув на себя ветровку Поленко и прогуливаясь вдоль его приметного автомобиля, охранник пусть и не стал ниже, старше и вреднее, но у недоброжелателей

директора запросто мог вызвать искушение удобным моментом. Момент был выбран идеально: никто ничего не видел и не слышал, только физик Вишневская с секундной точностью показала, когда именно Леонид Серафимович канул в кусты рядом с парковкой. Время приблизительно совпадало с исчисленным экспертами часом убийства, а это значило, что директора в боярышнике ждали, мало того, он сам активно шел на ловца. Гранитного алиби не имелось ни у кого в городе, и вместе с тем, виноватых не было, бита с подозрительной парочкой со стоянки не находились, испарившись так же капитально, как и сам Поленко. Следствие рвало на себе волосы.

Обо всем этом Рыжий с тоской размышлял, пока Виталий получал неоспоримые доказательства невиновности сильных мира сего в мэрии города. Натянуть хотя бы одного-разъединственного свидетеля на задержание не удавалось, значит, оперу опять не светило затмить своего начальника игрой ума и находчивости, преждевременно же по старой традиции рапортовать об успехах, которые непременно случатся в будущем, Рыжего отучило отсутствие у начальства веры в чудо. Получается, зря он пыхтел с протоколами с самого утра, так и эдак раскладывая, сверяя и отбрасывая версии. Все, что нужно для быстрого раскрытия преступления – мотив, оружие, все потерпевшие и нечаянно утерянный паспорт злоумышленника с пропиской – все, как назло, отсутствовало без малейшего намека на территорию их по-

иска.

Ударившись о самое дно уныния, милиционер с молодым задором от него оттолкнулся и сквозь толщу полной безнадёги над своей головой вдруг углядел свет надежды. Двор отделения пересекали две женщины, пташки-неразлучницы Тарапунька и Штепсель, а в миру мадам Поленко и ее подруга Нина Васильевна Попова. Опер потер ладони в предвкушении: и недалекому помпейцу в последний день было бы понятно, что эти осколки прошлого валяются к ним на голову не просто так. Рыжий успел заметить, что Клавдии Энгельгартовне их первое свидание не очень понравилось, зато все три этажа их заведения просто захлебнулись в смехотерапии. Заодно узнали много нового и познавательного из обычаев параллельного мира. Соответственно, повторного визита от мадам Поленко можно было ожидать только в чрезвычайных обстоятельствах, скорее всего, грозящих ее жизни и здоровью, а под таковые вполне подпадало возвращение или хотя бы мелькание на горизонте блудного супруга. Милиционер потер давно уже не чесавшиеся от приятных прогнозов ладони и быстро позвонил дежурному, строго напомнив, что дело делают вперед потехи и Клавдию надо без задержек проводить наверх в оперчасть. На том конце провода поворчали по поводу последней отдушины, но обязались в лучшем виде дамочку доставить туда, куда с ускорением неслась половина дел в отделении – тупик второго этажа, где помещались архив и кабинет Катанина.

Рыжий достал чистую бумагу, уверенно оседлал стул шефа и попытался задушить зародыш улыбки на веснушчатом лице. Предчувствия его не обманули, наоборот, передвижной цирк мадам Поленко в который раз превзошел самые смелые ожидания публики. Во-первых, дамы сильно задержались и, на манер лучших парижских кокоток, заставили кавалера томиться и изнывать в ожидании их встречи. Рыжий вставал, ходил по кабинету, прислушивался к шагам в коридоре – все это не расслабляя строгого выражения лица, которое при малейшей оплошности раскатывалась в широкую улыбку. Когда у него уже сводило от напряжения щеки, Рыжий бросил беглый взгляд в окно и с удивлением увидел, что компаньонка Клавдии Энгельгартовны, вся в каких-то рюшчатых черных бинтах, пытается переиграть "Матрицу" и пройти сквозь сетку ограждения на милицейской стоянке. Гражданка Попова неистово кидалась на рабицу, отзывавшуюся ржавым и жалким скрипом переплетенного железа, и этот трезвон, изрядно елозя по ушам сотрудников, оставлял глубокие борозды раздражения в нервной системе. Служивые выглядывали в окна и их взоры не сулили бабуле ничего хорошего. Она, между тем, разошлась не на шутку: отчаянно жестикулировала, хватала мадам Поленко за рукав и вообще проявляла беспокойство, не свойственное российским пенсионерам, всегда слегка сонным от переизбытка радости и достатка. Интермедия во дворе все больше напоминала сцену встречи оравы дошкольников с последней панте-

рой в центральном зоопарке: несчастный хищник забился в свой пластмассовый грот и не дышит, а распущенные из городских квартир детки атакуют ограду, галдят, кидаются банановыми шкурками и вообще не скучают. Только в бабкинском случае к стенке напротив жался ощерившийся хромом радиатора автомобиль Леонида Серафимовича, еще не до конца изученный экспертами-криминалистами. Рыжий понял, что пора вмешаться – еще немного, и трехтонный внедорожник сам себе пробьет картер, чтобы больше не видеть эту бесноватую. Ведь бывали такие случаи! Вот с местного завода приходили новенькие седаны, где надо было еще до начала пробега менять ось и перебирать ходовую, желатель-но вместе с кузовом и обивкой салона. А дело все в том, что у этих авто, как говорили заводские мастера, есть душа, и с ними надо нежно, и разговаривать, и прощения просить, если что. Ранниме четверокопесые создания с трудом переносили тяготы путешествия на трейлере из сборочного цеха в магазин, некоторые даже заканчивали жизнь самоубийством и не подлежали дальнейшей эксплуатации, роняя на нулевой отметке пробега двигателя и чихом выхлопа вынося мелкие детали. Плоды трудов местного автопрома нуждались в добром слове, ласке и лечении, как престарелый дядюшка с подагрой и несоставленным завещанием.

Конечно, среди иномарок гораздо реже встречаются такие самобытные кадры, но кто знает? Немцы, например, переборщили с интеллектом, и в их блестящих лаком и качеством

агрегатах не осталось места для импровизации, зато на просторах хлопковой республики собираются машины вполне себе с настроением. Попадая в семью, они сразу же берутся за развитие и рост над собой всех ее членов. И белый воротничок из делового центра, и продавец мороженого, и налоговый инспектор получают возможность стать инженерами, тягачами, механиками на скорость, как в "Формуле-1", только без станции инструментов Феррари, а их боевые подруги учатся балансировать в каблуках на предательски скользких подножках автомобиля, что в будущем может здорово помочь им при устройстве канатоходцем или смертельным номером в цирковую трапецию. Смертельные трюки, кстати, – тоже конек этих средств передвижения.

Рыжий сомневался, что джип директора принадлежит к категории одушевленных машин, нуждающихся в психологическом комфорте. Тем более, что при живом владельце ему вряд ли вообще удалось узнать, что это такое. Но происходящее на стоянке могло бы пробудить к духовной жизни даже сфинкса и воротил с Уолл-стрит, что уж говорить о многотонной железке с компьютером вместо сердца. Еще чуть-чуть, и ограда не выдержит напора. Рыжий не был равнодушным к чужой беде и имуществу и без колебаний ринулся на помощь автомобилю. Терзать его старушечьими кошмарными прыжками под носом было чревато, а самой бабуле уже давно полагалось отчитаться о причинах своего эпатажного поведения, заставившего не одного хулигана, си-

девшего в обезьяннике, переосмыслить прошлое и глубоко раскаяться.

Легко сбежав по ступенькам – сказывались лыжные тренировки в подростковом возрасте и подорожание теперь уже недоступных обедов в кафе напротив – Рыжий спустился во двор и столкнулся с начальником. Вернее, с его тылами. Моноспектакль бабули Поповой успел закончиться, и на импровизированной сцене в колодце милицейского здания полным ходом шла знаменитая "Репка" в новой смелой редакции. Старуха, запустив тощие руки через сетку и загнав их в авто с капота, на манер мартовского котейки что-то завывала. Мадам Поленко вцепилась в ее отключенную назад пятую точку, то ли стремясь вытащить подругу из плотноядно оскалившегося радиатора, то ли растянуть ее до размера ведущих игроков женской сборной по гандболу. Клавдии Энгельгартовне в этом сильно мешал висевший на ее дебелих плечах охранник, не знавший, что за блузку из лайкры можно тянуть, пока не дойдешь до соседнего двора, и отчаянно пытался отсоединить обеих женщин от ограды посредством превращения Клавиной кофточки в парус. Сзади пристроился Катанин, уверенно застывший в стойке бурлака на Волге, и с таким же отчаянно-туповатым выражением лица держал охранника за пояс, скорее всего, для равновесия всей динамической скульптуры. В эту творческую группу и влетел с разбега Рыжий, по завету мамани не ставший разбираться, за чем стоим, а просто с готовностью пристроившийся в хвост.

Схватив Виталия за жилистый торс, Рыжий высоко задрал подбородок и стал совершать энергичные наклоны справа и слева от оси очереди, желая рассмотреть, за ради чего вообще собрались. Все остальные пыхтели, и, пульсируя напряжением, в такт дергали впередистоящего. В перерыве между рывками старший оперуполномоченный клацнул на Рыжего через плечо:

– Морально разлагаетесь, коллега! Без вас мы еще смотрелись парно и пристойно, – Катанин, шумно вдохнув, собрался с силами и смог на сантиметр сместить охранника в свою пользу. Хрупкое равновесие в цепочке тут же нарушилось, и коллеги из здания даже не успели сделать фото для Фейсбука, как все участники действия оказались лежащими на асфальте в самых непринужденных позах.

Клавдия Энгельгартовна со звонким шлепком, как кусок липкого пюре, который опытная повариха метает в заводской столовой на край щербатой тарелки, уселась на ноги охраннику. Легкая тростинка в виде ее сообщницы Поповой, покружившись в воздухе, осела на краешек газона. Катанин упал в объятия Рыжего и теперь судорожно соображал, как ему выбраться из этого двусмысленного положения: все-таки начальник – пока он, и кто кого может обнимать должно показать штатное расписание. Выйти из ситуации как всегда помогло наличие чувство долга у Виталия и отсутствие чувства юмора у простейшего существа на охране Управления:

– Выдрали, – довольно сообщил секьюрити, пытаясь вы-

тащить ноги из-под филейной части мадам Поленко.— Я уж думал, придется выпиливать. А сетку пилить нельзя, у ней же между металлом воздух. Не получится. В ножницы неметалл нельзя, там в инструкции все написано. А то затупеет.

— Выдрать стоили бы того, кто улики в людном месте оставляет, — парировал Катанин, — и тупеть им уже можно только в отрицательную область. Нулевого ума они же достигли. Гражданки, пройдемте! Вам надо пояснить ваш этот... Акт вандализма по отношению к воротам. И акт материализма тоже. Что покушались на материальные ценности, изъяты милицией за дело. А вам, — Виталий пристально посмотрел на Рыжего, — вам я бы порекомендовал держаться подальше от старших товарищей. И не подходите ко мне сзади, это меня нервирует. Ишь, Керубино нашелся! Помощничек.

Рыжий недовольно поджал губы:

— Я вообще-то начальство прикрывал, по инструкции положено! Брюки у вас того, только до колена брюки, а выше полная Древняя Греция, культ нагого тела. Но если вам так приятно или нужно, сверкайте задом в окна следователей, пожалуйста. Будет им мотивация на каждый день, пусть видят, куда отдел катится, — опер, похоже, всерьез обиделся. Рыжему нечасто выпадали такие героические будни и он высоко оценил свой вклад в разъединение вещдока и старухи Поповой. Он, конечно, не ждал тисненой грамоты в рамочке или наградного значка, но скромная материальная помощь

вполне соответствовала его ощущениям. А вот брюзжание старшего по званию было явно лишним. Рыжий в отместку тут же накинулся на зачинщиц беспорядка.

– И не стыдно вам, в таком почтенном возрасте и хулиганить! Порча имущества, гражданочки, в том числе поломка целого милиционера и ущерб охраннику. Три месяца в колонии-поселении, а с учетом скидки за первый раз – полгода. Потрудитесь-ка объяснить!

Нина Васильевна встрепенулась, всплеснула черными крыльями рукавов и засемила к Катанину, который ей показался более добрым. Виталий, обездвиженный порванными брюками, скромно стоял в позе солистки из балета "Дон-Кихот", вытянув ноги в пятую позицию и опустив очи долу.

– Родненький! – заголосила старушка. – Какое же это хулиганство! Это же счастье почище, чем у Зиты и Гиты. Родные нашли друг друга сначала по зову крови, а затем и по документам!

– Ну? – Катанин не впечатлился семейным счастьем Поповых. – А причем здесь нападение на стоянку?

Попова округлила глаза и снова кинулась к ограде, потянув за собой сопротивляющегося милиционера.

– Так там документики и есть! Правда вся и открылась и я от изумления сделалась чисто безумная! На картину-то на машине посмотрите! Что видите?

Виталий и Рыжий вперились в капот с богатой аэрографией. Посередине был запечатлен сам хозяин, как уже выясни-

ли эксперты, а вокруг в качестве декорации были тщательно прорисованы самолеты, какой-то ангар, взлетная полоса и прочая дребедень. Нина Васильевна тыкала в гущу этих никому не интересных деталей из прошлой жизни Поленко и прыгала от восторга.

– Как причем, как причем? А вы сюда посмотрите, Кла-вочка уже увидела!! Родственнички же мои, племяннички, вот и они здесь, в уголочке, как живые! Рядом с директором. Значит, мы родня!

Виталий присмотрелся внимательней и увидел где-то на самом краешке силуэты двух мужчин.

Если бы он был Нининой невесткой Настей, он узнал бы их мгновенно.

То были съехавшие в день пропажи директора Поповские погорельцы.

Глава 21

А на другом конце города Настя тоже была занята перева- риванием удивительных открытий. Парой часов ранее, толь- ко вернувшись с работы, запыхавшаяся учительница поста- вила на кухонный стол сумки с продуктами и громко объ- явила попивающему чай аспиранту:

– В этом доме, как я посмотрю, вся власть принадлежит советам! Тем, кто встает с первыми тружениками, ползущи- ми домой с работы. Некоторые уже в три смены на заводе отпахали, а люди науки, конечно, только изволили позавтра- кать.

– Я не завтракал! – бурно запротестовал Костик. – Холо- дильник пустой. Я только присел, а вообще в институт соби- раюсь, у нас сегодня кафедра.

Молодая женщина страшно округлила глаза и ехидно пе- респросила:

– Любопытно, почему у вас кафедра созывается в ночное время? Вы ее приравниваете к шабашу или не хотите воз- мущать нормальных людей таким богатым собранием туне- ядцев? Подумайте только, какое безобразие, холодильник у юноши пустой! Там всего-то навсего куриный суп, между прочим, котлеты и пюре, куда уж нашему высочеству разо- греть. Правильно, негоже лилиям прясть, Настя-пахарь при- дет и подаст в королевской сервировке с салфеточкой. Настя

ведь – фабрика-кухня, а не женщина.

Костик аккуратно перелил чай из блюдечка обратно в чашку и попытался успокоить выходящую из себя супругу:

– Конечно, женщина. Я уважаю женские права и в дамские владения не лезу, видишь, твои кастрюли для меня священны. Я их даже не касаюсь. Вдруг что-то не то сделаю. Ты же в гараж тоже не заходишь, – Костик достал откуда-то баночку с растворимой лапшой, которую Настя держала за страшный яд, и на глазах у мрачнейшей жены сдернул с нее бумажную крышку. За год счастливого брака физик так и не усвоил технику безопасности семейной жизни и сейчас стоял на пороге реальной катастрофы. Настя прищурилась и угрожающе тихим голосом сказала:

– Ах да, в гараж же зайти – это геройство почище, чем у исследователей дождевых лесов Амазонки! Того и гляди, какая-нибудь гадость в ногу воткнется. Там же в погребе картошка, и огурчики в банках, и лечо, только вот незадача, над погребом бардак архимегафеерический! Ведь машины-то у нас нет, поэтому ни сантиметрика нет свободного. Все Костик замусорил. И это в редких порывах между сном и отдыхом, да еще плюс обед по расписанию четыре раза на дню. Но ничего, Костик у нас человек энергичный, его такая занятость не утомляет. Даже наоборот, он находит силы еще и на полежать! Ну просто горит, как малаец на чайных плантациях. Дорогой, приляг, а то ты, наверное, устал блюдец держать.

Муж с недоверием посмотрел на красную от переизбытка чувств Настю, прикидывая, сделано ли ее отличное предложение от чистого сердца. Будучи оптимистом, он не заметил тонны сарказма, которым девушка щедро приправила и слова, и выражение лица. Костик мысленным взором бегло прощупал свой могучий организм на предмет полежать, нашел все к этому предпосылки, но твердо решил быть джентльменом и не оставлять ужин один на один с почему-то излишне пылкой сегодня учительницей.

– Ну, в принципе я не очень устал. Если хочешь, я тебе тоже чаю налью. Свежий вот заварил. Как ты любишь, с этим крымским сбором. Черный-то закончился, – и в подтверждение молодой человек открыл шкафчик, в котором стояла коробка со слонем в неопрятном гнезде из целлофана. Вокруг валялись чайинки и мелкая пыль от якобы благородного цейлонского, а на поверку и вкус подозрительно смахивающего на ошметки лежалых подстилок сборщиков с плантаций. Костик, правда, вычитал, что особо ценные сорта улуня, которых во всем мире собирается всего-то по два кило в год, как раз таки пахнут потом и слезой корпевших над их добычей тибетских монахов. Так что в этом плане все сходилось, чай отдавал элитой. Молодой муж потряс коробкой над ухом, разочарованно вздохнул и на глазах у изумленной супруги воткнул ее на прежнее место.

Коробка между тем была и в правду совершенно пустая, но мусорное ведро пряталось слишком далеко от Костика –

надо было пересечь восьмиметровую кухню и открыть дверцу под мойкой. Еще через полминуты в холодильнике Настя обнаружила миску из-под салата, на дне которой сиротливо засыхал маленький обрезок капусты с кукурузным зернышком, – это физик, избегавший мыть посуду, оставил для супруги. И доест, и домыть. В магазин Костик тоже не ходил, и теперь заранее размороженную девушкой рыбу было не в чем обжарить. Вечер переставал быть благостным.

Не физик и не молодожен знает, что таких вещей делать рядом с работающей полный рабочий день женщиной категорически нельзя. Лучше даже вообще ничего не говорить, а, если уж тебя застали за сибаритством и приятным ничегонеделанием, сделать вид, что это была лишь секундная передышка в неустанной заботе о семейном гнезде и счастье благоверной. Достаточно просто метаться вокруг пришедшей хозяйки, подхватывая сумочку, пододвигая ей тапки и сюсюкая, как припозднившаяся зайка и рыбка осветила дом своим появлением. Хорошо также не включать верхний свет, чтобы не заострить внимание на непрополесошенных коврах и следах от ботинок на полу, зато интимная атмосфера настроит супругу на нужный лад. Прекрасно, если муж умеет готовить или хотя бы внятно рассказывать о своих кулинарных планах, тогда дезориентированная бурной встречей прекрасная половина ради спасения порядка на кухне с удовольствием займется ужином сама. А пока она чистит картошку и краем глаза смотрит в школьные дневники, супруг

может в деталях рассказать, как прямо с утра протер всю пыль на люстрах и карнизах и даже обмахнул библиотеку, потом трудился на благо родного ООО, хлебного ларька или университета, отражая происки завистников и давая начальству дельные советы, думал о будущем их с женой оболтусов и даже решил пойти к их учительнице, чтобы рассказать, как надо обращаться с такими уникальными детками – в общем, можно смело докладывать обо всем, что трудно проверить, но легко засчитать в репутацию идеального супруга.

Но Костик жил в собственной биосфере, состоящей из полных энтузиазма коллег-ядерщиков, исключительно мужчин с горящими глазами и тощими телами потомственных холостяков, и неких бесполок существ в растянутых свитерах, очках и с двумя-тремя диссертациями за плечами. Тонкости семейных взаимоотношений в том мире были не более понятны, чем теория сжатия времени в этом, нормальном. Благодаря информационному вакууму по части сожительства полов, особенно в браке и других чрезвычайных обстоятельствах, молодые ученые были совершенные дети, когда дело доходило до общения с редкими в из кругу женами, детьми и совсем уж диковинными мужьями.

Вот и Костик сейчас балансировал на краю пропасти, на дне которой торчали смертоносные пики развода, недостатка мест в общежитии и несопоставимости стипендии с прожиточным минимумом хомяка, не то что подающего надежды ученого. За двадцать минут беседы он получил столько

красных карточек, сигналов тревоги и последних предупреждений, что его будущее внушало серьезные опасения, хотя и не было туманным: Костика ожидали тяжелые и, скорее всего, голодные времена. Настя стояла посреди кухни мрачнее тучи и взвешивала в руке большой холодный пакет с молочкой.

– Значит, я, встав в пять утра, размялась в переполненном автобусе, в одиночку вышла на двадцать пять неприрученных детей, крюк сделала, чтобы на рынок попасть, и все это, заметь, на шпильках, а теперь должна бросить неподъемные сумки и метнуться обратно в магазин? – девушка пронзительно посмотрела на мужа, стоявшего у стола и сосредоточенно накальвающего крошки на палец. К молодому человеку вплотную подобралось раскаяние и смутное ощущение того, что вместо ужина будет беда. Настино недовольство росло со скоростью свободного падения парашютиста, оторвавшего колечко откуда не надо. Налив себе отборного молока повышенной жирности – это нужно для работы мозга – жена ехидно прищурилась на физика и продолжила: – Потому что бедненький Костичек совсем запыхался, пока трескал последний бутерброд? Ах, нет, потому, что он слишком залежался на диване, и проснулся раненько, и трех по полудни не было! Знаешь, что, милый, ты обнаглел. Пороть тебя следует по субботам, как юнгу на корабле.

Молодой ученый теленком ткнулся Насте в плечо:

– Зачем ты так про субботы, дорогая! Ну, давай я в мага-

зин лучше?

– Лучше ты уже не станешь, не обольщайся, – отрезала еще более посуровевшая девушка. – Один японец так и пишет: "После трех уже поздно". В смысле, с мужчинами после того, как им исполняется три года, уже каши не сваришь. Они в этом возрасте, сказано, консервируются, и так навсегда и остаются несмышлениками. И если их до этого времени не научить убирать за собой посуду, ходить на работу и дарить цветы на восьмое марта, все! Дальше переучиваются только посмертно.

– Неужели настолько безнадежно? – Костик прикидывал, радоваться или огорчаться. С одной стороны, любимая вроде бы сердится, а с другой выходит он не виноват. Все дело в воспитателях и недоглядах японца.

– По моим наблюдениям совершенно! – Настя сдула челку со лба и привычным жестом заложила руки за спину. – Итак, Костик, что ты можешь сказать в свое оправдание? Хотя, конечно, слова лишние, когда надо просто молча подарить гарнитур с бриллиантами. Еще в приличных домах преподносят норковые манто.

– Какие манто? – видно было, что аспирантура еще не до конца наладила в Костике логическое мышление. О прямой корреляции семейного счастья и успехов пушного промысла он пока не догадывался.

– Стриженные. Коричневое можно, или вот черное. Белый мех – это красиво, но не практично. Он через сезон желтеет и

накидку придется отдать горничной. У нас заведется к тому времени горничная, милый?

На Костика жалко было смотреть. Внутренне он готовился к тому, что, убегая на кафедру, может получить пару напутствий от жены за не вынесенный мусор и невыносимую в принципе маму, но так, чтобы ему угрожали непонятными словами, такого раньше не случалось. Физику казалось невероятным, чтобы их идеальный союз пал из-за какого-то потрошеного грызуна, которым он вовремя не заарканил свою благоверную за хрупкие плечи. В старом американском кино он видел, с какими гордыми лицами платиновые блондинки пятидесятых несли на крепких бюстах беспомощно раскиданные лапки всяких ондатр и горностаев, и еще в этом правдивом кино показывали, что лучшие друзья девушек – бриллианты и завтраки у Тиффани, а не диссертация по квантовым проблемам все равно невидимых частиц.

Настя, любившая Костика, свою работу и квартиру, все-таки и в этом оазисе умудрилась созреть для реальной жизни раньше, чем ее сильная половина. Ста рублей, остающихся от мужниной стипендии на следующий после ее получения день, категорически не хватало на чувство собственного достоинства у девушки, но почему-то было довольно для того, чтобы Костик не ощущал никакого стеснения. Еда появлялась на столе согласно расписанию, чистые рубашки как-то сами собой заводились в шкафу, а жена была просто люттой скромницей и ненавидела красивую одежду, золотые укра-

шения и курорты, автомобили с кнопкой зажигания и коктейль "Куба Либра" в заказных лучах тропического солнца. И вдруг посередине этого блаженства правила бац! и поменялись, и что было всем, стало абсолютным нулем, а Настя больше не собирается затыкать своим женским трудом прорехи в научном бюджете. Ей, понимаешь, дороже настоящий кусок окорока, чем далекое будущее, где с помощью Костиковых открытий на братской планете Марс можно будет эффективно перерабатывать отходы тамошних роботов. Физик было запечалился по поводу безразличия своей супруги к прогрессу, но быстро понял, что к нему Настя в настоящий момент расположена весьма жаркой, даже огненной стороной. Безразличием там и не пахло, зато отдавало выселением.

– Нечего не делается! – бушевала учительница. – И ладно, что денег вечно нет, уже приходится прикидывать, как завести курицу на балконе и как сделать целую пару из двух порванных колготок. Так ты даже натурпродуктом не можешь поучаствовать! И самое интересное, что твоя толщина растёт пропорционально уменьшению нашего бюджета. Теперь понятно, куда все девается!

– Куда? – Костик оживился.

– В эту прорву ненасытную! – тонким пальчиком Настя указала куда-то в район мужниной селезенки. – И потом там прямо по Эйнштейну энергия сохраняется. Ни грамма не выплескивается, потому что ты ни малипусечки не делаешь.

Ни-че-го.

– Я делаю! – запротестовал ученый. – Делаю я. Вот как раз на днях собирался кран починить, и линолеум на кухне подклеить. Но ты ведь сама знаешь, инструменты пропали. Ящик стоял в прихожей, а теперь нет его.

– Ты хорошо смотрел, дорогой? – Настя с сожалением поморщилась. – На этом ящике уже можно было цветы разводить, он там стоял вечность. Ах, нет его, ты все обыскал? Конечно, у нас же здесь хоромы, как у короля Ашурбанапала, бесконечные анфилады мрамора и ляпис-лазури. И Костик посередине, царь царей, потомственный белоручка. В общем, в то, что ты ящик не сам задевал – верю, он же тяжелый, а тебе нельзя перенапрягаться. А что, жена придет и подвинет. Нам, кстати, не надо пианино на тринадцатый этаж занести? Я что-то сегодня еще не умерла от усталости.

Тут зазвонил телефон и хозяйка квартиры, побросав сумки, ринулась к аппарату, на ходу едко прокомментировав нерасторопность Костика.

– Слушаю, – Настя бросила в трубку и надолго погрузилась в журчащий поток женского голоса с другой стороны. – Какой шпунтик? Вы что, с ума сошли, женщина? Я не занимаюсь строительством мостов. Ах, зубы! Ну да, это по моей части. Да-да, припоминаю. Нет, что вы, такую драгоценность уже кто-то, наверное, давно нашел и присвоил, даже внукам завещал или Эрмитажу, но найти попробуем. Принесем обоих: и шпунтик, и мамулю. Ждите. Честь труда! – наконец,

девушка звякнула трубкой и повернулась к Костику.

– Вот видишь, я же говорю. Вокруг тебя все разваливается на части, в том числе и твоя мамаша. Но тебе некогда чинить, куда уж там без уникальных инструментов. Их аналогов, безусловно, во всем мире не сыскать, поэтому ящик с гнутыми отвертками вероломно украли. Везде теперь наступит разруха. Все плакали! Иди, ищи шпунтик, сказали.

Костик в сегодняшнем скандале играл роль статиста, что-то вроде дуба, с которым заговаривалась в не менее драматичных обстоятельствах Наташа Ростова. Ему надлежало молча стоять и не отсвечивать, в крайнем случае, подавать короткие реплики, эхом повторяющие основные Настины мысли, а вот разворачивать во всей красе собственное мнение сейчас было небезопасно. Поэтому молодой муж послушно ухватился за вроде бы мирный поворот в теме и переспросил:

– Шпунтик? Искать?

Настя театрально развела руками.

– Нет, с маслом съесть! Искать, конечно, Костик. Очень важная деталь мамулиной зубной конструкции в виде лилипуточной скобочки. Утрачена где-то в черте города. Найди ее и принеси зубному технику. Времени у тебя до полуночи, иначе Нина Васильевна превратится в то, чем кажется без зубов. В какого инвалида, я тебя умоляю! В ведьму скорее. А я пока, так уж и быть, полежу вместо тебя на диване, – и, с большим достоинством вздернув подбородок, де-

вушка проследовала в комнату. Через минуту оттуда тревожным аккордом отозвалась заставка любимой Костиной передачи и тут же сменилась ласковыми увещеваниями канала "Культура" учить испанский вместе. Физик понял, что положение довольно серьезное. Он достал из пакетов на полу брикет замороженного теста, колбаску с сыром, пару помидоров и удивился, что же так обозлило супругу, если буквально все для счастья в доме имеется. Соваться в комнату с этим открытием пока не хотелось, и Костик решил использовать оставшееся до выхода из дома время на изготовление коронного блюда для покорения строптивного женского сердца.

Он умело разделил пласты слоеного теста на несколько тоненьких листочков и разложил их по всей кухне размораживаться. Быстро пожарил лук, сладкий перец и всевозможные остатки сосисок, колбасок и прочего мясного, что нашлись в холодильнике. Затем растопил немного сливочного масла, вооружился Настиной кисточкой, которой девушка накладывала маски на лицо, и занялся художественным творчеством. Каждую пластинку теста он смазывал маслом и укладывал в форму. Дойдя до ее середины, Костик вывалил на эту гляцевую от переизбытка калорий основу свою за жарку, накрыл оставшимися слоями, так же щедро разукрашенными сливочным блеском, залил смесью из яиц с молоком и тертым сыром. Затем поставил в духовку и, постаравшись придать своему открытому лицу самое меланхоли-

ческое выражение, встал у окна в позе страдающего Вертера. Костик знал, чем это кончится.

Настя пришла на запах через пятнадцать минут, поводила носом и куда-то в сторону сказала:

– Коварный сердцеед! Берет меня за живое.

А потом, подойдя поближе к мужу, пока еще строгим голосом заметила:

– Пожар хотите устроить, Константин? Чтобы замести следы семейной ссоры? Ну-ну, вы на правильном пути. Пока вы здесь пародируете Гамлета, все сгорит, а мы потравимся продуктами распада. Доставайте, что там приготовилось.

Физик ловко извлек из духовки дымящийся противень с чудесной запеканкой, отложил сверху кусочек зарумянившегося сыра и довольно почмокал. Откуда-то на столе появился пузатый фарфоровый заварник с золотой каемочкой, и супруги на некоторое время полностью отдались поглощению ужина. Настино непримиримое лицо понемногу смягчалось, пока с последним кусочком выпечки не стало кротким и спокойным, как у пумы, наигравшейся с отрядом первых колористов и даже сделавшей из него заготовки на зиму. Костик был тих, предупредителен и прямо-таки изнемогал от жажды деятельности, что делало ему честь после сытного приема пищи.

– А кстати, – вдруг вспомнил ученый. – Что там с этой бумажкой, которая осталась от родственничков? Ты аж побледнела от их последнего привета. Как будто чистую девицу

оставил вероломный граф с соседнего имения, а она на днях должна сделаться мать.

– Не шути на святую тему любви, – Настя положила себе добавки и критически посмотрела на супруга. – Вам, сухарям от науки, не понять. Вообще, ты тоже тогда скис, но высокие чувства здесь не при чем, так ведь? Но с запиской выходит все очень странно. Не могла же она ко мне прицепиться.

– Ну, раз к тебе цепляются бездомные коты, бабки, переходящие дорогу, все детские болезни и охранник в магазине, значит, такая ерунда, как бредовая записка, нашла бы тебя запросто.

Муж протянул руку к подоконнику и достал оттуда листочек с птичкой. Супруги склонились над прыгающими по бумаге каракулями

– Ни бельмеса не понятно! – Костик в который раз посмотрел записку на свет, потер пальцем и даже посплюнвил уголок. – Похоже на иллюстрацию к механизму броуновского движения или теории большого взрыва. Но я и так это знаю, а тебе... – физик глянул на жену и воздержался от комментариев, ибо знакомиться со взрывами он предпочитал лабораторно. – Может, это тайный шифр? – наконец, додумался аспирант.

– Это какой-то тайный грибок, который поражает слишком много думающий мозг! – фыркнула Настя и отняла записку у мужа. – Ты с ней полегче, возможно, это улика! Надо

позвонить этому следователю, рассказать, заодно и спрошу, не нужен ли им добровольный помощник в твоём лице. А то ты такой стал плодовитый на идеи, что даже посуду помыть времени нет.

– Да чем я им помогу, Настюшкин? Я уже не помню, при каких обстоятельствах мы с запиской впервые увиделись. Но я ею тогда чашку снизу промокал, отпечатки пальцев, видимо, расплавились или того, вообще стерлись. – Костик ещё раз просмотрел записку, приложил её к оконному стеклу. Кроме масляных пятен, других изменений в ней не обнаружилось. Настя покачала головой и зашуршала бумагами у телефона в поисках номера Катанина.

– Милый, не надо отчаиваться. Там найдут, как тебя применить, может, ловля на живца или внедрение в опасную среду подпольных физиков. Мало ли, в милиции так все запутанно, похлеще, чем на нашей записке. – Девушка, наконец, отыскала телефон опера и отобрала у Костики записку, чтобы цитировать с листа. Немного повертев её в руках, она прищурила глаза и вдруг подскочила на стуле:

– Костик, я вижу! – визг жены заставил молодого человека заглотить всю кружку чая в один присест. Он метнулся к её стулу и склонился над бумажкой. – Смотри! – Настя ткнула в какую-то загогулину. – Здесь написано: "мультимудроокий директор Поленко". Просто в завитушках все и безграмотно, это точно наш Квазимодыш писал. Смотри, я ещё сомневалась, из его ли тетрадки или нет, потому как почерк вроде

бы его, но и на электрокардиограмму тоже похоже. А теперь как-то повернула и видно:

"в кабинете стук", "кто-то внутри", "послание на столе"... Да здесь много!

Настя задумчиво расправила листочек в вытянутых руках и решительно заявила:

– Да, Костик, это улика. Определенно. Видимо, вопль о помощи. Наверное, наш безумец Гаврилыч пришел директора или даже нечаянно уморил его в скафандре собственного изготовления. Я что-то слышала, он изобретал композитный материал из горбыля с плиточным клеем и черноземом, для космических технологий.

– А чернозем-то зачем? – удивился Костик.

Настя усмехнулась:

– Темный ты. Это же уникальная питательная среда, мать жизни, как Тихон говорит. А скафандр должен представлять собой самодостаточную систему, все для космонавта производить, а отходы пускать в дело, поэтому чернозем необходим. Короче, Поленко мог пасть от изобретательской руки Тихона, а это, – девушка ткнула в записку, – чистосердечное признание. Мне подбросил, чтобы успеть скрыться.

– Тогда и признаваться незачем, – сразу подметил толковый Костик. Все-таки российское высшее образование учит людей думать, а не апельсины на конвейере сортировать, как толерантные университеты за океаном.

– Вот тут не скажи. Он же хочет прославиться! А сбежать

решил, потому что не собирается останавливаться на достигнутом. Надо срочно звонить этому милиционеру, трудовик – серийный убийца и очень опасен. Я всегда это знала, недаром он такой убогий. Вот подобные и оказываются на поверку безжалостными преступниками со стальной волей и ветвистой фантазией! – пришла к финальному заключению Настя и в подтверждение своему слову с присвистом чихнула. Потом глубокомысленно погрозила пальцем воображаемому злодею, собрала посуду со стола и бросила мужу: – Ладно, дорогой, иди вниз, там под лестницей в подъезде должна лежать мамулина деталька. Как выглядит, не знаю. Ищи, что почище, – учительница включила кран и задумалась, – хотя нет, Нина Васильевна чистит протезы какой-то жижей из знахарского пепла с добрым напутствием от Заратустры, так что ищи что-то подозрительное. Там люк есть, на нем. Или в нем. А я пока приберусь.

Костик ретировался, а Настя присела на пару секунд передохнуть в тишине и покое.

В эту минуту пронзительно-тревожной трелью зазвонил телефон. Взволнованная девушка уставилась на аппарат, боясь пошевелиться, ведь в свете последних открытий выходило, что страшный и трудолюбивый к тому же маньяк имеет на нее виды. Она, не дыша, подошла к столику, сняла трубку и молча поднесла ее к уху. Тот конец линии отозвался скрипучим голосом Костиной мамули:

– Настасьюшка, – девушка поежилась. Кажется, плохие

предчувствия ее не обманули. Как известно, если рядом шепелявит старуха в черном и ласково зовет тебя не пойми, куда – это не к добру. – Настюшулечка моя, – продолжала заливаться Нина Васильевна, – поздравляю тебя, голубушка!

"И как она всегда разнюхивает про премию?" – подумала Настя, а вслух сказала:

– И вам того же. А в чем, собственно, дело?

– Горлица моя златокудрая, – слышно было, что старушка никак не может нарадоваться. – Поздравляю тебя! В твоих жилах течет директорская кровь! Сейчас милиция установила. Немедленно приезжай, в милицию, здесь наше наследство оттяпать хотят. Да прибудет с тобой Кострубонька! Отсоединяюсь. Пока!

Настя удивленно подула в зудящую отбоем трубку и положила ее на место. В этот момент в квартиру ворвался страшно возбужденный физик. Не обращая внимания на экзальтированное состояние всегда спокойного мужа, молодая женщина сразу накинулась на него с шокирующим известием.

– Костик, маманя с ума сошла. Бредит царством теней и проблемами доноров. Ты нашел эту зубную скобку, а то санитары могут не взять ее в некомплекте?

Ученый уже несколько раз открывал рот, пытаясь вставить что-то важное в бесконечный монолог Настиной тревоги, и, наконец, смог улучшить момент и озадачить жену еще более странной задачей:

– Да нету там мелких деталей! Самая маленькая обеспе-

чит мамуле бивень, как у мамонта, она им будет пол царапать. Ты у нас по зубам спец, пойдем смотреть вместе. Я нашел только что-то большое и лакированное, с цифрами. Это, наверное, номер детали, как в мебельных конструкторах Икея, но вот инструкцию забыли подложить.

Пара по-быстрому сбежала вниз, и заинтригованная Настя нырнула под лестницу в парадном. Зубных шпунтиков там не наблюдалось.

Зато крышку люка она нашла надежно закрытой и основательно закрепленной на своем месте. Правда, отворить ее казалось невозможным только изнутри.

Потому что снаружи за ручку была заправлена новенькая, гладкая, блестящая бита с вырезанными цифрами "55".

Глава 22

Катанин чувствовал себя героем голливудского фильма, бьющего рекорды по кассе, и прежде всего из-за декораций. В связи с делом о школьном убийстве ему ежедневно приходилось бывать в местах, о которых он не смел мечтать в прошлой скучной жизни, и знакомиться с людьми, коих он к простым смертным вообще не относил. Там были, кроме пропавшего директора-мегахама, еще небожители, настоящие миллиардеры, хозяева жизни; ослепительные красавицы, сияющие бриллиантами и глазами; похожие на трухлявый гриб и Смерть одновременно старухи; физики-ядерщики с лицом деревенского простачка; и вот, наконец, настоящий маг и чародей, ясновидящий в седьмом поколении с функциями хироманта и заклинателя змей, Господин Рафаэль. Рыжий вчера просто лег костями, чтобы пойти к гадалею самому, уж очень его тетка просила лично пообщаться с непрым человеком. У тетки на этот счет имелся шкурный интерес: она уже тридцать два года перебирала знахарей да сельских бабок на предмет заговора ее соседа от водки и на деньги. Пока результаты были стойкие, но прямо противоположные: мужика тянуло на водку все сильнее, зато денег он чурался и давно не видел. В общем, Рафаэль являлся для женщины последней надеждой, но попасть к нему хотелось с гарантией, по знакомству.

Рыжему, однако, пришлось остаться и подключиться к чрезвычайным обстоятельствам, открывшимся в доме Анастасии Борисовны Поповой. А вот Виталий, слегка утомленный ежедневными потрясениями, предпочел общение с новым, но вроде бы тихим свидетелем в естественной для последнего среде обитания. Аккуратно записав вчера его координаты, опер с уважением посмотрел на адрес в одном из исторических домов в центре и спросил Клавдию Энгельгартовну:

– Значит, святой человек, говорите? Правильно я вас понял: в обмен на двадцать тысяч сто тридцать рублей этот гражданин обещал вам депортировать вашего супруга? Расценки у него, как у генерала в Москве.

Мадам Поленко только закатила глаза:

– Нет же, телепортировать! Повторяю еще раз: телепортировать к астральному двойнику за духовным перерождением, – женщина страдальчески всхлипнула и в который раз принялась разъяснять бестолковому юноше тонкости высоких материй. – Вы же знаете, Леонид Серафимович был сложный человек и не хотел просветляться добровольно.

Катанин понимающе закивал, а Рыжий в углу как-то подозрительно хрюкнул. Он уже закончил опрашивать Нину Васильевну по ее племянникам с капота и всю наслаждался сводками из мира непознанного в исполнении Клавдии. Старший оперуполномоченный сурово посмотрел на коллегу и жестом попросил гранд-даму продолжать.

– Так вот, Господин Рафаэль собирался перенести Леню в параллельную реальность, чтобы ему там показали верные идеалы. А здесь бы осталась только его оболочка, в смысле, бранный организм, в который заселился бы после чистки чакр и замены ложных понятий новый Эго, – мадам Поленко с торжеством оглядела присутствующих, кои по ее мнению должны были просто рты пораскрывать от такого могущества чародея. Заметив, что милиционеры не до конца оценили масштабы чуда, женщина нетерпеливо причмокнула и пояснила: – Ну, это как в шестерку поставить двигатель от Мерседеса и стеклоподъемник на электричестве. Будет разница?

– Будет, конечно! – оживился Виталий. – Вот только смысл? Там проще целиком все поменять, кузов гнить будет.

– И здесь не без этого, – флегматично отметила Клавдия Энгельгартовна, – кузов изнашивается, естественно, но и водитель предпочитает классику. Ему хотелось бы обойтись текущим ремонтом. И, заметьте, всего за двадцать одну тысячу сто тридцать рублей господин Рафаэль давал такой сервис! Леня должен был измениться до неузнаваемости.

– А вы ему деньги уже дали? – встрял Рыжий. – Я к тому, что этот ваш Фуфеэль получается исполнитель по договору. Товарищ Катанин, так и пиши: уважаемая дама заказала своего мужа. Все ясно, с кем не бывает. В каком же из миров вы его закопали, женщина?

Клавдия покачнулась на стуле и круглыми глазами испу-

ганной свинки-капибары посмотрела на милиционера.

– Что же такое делается, а, граждане? – заголосила прекрасная половина пропавшего директора. – Сначала мужа лишилась, потом имущества в виде автомобиля иностранного производства черного цвета, затем вы мне какие-то морды тыкаете на опознание, а почему я знаю, кто они, если Леонид Серафимович, хозяин мой, сам ихние хари на капоте рисовал, без моего ведома? Что вы несчастную-то мучаете, над сиротой издеваетесь, у-у-у!

На шум уже подтягивались другие сотрудники отделения, спешившие узнать, кого еще Катанин записал в свидетели по громкому делу. Пока они были один другого краше, и коллеги опера строили самые смелые планы на будущих.

Виталий по привычке бросился цедить собеседнице вальерьянку, а Рыжий, потупив глаза, неприкрыто наслаждался Клавиной истерикой. На этот раз она была краткой, но эффективной: мадам Поленко так истошно причитала и давилась слезами, что начальник отделения послал гонца на разведку, не найдется ли у потерпевшей свободной минутки, чтобы дать мастер-класс нищенкам на вокзале и прокаженным у церкви? Начальник всегда сочувствовал убогим и от души помогал своим подопечным сделать их скромный бизнес доходнее. Договариваться пришла волоокая секретарша Леночка, вся в парах французского одеколона, в котором подчиненные безошибочно узнавали крутой запах начальства. Видимо, у Леночки с полковником был одинаковый вкус и

один флакон парфюмерии на двоих, скорее всего, из экономии. Все знают, какие низкие зарплаты в милиции!

Увидев красавицу-секретаршу, мадам Поленко вмиг подобрала, втянула и напрягла, где надо, каким-то чудом сформировав талию и разложив на месте лишних подбородков прекрасный опалового цвета мех. Запруды слез были осушены, а на их месте уже бегали веселые искорки женского коварства и бесконечного соревнования с себе подобными. Стрельнув глазами в посетительницу, Леночка после минутных колебаний все же дисквалифицировала мадам Поленко по возрасту, хотя про себя отметила, что все там будем и на зиму стоит запастись аналогичным жакетиком, да и на салон денег не жалеть. Убедившись, что по ее части здесь делать нечего, Леночка строго попросила оперов и даму в норке соблюдать приличная, потому что в этом визге невозможно работать, вон, она уже третий раз чуть не ткнула себе тушью в глаз от испуга, а она, между прочим, брендовый знак их организации.

Когда за секретаршей, наконец, захлопнулась дверь, Катанин протянул Клавдии едко пахнувший сердечными каплями стакан и мягко спросил:

– Гражданка, вы же понимаете, что магии не существует? Это же шарлатанство, – опер поднял руку, призывая протестующую мадам Поленко к молчанию. – да, просто отъем денег у доверчивого населения. Вы платите за межгалактическое путешествие с просветлением, а имеете труп с абсолют-

но темной историей. Возможно, этому фокуснику дворовому пришлось устранить вашего супруга, чтобы скрыть свои промахи в деле его, как вы красиво сказали, внутренней реинкарнации. Но мы его заставим работать честно, сейчас есть всякие методики исправления самых закоренелых преступников! Лесоповал, земля Франца Иосифа, ознакомительная поездка на Кубу...

– И там можно исправиться? – засомневался Рыжий.

– Вот серость, – Катанин ухмыльнулся, – там целый курорт Гуантанамо, между прочим. Признан международным сообществом как самый действенный. Ну так что, – опер обратился к Клавдии, – будем давать координаты этого шаромыжника?

Видно было, что мадам Поленко переживает самые противоречивые чувства. С одной стороны, между ней и Господином Рафаэлем сегодня пробежала черная кошка, о чем она, собственно, и пришла рассказать в милицию, а с другой, именно на мага женщина возлагала большие надежды в плане рассады денежного дерева, которое сейчас в ее осиротевшем хозяйстве очень бы пригодилось. Не придя к согласию со своим внутренним миром, Клавдия решила рассказать все по порядку и посмотреть, сможет ли приземленный Катанин помочь в ее эзотерической проблеме.

– Итак, – ватрушечным голосом народной сказительницы начала мадам Поленко, – случилось это, кажется, уже очень давно, а на самом деле только вчера, и тому в подлунном ми-

ре нет объяснения. Люцифер вернулся к нам в другой ипостаси.

Суеверный Рыжий украдкой перекрестился и с неудовольствием посмотрел на свидетельницу. Все эти дьявольские штучки уже давно должны были закончиться весьма печально, и только наличие в жизни женщины отвратного Поленко хоть как-то объясняло, почему она до сих пор не провалилась в Преисподнюю. Филиал вечных мучений у нее просто открылся на дому. Впрочем, еще неизвестно, для кого эти священные узы были большим наказанием: не каждый стойкий спартанец выдержал бы сожительство с извергом рода кошачьего, лысым и страшным Люциком.

Гранд-дама между тем удобно подперла щеку ладонью и приготовилась к подробному изложению чудесной истории, с элементами народного фольклора и обязательной моралью в конце. Набравшийся опыта Катанин по ее лицу определил, что это может быть надолго, но совершенно бесполезно для следствия, а ворожейный кружок опер пока не думал открывать. Поэтому он резко вскочил, уронив стул так, что птички за окном дрогнули, не говоря уж о мадам Поленко, мгновенно вышедшей из нирваны воспоминаний.

– Только основные события! – Виталий повернулся к очнувшейся свидетельнице. – Так, быстро, быстро, теряем время. Ведь он же там один! – опер решил напомнить даме, что ее муж по-прежнему утерян в неизвестности.

– Ах, да! Не ожидала от вас такой чуткости, – со слезой в

голосе подхватила Клавдия, – совсем один, да еще непонятно, что с ним. Намучился в скитаниях. Он даже не ест кролика в желе с брокколи, представляете?

– Мерзость какая, – поморщился Рыжий, – я бы тоже не стал это пробовать, даже если бы меня захватили в плен. Так что представляем вполне. Немножко понятно даже, почему он пропал. А, кстати, откуда вы знаете, что сейчас ест ваш муж?

Клавдия поджала губы и не удостоила "этого арлекина", как она окрестила опера, никакого ответа. Вместо этого женщина всем корпусом развернулась к стоящему в углу Катанину и взволнованно сказала:

– Но вы-то понимаете, что этот пропащий здесь не причем? Мой Люцик, отрада моя, вчера вернулся. Я к вам поэтому и прибежала, потому как с ним произошло перерождение! Я подумала, может, Леонид Серафимович грешным делом причастен и его надо искать по следам Люцифера? В смысле, пойти по ним в обратную сторону?

– У нас здесь больше усмертение, а с перерождением в следующий раз ходите в другое место, – не смог удержаться Рыжий. Виталий с раздражением посмотрел на коллегу и преувеличенно ласково переспросил Клавдию Энгельгартовну:

– Так что случилось с вашим котом, гражданка? А вообще я читал: галлюцинации – признак ранней шизофрении. Учтите это.

Мадам Поленко поняла, что милиционер опять ей не верит и с жаром пустилась в объяснения:

– У нас вчера было собрание. Нет, не на Лысой Горе, мужчина! Что вы меня все время прерываете?!

Виталий тычками в спину проводил разошедшегося Рыжего из кабинета, сел напротив Клавдии и мягко пригласил ее продолжать.

– Так вот, – медальон на груди Клавдии подрагивал от волнения, – вчера было собрание жильцов. Мы уже хотели спускаться, как тут один такой же Фома неверующий, как ваш сотрудник, вдруг разочаровался в своих атеистических идеалах! Он первым узрел превращение Люцика.

"Коллективный психоз", – с грустью подумал Катанин. – "Неудивительно, с такой соседкой и белой горячки не нужно". Вслух же ничего не сказал, чтобы не злить сумасшедшую.

– Люцик сидел в подъезде под лестницей. Я его сама-то признала только по остаткам банта на шее. Он выкидывался из дома мягкий, чистый, приятного телесного цвета. А там, в угол, забился некто весь в каких-то грязных пятнах, худой и урчащий, ну чисто черт!

Виталий внимательно посмотрел на мадам Поленко. Все-таки с диагнозом он поторопился. Вон, объективное мышление присутствует. Клавдия неоднократно пугала все отделение фотографиями своего любимца, и опер сразу понял, на кого похоже это странное создание. Сейчас и хозяйка под-

твердила его вывод, значит, не все еще с ней потеряно.

– Пришлось его оттуда шваброй доставать, а потом дома доставать его когти из швабры, так он крепко напал на деревяшку. Знаете, у моего мужа был ужасный способ мыть Люцика: он ловил его в авоську, завязывал ручки, надевал пельтики на метлу и макал бедного котика в воду с безопасного расстояния. С тех пор мой маленький не любит мыться, но пришлось его искупать. И, знаете, пятна не отмывались! Я даже духами их терла. И еще, раньше Люцик ел только слегка прожаренную печенку и творог с рынка, а тогда стал кидаться на хлебные корки и кость от селедки! Я подумала, это не мой котик! И понесла его к господину Рафаэлю.

Катанин скептически посмотрел на женщину и на всякий случай поинтересовался:

– А господин Рафаэль и в ветеринарии понимает?

Клавдия прямо опешила от такого невежества милиционера в вопросах магических возможностей. Лебедями вскинулись сдобные руки с перламутровым маникюром и мадам Поленко заклекотала:

– Ну а как же, я вам сто раз уже объясняла! Он – потомственный целитель и чародей, почетный член Коллегии малайских вудуистов, заслуженный академик народной медицины острова Шпицберген и лауреат международных конкурсов шаманов Валгаллы. У него все грамоты в приемной висят, с печатями! И вы считаете, такому дарованию что-то не под силу?

– Про дарование это вы верно заметили. Хотите откровенно? – опер отложил протокол и участливо посмотрел на свидетельницу. – Я чем больше узнаю об этом Копперфильде, тем меньше сомневаюсь. Вы ему про то, где у вас деньги лежат, не рассказывали?

– Ну что вы, я ж не дурочка, – возмутилась Клавдия. – Рассказывать – не рассказывала. А вот сейф он нам заговаривал, чтоб покраж не было. И каждую купюру в нем благословил отдельно. Это древний китайский ритуал, прибыль немереную дает.

– И как, помогло? У вас сейф теперь несется, что ли?

– Нет, – опутив очи долу тихо сказала Клавдия. – Там же ритуал был в связке с хранителем домашнего очага, с котиком. А он маленько приболел. Вот я и хотела к господину Рафаэлю...

– Чтобы он вашего скотика маленько подлечил. Вдохнул в него карму, – перебил опер жертву оккультизма. – Понятно. Теперь давайте к делу. Пишите вот здесь адрес, место прописки или хотя бы работы этого господина, а дальше им займется милиция. Не задерживайте, гражданка, вы здесь не одна потерпевшая. Кстати, ваша подруга Нина Васильевна Попова показала, что на автомобиле иностранного производства, принадлежащем вашему супругу, нарисованы ее родственники. Вы их опознаете?

– Не подруга она мне, – обиженно запричитала Клавдия, – где же это видано, эта нахалка вздумала жилплощадь мою

присвоить! Про людей машинных ничего не знаю. Мужу блажь в голову втемяшилась, вот фото своего крайнего дня в авиации на капот и перевел. С Североморска снимок. Что у Нинки, в родне чукчи водились? Хотя у нее дома рога висят... А вот почему они у Лени на фото оказались, понятия не имею. Да все она брешет, куркулица.

– Разберемся. – Катанин задумчиво тер подбородок. В наступившей тишине как будто слышался треск шестеренок его мозга, всегда прежде неподвижных, но теперь обильно смазанных необычным делом. Медленно включалась в ход логика, со скрипом подтягивались смекалка с догадкой, и всему этому сообщалась мегаваттная энергия скорого озарения. Еще чуть-чуть и Клавдия стала бы свидетельницей не только по убойному эпизоду, но и по историческому событию районного масштаба: старший оперуполномоченный начинал думать. Задумываться, по крайней мере. И не однобоко, как обжора перед кастрюлей макарон, и не мелко, как бабочка-однодневка, а творчески, глубоко и с уважением к Уголовному кодексу. Как всегда, помешал несчастный случай: в дверь ввалился Рыжий и стрелой метнулся к столу начальника. Клавдия обеспокоено ерзала на своем стуле, пока опер что-то горячо шептал на ухо Катанину, по мере чего лицо последнего вытягивалось в маску злого, но примитивного африканского божка. Наконец, когда все срочные новости достигли адресата, Виталий пробормотал что-то на милицейском жаргоне и быстро махнул мадам Поленко:

– Все, вы свободны. Адрес написали? Вас вызовут. Идите. А, и подружку с собой забирайте, в ней сведения закончились.

Рыжий молниеносно вложил в раскинутые руки Клавдии Энгельгартовны сумку, ридикюль с очками и аюрвердическими присыпками, меховую накидку, зонтик от солнца и дождя, еще какую-то мелочь и ловко выпроводил за дверь. Женщина было прислонила ухо к створке, чтобы послушать последние сводки об успехах или, судя по лицу Рыжего, скорее неудачах милиции. Но люди в органах тоже не пасхальные розаны: через секунду дверь распахнулась, и опер участливо спросил у пытавшейся удержать равновесия женщины, не плохо ли ей и не стоит ли даме остаться в отделении на день-другой. Клавдия поспешно отказалась от любезности и побрела в сторону лестницы, сокрушаясь на ходу, какие жестокие настали времена. Нынче каждый рад притеснить беззащитную и одинокую сироту, оставшуюся без кормильца с малым котом-инвалидом на руках.

В кабинете Катанин, обхватив лоб руками, в полном молчании раскачивался на стуле. Рыжий стоял у окна, оживляя россыпь веснушек уходящим солнышком. Атмосфера была вполне созвучна сюжету знаменитой картины "Не ждали": напряженные позы, смятение и общий беспорядок на столе и в головах. За час до этого любознательный мальчик, живущий в пятиэтажке напротив школы, без запинки опознал двух гавриков с Поленковской аэрографии. Собствен-

но, в отделение пригласили дедушку, чтобы бывший партизан пролил свет на похождения своего внука в день убийства. Но ветеран бойко сыпал подробностями из осени сорок третьего, а вот о событиях накануне забыл напрочь. Склероз, кхе-кхе, старость поэтому и в радость, что всякого ненужного вокруг уже не замечаешь, или не видишь, или не помнишь. Поэтому одного из дому деда уже не выпускали: спасительным поплавком на границе реального перед ним всегда мельтешил любимый Ванюша, дочкин сын. Это он, издав далеко завидев тот самый автомобиль, бросился к забору, чтобы еще раз с восхищением рассмотреть хромированные клыки отбойника, блестящие серебрим диски и яркую картинку на капоте. Пока дедушка хлопал себя по карманам и беспомощно оглядывался, силясь вспомнить, с чем же он уходил из квартиры и чего теперь не хватает, юркий мальчуган протиснулся через прутья калитки и забрался на капот. Когда от отделения прибежали снимать его с важной улики, дошкольник сразу же огорошил милиционеров парочкой новых.

– А вот эти дяденьки машину угнать хотели, – ребенок доверчиво взял дежурного за руку и подвел к переду машины, – а теперь они здесь на крышке нарисованы. Вот, сами смотрите! – и малыш простодушно пожал плечами над правым крылом, куда умелым мастером был нанесен портрет двух мужчин над каким-то агрегатом. Уже в кабинете Виталия мальчик без тени сомнения подтвердил, что именно эта парочка сидела за машиной первого сентября и наблюдала за школь-

ной линейкой. Дедуля этот факт подтвердить или опровергнуть не мог, поэтому стар и млад были отправлены уставшим от нестандартных свидетелей Катаниным восвояси.

В этих же мужчинах Нина Васильевна Попова признала своих родственников, которые до последнего дня проживали в ее, то есть на самом деле ее, а только по какой-то нелепой ошибке невесткиной квартире. По странному совпадению гости съехали в день трагедии, и уже три дня Настину свекровь стесняли только молодые супруги. Кому именно и в какой степени погорельцы доводились родней, бабка пояснить затруднялась, но после долгих размышлений и натягивания нижней губы под нос все-таки сказала, что горемыки имели много общего именно с Настасьей: такие же лишние на их маленькой жилплощади и к тому же вертихвосты, цельными днями где-то шатались.

Мадам Поленко для следствия оказалась сегодня совершенно бесполезной. Мало того, что Клавдия знала о своем муже меньше, чем о снах, которые видел Люцик в прошлом году с четверга на пятницу, так еще выяснилось, что эта яриломанка за двадцать лет брака провела с Леонидом Серафимовичем от силы пару месяцев. Все остальное время директор где-то болтался: вылетал на секретные миссии по спасению человечества и месяцами не выходил на связь; ездил на охоту, рыбалку и составление гербария; участвовал в геологических экспедициях и даже угоне мотоцикла по молодости, которая наступила у него с опозданием, в сорок лет. В

общем, в этом активном образе жизни таилось столько возможностей по части пикантных ситуаций, что Клавины глупые заигрывания с алчностью Господина Рафаэля казались детским утренником.

То, что директор пропал, Катанина больше не удивляло. Станным было только, почему он исчез так поздно, учитывая лихие нравы девяностых и потенциал народов Севера. Эта задержка некоторым образом объясняла и случайное убийство Афонькина: Поленко так кого-то достал, что даже человек в куртке ненавистного директора вызвал у мстителя приступ ярости, за что несчастный Красномордый и попалился повлекшим смерть вредом для здоровья. Мужчины с капота точно могли бы пролить свет на проблемы Леонида Серафимовича по части дружбы и общения, но их и след простыл. Надо было срочно опросить ту прекрасную учительницу со слишком умным для современного педагога лицом. Ну и навестить потомственного мага, который вряд ли откажет следствию в демонстрации своего коронного фокуса: телепортации к месту преступления с последующей ловлей злодея в астральные силки с присосками.

Старший оперуполномоченный потряс головой, сбрасывая хандру по стопроцентной раскрываемости, и сказал товарищу:

– Так, надо сворачивать здесь Армию спасения. Своей работы хватает, а если мы опять будем заниматься психованием, то скоро сможем на равных переписываться с их гума-

ноидом. С этим, как его, трудовиком. – Рыжий с уважением посмотрел на Виталия и закивал. Он тоже настрадался от не знавшего удержу Тихона Гавриловича, сегодня утром подсунувшего им под дверь бандерольку с копиями доносов за истекшие сутки с примечаниями и планом-схемой задержания вредителей. Пухлый конверт, перетянутый бечевкой, напрочь заклинил в щели, и Рыжему пришлось полчаса стоя на карачках расчленять дружеское послание Квазимодыша. Пол отделения теперь ждало выхода на пенсию или хотя бы в отпуск, чтобы не будучи при исполнении как-нибудь случайно встретить трудовика в темном переулке. Исключительно для возврата любезностей, благодарности за письма в вышестоящие инстанции и добровольную помощь следствию по всем делам областной милиции.

Катанин встал, еще раз проверил листочек с адресом целителя и сделал в календаре пометку насчет Насти, хотя он бы и так не забыл с ней свидеться. В этот момент раздался звонок телефона.

– Рабочий день окончен, – Виталий строго погрозил тренькающему аппарату, но все же подошел. – Катанин. А-а, гражданка, зачем же, не надо формальностей, просто Виталий. Мы как раз с коллегой вас вспоминали... Что-о-о?!

Рыжий в нетерпении забежал вокруг опера, стремясь тоже приложить ухо к шокировавшей начальство трубке, но не сумел ладно пристроиться к динамику. Катанин то страшно округлял глаза, то тряс перед веснушчатым носом коллеги

поднятым большим пальцем, но ничегошеньки не говорил. Наконец, голос на той стороне стих и Виталий брякнул телефон на рычаг.

– Все дороги ведут к семье Поповых. Неужели и правда родственники? – после долгой паузы поделился Катанин с изнывавшим от предвкушения сенсаций Рыжим. – Дуй по адресу, они там вроде нашли орудие убийства. А я прогуляюсь до чародея и к вам.

Старший уполномоченный надел кепку и резво сбежал вниз.

Он точно знал, что тропа охоты за настоящим преступником нашлась.

Глава 23

– Маман, не стоит так убиваться. Вы уже затопили все ошибки молодости, – Назар Никонович участливо поднес венценосной родительнице батистовый платок с монограммой. – "Под толщей вод сокрылся ваш позор", которого, впрочем, и не было. Так, легкий флирт на пленэре. Кто в нежном возрасте не запутывался в чувствах?

– Ах, топ амі, я тронута твоей сыновней преданностью! Увы, даже она не облегчает тяжких укоров собственной совести, – по гладкому мрамору щек госпожи Валорской заскользили прозрачные слезинки. Она украдкой кинула взгляд в огромное зеркало напротив, дабы убедиться, что новый образ скорбящей грешницы в черном от Диор подан достоверно и эстетически безупречно. Маневр не остался незамеченным, и Назар, с полуулыбкой поднеся надушенную ручку баронессы-матери к губам, снова почувствовал себя покойно и уверенно – смерть от раскаяния маменьке не угрожала. Жанна Станиславовна изящным жестом промокнула сияющие влагой глаза, которые выглядели на размер больше обычного из-за умелого макияжа и некоторого испуга хозяйки.

То, что дама была не в себе, ощущалось в сотне мелких деталей ее всегда тщательного продуманного, а теперь же весьма спорного туалета. Глубокое декольте в завитушечных

кружевах хоть и принадлежало ножницам знаменитого парижского кутюрье, но до полудня имело право существовать только в публичных домах на девицах дорогого, но облегченного поведения. Барышням подешевле могли бы принадлежать черные же чулки в мелкую сеточку, а юбке в стиле пинап из каких-то атласных лоскутков была бы рада торговка с загородного базара, разумеется, в свой законный выходной. Горничная, помогавшая хозяйке одеваться к завтраку, даже подумала, что ослышалась, когда хозяйка попросила заказать в Северо-восточной малой гардеробной меховую накидку из шкур диких зверей саванны, которую Берин-старший невзлюбил за рябь в глазах. Женщина никогда о ней не вспоминала, но тут, сославшись на озноб и некие дуновения из прошлого, поежилась под удивленным взглядом прислуги и резким голосом приказала поторапливаться. Занятный ансамбль просто в масть дополнило авторское ожерелье какого-то новомодного дизайнера, из тех, кто считали необходимым запрятать всякую красоту изделия в его невидимую часть, выставив наружу швы, необработанный металл и прочий мусор. На необычайной белизны шее баронессы украшение смотрелось баннным набором, где кусочки черной пемзы для ног не совсем удачно были сплетены нитками от мочалки и натерты дегтярным мылом. Зато бриллиантовые перстни в духе Светлейшего князя Меншикова слепили глаза даже тем, кто видел их блеск за добрую сотню метров.

В общем, и случайному наблюдателю было бы ясно, что

женщина пребывает в страшном смятении и не отдает себе отчета в своих поступках. Домашние, имея счастье наблюдать госпожу Берину постоянно, все как один затаились в предчувствии ужасных событий. Только катастрофы вроде цунами, поглотившей всю Евразию до верхней шишечки Джомолунгмы, или окончательного падения нефtedоллара могли нарушить раз и навсегда заведенный порядок аристократического дома, а, главное, смять его всеильный тотем, его ось и смысл. – божественную Жанну и ее уникальную способность быть во всем правой. На памяти дворецкого, служившего в поместье с самого его основания, ничто и никогда ни на секунду покачнуло хозяйкиной уверенности в том, что она – центр мира и наиредчайшее его украшение.

Слуга ручался по крайней мере за последние тридцать пять лет, хотя в поместье и был введен особый порядок летоисчисления, приблизительно как в черной дыре: время шло вспять и каждый следующий год отминусовывал два предыдущих. Баронесса становилась все моложе и на последнем дне рождения выяснилось, что Назар Никонович уже ее старше. Дни и месяцы вихрем уносились в даль, а Жанна Станиславовна, словно заколдованная принцесса, не менялась ни на йоту: все так же сияли дивные аквамариновые глаза, такой же молодой и беспечной оставалась походка, и морщины избегали появляться на нежном лице, никогда не тронутом заботой. Всегда тонкая и безупречная, всегда свежая, неизменно прекрасная, словно экзотический цветок лотоса

с вечных папирусов, сама казавшаяся вечной Жанна сегодня проснулась обычной женщиной уже даже не средних лет, а вполне себе пенсионеркой, не поспавшей ночью и поевшей накануне вредного.

Вчера, даже не попив обязательного ягодного чая с мятой, баронесса ушла на свою половину в десятом часу вечера. Безуспешно промаявшись на великолепных шелках постели до двух, Жанна отправилась слоняться по дому. Ей впервые открылась его интенсивная, обычно скрытая от хозяйским глаз богатая на события ночная жизнь. Третья смена слуг заканчивала свое дежурство по поместью и сдавала коллегам камины, натертые полы, необозримые витрины с фарфором, хрусталем, эмалью, монетами этрусков и чеканкой ассирийцев, альковы с бесценными гобеленами, парадные залы и кладовки, апельсиновую рассаду и персидские ковры, сплетни с гостевого домика и Монплезира на озере, где опять не без участия Назара нашлась некая русалка, уже излечившаяся от рыбного прошлого. Все вокруг вертелось, вытряхивалось, чистилось и полировалось, и так без конца Призрак хозяйки в молочной пене пеньюара легко скользил по анфиладам комнат и лестничным пролетам, пугая ночную прислугу, прежде никогда не встречавших саму Валорскую. Для них она была легендой, только лицом с одного из портретов в Геральдической комнате, где великий художник Никон Берин хранил все свои награды и даже ордена, а Жанна развешивала портреты предков, всех, как один, писанных с

нее, ибо другой природы не имелось. Поэтому и работники, и гости, и даже члены семьи иногда изрядно путались, выискивая, который из них принадлежит самой хозяйке, а какой ее двоюродному дедушке.

Баронесса шла и шла, натываясь на слуг, сражавшихся с пылью, временем и экологией в борьбе за чистоту в ее бескрайних хоромы. Зал за залом открывал золоченые, янтарные, инкрустированные двери навстречу своей хозяйке, все дальше уводя ее от центральных покоев, где мерно гудел никогда не спящий улей исправного хозяйства. На душе у совершенной супруги великого художника Никона Берина впервые было беспокойно. Настолько, что она даже вспомнила свою пламенную юность, в которой та, какая-то чужая Жанна получила диплом торгового техникума. Значит, если нынешний мир рухнет, баронесса всегда сможет устроиться кладовщицей или, там, кассиршей в продмаг, чтобы не умереть с голоду. А то, что мир находится под вопросом, у урожденной Валорской сомнений не вызывало.

На горизонте опять всплыл этот обманщик и лицемер, этот злой гений Жанниной молодости, якобы летчик-испытатель и даже в чем-то каскадер, а на поверку простой ловец Ленка Поленко. Всплыл и болтался теперь, как кусок органических удобрений в прудике у свинофермы: без пользы, зато задиристо хлюпая зловонными пузырями. Еще каких-то тридцать лет назад госпожа Валорская совсем иначе представляла его дальнейшую судьбу. Интуиция и жажда

места рисовали картины одну отраднее другой. То в сводках криминальных новостей деревянный ведущий в форме рассказывает о роковой неудаче престарелого альфонса, чей увядший профессионализм разочаровал жертву настолько, что она сдала его с поличным. Предварительно раз сорок случайно задев ножницами и все насквозь. В коротком сюжете тут же показывают коварного обманщика. Конечно же, в склоненной голове и прочих слегка рваных фрагментах баронесса сразу же узнает Леонида Серафимовича. Телезрители тщательно запоминают его особые приметы. Дворовые мальчишки гогочут ему вслед, а благородные сэры плюют в сторону Поленко при встрече, вычисляя нечестивца в очередях и темных утробах кинотеатров. Женщины, естественно, обходят его стороной, будто прогрессивного паралитика. Ленька вынужден жаться по подворотням, подбирать окурки и просить милостыню.

То госпожа Берина, проезжая в открытом автомобиле спортивной модели, бросает взгляд на поля, где адски трудятся пожизненно приговоренные к исправительным работам. В одном из наиболее оборванных и чахлах людишек в полосатой робе она с удивлением ловит что-то знакомое, но давно позабытое. Несчастный поднимает глаза и падает на колени, не то от внезапного потрясения, не от того, что кандалы натерли. Он тянет изъеденные мозолями руки к прекрасной нимфе и шепчет ей вслед:

– Жанна, это я! Прости меня, о, прекраснейшая, и тогда

даже презренная юдоль каторжника будет раем.

Но заключенному не удастся присоединиться к Адаму и увидеть рай еще при жизни, потому как прекрасная баронесса только беспокойно крутит головой, не понимая, откуда доносится это утробное бульканье. Наконец, она ободряюще, но в то же время с назиданием, улыбается полосатому и дает ему шиллинг. Если верить Диккенсу, шиллинг для таких как он всегда был самой желанной наградой. Открытый автомобиль исчезает в пыли автострады, а Леонид в полнейшем недоумении остается наедине с бесполезной монетой и бичами совести. На следующей заправке госпожа Валорская узнает, что один арестант с плантаций покончил с собой, проглотив крупную монету. Все удивляются такому транжирству, и только задумчивая красавица с аквамариновыми глазами молча ковыряет зонтиком землю. Где-то там внизу, в черном Тартаре, готовят сейчас сковородку для ее обидчика и плохого человека Лени. Не очень горячую, потому как он раскаялся и искупил вину работой на благо, ну, на благо сельского хозяйства, допустим. Для селян все время придумывают всякие льготы.

В крайнем случае, Леонид Серафимович имел право умереть от геморроя или стать участником Дома-2. В общем, подошло бы что-то позорное и нелепое, такое же, как и все существование этого беспринципного, но весьма плоского авантюриста. То, каким фейерверком он ворвался в Жаннину реальность сейчас, ни в какие ворота не лезло! И этот хам

посмел угрожать ее сыну, ее светочу естествознания, плоти от плоти великого Берина! Кто же помог ему занять место директора и не было ли в том злого умысла против ее аристократического счастья?

Четыре дня назад, когда Назар Никонович обрушил мир их дома неожиданным признанием, баронесса немедленно причислила себя к лику воинов-освободителей. Прочие регалии и так уже с трудом умещались в пространстве ее наполненных заботами дней: мать матерей, защитница обездоленных иногородних депутатов, утешительница серых кардиналов и укрывательница подпольщиков-миллионеров, теперь она должна была стать победоносией в борьбе с пороком. То, что Леонид Серафимович был их ходячей энциклопедией и даже самоучителем, женщина знала из собственной бурной молодости. Сейчас Жанне вспомнились события того вечера:

– Шевелись, Назар! – женщина в развевающихся боевыми знаменами шелках летела по коридору. Запыхавшийся сынок уже отставал примерно на два корпуса, и недовольная маменька бросала через плечо короткие команды поторапливаться. Несъеденный ужин еще больше раззадорил возбужденную женщину: одна мысль о нетронутых трюфелях и марципане делала ее худой, а, значит, и злой. Зато вовремя приконченная бутылочка шампанского горячим гейзером бурлила в жилах, вырываясь наружу фонтаном не вполне соответствующих вдове Клико оскорблений в адрес не к

ночи помянутого Поленки.

Наконец, она ворвалась в свой будуар и замерла у дверей в ожидании сына, сошедшего с дистанции где-то в районе седьмой южной библиотеки. Через долгих десять минут согнувшийся пополам от интенсивной рысцы Назар ввалился в маменькины покои и рухнул на козетку, которая тут же отозвалась придавленным померанцем. Жанна отмахнулась от скулящего шпица и подошла к туалетному столику, на котором теснились хрустальные бутылочки с драгоценными ароматами. Назар давно покушался на чудное собрание эссенций и редких цветочных масел, разумеется, только для нужд науки и техники употребления, но баронесса прежде никогда не допускала его лицезреть ее коллекцию воочию. Теперь же и без того потрясенный наследник, затаив дыхание, рассматривал вожделенные реактивы.

Госпожа Берина прошла по разгоряченному лицу пуховкой и резко повернулась к сыну:

– Я должна тебе кое-что сказать, мой мальчик. Возможно, это признание тебя шокирует, но тридцать пять лет назад я уже была молода.

Назар с сочувствием посмотрел на мать. Его, лучшего студента химического факультета, трудно было удивить законами природы, скорее, он уже добрый десяток лет недоумевал, как его родительнице удается с ними не соприкасаться. Но даже в этих особенных обстоятельствах учитель оставался почтительным сыном. Напустив на себя вид китайского бол-

ванчика, он взволнованно переспросил:

– Как же, маменька? Неужели тридцать пять лет назад вы вообще были? Ведь мне двадцать девять, а я выгляжу вдвое старше вас! Полноте, вы смеетесь над вашим доверчивым визави. Признаётесь, и не будем говорить об этой несуразнице.

– Ах, льстец! – довольная баронесса шутя погрозила золотому мальчику пуховкой и еще раз внимательно посмотрелась в роскошное зеркало напротив. Улыбнувшись своему отражению, она слегка освежила виски маслом пачули и подошла к Назару. – Все же, mon cher, тебе придется в это поверить: за внешностью юной девушки скрывается долгая жизнь и богатый опыт. Я много страдала, мой сын, и пришло время приоткрыть для тебя завесу над прошлым. В нем, как чувствует мое израненное сердце, кроются причины настоящего.

Химик был неприятно поражен этим перлом логики. Всем известно: когда красивая женщина начинает задумываться о смысле жизни, случаются Троянские войны и изобретение радия, что тоже не обещает спокойствия. Теперь он с трепетом прикидывал, о каких великих тайнах собирается полночи разливать его дорогая Маман. Учитывая, что ее откровения обещали пролить свет на кадровую политику Района, он ожидал леденящий душу историй о прорехах в бюджете, в которые случайно высыпалось что-то по мелочи, а потом засыпалось обратно, только с другой стороны и в подклад-

ку. Такие нехитрые приемы чиновников-портняжек нередко приводили к внезапным назначениям и снятиям, но слушать об этой чехарде у кормушек не хотелось. С другой стороны химик торжественно обещал коллективу узнать, откуда же взялся их новый начальник, и по всему выходило, что унылую административную исповедь придется выслушать до конца и от начала. Назар Никонович поправил бабочку и приготовился внимать.

То, что рассказала ему баронесса, растрепало не только галстук, но и нервы Берина-младшего. Спустя каких-то полчаса он погрузился в мир бушующих страстей, будней военной авиации и трудностей с заселением в один номер в эру предразвитого социализма. Последние, кстати, обернулись счастьем для пораженного молодого человека: благодаря советскому облику морале он появился на свет в подходящих обстоятельствах, то есть в законном и удачном браке. Но для его царственной мамули путь наверх оказался тернист и долг.

Где-то между войной и Олимпиадой красавица Жанна начала свою блистательную карьеру с фабричной нищеты и копоты, которые позже трактовались ею как благородный налет старины и скромность аристократов в изгнании. Подобно многим амбициозным девицам ее возраста, прекрасная брюнетка знала один способ подняться к звездам: хорошенечко под них упасть. Но, если верхом мечтаний для ее подружек попроще был офицер-подводник или младший лей-

тенант из немецких частей, то ослепительная Жанна не соглашалась на чины ниже генеральских. Как известно, молодые и неженатые генералы перевелись еще при Наполеоне, поэтому без неудачных падений не обошлось. Можно даже сказать, удачных среди них вовсе не было.

На счастье, пытливой барышне, тянущейся к большим горизонтам, в минуту душевной невзгоды попалась книга о выдающемся американском изобретателе Генри Форде. Третьи этот гений конвейеров разорился дотла, не имея средств даже на биг-мак без кетчупа, зато на последней попытке, вложив в нее всю злость от прошлых промашек, настырный деловой человек сорвал банк и стал всемирно известен, богат и уважаем. Вдохновленная Жанна сравнила свои убытки со страданиями Генри, которому после очередного фиаско приходилось лет пять-шесть выслушивать попреки от жены, и сначала копить ей на колечко, а уже потом на автомобильный завод. Сравнение однозначно было в ее пользу, так как ее благо даже от неправильного использования не сокращалось. Простительное заблуждение – по крайней мере, и людям поумнее в двадцать лет казалось, что их молодость вечна.

В этот момент в сложный пасьянс Жанниной жизни впервые вплелся не то дурак, не то джокер – есть разные трактовки таких персонажей – легчик-испытатель с рыбьими глазами. Судьбоносная встреча подстерегла ее на аэродроме, где немного взволнованная девушка ожидала вылета в Анадырь.

Город на самом краю Земли был выбран не случайно, а с великим умыслом заарканить крупного золотодобытчика или короля контрафакта из моржовой кости. Недавно на станции Жанна познакомилась с развеселыми поварами, едущими с полугодовой вахты на Дальнем Востоке и прожигающими теперь здоровье и накопления по дороге домой, в хлебосольную Малороссию. Окосевшие от плюсовых температур бабоньки вмиг признали в начинающей авантюристке родственную душу и полушепотом, с хохотком и подмигиваниями, поведали ей о скрытом от глаз местечковых клуш истинном раю, заповеднике суровых и богатых мужчин за краем света.

В крошечном северном городке, богатым на промысловую рыбу, чукчей и золотой песок не хватало только одного: женщин. Те редкие кадры, которые заносила туда жажда приключений или пограничная служба, ценились на вес палладия и разлетались с рынка невест как горячие пирожки. В этом заколдованном месте икра стоила дешевле кефира, бакланы срывали из-под окон неопытных командировочных замороженную курицу, а в магазин можно было съездить на оленях. Там запах золота просто ел глаза, а шкуркой соболя автомобилисты победнее протирали лобовое стекло своих украшенных самоцветами УАЗиков. Нимфа, подобная Жанне, не успела бы сойти с самолета, а вместо трапа к ней под ноги уже бы упал штабель анадырских воротил с предложением руки и сердца. Ей оставалось только дождаться лета,

когда температура поднимется хотя бы до плюс тринадцати и можно будет одеть платье, чтобы сразу показать товар лицом.

Пришел июль и барышня засобиралась в дорогу. В это же время из точки Б навстречу ей устремился другой объект и столкновение их было предопределено. Подобно двум бильярдным шарам, раскиданным по разным углам "американки", они должны были стукнуться и высечь искру, чтобы игра сложилась в победный финал. Под воздействием умелого удара судьбы совершенно не знакомых мужчину и женщину вдруг понесло друг на друга, дабы навсегда изменить траекторию каждого из них и оставить четкие сколы на их литых холодных душах. В столичном аэропорту два энергичных вектора скрестились в пространстве: девица Валорская зацепилась о вытянутые ноги человека в синей форме с крылышками.

Собственно зацепилась она только взглядом, которого было достаточно, чтобы посмотреть выше и заметить приятную глазу композицию из золотых нашивок, полосочек, значков и прочей звездной атрибутики. И здесь Жанна, не знакомая с порядками в авиации, дала маху – не разобравшись в знаках отличия, она присвоила человеку в форме звание, прямо противоположное его текущему положению младшего офицера. Одна нашивка на лацкане не дает права даже моргать в присутствии командира с четырьмя полосками, не то, что приближаться к самолету, но наивная девушка посчитала

широкую одинокую ленту аналогом крупной и единственной генеральской звезды на погоне. Мило, но неумно, за что и пострадала.

Назар Никонович ушам своим не верил, когда маменька, этот эталон расчетливости, неутомимый борец за классовые предрассудки, у которого свербит в носу, если собеседник является академиком только в третьем, а не в пятом колене, призналась ему, как полгода верила рассказам альфонса на доверии, готовила себя в генеральши от авиации, а пока сдавала в скупку нажитое за прошлые попытки устроиться. Естественно, только потому, что ее самый молодой на территории Советского Союза генерал откладывал всю зарплату и особенно незарплату на постройку ко дню их с Жанной бракосочетания точной копии Воронцовского дворца, только в Гаграх и в пропорции 2:1. Размеры оригинала были малы его званию и широте любви к единственной и неповторимой. Жених начал скучнеть, когда у Валорской совершенно закончились деньги и уже немножко заканчивалась первая молодость: на днях ей должен был исполниться двадцать один год. Собственно, именно на свой день рождения она ждала оглашения даты их свадьбы, а дождалась только участкового, который мягко пожурил ее за тунеядство и пообещал помочь с трудоустройством хоть в Анадыре, хоть в Нижнем Тагиле, если Жанна не исправиться.

Жених же постоянно менял место службы, Родина нуждалась в нем по всем географическим направлениям. После

Дальнего Востока он вдруг оказался в Сибири, потом в Бухаре, потом немножко послужил в Мурманске, а последнюю весточку с просьбой перевести деньги Жанна получила из Таганрога. Именно там Леня нашел какой-то необыкновенный мрамор, из которого собирался высечь бюст возлюбленной и водрузить его на козырек их дворцового подъезда. До этого свадьба и воссоединение влюбленных было совершенно невозможным, ибо генерал Поленко не довольствовался малым.

Поскольку по месту жительства к Жанне накопилось слишком много вопросов, она решила, что с милым рай и в недостроенных хоробах, и на последние средства сама отправилась в любимый южный город Антона Павловича Чехова. Результат поездки соперничал краткостью и силой с лучшими сюжетами великого писателя: там Жанна стала почетным делегатом съезда разгневанных южных невест лже-летчика. Другие отделения этого исключительно женского сообщества слали товаркам приветственные телеграммы и рапортовали об увеличении поголовья на рекордные пятьдесят процентов, и это не считая неучтенных невест-одиночек. К сожалению, свободных мест в их профсоюзном общежитии не было еще с позапрошлого года. Убитой горем и безденежьем Жанне пришлось идти с одной из новых подружек ночевать в каптёрку гостиницы "Интурист", где последняя работала специалистом. Слегка протрезвев от любовного наваждения под шум котлов и водочку, в те времена заменявшую

журнал "Harpers Bazaar" и капучино модным девушкам, Валорская с ужасом осознала глубины своего падения. Поплакав над горой угля и как следует перемазавшись, несчастная страдаллица, завернувшись в валяющуюся телогрейку против разбившего ее озноба, выползла на солнышко и подставила прекрасное заплаканное лицо задам гостиницы.

Тут из окна номера ее и заметил уже второй день скучавший в этом пыльном краю великий художник и преданный сын своей отчизны Никон Берин. Контраст между замызганным, грубым ватником и тонким классическим профилем девушки из народа поразил мужчину до самых глубин его тонкой природы, а когда прямо на него взглянули невозможного цвета огромные ясные глаза, он спешно схватил свой паспорт и выбежал из номера.

Скатившись по гранитным пролетам, он прорвался через служебный вход на задворки гостиницы, развернул замершую в каком-то амоке незнакомку за плечи лицом к себе, и, убедившись в его абсолютной, неземной красоте, крепко поцеловал девицу в сахарные уста. Как порядочный человек, к вечеру оригинальный молодец был женат.

Следующий год Жанна провела как во сне: бесконечное, пылкое обожание супруга сгладило все острые углы ее характера. Цветы, подарки, поездки, курорты, вкусная еда, заграничные сувениры и сама глубоко капиталистическая заграница оздоровили ее слегка попортившийся организм и смогли напитать его всем необходимым для рождения крепкого и

пухлого мальчугана. Никон был вне себя от счастья, но окончательно нырнул в работу, чтобы обеспечить своих дорогих всем, чего душа не пожелает.

Вот тут-то проходимец Поленко и появился в Жанниной жизни еще раз. Мельком, украдкой, но в момент спустив женщину с небес в самую пропасть. Как-то, прогуливаясь по Ботаническому саду с маленьким Назарчиком, госпожа Берина услышала из-за спины противное треньканье и свист. Обернувшись, она не поверила своим глазам: прямо по гравийной дорожке павлином вышагивал Леня с какой-то деревенской девкой под мышкой. Поравнявшись с молодой мамашей, мужчина неумело состроил козу ребенку в колясочке, потом долгим мутным взглядом смерил парализованную Жанну и, противно растягивая слова, сказал своей спутнице:

– Смотри, Клавк, пацан на меня похож. И чего только не бывает! – и, сплюнув под ноги, зашагал со своим колобком дальше. Жанна стояла ни жива, ни мертва, вспоминая всякие ненаучные теории о следе, который бывшие партнеры оставляют на дальнейшем потомстве честной женщины.

Но больше Леонид Серафимович не давал о себе знать. Пока каким-то непостижимым образом, словно размалеванный и страшный клоун из детской хлопушки, не выстрелил на школьном педсовете. К чему это все приведет, Жанна не знала.

А Назар вдруг ясно почувствовал, что Поленко вернется. К ним вернется.

Глава 24

– Да-а-а, – протянул Рыжий, – а не так уж и болен ваш Тихон Гаврилович... Либо болен, но не он один. Что он там все время лопочет про мировой заговор масонов? Вот, пожалуйста, полюбуйтесь! – и молодой человек широко обвел Настину кухню, оттопыренным мизинцем тыкая в новые доказательства по делу. Притихшая чета Поповых боязливо виноватилась в сторонке, зато Нина Васильевна, ретивая, как охотничий сеттер с неутоленными инстинктами, тут же бросилась за пальцем опера.

– Какие такие муссоны, миленький? – старушка скривила алые губы, за которыми показались белоснежные клыки в кровавых мазках помады. Рыжий вздрогнул, но устоял – все-таки милиция. А Попова-старшая наступала на него пылко и с задором, будто и не было изматывающей дороги из отделения и тяжелого трудового дня. – Здесь отродясь ничего сложнее жареной картошки не делалось, – Нина Васильевна завелась ни на шутку и теперь отрывисто лаяла на опера, – скажите спасибо педагогическому техникуму, или какие там курсы заканчивают учителя русского? Другие-то его без учебы знают. Опосля того техникума руки к другому месту прирастают, да, Настасьюшка? Мы ж интеллигенция, белошвейки-инженю. Так что ни муссонов, ни суффлеев не найдете, и не надейтесь даже.

Рыжий, наверное, вознес умиряющую молитву какому-то милицейскому святому, потому что вдруг отвернулся в сторону и скороговоркой выпустил пару ласковых. После чего совершенно спокойно и сдержанно посмотрел на старушку и ележным голосом обратился к молодым:

– Ну да, и искать не буду. Они сами в глаза лезут, масонские прибабасы. Птицы с одним глазом, жезлы, цифры подозрительные... Вы, кстати, до сих пор не удивлялись, почему все вертится вокруг вашего дома? Если по Тихону, то ось мирового зла здесь и проходит! Я, честно говоря, когда вашу маму впервые увидел, так сразу и понял.

Настя укоризненно посмотрела на милиционера, но тот неожиданно присел к чему-то на полу и укор просвистел над его головой, не задев. Чувствовалось, что бабуля Рыжего немного утомила. Во время досмотра квартиры опер уже несколько раз намекал на перебор Нины Васильевны в его жизни и даже выразил надежду скоро отъехать в санаторий на Клязьме для поправки здоровья, подходящего к финишу. Когда же пенсионерка отлучилась в ванную, простодушный Костик предложил спасти сразу все человечество: отдать санаторий под мамулю, персонал распустить, а ключи закинуть далеко в реку. Так, глядишь, пока она оттуда выбирается, в мире научатся восстанавливать нервные клетки. В молодом физике милиционер тут же признал родственную душу, большое будущее и смотрел на него как на друга.

А вот листок с желтым зябликом оперу не понравился сра-

зу. Сначала он долго вертел бумажку в руках, смотрел на свет, скреб пернатое пальцем и в конце концов со вздохом передал ее подошедшему эксперту. В каракулях нестандартного трудовика было нечто такое, что напоминало далеко не сентиментальному милиционеру о скорби домов умалишенных и наводило тень на его открытый, честный лоб. Разобрать написанное в целом было можно: Тихон по обыкновению творил в мемуарном стиле, где центр мироздания заключался в нем лично, а все сущее вокруг вертелось и плясало благодаря и во славу его, великого. Попутно, конечно, строя козни выдающемуся гению-изобретателю и Благодетелю человечества. Поэтому слово "Я" составляло примерно половину текста, остальное же легко додумывалось.

В целом выходило, что трудовик что-то видел, разоблачал и ожидал последствий, причем случилось это буквально на днях: на животе птички нервными крючками был выведен номер страницы, 179. Среди вещдоков следствия имелся незабвенный "Аналдоз для ЛеСеПока", где аналогичный зяблик носил метку "178", а повествование обрывалось на педсовете. Значит, следующая страница могла пролить след на события, произошедшие в день убийства или даже непосредственно в его момент, с этого блаженного и не такое станется. А кроме того, в переплетении червячков Тихоновского письма эксперту вдруг увиделась фамилия Афонькина. Рыжий понял, что следствие вдруг выскочило на верный путь после бурелома кривых свидетельств мадам Поленко и

школьных учителей.

– Интересно девки пляшут... – он зашагал по кухне, вытягивая носок старых туфель из сверхпрочного композитного материала: белорусской кожи, пропитанной солью, жирной грязью старого города и мастикой из коридоров отделения. Шнурки навеки слиплись с основанием и не обременили хозяина ежеутренним вязанием, а обувался Рыжий хитрым вывертом стопы, ныряя в твердую, тонкую, как морская раковина, оболочку ботинка. Иногда, после особо трудных задержаний в суглинке окраин, с башмака отпочковывался его полный слепок, который тут же можно было использовать по назначению: одевай и беги. От оригинала эта нерукотворная обувь отличалась только отсутствием скрипа в подошве.

Сейчас производственно-обувной процесс как раз был в стадии зарождения новой жизни. Настя с тревогой смотрела на мощные землистые глыбы, которые должны были вот-вот отколоться с туфель милиционера. На ее переносице зазмеились морщинки напряжения, потому как одно дело – шикать на Костика, чтобы он переодевал тапки еще за дверью, потому что пол только помыли, а совсем другое – выдать незнакомому симпатичному мужчине изнанку своего характера и оборвать его рабочий азарт замечанием. Еще неизвестно, положено ли милиции снимать обувь при исполнении? А, может, у них, как у местного участкового врача, только одни носки и их надо беречь, или, наоборот, пара, которую не убе-

регли и она теперь сияет россыпью дырочек? Не хотелось бы поставить опера в неловкое положение, обнажив недостатки его гардероба.

Пока девушка мучилась этой неразрешимой дилеммой, Рыжий с экспертом осматривали пол в поисках любых следов внезапно исчезнувших погорельцев. Будучи опытным сотрудником органов, опер интуитивно чувствовал беспокойство, исходящее от свидетеля, и игра эмоций на Настинном милостивом лице не осталась незамеченной.

– Вы что-то знаете, – молодой человек вдруг вскочил и в упор посмотрел на учительницу. Для пушного эффекта он интенсивно кивал головой, как прожженный коробейник, предлагающий неведомую, но чертовски нужную штуку, типа чеснокодавки с насадкой для бритья, зато в рассрочку. Если Настя и подумывала скрыть важные для следствия факты, то после такого приемчика у нее вряд ли должно было остаться на это мужество.

– Вот именно, что-то! А хорошего-то в этом ничего, кроме плохого. И этому плохому она учит детей! – вдруг встрял скрипучий голос свекрови. Это Нина Васильевна, всласть насобачившись с соседями о незакрытом мусоропроводе и влиянии вспышек на Солнце на похудение, освободилась для скромного домашнего междусобойчика. Потеряв нить беседы, старушка впряглась с самым заболевшим. Настя уже набирала в легкие воздуха, наверняка затем, чтобы поблагодарить мамулю за конструктивную критику, но тут пришел на

помощь миротворец Костик.

– Мам, теперь в школе ребят плохому не научишь, – физик приобнял супругу, могучим плечом одновременно тесня родительницу в коридор, – теперь у них для этого есть Интернет, детское шампанское и занятые родители, которым все фиолетово. Вот вопрос, чего могла хвататься от них твоя невестка. И года не прошло, а она уже убийства на дом берет. Дорогая, тебе не лень заниматься внеклассной работой?

– Вообще-то лень, – учительница виновато посмотрела на Рыжего. – Но, если честно, я все-таки, наверное, знаю. Вернее, не это знаю, что то. Но то, что знаю, это плохо, сами знаете кому.

Костик с изумлением взглянул в одухотворенное загадочным признанием Настино лицо. Прежде ему никогда не приходило в голову, что преподаватель русской словесности может так изящно выражаться. Молодой ученый решил взять новый стиль на заметку: очень подойдет для выступлений на кафедре и преподавательской работы в принципе, ведь некоторые особо сложные явления физики по-другому не объяснишь. А Настю можно смело подключать к написанию диссертации – в конце концов, свежая мысль у Костика только одна, а размазать ее надо на двести страниц.

Милиционер тоже выглядел озадаченным. Свидетель явно вспомнил нечто очень важное, что либо переведет его в разряд подозреваемых, а там, дай Бог, и подсудимых, либо

просто прольет свет на обстоятельства дела. Но наученный горьким опытом общения с дамочками, Рыжий не торопился с выводами. Напротив, он был готов запросто предположить, что все эти таинственные намеки означают только стрелку на девушкиных колготках, которую надо немедленно зафиксировать лаком в тишине ванной, или забытый в духовке пирог, причем духовка находится у подруги и теперь надо лететь сломя голову на трамвай, чтобы успеть до прихода подругиною мужа, так как это-большой сюрприз. Потому опер не торопясь достал свой блокнот и скучающим голосом заинтересовался:

– Поподробней, гражданка. Кому плохо, и что вы об этом знаете. Кстати, для знания еще одно: если плохо, и вы знаете, но не сообщаете, то становитесь соучастником. Так и знайте. Что то, что это, плохо все.

Настя как будто невзначай потрогала себе лоб и с облегчением почувствовала, что жара нет. С другой стороны, при отсутствии лихорадки выходило еще хуже: сорокоградусного бреда быть не может, а когда не понимаешь, что тебе говорят, без температуры, это, кажется, называется галлюцинации. А, поскольку она не пьет, разве что на праздники и исключительно хорошее красное вино, то безобидной для русского человека белой горячкой здесь тоже не обойдешься. В том, что сказал этот симпатичный милиционер, смысл определенно был. В каждом отдельном слове. А вот целиком оно слышалось абсолютной белибердой, причем недружелюбно-

го характера. Что-то там про соучастие, что должно закончиться для учительницы весьма и весьма неважно. Украдкой взглянув на Костика, девушка еще больше расстроилась: тот не выражал никакого беспокойства по поводу странной беседы и радостно перемигивался с Рыжим, кивая на супругу. Значит, проблема точно в ней, в Насте. Видимо, усталость накопилась, надо поменьше брать частных уроков и побольше ратовать за дистанционное обучение. А сейчас стоит попробовать как-то деликатно скрыть неполадки с восприятием и поговорить с милицией на ее языке.

– Да, полностью с вами согласна! – девушка выпрямила спину и сделала ответственное лицо, как на открытых уроках с участием спонсоров. – Все плохо. Даже страшно представить, куда мы катимся. Из-за того, что вы сказали.

– Вы меня к своему преступлению не примазываете! – попятился Рыжий. – Я и так в нем по самые уши. Торчит только голая...эта...п-правда, и все меня за нее дергают, вот старший оперуполномоченный Катанин вообще обещал, что он ее взгрет. Если к вечеру результата не будет.

– Да уж, вон оно как милиция нынче работает! Если не найдут преступника настоящего, то правду погреют, на пальцы поплюют и на тебе, страдай невинный человек, – из коридора донесся комментарий Нины Васильевны. Как всегда она была каждому разговору затычка. Рыжий даже не поморщился, свидетелей не выбирают. Зато эксперт сразу же взвился:

– Благодаря вам, подстрекателям, царя убили, страна войну проиграла, а лучшие офицеры теснились на Галлиполи! – проворчал он. – Приличная женщина, а зубы нацепила, как у Бобби Брауна. Вы милицию не трогайте, и она вас не тронет, – мужчина недовольно потряс черным пакетиком с вещдоком и угрожающе высморкался в огромный платок. Настя уже в который раз робко протягивала руку к Рыжему, стремясь обратить на себя его внимание, но тут снова вступил Костик:

– Брейк, уважаемые! Провокаторов во все времена на кусочки разрывала возмущенная общественность. Или они спокойно сами вешались в Озерках, на природе – так спокойнее. Короче, награда всегда найдет своих героев. Но мы же собрались не за этим!

– Гражданин милиционер! – наконец-то учительница смогла вставить словечко и, завладев инициативой, сразу же перешла к делу. – Про войну позже поговорите. Важно другое. Убийца был здесь!

Присутствующие разом повернулись к девушке. Настя, зардевшись от внезапного внимания аудитории, подошла к столу и поманила за собой Рыжего.

– Вот смотрите, что получается. Когда у нас гостили наши погорельцы, стол мы сложили в коридор и его здесь не было. Мебель собрал Костик уже после их отъезда, что само по себе удивительно, ведь елку после Нового года Костик не собрал до сих пор. Вон она, в углу стоит, – все разом посмот-

рели в угол, где действительно имелась некая композиция из сушеных веток, ваты и блестящих фантиков от конфет.

– Это инсталляция, – стал оправдываться физик. – Авангардное искусство. Не терпит суеты. Не разбираю, потому что мечтаю осмыслить современные веяния.

Настя поджала губы и оценивающе посмотрела на Рыжего. Видно было, что, если милиционер проявит должное осуждение лени Костика, в следующий раз замуж девушка уже может выйти за него. Опер, однако, проявил мужскую солидарность и сказал, что этот нео-арт действительно нуждается в привыкании к его загибам, и елку еще на пару лет можно оставить. Настя только махнула рукой и подошла к эксперту.

– Вы, кажется, умный человек. В отличие от всяких недорослей с извращенной эстетикой, – польщенный сотрудник даже подтянул живот и дал себе зарок бриться чаще. Никогда ведь не знаешь, когда тебе улыбнется судьба. Молодая женщина ободрительно улыбнулась, придвинулась поближе и камерным голосом продолжила:

– Так вот, сами посудите. Стола там не было, зато имелся целый шатер из их пожитков. Они вечно носки на батарее сушили, на кухне даже сделался особый микроклимат. Впору редкие бактерии без инкубатора разводить, – все присутствующие разом потянули носом и вмиг услышали отголоски портяночных ароматов. Стол для приема пищи с ними явно не сочетался. Довольная произведенным эффектом

Настя продолжала:

– Вот именно! На столе они записку оставить не могли, потому что стола в кухне не стояло. Он был сложен прямо перед дверью из квартиры, в повороте коридора. Я еще на него сумки всегда клала, очень удобно. Видимо, и они тоже поставили, их бумажка вглубь и провалилась, застряла между столешницами. Я эту записку в первый раз вижу, если вы меня подозреваете. К тому же разобрать, что на ней, все равно не могу. А красть ее из-за желтой птички... Может, нам ее специально подкинули? Понятное дело, стол имел все шансы трухлявиться в коридоре до второго пришествия, ну или до конца диссертации, что еще дальше. Подкинули, а потом вызвали бы следствие. Меня бы арестовали.

– За кражу писчебумажной продукции? – уточнил Костик. – Или за покушение на целостность этого вашего "Аналдоза"? Так за это премию должны давать, как в Средние Века за борьбу с ересью.

– Согласен, – Рыжий глубокомысленно посмотрел на Настю. – В принципе, пока содержимое не расшифровали, мотив похищения клочка и его обнаружения в вашей квартире не ясны. А почему вы решили, что убийца здесь был? В конце концов, тетрадь Тихона пока официально к этому преступлению не причастна. У нее своих врагов хватает.

За время дискуссии Нина Васильевна, сопя и толкаясь острыми плечиками, вывернулась из коридора в самую середину собрания. Накопив за пятнадцать минут вынужденно-

го простоя полтонны собственного мнения, старушка встала между милиционерами и приготовилась выпустить по ним залп красноречия. Но Рыжий, привыкший работать с таким проблемным населением, напал первым:

– Гражданка Попова, не вы ли подкинули улику своей любимой невестке, чтоб сразу избавиться от всех лишних жильцов? Вы, кажется, и Поленко собирались выселить. Не квартирная ли это афера? – и пока опешившая Нина Васильевна выпучивала глаза, Рыжий обратился к супругам за аргументами:

– а что, очень удобно. Вы бьете покойного Афонькина по голове, не теряясь, тяжелым предметом с цифрами...

– С цифрами? – переспросил Костик и тут же уточнил: – Тупой предмет с цифрами – это могла быть бита.

Опер поднял вверх большой палец.

– Верно смекаете, товарищ ученый. Бита. С номером 22 вверх ногами.

– Такая, как у нас под лестницей? – Настя решила быть прилежной свидетельницей и даже применять дедуктивный метод. Вдруг расследование, сбиваемое с толку репликами Нины Васильевны, опять застопориться. – Бита там есть. На ней, правда, вырезано "55". И написано что-то даже, но мы не смотрели. Там темно.

Коротенькое сообщение имело эффект разорвавшейся бомбы. Рыжий замер, так и не успев стереть с лица поучительного выражения, которое заготовил для лекции о тупых

предметах и последствиях их встречи с черепной коробкой не рассчитанного на такие казусы человека. Короткое воспоминание вдруг пронеслось перед глазами: вот он, еще юноша в курсантской форме, пытается вырезать из ластика штампик с датой, чтобы отослать с ней поздравительный конверт богатой тетке. За окном звенит апрель, день рождения у тетки был в ноябре, и задержку надо объяснить плохой работой почты. Дело спорится. Подобно терпеливому китайцу, два года ковыряющему осколок слоновой кости величиной с семечку, чтобы сделать из нее кораблик с мачтами и матросами, Рыжий не жалеет себя и бритву. Наконец, из под его рук выходит изрытый канавками ластик, и в них четко угадывается надпись: 23.11.85, аккуратно за день до великой даты. Молодой человек капают на стол чернил из ручки, макает в нее ластик и, довольный, шлепает его на конверт. Отжимает самодельную прелесть и в полуобмороке смотрит на результат: на открытке сияет непонятное зазеркалье. Перевернутая двойка впереди, а дальше ряд искривленных цифр. Точка выглядит шикарно. К Рыжему подходит старший товарищ, дает ему дружеский подзатыльник и говорит, что в работу закралась технологическая ошибка: резать надо было то, что видишь сейчас на бумаге, а получаются нормальные вещи. Почему так, он объяснить не может. Мистика. Но правило Рыжий запоминает на всю жизнь.

Загадка биты открылась милиционеру во всей красе. Голова отказывалась поворачиваться на внезапно застывшей

шее, а во рту пересохло. Что неплохо, потому что на языке вертелись выражения, страшно далекие от цензурных. Наконец, сквозь кольцо сведенных от напряжения губ опер просвистел:

– Где вы ее оставили?

Настя, удивленно вскинув брови, замялась на секунду, но быстро взяла себя в руки:

– Мы не оставляли. Она сама там лежит. Ею люк закрыли, прямо под лестницей. Я думаю, это ход в подвал.

Рыжий и эксперт, опережая друга друга, понеслись к выходу, по дороге зацепив старушку и придав ей нужное направление. Ветер от их стремительного бега увлек за собой могучего Костика и любопытную соседку, караулившую у мусопровода, когда же возомнившую о себе Нинку заберет милиция. На лестнице раздался топот многочисленных ног, видимо, лифт им ждать показалось слишком долго. Настя пожалала плечами, аккуратно перенесла в комнату принесенные с работы тетради и отправилась за новостями вниз, к злополучной бите.

Тщательно заперев квартиру на оба замка, девушка прошла по длинному этажу и тоже решила спускаться вниз пешком. "Надо разгонять кровь в малом тазу" – вспомнился совет из популярной передачи про здоровье. Похожая на комсомол и весну ведущая призывала милых дам немедленно начинать ходить, но только не на службу. Потому как сидячий образ жизни очень опасен для женщины. Она может за-

болеть целлюлитом и остаться без мужа. И без денег, потому что целлюлит неизлечим, но между тем требует дорогих и регулярных лекарств. Как разорвать замкнутый круг между офисом, в котором необходимо зарабатывать на то, чтобы победить приобретенную в нем толстоту, в передаче замалчивали. Зрителю предстояло выплывать самому. Вот и Настя быстренько сориентировалась сейчас на нечаянный фитнес.

Учительнице предстояло бодро сбежать с тринадцатого этажа, что было прекрасной тренировкой для сердца и икроножных мышц. Сквозь разбитые окна веяло сентябрьским холодком, который хоть немного заглушал привычный запах нежилого, но часто посещаемого помещения. Лестница, отгороженная от суеты многоквартирного дома лоджиями и двумя парами дверей, служила идеальным местом для свиданий, выгула ленивых собак и, судя по рисунку на полу, даже ленивых людей, курения и вечеринок разбитной молодежи. Для жильцов прогулки по этой тропе здоровья редко бывали добровольными. Чаще на спорт их толкал ДЕЗ, занимавший на работу исключительно лифтеров-философов, верящих, что завтра и само по себе будет лучше, чем вчера, и посему не стоит лезть в него своими грязными руками. В общем, учительница скакала по лестнице в полном одиночестве и не прошло и пяти минут, как она оказалась на первом этаже.

Выбежав в холл перед лифтами, Настя немного постояла, отдышалась, поправила хвостик и тут поняла, что следствие

без нее никуда не продвинулось. Из под лестницы доносились сдавленное сопение, какой-то скрежет и краткая, но содержательная и цветастая ругань эксперта. Свекровь с соседкой стояли чуть поодаль, вытянув шеи и скосив один глаз, как гагары, которых фотографируют на обложку National Geographic. Девушка не стала тратить свои молодые годы на старушек и сразу подошла к Костику.

Богатырь с деловым видом незанятого человека нависал над пыхтящим милиционером и под руку советовал тому еще поднажать. Было видно, что Рыжий очень хотел бы поднажать ему прямо по шее, да рук не хватало. Уже вечность опер тщетно пытался вытащить из железной скобы на люке аккуратную полированную битку.

– Ишь, холера! Намертво стоит, – Рыжий оторвался от деревяшки, выпрямился и встряхнул занемевшими от усилий пальцами. Потом вышел на середину холла и сделал пару энергичных махов, наклонов и замечаний кретину, который попытался скрыть улику таким варварским образом. Пока опер разминался перед очередным раундом схватки с вещдоком, эксперт, встав на четвереньки, старался разобрать надпись, выжженную на бите с тыльной стороны.

– Спасибо за... – морщился эксперт, – мирное небо вроде. Но здесь не видно, кому и за что. Юбилейная, наверное. Зачем же ей люк-то заложили? Что у вас там за лабиринты?

– Наверное, там что-то спрятано, – предположил Костик. – Может быть, сокровища или награбленное добро?

– Награбленное, гражданин, – назидательно отозвался эксперт, – добром не бывает. Да и сомневаюсь, что его бы оставили на произвол ненадежной биты. Скорее всего, там сокрыты следы преступления.

– Следы у нас в морге лежат, – вступил Рыжий. – Так что все вопросы остаются на повестке дня. Как здесь оказалась бита, предположительно участвовавшая в убийстве Афонькина и что она закрывает, следствию пока установить не удалось. Следствие сейчас еще немного отдышится и пойдет дальше.

Эксперт в очередной раз попытался хоть немного сдвинуть спортивный инвентарь, снова потерпел неудачу и от полной безнадеги несколько раз пнул люк ногой.

И тут случилось непредвиденное. С внутренней стороны крышки что-то лязгнуло, заскрежетало, заскрипели петли. В гнезде ручки заходил ходунком бита. Эксперт отпрыгнул в сторону, подумав, что в дело вступил какой-то хитрый механизм и сезам отворится.

Интуиция его не подвела. На глазах у изумленной публики крышка люка откинулась совсем не туда, куда открывал ее Рыжий – не вовнутрь, а наружу. Деревяшка легко выскользнула из гнезда и укатилась под лестницу, а на поверхности показались две головы с парами ошалевших глаз. По мере знакомства с обстановкой глаза светлели, а за головами потянулись туловища. С видом космонавтов, полгода облетающих Марс в тесной ракете, дети подземелья радостно

плюхнулись на грязный пол подъезда.

– Земля! – зашептал один из найденышей.

– И воля! – отозвался другой. Затем повернулся к Насте и нежно проворковал:

– Все ведь закончилось, правда?

Девушка не знала, что и сказать. Похоже, все только начиналось. Перед ней стояли пропавшие погорельцы.

Глава 25

– За материализм в оплате труда! – высокий человек в псевдоготическом гриме чокнулся с Катаниным и припал к колбе с мутной желтоватой жидкостью. Вылакав зелье до дна, странный мужчина на мгновение зажмурился и совершенно трезвым голосом сказал:

– Вообще-то меня Петя зовут. Давай по-простому.

Опер с уважением посмотрел на собеседника. Так держаться на шестидесятиградусной самогонке мог только знаменитый в области гениальный плиточник Николай, который принципиально не пил только два раза в год: двадцать девятого февраля и в мае, чтоб, значит, не маяться. За оставшиеся дни Николай набирался столько опыта, что бутылка водки ему была так, в глаза закапать. Теперь строитель уже вышел на пенсию, жил, то есть квасил безвылазно в своей деревне, и равняться молодому поколению стало не на кого. А оказалось, что дело его живет, и не где-нибудь, а в самом модном магическом салоне города, у Господина Рафаэля.

– Витя. Мама звала меня Винтик, – протянул руку захмелевший Катанин. – Очень приятно.

Чародей с умилением посмотрел на своего нового друга и налил еще по одной. Кто же мог подумать, что под нейлоновым свитером милиционера скрывается такое мужественное и прекрасное сердце? Что в кои-то веки в его оккультные

края забредет человек, который сам предложит помощь, а не попросит извести разлучницу, наказать соперницу и заодно увести у подружки приглянувшегося мужа. Не станет он просить гор золотых, алмазов пламенных и списания кредита, чудесного исчезновения недостачи из бухгалтерских книг, присушки начальника к своим жидким прелестям и отворота давшему в долг соседу, который посмел требовать денежки взад. Больше того, посланец Небес просто войдет и укажет этой вампирше, администраторше Мадлен:

– Гражданка, вы чего в темноте сидите? Убрались бы разок. Вам, наверное, не за такую пылицу деньги платят, – и милый человек указал на паутину и летучих мышей в углах. – Форточку открыть, алоэ-каланхоэ принести – и глаза бы у вас не так бы краснели. Хотя, – мужчина придиричиво оглядел диву в темном балахоне и с кровавым маникюром, – хотя извините, проветриванием не обойдешься. Где ваш директор, как его там?

– Если вы про магистра спектральной магии, экстрасенса и колдуна Верхней Гильдии Сириуса Господина Рафаэля, – капризно протянула администраторша, – то он принимает только по записи и только за деньги. С учетом вашего материального положения, – тут девица встала и перегнулась через стол, чтобы рассмотреть обувь гостя. Увиденное заставило ее крепко задуматься и взяться за календарь. – С его учетом могу поставить вас на март. Лет через десять–пятнадцать. Уложитесь?

– Не уверен, что дождусь, – нерешительно протянул Катанин. – Вас-то возможно. Пойдете как соучастник, а пара годков в колонии–поселении, говорят, очень оздоравливает. Это на сибирском-то воздухе! – администраторша потихоньку оседала обратно, а Виталий продолжал:

– А вашего этого господина мы вряд ли еще увидим. На зоне у них обычно карма портится. – и милиционер подмигнул девице, эффектно распахнув перед ней свое удостоверение. – Зовут-то тебя как?

– Мадлен, – проямлила оккультная барышня. – Оракулом здесь.

– Вот тебя раскорячили, – присвистнул опер. – Еще и с имечком не свезло... Мадлена... Марш дерзких ленинцев, что ли? – молодой человек с сомнением оглядел администраторшу и со вздохом добавил: – Да-а, вот так революция калечит жизни простых людей и даже женщин.

И пока барышня, огламуренная до розового пуха в мозгах, соображала, что это за ругательные слова, Катанин в последний раз погрозил ей бордовой книжечкой и смело двинулся дальше. Повсюду, на его взгляд, клубились метки запустения и крайне затруднительных финансовых обстоятельств все-сильного мага. Паутина шикарной бахромой свисала с темных потолков, света не было – только по углам горели маленькие синенькие шарики, и то, видно, неисправные, так как время от времени заходились искрой. На задрапированных в черное стенах пылились обрывки каких-то то ли карт,

то ли календарей диких народов, по углам висели квелые и безрадостные летучие мыши, в общем, все указывало на то, что хозяевам приходится туго.

Вдруг в конце коридора откинулась портьера и из-за нее выскочила тощая девушка в розовом комбинезоне и с дрожащей собачкой подмышкой. Обесцвеченные вавилоны на голове прелестницы сверкали россыпью страз, на шейке змеился шелковый платок с золотой медузой Горгоной, а все, что находилось ниже, было еще прекрасней. Катанин даже поперхнулся от неожиданности, когда, всмотревшись, понял, что девушке лет шестьдесят. На тщательно растянутой мордочке не имелось ни морщинки, фигура и наряд напоминали о младшей школе, зато влажные в желтоватую сеточку глаза выдавали возраст на все сто. Видно было, что необычная клиентка сеансом прикладной магии довольна чрезвычайно: она хихикала, целовала своего любимца, гладила себя по неправдоподобно персиковым щечкам и даже назло хирургам пыталась улыбнуться. Поравнявшись с Виталием, бабушка вдруг схватила его за плечо, притянула к себе и жарко шепнула прямо в милицейское ухо:

– Господин Рафаэль просто волшебник! Мужчина, вы – мой первый!

Опер, не терявший самообладания при опасных задержаниях, многочасовых допросах и даже тогда, когда его кошка окотилась одиннадцатью котятами, в ужасе замер. Потому-то он и не женился, чтобы ненароком не подцепить та-

кого вот крокодила! Современные женщины стали мастаки по части камуфляжа. Статная рыжеволосая бестия с четвертым размером, отмытая и переодетая в халат, может запросто оказаться почти лысой замухрышкой с навечно запеченным выражением татуированных бровей. В бабкином случае все было относительно без обмана. Старая перечница, изда- лека манившая девичьей осанкой, при близком контакте не оставляла места для иллюзий. Платок приоткрывал кусочек морщинистой шеи, плотный грим кое-где шел трещинками, а в темном киселе глаз читался полувековой опыт, и то после совершеннолетия. Иначе виделся Катанину его первый раз!

– Гражданка! – сглотнув, выдавил из себя Виталий. – Я при исполнении. К тому же такой невинностью типа вашей мужчин пугают, а не завлекают.

– Какая невинность, что вы мелете? – вытянулась девушка-старушка. – Я говорю, вы мой первый встречный! Господин Рафаэль сказал, на него перейдут все мои маленькие недоразумения. Ну, бессонница, склероз. И за это...

– Еще веселее! – опер раздраженно оборвал везучую ба- булю. – Большие недоразумения я даже боюсь себе предста- вить. Или этот шарлатан редисочный, Рафаэль, милостиво перенес их на второго? Тогда бегите скорее, там в приемной сидит одна, дожидается. Ей как раз для смаку не хватает ноч- ного энуреза.

Дама в розовом обиженно суксилась, а ее песик и вовсе попытался тьявкнуть на грубияна. Катанину пришлось строго

глянуть на это недоразумение насекомоводства, и собака тут же проворно юркнула в фонарики хозяйских рукавов. Клиентка мага, фыркнув, поплыла к выходу, но у самого порога обернулась и бросила в удаляющуюся спину опера:

– Хам! Хорошо, что не такому перейдет моя квартира и коллекция мейсоновского фарфора. И склероз!

Теперь уже Катанин в легком волнении повернулся к розовому комбинезону:

– При чем здесь квартира? Не склероз это у вас, уважаемая. Какое-то другое слово есть, когда не соображают.

– А вот и нет, – пропела пенсионерка. – Вот и не угадал! Квартиру я должна завещать тому, кто возьмет на себя мое родовое проклятие и кое-что по мелочи, – Виталий интенсивно заморгал, пытаясь вникнуть в комбинацию, и старушка, поняв его замешательство, охотно пояснила:

– То есть первый встречный забирает склероз и пятна с ауры, а я ему квартиру! И это еще недорого получается!

Милиционер уже было подумал, что склероз ему совсем–совсем не помешает, а квартира так вообще, как портьера снова зашевелилась и в коридоре появился высокий человек в гриме солиста группы "Кисс" и с бакенбардами великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина.

– Наталья Осиповна, – строго сказал человек, – вы нарушаете ритуал! У меня может не хватить сил удерживать астральное окно открытым. Торопитесь, исполните предначертанное вам звездами и Седьмым домом Скорпиона!

– Так я-то что, я ничего! – стала оправдываться вмиг при-
смирившая бабуля. – У нас с первым встречным не получа-
ется. Отказывается он! – и женщина кивнула подбородком
на Катанина.

– Кто отказывается? – маг обвел помещение тяжелым взо-
ром, даже не чиркнув по милиционеру. – Вы здесь видите
кого-то? Здесь пусто.

Виталий впал в ступор от такого нахальства, но старушка
продолжала упорствовать:

– Вот же он! – лакированный ноготь почти коснулся опе-
ративника. – Вы что, не видите человека?

– Человека не вижу, – без запинки выдал маг. – Зато
мне подвластны иные реальности! Это призрак. Фантом. Во-
площение квинтэссенций ваших спиритуалистических волн
биоэнергии. Понятно?

Пристыженная собственными волнами клиентка вмиг
стушевалась и закрыла рот. Пока Катанин приходил в себя,
господин Рафаэль начал резво подталкивать женщину к вы-
ходу:

– Ваш первый встречный стоит за поворотом, я слышу его
дыхание. Мадлен, его дыхание! Слышу я! – уже более громко
и нетерпеливо повторил колдун и топнул ботинком.

В соседнем помещении послышалась возня, кто-то сдав-
ленно ухнул и тут, видимо, прямо из астрального окна, в ко-
ридор вывалился розовощекий детина. Заметив Катанина,
посланец кармы споткнулся и застыл с приоткрытым ртом,

смущенный, как деревенская кляча на старте королевского дерби. Затем хлопнул себя по лбу и развернулся к даме в розовом:

– Девушка, – бас у парня был просто шаляпинский, – очу-менно! Приколись, снова встретились.

Бабуля кокетливо поправила собачку и замахала огромными ресницами:

– О, как галантно! Джентльмен, а мы разве раньше были знакомы?

– Зуб даю, были, – прижав мозолистые ладони к груди, оклемавшийся встречный пылко посмотрел на собеседницу. Потом задумался и с расстановкой отчитался: – Были. Забыл, когда. Но точно не во сне! У меня же просто песок, какие со сном проблемы. Не спится, короче, – и молодой человек вопросительно посмотрел на колдуна, который со скупающим видом пересчитывал мышей под потолком. Между тем бабуля в розовом, несмотря на увесистые аргументы, не спешила так просто изменить симпатичному Катанину. Наследство в виде квартиры и коллекции фарфоровых пионеров праздно болталось в воздухе, не принося должной пользы миру духов. Минута молчания неприятно затягивалась. Наконец, маг оторвался от созерцания своих подопечных и со вздохом обратился к клиентке:

– Наталья Осиповна, рискуете упустить Фату Моргану! Будьте же внимательнее к знакам судьбы, – и, поймав полный недоумения взгляд дамы, пояснил: – Вот, смотрите же:

человек, первый, я повторяю, первый встречный. У него явно бессонница и склероз. Ваши, конечно. Как я понял, еще и старческий маразм у тупицы, – колдун зло ткнул в голову заалевшемуся детине. Клиентка осторожно заглянула парню в лицо и в страхе отшатнулась, такой вопиющий Альцгеймер на нем вырисовывался. Маг торжественно расправил мантию на вытянутых руках и заголосил: – Только подумайте, от какой, не побоюсь этого слова, трещины на линии жизни он вас избавил! Это прямо пропасть какая-то, а на дне громыхает Стикс! Он миновал вас благодаря Обряду Отвертки! Так идите же, исполните обет, данный Осирису!

– Можно, я тоже на обед пойду? – раздалось со стороны встречного. Он уже очнулся от своей интеллектуальной комы и лучился энергией. – Исполню в лучшем виде.

Бабуля недоверчиво усмехнулась, а парень двинул себя мощным кулаком в грудь:

– Да я, если хотите знать, с этим Осирисом еще в школе водился! – дама в розовом громко сглотнула и оратор слегка стушевался: – В начальных классах учился. Маленечко. А вообще забыл, когда. Склероз у меня. И бессонница, – тут детина с гордостью повернулся к Господину Рафаэлю, чтобы первым увидеть, как маг радуется его необычайной находчивости.

Вопреки ожиданиям Господин Рафаэль встречному не рукоплескал. Он застыл на своем месте, накрашенный и прекрасный. За такую самодеятельность другой бы уже превра-

тил говоруна в тыкву или пожаловался в профсоюз на низкую квалификацию работника подряда, но экстрасенс давно работал с населением. Сфера услуг была им изучена от Общества потребителей до "Энциклопедии ядов и отравы грызунов", дивные рецепты из которой вполне годились для улучшения статистики по недовольным клиентам. Мысленно маг низверг восхитительную Мадлен с поста начальницы отдела кадров, оставив за ней лишь функции ворожеи, медиума, головы профессора Менделеева – для доверчивых любителей водки, а также офис-менеджера и коллектора долгов по денежным амулетам. На этот усеченный оклад Мадлен должна была либо немедленно протянуть ноги по направлению к громыхающему Стиксу, либо взяться за ум и нанимать приличных людей в шестеренки Колеса Фортуны. На детине администраторша явно сэкономила, более того, даже не провела с ним тренинг по помощи жертвам родовых проклятий! И вот теперь этот неуч стоит столбом, нет, скорее студнем стекает к ногам прорицателя и стопорит кармический процесс передачи квартиры.

Господин Рафаэль еще раз возвел глаза к мышам, как бы ища утешения в их умильных вампирских мордочках, и обратился к растерянной женщине:

– Наталья Осиповна! Я чувствую, как отпущенное вам время утекает сквозь пальцы. Оно уносится в мрачный Тартар! Склероз возвращается обратно! Смотрите! – вдруг совершенно на ультразвуке заверещал колдун. Все, включая

Катанина, в испуге потянулись за его рукой в лайковой черной перчатке.

– Смотрите! – господин Рафаэль ткнул в бабулин шарфик. – У вас аура прохудилась!

Женщина всплеснула руками. Захрапевшая было собачка выпала из ее подмышки и принялась истошно тявкать, на всякий случай прячась от невидимого врага в хозяйской штанине. По розовому комбинезону расплывались капли истерических слез:

– Что же делать? Держите ее! Пусть потерпит, мы к нотариусу! – клиентка одним движением сгребла собачку со вторым встречным, принимая низкий старт.

Маг с многозначительным лицом водрузил на голову свою длань и распластал пальцы по лбу.

– Экранирую параэзотерический коридор! Через него летят запасные частицы для присушки к ауре. Торопитесь, я не смогу долго держать коридор открытым. Даже для пяти минут нужны силы Верховного жреца Амона-Ра с дежурными вакханками.

Господин Рафаэль еще не успел договорить, как троица из детины, клиентки и лохмотьев ауры скрылась за поворотом. Звякнула китайскими колокольчиками входная дверь, беспечная Мадлен бросила в след приглашение возвращаться, а Катанин с колдуном остались в коридоре вдвоем.

– Это где же вас учили так маскироваться? – Рафаэль с живым интересом в глазах обратился к молодому человеку. –

Театральный институт? Подыграли блестяще.

– Я из милиции, – Виталий решил не разводить здесь бал дебютанток.

Колдун уважительно ойкнул:

– Ну-у, я так высоко и не брал. Это, конечно, высший пилотаж. Вот я, знаете ли, читал, что в Гарлеме, в Америке, белые полицейские умудряются просто сливаться с черным асфальтом. Так, что их просто никто не замечает. Как будто и нет их там. Но то Америка, а то, что наша родная милиция может лучше, я и не сомневался, – маг указал на портьера и любезно пригласил опера пройти.

– Располагайтесь, поговорим. У меня есть ощущение, что вы правда посланы ко мне судьбой!

– Послан я, допустим, распоряжением следователя, – Катанин по-прежнему хмурился. – А эта ваша подозрительная возня с квартирами и ворожбой может и других посланцев привести. Из областной прокуратуры, например.

Господин Рафаэль мягко улыбнулся, выставил на черный стол с какими-то искрами внутри пару пузатых бутылок и налил немного янтарной жидкости в хрустальный бокал. Виталий демонстративно отвернулся, но маг был настойчив:

– Эликсир бессмертия. Рекомендую.

Чисто из оперативного интереса милиционер отхлебнул из рюмки и почувствовал, как натуральное бессмертие разливается по его венам. Жизнь сразу пообещала быть долгой и прекрасной, проблемы – мелкими, и те только для того,

чтобы убить скуку. Счастье наступило, не откладывая.

– Купажированный? – обратился он к магу. Видимо, по работе Катанину и раньше приходилось сталкиваться с волшебными эликсирами.

– Обижаете, – отозвался маг. – Солодовый. Настоящий шотландец.

Так между работником сыска и простым экстрасенсом установились если не дружеские, то уж точно крепкие и всесторонние отношения. Отведав еще немножко живой воды и набравшись сил за всю неделю, Катанин совершенно преобразился. Он дал магу несколько дельных советов по работе со свидетелями и поиску ценностей, даже записанных на тещу. Господин Рафаэль, в свою очередь, охотно поделился с опером устройством шара предсказаний на базе диктофона и техникой чрево вещания, очень полезной милиционеру в смысле очных ставок и прочего.

Оказалось, что колдун был вовсе не шарлатан, а профессионал своего дела с профильным образованием: он закончил эстрадно-цирковое училище, институт культуры и в свободное время работал в школе организатором досуга. Подвело то, что у современных учеников досуга не наблюдалось, а, даже если он вдруг наклеывался, то они отлично организовывали его сами с помощью нехитрых подручных средств вроде Nintendo или улицы. Массовик–затейник оказался без дела и без зарплаты, что и пробудило в нем давно дремавшие паранормальные способности. Сначала он попробо-

вал себя коммивояжером, но очень скоро понял, что продать в их области пылесос за девяносто тысяч, пусть и с пятьюдесятью насадками, – это абсолютное волшебство, до которого он пока не дорос. Пришлось искать себя в задачах попроще. Тогда господин Рафаэль и увидел вещий сон. В этом сне он ехал на роскошном автомобиле где-то по горам гордых монегасков, внизу сверкало море, белели дворцы монашеской знати, а сверху ослепительно сияло южное солнце. Сон будущему прорицателю понравился, он быстро прикинул смету для его осуществления и понял, что на завод пока устраиваться не будет.

Так в городе появился салон магии и приворотов, где по утрам проходили информативные спиритические сеансы с духами Нью-йоркской биржи, привлекавшие выглаженных мужчин в костюмах, в обед здесь толпились домохозяйки и бабки с нерадивыми сынками-пьяницами, а к ночи подтягивалась самая сложная категория – чувствительные одинокие женщины и любители азартных игр, которым вечерами просто хотелось куда-то идти спускать деньги. Работа у господина Рафаэля была нервная и, как он заверил Катанина, большая часть его скромных гонораров уходила на восстановление здоровья. Поправлялось оно в последнее время только на зеленых берегах швейцарских озер, а это сами знаете, как недешево. Поэтому магу приходилось вкалывать без сна и отдыха, тем более, что его успех расплодил по городу конкурентов и теперь минимум в трех точках так же прорицали,

заговаривали и отсушивали страждущих. Клиентуру приходилось привлекать постоянным расширением меню. Господин Рафаэль теперь почти всегда пребывал в параллельных мирах и даже отменил выходные, пока поток искателей астрального счастья не иссякнет.

Виталий от всего сердца сочувствовал своему новому приятелю. Чтобы как-то отвлечь колдуна от тягот борьбы за хлеб насущный, он решил переключить его на обычное дело – помощь ближнему. Милицейская зарплата выжала из мага слезу, которую он тут же пустил в амулет на хвори Катанинским врагам, а из оставшихся веревочек хитро закрутил магнит для денег.

– Не, не притягивает, – разочарованно протянул Виталий, пытаясь прилепить к волшебному предмету хотя бы пять рублей.

Господин Рафаэль выхватил у него амулет.

– Не учи его плохому! При чем здесь мелочь, я же ясно сказал – деньги! Он настроен только на бумажные купюры достоинством в пять тыщ. Пусть пока у меня полежит, должен разрядить негатив. Как ты его монетой!

Опер виновато развел руками и решил, что просить обратно свой пятак сейчас не время – уж очень колдун расстроился. Мужчины еще пару раз выпили за зарплату, за то, чтоб от нее не зависеть, и за другие основные ценности. После очередного раунда Петя и Витя уже были теплыми и друзьями.

– У нас ведь даже работа похожа, – колдун вместе с элик-

сиром набрался философского настроения. – И у тебя, и у меня результат хороший, если знаешь всю правду о жертве, так сказать.

Опер закручинился. До правды было дальше, чем обычно. Он положил руку на магическое плечо и сказал:

– Так я, кстати, за этим и пришел. Узнать кое-чего.

Господин Рафаэль, а теперь Петр, не на шутку всполошился и заметался по кабинету, гремя ящиками и сметая мантией слоников имени веселого, но злопамятного бога Ганеши. Наконец, он извлек из кипы каких-то свитков колоду карт.

– Узнать -это ко мне, это ты правильно зашел, – колдун посмотрел на Костика и ободряюще потряс кулаком. – Тебе, Витя, как другу! Что предпочитаешь: таро, ленорман или по старинке, на ромашках? Это самое верное, все-таки, отечественное гадание. Ну?

– Да нет, мне так подробно не надо, – засомневался милиционер. – Мне бы так, из твоих жизненных наблюдений. У меня здесь товарищ один пропал. С собаками ищем, как сквозь землю...

– Если тебе кто набрехал про телепортацию, у меня пока и в преискуранте нет, – заверил Катанина маг. – Происки конкурентов. Пропал-то кто?

Виталий понурился. Похоже, след оказался ложным. Внутренне пожурив себя за зря потраченное время, он, чтобы как-то скомпенсировать потерю, налил еще живой водички и, не чокаясь, махнул до дна.

– За Поленко, Леонида Серафимовича. Знать, не свидимся мы с ним больше.

Маг поперхнулся и звякнул рюмкой о стол.

– Что значит, не свидимся? Да он у меня заговоров получил до седьмого колена. Причем в кредит. Ты, Витя, куда его дел?

Опер огрызнулся:

– Я, Петя, никуда его не девал! Он сам. Стравил полгорода и все, исчез. Никто ничего не знает, а этот заговоренный, между прочим, убийство видел. А, может, и сам сделал.

– Ну-у-у, – протянул колдун. – Не удивлен. Тот еще фрукт. У женщины ищите.

– Так жена ничего не знает, сама к нам ходит, – и, вспомнив обширную мадам Поленко, милиционер вздрогнул.

Колдун только отмахнулся.

– При чем здесь жена? Это только в арабских сказках жена-отдых воина. Наши мужчины имеют убежище в других местах. У любовницы искали?

– А она у него есть? – Виталий недоверчиво поцокал языком и замотал головой.

Маг вдруг вскочил и зашагал по комнате. Он поднимал глаза к потолку, что-то шепотом считал и прижимал пальцы к губам. Наконец, выпустив воздух сквозь сложенные трубочкой губы, господин Рафаэль тихо, но уверенно сказал:

– Есть. Но она об этом не знает. И поэтому... Поэтому я бы опасался за ее жизнь.

Комнату накрыло молчание. Колдун над чем-то сосредоточенно размышлял, а с Катанина вдруг разом слетел весь хмель. Он испытующе смотрел на прорицателя, но тот, кажется, надолго завис в своей аюрведе. Подождав еще минутку, опер деликатно подергал мага за трико:

– Чью жизнь? Имя, Петя!

Ответ прозвучал громом, оглушив не только Виталия, но и Рыжего. Последний только что примчался вызволять шефа из лап темных сил и теперь, запыхавшийся, стоял в дверях.

– Жанна Станиславовна Валорская-Берина. Если она еще не покойница.

Глава 26

– И всегда у него все так и было! Где бы он ни появлялся, начинались склоки, несчастья и даже самолет загорелся. А уж мелких происшествий без счету! – седой мужчина в кожаной куртке сидел напротив Рыжего и предавался воспоминаниям. Материала накопилось на "Сагу о Форсайтах" с комментариями, а к главному так еще и не подошли. Сбоку от мужчины примостился как две капли воды похожий на него молодой человек, тоже в кожаной куртке и следами смазки на ладонях. В обоих Настя давеча опознала своих родственников-погорельцев, так скоро собравшихся из ее гостеприимного дома, но почему-то не уехавших дальше подвала Поповской многоэтажки. Видимо, район им подходил.

– Это я понял, – опер перелистал распухший от показаний протокол. В целом, его можно было бы кратко и емко озаглавить: "Поленко: как Земля его носит?", и даже на этот вопрос он света не проливал. Истина, как всегда, окопалась где-то рядом, но найденыши все еще были слишком взволнованы, чтобы дать ей подойти поближе.

– Да, представляете, он в первый же день со всеми переругался! Еще до завтрака, – встрял юноша. Безо всяких пошлых анализов было видно, что он приходится мужчине постарше сыном. – А потом еще с прошлого гарнизона телеграмма пришла. В ответ они мечтали получить его скальп.

Или хотя бы добрую весть, что Поленко сломал ногу, утонул и его съели моржи, – молодой человек открыто взглянул на Рыжего и, спохватившись, добавил: – Но вы, товарищ милиционер, не подумайте плохо: мы моржам зла не желали!

Опер прикрыл глаза и откинулся в кресле. Шутить не хотелось. Когда зло мира выползает наружу, стражам порядка не до смеха. Впрочем, к гостям из подвала претензий оставалось все меньше. Рыжий подтянулся, внимательно посмотрел на парочку и с расстановкой проговорил:

– Граждане, суть я уже немножко уловил. К тому же жители нашего города с вами согласны, – отец и сын просветлели и переглянулись. Но нам, – продолжил опер после секундной паузы, – нужно что-то делать с такой прозой, как ваше алиби. Еще раз, подробно, расскажите мне, зачем вы следили за Леонидом Серафимовичем Поленко и как оказались в подвале?

Мужчины заерзали в креслах и, перебивая друг друга, пустились в объяснения:

– Понимаете, – начал седой, – мы инженеры. В нашей семье эта профессия передается по наследству. Мы все – инженеры авиации. Мой сын – вообще специалист экстра-класса, он обслуживает Боинги. А я так, Сушки да Тушки.

– Сын работает, а вы занимаетесь продуктами питания, правильно? – милиционер старательно вникал в детали.

Инженер как-то косо посмотрел на Рыжего и выдавил:

– Хм... Так их еще никто не обзывал... Но, в общем, связь

есть: мои тоже все гниют. Значит, несколько лет назад я и мой сын работали на авиабазе в Североморске. Только это секретная база, так что вы не пишете! Туда к нам и перевели Поленко, прямо из Анадыря. Что-то он у них там напортачил. Но это тоже секрет.

– Этот протокол является тайной следствия, – заверил опер. – Строго между нами, отделом и судом, если до него дойдет. Так что не волнуйтесь. Продолжайте.

Успокоенный инженер расслабленно выдохнул, а вместо него в беседу вступил сын:

– Перевели, да. И сразу стало ясно, почему дольше пары месяцев он нигде не задерживается. Во-первых, никаким летчиком–испытателем он не был. Испытывать он мог только наше терпение, и то недолго. А вот кретин он был перво-статейный!

– Олежек! – папа одернул разошедшегося молодого человека. – О старших так не говорят. Пусть это и правда. Запишите, гражданин милиционер: Поленко имел ограниченные способности.

– Где-то я это уже слышал, – поморщился Рыжий, но в протокол занес. Поскрипев ручкой, опер встал, взглянул в список вопросов, который оставил ему умчавшийся за город Катанин, и понял, что ответов пока не получается. Встряхнувшись, милиционер упер локти в стол и начал твердо возвращать задержанных к основной цели их встречи:

– Так. Воспитательный процесс отложите до дома. Хотя, –

опер критически посмотрел на инженера-сына, – в вашем возрасте его успешно ведут на базе сибирских трудовых лагерей. Еще немного, и вы сможете выиграть путевку. Ближе к делу: зачем вы прятались?

Седой мужчина возбужденно подпрыгнул на стуле и с раздражением сказал:

– Так мы же вам и объясняем! Вы перебиваете постоянно, слова не сказать. А между прочим, в этом все дело, в деталях! В подвал мы попали из-за Поленко, а Поленко нас туда загнал из-за нас. Ясно теперь?

– Предельно, – с большим сарказмом в голосе отозвался Рыжий. – Можно расходиться. Так и запишем: фигуранты перемешались и никто не виноват, кроме обоих. Чудненько.

– Что вы ерничаете! – теперь вспылал Олежек. – Слушайте, как все было. Мы не виноваты!

Так вот. Коротколапая фигура Леонида Серафимовича Поленко появилась на Северодвинском полигоне ранним февральским утром. В тот месяц полярная ночь была особенно мерзкой и темной, и одиозный летчик прекрасно подошел к декорациям. Успев показаться у коменданта и начфина, новый сослуживец подошел к ангару уже с двумя кровавыми врагами за спиной, хотя день только начинался. Впрочем, до полуночи была еще уйма времени, чтобы исправиться и завести с десятков недругов.

Поленко всеобщая ненависть не мешала нисколько: в каждом коллективе все равно находилась пара-тройка отщепен-

цев, которые приставали к нему, как банные листы. Сколотив дурную компанию, Леонид Серафимович тут же принимался вредить. Ему можно было смело поручать развалить любую работу, казалось, он в состоянии сместить ось Земли, настолько виртуозно он гадил.

В часть Леня попал переводом. Что-то не задалось у него в общении на Дальнем Востоке. До его приезда на аэробазе имелось несколько вполне боевых самолетов, кое-что по гражданской части, а главное, замечательный ангар для ремонта и совершенствования авиатехники. Здесь вкалывали и творили лучшие инженеры, собранные по всей стране, и биографии их были безупречны, а результаты внушительны. Лучшее, как известно, враг хорошего, поэтому высокому начальству взбрело в голову что-то посильнее наладить в идеальном механизме ангара. Леонид Серафимович, тупое самодовольство которого показалось одному генералу принципиальностью, прибыл показать инженерам, как надо работать.

Сначала он затаился. Просто ходил вокруг, совал нос в каждую гайку, тыкал пальцем в концевики и пробивал инженеров на крепкое словцо. Главный мастер, а теперь Поленкин заместитель, хватался за сердце и тайную надежду, что это все – страшный сон. Леонид Серафимович ничего не знал, не понимал, мнения своего не высказывал, но где-то там, в глубине омуты склизких глазок чуялось мастеру что-то нехорошее. Через месяц Поленко напал внезапно и точно:

– Кручинкин, – обратился он к бывшему начальнику, – у тебя жена есть?

– Есть, – осторожно ответил мастер.

Летчик забулькал себе под нос и вдруг заорал, как работник доменного цеха, которому коллега нечаянно капнул олова за шиворот:

– Что-то я по твоей работе не заметил, чтоб ты с женой жил! Неудовлетворительная у тебя работа, Кручинкин! Не удовлетворяешь ты ее, а она меня. Уволен!

Ангар замер. Всем было известно, что главный мастер доводится кумом начфину, образование имеет и изобретения, и это может очень кособоко выйти крикуну. Вышло, однако, совершенное недоразумение: Кручинкина вдруг перевели, правда, с повышением, в южные края, а Поленко остался на царстве. С той поры от него не было коллективу ни малейшего роздыху. Он без конца внедрял, исправлял, вносил предложения, выговаривал, лишал премий, проверял, перепроверял и снова проверял перепроверенное, находя у людей с высшим техническим то недостаточное знание этикета делопроизводства, то огрехи в составлении авансовых отчетов по средствам, которых им никто никогда не выдавал. Инженеры отвечали ему взаимностью. Летчик обзавелся нервным тиком на правом глазу, но позиций не сдавал.

Его мудрое руководство оборвалось так же внезапно, как и установилось: в один опять же чудесный февральский день пресловутый генерал где-то там, наверху, наигрался в куби-

ки и сказал: "Ё-моё! Развалили страну. Учителя у нас на рынке торгуют, завлабы недра приватизируют, а летчики, вон, на складах прозябают. Непорядок! Рожденный летать не должен ползать!". Так Поленко получил свое письмо счастья: его приглашали в центр на тренажеры, поучиться. На прощание он гордо сфотографировался на фоне истребителя, инженеров и ремонтного ангара, а к вечеру испарился, будто его и не было. Инженеры даже по-новомодному заказали коллективный молебен за здоровье их цеха, но радость оказалась преждевременной.

Во-первых, очутившись на безопасном расстоянии от суровых северных ребят, Леонид Серафимович по своему обыкновению подал на начальника части в суд. О восстановлении его, летчика-испытателя, на работе. Просто из вредности. Совместными усилиями гарнизон отбил, хотя это и стоило коллективу годовой премии. А начфину еще и чести, потому как ему как первому красавцу пришлось ехать в город и падать в объятия секретарши арбитражки, а потом и завканцелярией, для стимуляции правильного и беспристрастного судейства в пользу военных.

А второй удар заставил себя подождать. Спустя пару лет после увольнения Поленко, когда все уже немного подзабылось, а страсти улеглись, старший инженер, сидящий теперь напротив Рыжего, открыл еженедельную газету. Открыл и схватился за голову, потом за своего сына, а потом и за стенку, которая его не удержала. Очнувшись в больнице, мужчи-

на срывал трубки и метался в беспокойстве, пока ему не доставили воскресный выпуск. Инженер судорожно пролистал издания, не обращая внимание на холодок, который опять подбирался к сердцу, и в отчаянии снова увидел ту же фотографию, что и пригвоздила его к койке в реанимации.

Позвали родственников. С той наметкой, что все равно идти прощаться. Больной с удивительной прытью сунул газету наследнику и ткнул пальцем в последний лист. Почтительный сын взглянул и так и обмер. Пока медперсонал искал еще одну койку в заведении под падеж инженеров, юноша выхватил издание из ослабевших рук родителя и понесся в ангар. Каждый из его коллег, кто знакомился с материалом, тут же начинал громко материться, сыпать проклятиями или искать валидол. Когда весь коллектив был в курсе дела, собрался чрезвычайный совет.

– Это означает наш конец, – обратился к присутствующим заслуженный авиатехник. – И все из-за проклятого Поленки, леща болотного.

– Да, нас всех посадят, – тоненько вторил механик с Мигов, – мы должны его найти! И наказать.

Хотя это предложение совпадало с настроением большинства, имелись товарищи, которые настаивали на более продуктивных мерах.

– Это мы еще посмотрим, чей конец, – взял слово интеллигентный питерский специалист, – не все потеряно, друзья мои! Тираж у газетки маленький. Снимок дан нечетко.

Поленко нужно найти, это факт. Пленку отобрать, негативы уничтожить. А ему по шее.

Выступление было встречено бурными аплодисментами. Коллектив заулыбался. У туннеля в вечный позор и тюрьму с кандалами обнаружился боковой ход, куда устремились теперь все помыслы ангарного цеха.

На поиски Поленко самовывдвинулись отец и сын Лукины, как первые пострадавшие и идейные враги этой бородавки на теле родной авиации. Дел им виделось на один отпуск, так как в газете черным по белому было написано, что летчик оставил испытательство и состоит нынче по хозяйственной части на заводе таком-то. Через неделю, примчавшись на завод, инженеры обнаружили пепелище, разорение и хаос. Простые работяги Леонидом Серафимычем пугали детей, а дирекция в полном составе жаждала его крови, и только из внутренние междоусобицы помешали мести свершиться. Самого Поленко не было ни в городе, ни в окрестностях. Озадаченные Лукины взяли отпуск за свой счет, получили от коллег матпомощь на вендетту и отправились дальше. По вечерам они внимательно изучали газеты и сводку криминальной хроники, потому как, если где заваривалось что-то из ряда вон, то это могло указывать на появление там их героя.

Наконец, после многих месяцев тщетных поисков они случайно оказались в этом городе. Собственно, он просто затесался на пути к огромной конфетной фабрике, где по-

дозрительно лопнул резервуар с карамелью, что на Поленко косвенным образом указывало. И вот, в один из дней инженер-сын остановился на светофоре. Оглянувшись на взвизгнувший тормозами автомобиль, молодой человек чуть сам не закричал: в машине сидел Поленко. Юноша даже не успел слиться с фонарным столбом для маскировки, как летчик посмотрел на него в упор и дал по газам. Черный джип скрылся за поворотом, а растерянный охотник застыл у перехода, действуя на нервы вежливым областным водителям.

Тем же вечером Лукины начали методично обходить все дворы, стоянки и гаражи города. Им повезло вдвойне: они не только нашли авто Леонида, но и сразу его признали. Прямо на капоте, во всю ширь железки аэрографией был выведен портрет владельца, тот самый, который когда-то опубликовала воскресная пресса. Теперь, помимо негатива и оригинала, требовалось уничтожить еще и машину. Технику было жалко.

На этом месте Рыжий отхлебнул водички и подошел к окну. Прямо перед ним на стоянке в загончике сиротливо стоял транспорт Поленко, главная улика следствия и мечта всех милиционеров из дежурки. Опер вглядывался в изображение, выведенное перед лобовым стеклом, ломая голову, что же в нем могло так оскорбить чувства инженеров с Севера. Да, физиономия у пропавшего директора не напоминала шедевров Боттичелли, но самолет на заднем плане задорно сверкал крыльями, а ребята из ангара получились вооб-

ще симпатяги, все в комбинезончиках и с какой-то хитрой аппаратурой. Что не так?

– Да, что не так? – вслух спросил Рыжий и повернулся к парочке. – Или это тоже секрет?

Лукины занервничали. Они мялись, отводили глаза, пока более молодой, а, значит, все еще безрассудно-отважный Олежек не решился:

– Товарищ... господин милиционер. Они все не виноваты. Это я его сделал.

Рыжий неодобрительно посмотрел на рослого специалиста по Боингам.

– Нет, гражданин. Это не вы его. Так эксперты говорят. Но если вы настаиваете... Вы заявляете, что убили Поленко Леонида Серафимовича?

Молодой человек отшатнулся и побледнел:

– Убил? – видно было, что новость его поразила. – Его убили? Так как же это, он ведь его сам... Ударил... И потом гнался за нами, и замуровал...

– Выражайтесь яснее, Лукин, – у опера отлегло с души. Уж очень ему нравились смелые люди, которые, оставив семью и работу, впряглись за честь коллектива.

– Я имел в виду... Там, на фото...

Рыжий закатил глаза так, что позавидовала бы Марлен Дитрих:

– Про него позже, никуда не денется! Кого он ударил? Поленко в смысле.

– Давайте я расскажу, мальчик слишком волнуется, – вмешался инженер-отец. Сын с благодарностью посмотрел на папу, и Рыжий еще раз про себя подумал, как сближает семейный бизнес. В данном случае, поиски общего врага.

– Так вот. Мы его выследили. Он ставил машину в аккурат перед зданием школы. Мы, конечно, подумали, что он стал дедушкой.

– А почему не папой? – по привычке уточнил Рыжий.

С важным видом, будто Архимед студенту, инженер пояснил свою теорию:

– Только так. Ребенку прямая стыковка с Поленко рискованна. Для безопасного детства между ними должен был быть трансформатор в виде родителей. В любом случае, получалось – подлец прикрылся младенцем. Наше дело осложнялось.

Опер зачарованно внимал своеобразной логике технарей, почти не прерываясь на заметки в протокол. Видно были, что инженерный взгляд на расширение семьи его возбудил необычайно, но Рыжий держался. Сверившись с опросником, милиционер уточнил:

– Допустим. То есть вы планировали в отношении пропавшего нечто, что с ребенком не сочетается?

Лукин-сын вскочил со своего места и взволнованно заговорил:

– Поймите же, мы делали все, чтобы спасти честь! И наш враг должен был пострадать. Но детские слезы в наш замысел

не входили! К тому же, имелись и другие слабые моменты: мы не сумели раздобыть два пистолета с ажурной чеканкой.

– А два зачем? – опер даже бровью не повел и спросил так, для проформы.

Молодой человек сделал меланхолическое лицо, которое могли бы воспитать только в Тарханах, и скорбным шепотом ответил:

– Чтобы стреляться. Чтобы был честный поединок. Знаете, такие с витым литьем по бокам.

Рыжий быстро упал на стол, чтобы скрыть в конце концов победивший его смех. Парочка задержанных тянула на матерых преступников так же, как потешные тюлени в цирке. Но долг есть долг, и расследования еще никто не отменял.

Спустя еще час удалось окончательно и бесповоротно установить следующее. В день педсовета инженеры пришли к коронному выводу, что Поленко в школе живет, ибо торчит в ее стенах постоянно. Наверное, опять организовал что-то зловердное и снял в беззащитной гимназии помещение под офис. Негативы злополучной фотографии было решено искать там, как стемнеет. Негодяя караулили до самой ночи, сидя в кустах напротив парадного, и таким образом разжились информацией от выходящих из здания учителей. Те громко обменивались репликами о странном директоре-камикадзе, и Лукиных озарило: новый начальник – это и есть Леонид Серафимович. Около полуночи их жертва четким строевым шагом, пусть и давая изрядного кругая, просле-

довала за ограду в направлении большой улицы. Машина осталась на стоянке, что косвенно подтверждало догадку об основном месте жительства негодяя.

В боковом окошке у входа горел свет, и инженеры справедливо рассудили, что в школе имеется охрана и часовой на посту. Вооружившись безусловными аргументами – легендой о потерянной сменке и бутылкой водки – мстители двинулись в здание. Секьюрити действительно вскоре обнаружился, практически в виде заливного: жирно блестя щеками, он неподвижно лежал на столе весь в завитках морковки. Уговаривать спящего не пришлось, и чисто из сострадания Лукин старший положил в карман его брюк припасенную четвертинку, для утренней профилактики. Потом отец и сын довольно быстро нашли кабинет директора. А вот дальше в их жизни опять наступила черная полоса. В ставке было пусто, то есть абсолютно и совершенно никаких следов пребывания Поленко там не наблюдалось. Разочарование помutilo разум, и Олежек совершил необдуманнй поступок: в гневе написал директору записку, чтоб, значит, отдал все по-хорошему, потому как по-плохому они уже еле сдерживаются. Но это только пока.

Погорюнившись с полчаса, не привыкшие сдаваться северяне стали заново методично перетряхивать все шкафы, полочки и ящички, и тут в дверь постучали. Постучали, поскребли и еще раз двадцать деликатно кашлянули. Роняя канцелярские безделушки, инженеры метнулись к несгорае-

мому шкафу у стены за столом и захлопнули створки как раз в тот момент, когда в кабинет прокралось существо самого странного вида. Им запомнилось, что оно было все черное, с оттопыренными ушами, и постоянно приговаривало: "высокоуважаемый" и "попляшете".

Сквозь узкую щель Олежек видел, как незваный гость усаживается в директорское кресло к нему спиной. Сначала ничего, как водится, не предвещало, и Лукины стояли в шкафу спокойно. Эти домушники находят и золотые сережки, упрятанные хозяевами в варенье, что говорить про какую-то фотопленку? Сейчас черный вор—плясун вскопает им грядку, возьмет себе статью и ценности, а им, инженерам, только останется забрать негативы и гордо удалиться. Однако что-то пошло не так. Вместо того, чтобы простукивать паркет в поисках школьной кассы, черный с полчаса подрыгался в кресле, а затем вдруг схватил со стола послание Поленке. Допустить огласки их страшной тайны Лукины не могли: выпрыгнув из шкафа и схватив какую-то фентифлюшку со столешницы, Олежек отправил вора в нокаут.

Так им с папой достались трофеи: при посетителе обнаружили весьма занятная тетрадка и лобзик. Инструмент оставили убогому – конечно, он краденый, и сейчас безутешная вдова с шестью детьми плачет на том конце города, заламывая руки по единственному богатству, доставшемуся ей от мужа. По крайней мере, когда милиция придет брать этого ворюгу, награбленное окажется при нем неммым укором.

В тетрадке же на последней странице имя Поленко встречалось раз двести. Решив поизучать ценный документ в более располагающих условиях, Лукины забрали листок, порвали свою записку и побежали домой.

– Вот с этого места поподробней, – прервал плавное повествование Рыжий. – Каким образом ваш дом оказался на кухне у гражданки Поповой, она же учительница, она же свидетель?

– О, очень просто, – заулыбался инженер-отец. – Мы же давно путешествуем. Из экономии стараемся останавливаться в частном секторе, у знакомых. Так вот, у нашего сослуживца сестра в деревне. И с год назад ее соседка, Нина Васильевна, подалась в город, к сыну. Говорила, он там страшно разбогател и выстроил себе хоромы, есть и отдельное крыло с прислугой для родительницы. Сестру в гости приглашала, да забыла адрес оставить. Так и уехала, только вот посылка с добром, которую соседка на новое место отсылала, назад вернулась. Что-то там было не заплачено. На коробке куда, кому – все указано, сестра нам передала, сказала, мол, они не в обиде будут, места полно. А когда мы уже приехали, пришлось действовать согласно обстановке.

Рыжий понимающе кивнул, а Лукин-старший продолжал дальше:

– Вот, значит, первого сентября мы назначили день "Ч". Сейчас или никогда. Утром спрятались за его машиной, там еще мальчуган такой симпатичный прыгал, я его гаечным

ключом хотел применить. Да он не заинтересовался и убежал. Зачем ключ? Ну, мы, конечно, не робкого десятка, но для встречи решили, пригодится. В одиннадцать мы заметили эту девочку в горах, которая утром напала на Поленко. Я как-то сразу понял, что ей можно верить. Мы ей велели передать дяде директору, что у авто его ждет друг. А пришел совсем другой человек, красномордый. Курточка еще на нем была, ему как распашонка, маловата. Мы мимо прошли и в кусты, оттуда смотрели, пока этот пришлый возле джипа крутился.

Потом и Ленька-упырь подошел. Красномордый с ним сначала очень ладно беседовал, затем засмеялся так нехорошо, как робот без смазки, замахал руками и достал из брюк листок весь в скотче. Поленко прямо в лице переменялся. Он этому, красномордому, стал на что-то указывать там, за оградой, и пока тот шурился, открыл переднюю дверь, быстро достал палку и как жახнет ей этого первого по голове! Тот упал. Я даже зажмурился, а когда открыл глаза, Леньки нигде не было.

– Я конкретно удара не видел, – добавил сын. – Я на школу смотрел. Там, в окне женщина стояла. И наблюдала за нами. Я беспокоился.

– Какая женщина? – встрепенулся Рыжий. – Она смотрела на стоянку в момент убийства?

– Да, она все время у окна торчала, – подтвердил Олечек. – Все белая такая. Волосы белые, одежда, лицо такое

белое-белое. И взгляд как зубоврачебный лазер.

– Винтер! – опер хлопнул себя по лбу. – Я так и знал! Продолжайте, пожалуйста.

– А продолжение короткое, – вздохнул старший. – Мы, конечно, поняли, что план меняется. Выходило, что провидение накажет Поленко само, только ему надо помочь, потому как у нас, в правовом государстве, провидение в связке с милицией. Красномордого мы положили в машину, чтобы он никуда не делся. И чтобы было ясно, что труп – Поленкина собственность, а не просто рядом проходил. Палку – она там же лежала – мы хотели отнести в органы. Только решили ее послать по почте, от доброжелателей. Чтобы не объяснять, что мы делали в кустах.

– Умно, ничего не скажешь, – опер мысленно похвалил себя за верный вывод о своеобразной логике авиационных инженеров. – А в подвале вы как оказались? Решили мстить из подполья?

– Так нет же! – хором воскликнули Лукины. – Он нас выследил!

И в ответ на изумленный взгляд милиционера, Олежек пояснил:

– Мы понеслись к дому. Чтобы сначала забрать свои вещи, а потом послать деревяшку. Где-то на середине пути, влезая в трамвай, я понял: на меня кто-то смотрит. Я обернулся с подножки и увидел, что через площадь, сшибая людей, за нами несется Поленко! На тот трамвай он не успел, и мы

успокоились. Потом пересели в автобус, все было чисто. И вот когда уже с вещами выходили из дома, вдруг на лавочке у детской площадки увидели его! Он устался на верхние этажи и заметил нас только тогда, когда мы ринулись назад в подъезд. Тут мы деревяшку и уронили...

– А подвал мы еще накануне заметили, – сообщил старший. – И инструменты туда перенесли. Чтобы, значит, оборудовать независимое место, куда можно пригласить Поленко для разговора. Наверху у нас-то было тесновато, да и отношения становились не очень... Вот мы в него и спрятались. Люк там странный, вовнутрь открывался. Мы крышку быстро монтировочкой и заткнули. Поленко там сверху погромыхал чем-то и ушел. Но мы на всякий случай сидели тихо.

– Понятно, – протянул Рыжий. – Леонид Серафимович думал, что это он вас замуровал. Битой под скобку. Наверное, люк для верности подергал, – опер хмыкнул, представив, как директор потирал преступные ручки. – А не вышло. Интересно, где же он сейчас?

Тишину кабинета прорезал телефонный звонок. Звонили по межгороду. Рыжий снял трубку и недовольно гаркнул на монотонный треск и шорох:

– Ну, говорите! Здесь люди работают.

– Здесь тоже не сальсу танцуют, – огрызнулась трубка. – Областная больница. Нас просили позвонить, когда очнется. Вот, очнулся. Забирайте.

Рыжий вскочил и выпучил глаза:

– Кого забирать? Поленко??

– Нет, пластмасску, – передразнил голос. – Вольдемара своего забирайте. Афонькина. У нас спирт закончился.

Больница дала тобой, а опер на глазах у изумленных инженеров провалился в обморок.

Глава 27

"Этот человек, сэр, гениальный изобретатель. Он разделяет западные ценности и является их проводником в отсталой глубинке. За это русские его не любят. Его притесняют.

Недавно по месту его работы была организована ужасная провокация. Директор учреждения, независимый специалист, выделил его лидерские качества и рекомендовал к назначению на высокую должность в сфере образования. Это могло бы гарантировать нам распространение идеалов свободы и демократии среди российской молодежи.

Однако власти и олигархическая клика области сплотились против прогресса. Предположительно, директору был подсыпан в питье препарат, вызывающий агрессию. Этот человек даже предъявил нам этикетку, с угрозой для жизни добытую им из помойки рядом со зданием спецслужб. Препарат называется "боярышника настойка". Недавно я обнаружила, что настойка свободно продается в аптеках и пользуется огромным спросом. Это наконец-то объясняет непримиримость русских и их глупое желание никогда не сдаваться.

После подстроеной выпивки директор сначала напал на изобретателя прямо в своем кабинете, потом на охранника, потом на случайных прохожих, а потом на председательницу ячейки правящей партии. При коммунистах ему бы грозил расстрел, а затем лагеря ГУЛАГа, но сейчас времена изме-

нились. Общество встало с колен, поэтому расстрела не будет. Только лагеря.

Итого, сэр, этот человек, Тайхон Гаврилов, опасается преследования со стороны врагов демократии. В связи с тем, что развитие нашей организации в области наткнулась на броню местной ограниченности, которую они называют патриотизмом, предлагаю считать Тайхона идеальным кандидатом на позицию друга Америки. Он энергичен, деятелен, верит в победу Марион Диксон на стометровке и говорит, что у сибирских медведей, которыми нас так пугают, рост по колено. Он знает расположение всех частей ракетных войск и за две минуты нарисовал мне схему всех подземных бункеров управления ядерным оружием в России. Мне кажется, это успех.

Сейчас необходимо оказать Тайхону финансовую помощь. Он называет внушительные цифры, которые нас сначала смутили. Но потом мы вспомнили, что демократия бесценна и согласились.

Также высылаю вам техническую документацию на 247 его последних изобретений.

P.S. Изобретения за этот месяц. Из него он пропустил две недели из-за событий, описанных выше. Какой ум! P.P.S. Изобретения настолько гениальны, что они опережают настоящее и даже будущее. Мы не смогли разобраться, что это такое и для чего оно нужно. Какой ум!!

Искренне ваша,

Шэрон Вильямс."

Крепкий мужчина в костюме без галстука закончил чтение и откинулся в кресле. Глаза его ничего не выражали, серой шторкой отгородив внутренний мир от треволнений внешнего, зато тонкие губы растянулись в условно приятной улыбке.

– Вот, Михаил Владимирович, какие грамотные люди работают у нас в области! – мужчина потряс листочками и бросил их на журнальный столик. – Мы с вами еще ничего не знаем, а они уже и про Поленко вашего все выяснили, и про бункеры не забыли.

– Да, познавательно, – лениво откликнулся заммэра, сидящий напротив в кольцах сигарного дыма. Из дальних комнат доносились звуки рояля, пахло дорогим одеколоном и выпечкой, а драгоценная Марточка о чем-то весело щебетала с подружкой. Чиновник был абсолютно счастлив. Настолько, что местами шаткие дела города казались ему сущей безделницей, если жизнь в целом так хороша. Заммэра вдруг захотелось, чтобы его собеседник, генерал одной федеральной службы, почувствовал такую же легкость на душе.

– Сергей Сергеич, родной, да не распаяйся ты так! Один сумасшедший сказал, другая записала, ну получилась глупость. Махнем лучше на рыбалку завтра, а? Клязьма, солнце, воздух – здорово-то как!

– Эх, Михал Владимирович, беспечный ты! Для тебя глупость, а для врагов Отечества – агентурная информация, –

генерал подмигнул приятелю, а потом сделал суровое лицо. – Ситуация у нас, как у Шелленберга с чемоданчиком радистки. Вон, даже Никон Берин приехал. Его здесь сколько лет не было!

Заммэра в удивлении зацокал языком и уже серьезнее переспросил:

– И это все из-за школьного происшествия? Или из-за письма? Откуда, кстати, оно к тебе попало? Почту перехватываете?

Сергей Сергеич, довольный вниманием, приосанился и взял листочки со стола. Пробежав еще раз глазами по тексту, он в который раз подивился, насколько одинаковых людей находит Госдеп для продвижения их культуры в инородные массы россиян. На его памяти посланцы демократии все, как один, цеплялись к медведям. Наконец, он сложил письмо в карман и повернулся к хозяину дома:

– Обижаешь, Михаил Владимирович, – серые глаза налились сталью, – мы же не кустари–любители. Они нам сами все присылают. И это тоже прислали. Со своего компьютера, – и, поймав полный недоверия взгляд заммэра, генерал снисходительно пояснил:

– Нет, ты не подумай, компьютер они с собой привезли. Все чисто, все секретно, и шифр стоит, дай Бог каждому, очень сложный, американский. Правда, его здесь на Олимпиаде решил один отличник из Волгодонска, но это детали. Зато батареи у них в этом их Культурном центре проверял

наш водопроводчик. Майор, между прочим, и теперь почему-то вся их почта приходит нам. Оттуда и письмо.

Заммэра задумался. Пару минут он напряженно вспоминал, а не приходил ли и к нему пожарный, слесарь или сантехник с простым интеллигентным лицом и умелыми руками, и не ждать ли теперь алаверды на его не совсем патристичную переписку о будущем тракторного завода. Решив впредь быть осмотрительнее, он отложил сигару и как бы невзначай поинтересовался:

– И что, серьезно у вас там на такую дребедень смотрят?

Его собеседник утвердительно кивнул и показал пальцем куда-то наверх и в бок:

– Там не спят. Никогда.

В принципе, это должно было осчастливить заммэра еще больше: все-таки приятно, что государственная безопасность на высоте, но Михаил Владимирович отчего-то загрустил. Спасла беседу ослепительная Вероника, как всегда в самый нужный момент возникшая на пороге с тарелкой маленьких бутербродиков.

– А-а, вот и краса этого дома! – генерал вскочил и с удовольствием поцеловал кокетливо протянутую ему ручку. – Да не одна, как всегда, с кушаньями! Как не крути, дружище, за спиной каждого успешного мужчины стоит его супруга, муза, так сказать. Повезло тебе!

Чиновник расцвел. Тень с лица вмиг исчезла, и опять комната погрузилась в непринужденную атмосферу встречи за-

кадычных приятелей. Вероника спокойно улыбалась, принимая комплименты и любящий взгляд ее супруга как должное.

– Сергей Сергеевич, – раздался ее хрустальный голос, – а я пришла вас пожурить. Вы совсем не рассказываете нам, что произошло у Жанны Станиславовны. Подумать только! Ведь он и на меня мог напасть, этот негодяй Поленко. Правда, Кроличек?

Заммэра покраснел и ослабил узел галстука. От одной мысли о миновавшей опасности ему становилось душно:

– Я б ему напал... Не смей даже думать об этом! Присядь с нами лучше. Вот товарищ генерал как раз сейчас собирался рассказать, как все было. Да, Сергеич?

– Так точно, – щелкнул каблуками гость. – Пожалуйста, Вероника Матвевна, сейчас и начну.

Так заммэра впервые узнал то, что было подано в милицейских рапортах пару дней назад, сделано Катаниным с неделю и предсказано Финогеном ровно за месяц до случившегося. Весь город теперь бродил слухами об убитом и чудесно воскресшем школьном охраннике, которого местный колдун, Господин Рафаэль, тут же завербовал в знатоки загробного мира и даже милицию пускал к нему за большие деньги. Говорили и о налете на неприступную резиденцию партийной королевы и спонсорши региона, госпожи Беринной, и о ее великом муже, гордости их губернии, вдруг примчавшемся из-за границы на защиту своей половины. Не бы-

ло числа самым невероятным историям о виновнике этих происшествий, вроде бы приличном человеке, новом директоре элитной гимназии. А вот непосредственные участники этих событий, так сказать, со стороны добра, Рыжий и Катанин, остались практически не замеченными.

В тот вечер, когда колдун сообщил Виталию о своих подозрениях, опер не стал медлить. Очевидно, что-то загадочное и малоизученное происходит в мужском организме между двадцатью семью и тридцатью годами, потому как Катанин из круглого простофили вдруг превратился в смекалистого, подвижного и умного милиционера, скорого на правильные решения. Уже по дороге к следователю, Рафаэль поведал о тайне, подслушанной им в разговоре супругов Поленко. Как профессиональному магу, ему нужно было знать о клиентах больше подробностей, желательно таких, о которых они сами предпочли бы умолчать. Здесь получилось очень удачно: Клавдия Энгельгартовна пригласила колдуна, чтобы тот распрямил астральные загибы и выставил злых духов из ее квартиры. Пока Рафаэль прилежно бродил по хоромам с гнутой спицей и колокольчиком, Поленко ссорились в спальне. Опытный маг тут же вычислил, что там плотность злых духов просто зашкаливает, и тихонько припал со спицей к двери – проверить.

Толком тогда он ничего не разобрал. Вроде бы Клавдия возмущалась, что она хоть и привыкла быть женой директора, но школьного – это с ней в первый раз. И пока как-то не

очень. К тому же в этой провинциальной дыре, где до сих пор на свадьбу ходят в свитерах из ангорки и пьют разведенный спирт. А вот Поленко возражал непонятно. Бубнил, что узнал некоего молодого человека с полпинка, по глазам. Что теперь они ему за все заплатят, иначе он, Леонид, их изведет. Вернее, он и так их изведет, но сначала все отнимет и ей, его законной супруге, мало не покажется. В смысле, всяких "Кристи" и "Биркиных" у нее будет без счету, на каждый день в году. Еще немного поскандалив, парочка успокоилась, даже начала мириться, и тут маг услышал очень отчетливо:

– Берина она теперь, понимаешь, – проскрипел директор, – Жанна Станиславовна. Ишь, удумала. Сынка ко мне подослала, учительишку малахольного! А я сам к ней пойду, имею право. Это для них она здесь королева, а для меня отставная любовница. Не бойсь, Клавка, мы их всех здесь к ногтю!

Господину Рафаэлю последнее замечание показалось очень важным. Он на цыпочках отошел от спальни на безопасное расстояние и продолжил свои занятия в сфере услуг. Однако секрет на будущее припас.

Когда на днях он услышал от Клавдии об убийстве в школе и пропаже Поленко, то сразу подумал, что директор весьма конкретен в осуществлении задуманного. Более эффективного способа прижимать к ногтю Рафаэль не знал. А когда Катанин рассказал ему о зигзагах следствия, в голове у мага вдруг огненными буквами вспыхнуло имя знаменитой

партийной начальницы. Тропа развязанной Леонидом Серафимовичем войны могла вести только к ней.

Виталий внимательно выслушал друга Петю, взял его в охапку и помчался к начальству. Там, оставив колдуна сотрудникам для составления протокола, опергруппа в усиленном составе выехала за город, по направлению к благородному дому Бериных-Валорских. По телефону был выловлен сынок великой четы: химику, нюхавшему в тот момент цветочки в собственной оранжерее, без обиняков сказали:

– Назар Никонович, у вас там ничего не случилось? Особенно с вашей мамой?

Вопрос был задан таким голосом, что молодой человек выронил тляку прямо на редчайший вид *Fittonia albivenis* и помчался к дому. Вернее, сначала к машине, потому как дом находился в добрых десяти километрах от его сада. Пока взволнованный Назар запускал свой супернавороченный электрокар, милиция успела доехать, пройти несколько уровней охраны и срезаться на последнем КПП, где их попросили назвать пароль. Сотрудникам показалось недосуг запрашивать информацию у Центра и они приняли единственно правильное решение – идти в обход. Так и нашелся в трехстах метрах от ворот свежий и четкий подкоп под забор с колючей проволокой. Тут же проведя следственный эксперимент, бригада нырнула в лаз и выбиралась на поверхность на территории имения.

– Без дактилоскопии видно, что подкоп не бобры копа-

ли! – заметил эксперт и убежденно добавил. – Видна рука Поленко. Видите у туннеля уклон вправо? Он и битой направо бил. Возможно, у преступника астигматизм.

– Да у него вообще много искривлений, – согласился Катанин. – Кстати, а что там было написано на бите? Ему же 55 еще не исполнялось. Или это он заранее празднует, не дожидаясь боя?

Эксперт приснул:

– Боятся его родные и близкие, но другого. Бита от сослуживцев. Поздравляют с наступающим отпуском. 55 дней чистого неба нас ждут, говорят. А ты, мол, Поленко, не торопись назад. Короче, точно его бита, подарочная.

– А-а, – озадаченно протянул молоденький милиционер, – зачем же он ее бросил тогда? Прямая улика.

Следователь снисходительно улыбнулся и пояснил новичку:

– Элементарно. Надпись он еще раньше пытался закрасить, она ему, видать, не понравилась. Прямо в подъезде, на месте преступления, Поленко по-быстрому нацарапал на краске что-то вроде "принадлежит инженерам ангара г. Североморск-130". Но предусмотрительные коллеги нанесли настоящую дарственную надпись прямо на дерево, а потом покрыли все слоем качественного яхтенного лака. Это на века. Краска уже потрескалась, кое-что слетело от удара по Афонькину, а Иван Вешенка, – и следователь показал на эксперта, – очистил текст окончательно.

Кроме того, директор был уверен, что на бите остались только отпечатки инженеров, собственные-то он тщательно вытер. Только забыл, что неоднократно хватал биту до этого, его пальчики отлично видны на цифрах "55". Леонид Серафимович – мошенник со стажем, но ни разу не был привлечен к ответственности, а это расхолаживает. Привык к полной безнаказанности и заходил все дальше, так сказать, нащупывал новые рубежи дозволенного своими преступными руками! И только наша доблестная милиция...

– Тише вы! – вдруг невежливо перебил следователя эксперт. – Хронику с моральным аспектом прокурор будет на суде излагать. Сходите, если доживете. Посмотрите лучше, какие здесь милые собачки!

Опергруппа застыла и в полном составе закрыла глаза при виде местной фауны. Прямо на сотрудников клином заходили какие-то черные мохнатки величиной с теленка. С крейсерской скоростью они неслись в вихре чернозема, мотая вытянутыми мордами и вроде бы даже клацая зубами. Отступить было некуда и поздно. Зато сомнений в судьбе Поленко больше не имелось: его стоило по частям собирать в желудках этого страшного зверья. Когда до столкновения оставались считанные секунды, новичок вдруг радостно прочиркал:

– Ой, здорово! Карликовые лошадки! Я про них читал.

Табунчик пронесся мимо, а следователь недовольно вывернулся из сплотившейся перед лицом опасности группы.

– И я читал, Балахонов! Все читали. И видели сто раз. Что вы здесь панику развели? Прикрывай вас каждую вылазку. Детский цирк! – и он, положив руки в карманы, зашагал по полю в сторону видневшегося вдалеке огромного дома.

Катанин повернулся к эксперту и тоже рывкнул:

– Ну, вы даете! Понятное дело, мы на ипподроме – вон, следы копыт кругом. А еще знаток-исследователь! – ему было явно не по себе за малодушие. Эксперт только виновато развел руками и, прыгая по кочкам, отправился вслед начальству.

Через полчаса изумленные оперативники стояли, как им показалось, перед парадным входом главного дома. Весело горели в закатном солнце венецианские витражи стрельчатых окон, под небом реяло легкое кружево контрфорсов, а стены лучились мягким светом украшавших их опалов. По обе стороны белоснежной лестницы возлежали мраморные львы, чей почтенный возраст выдавали только изящество и плавность линий – теперь так не делают. Два пролета гладких ступеней вели к украшенному витым золотом порталу над массивными дубовыми дверьми, тоже наверняка не из Икеи. Прежде, чем позвонить в хитро запрятанный в лепнину звонок, следователь даже отер руки – грешно трогать просто так памятники архитектуры и искусства. Изнутри отозвался мощный звук гонга, и через минуту в створке отворилось маленькое окошечко. Видимо, хозяева дома не любили светской жизни.

– Кто? – раздалось из-за ажурной решетки.

– Милиция, – честно ответил Катанин.

– У нас своя есть. Справляются, – отрезали на той стороне и собрались уже закрываться, когда следователь быстро-быстро заговорил:

– Вопрос жизни и смерти! Причем вашей хозяйки! К вам пробрался посторонний и...

Дверь заскрежетала засовом, потом зацокали замки и замочки поменьше, что-то пневматическое выпустило воздух и снова его набрало, потом замигали невидимые до этого лампочки у входа и, наконец, механический женский голос зашелестел: «Ждите полного открывания». Двери плавно разъехались и в образовавшемся проеме оперативники увидели крохотную комнатку с решетчатой стеной.

– Удостоверения приготовьте, – человек внутри все еще сохранял бдительность. Посмотрев на озадаченных милиционеров, явно смущенных габаритами помещения, он вдруг добродушно улыбнулся и сказал: – Что вы головами крутите? Это у нас гараж и сторожка. Вы с тылов зашли, всю красоту пропустили.

Катанин понимающе закивал головой и вспомнил сцену из поучительного фильма "17 мгновений весны". Там главный герой ничему не удивлялся, поэтому все хорошо закончилось. Ему, Виталию, хотелось бы стать таким же хладнокровным.

– Говорите, посторонний? Кто такой, приметы, фоторо-

бот? Сейчас мы его объявим в розыск, – сторож деловито доставал какие-то бланки и не проявлял ожидаемого беспокойства. Это следователю совершенно не понравилось, поэтому он красок не пожалел:

– Матерый преступник. Рецидивист. Внешность обманчивая. Я вообще, гражданин, это дело милиции, в смысле, настоящей милиции, искать.

– Тю-ю, – совсем неуважительно ответил работник помещья, – настоящая милиция мой баян уже тридцать лет найти не может. Увели с лавочки из-под дома, лично видел, кто увел и как, а милиция говорит – мотива нет. У всех в деревне по баяну. Так что вы мне не заливайте. Говорите имя, адрес.

– Мои? – опешил следователь.

– Нет, покойного Тутанхамона! Преступника, конечно. Для ловли.

Так бы они и препирались, если бы в тот момент Катанину не позвонил взволнованный Назар Никонович.

– Я подъезжаю! – крикнул в трубку любящий сын. – Где вас носит? Что с маменькой? Она не подходит к телефону.

– Не знаю, – честно признался опер, – и где мы, и что с вашей мамой. Хотя мы вроде у гаража. Здесь еще сторож за решеткой.

Химик задумался и после некоторой паузы предположил:

– Хм..Вы, наверное, за восточным кордоном. Ждите, я пошлю за вами.

Спустя еще двадцать минут за подуставшими милиционе-

рами приехал автобус. Темнело. Осень плюс сумерки – самое сложное время для неврастеников и маньяков, поэтому следователь ожидал от Поленко в эту ночь худшего. Всю опергруппу одолевали самые тяжелые предчувствия, и, когда в конце маршрута их встретил Назар с перевёрнутым лицом, градус всеобщего настроения достиг критического минимума.

Баронессы нигде не было. По существу никто не мог точно вспомнить, когда и где ее видели в последний раз. В Собрание она уже четыре дня не выезжала, сказавшись больной. Своих горничных отпустила до понедельника, ибо ей все надоели, а прислуга помельче боялась и посмотреть в сторону госпожи Бериной. Сын с ней третьего дня завтракал, а после был уверен, что маменька уехала на воды или еще в какой конец поместья. Короче, картина вырисовывалась пугающая.

Наблюдавший за коллективной паникой человек в свитере, то ли лифтер, то ли садовник, аккуратно зашел за беседку, приоткрыл щиток и нажал на кнопку. То был сигнал о чрезвычайном происшествии, установленный по приказу хозяина и технически исполненный его верными друзьями. Вот теперь человек в свитере сорвал пломбу и утопил кнопку до упора. Ничего не произошло, по-прежнему "Заозерная" тонула в сумерках и тишине. Мужчина нерешительно нажал еще раз, потом пожал плечами и отошел. Надежды на помощь Никона не было.

А тревожная кнопка все же работала. Только сигнал зве-

нел сейчас не по анфиладам Беринского замка, и не летел сиреной над бескрайними полями имения, а тихо и кратко тренькнул где-то на другом конце света, в хитрых часах художника. С этой минуты началась развязка дикой истории Поленко.

Будучи за тридевять земель, Берин-старший держал руку на пульсе. При неотложном вызове тут же задержались ниточки его обширных связей, полетели телеграммы, раздались нужные звонки и посыпались распоряжения. Не прошло и часа, как опергруппа на территории "Заозерной-17" получила неожиданное и невиданное ею прежде подкрепление: прожектор, два вертолета, три бронемшины и людей без ограничений. Начался планомерный обход территории.

Подкованное следствие уже установило, что некто, предположительно Поленко, пробрался в охраняемые владения через подкоп под забором. Тут же было решено, во-первых, по всему периметру забор заглубить на четыре метра и пустить по нему ток, силу которого проверить на виноватых и недосмотревших, а во-вторых, искать по следам. Следов на ипподроме обнаружилось предостаточно, и идею найти среди них именно директорские пришлось оставить. Зато в этом квадрате наткнулись на ботинок, мужской, итальянского производства. По всему выходило, его владелец соревновался в беге с теми же безобидными пони и не стал давать им фору, отвлекаясь на обувь, застрявшую в грязи.

Сторож в знаменитом Восточном гараже ничего не видел.

По крайней мере, в дверь не стучали. Зато самое крайнее окно внизу было взломано. Негодяю явно пришлось над ним попотеть: под витражом валялись погнутые железки, палочки, гвозди и камни. В конце успешной работы начинающего домушника ждало горькое разочарование: вырвав петли и отворив раму, он увидел то же, что сейчас видели оперативники. А именно зеленую лужайку и никакого дома. Крылья гаража-дворца представляли из себя только прекрасно декорированную стену. Вот так преступные пути всегда усеяны терниями!

Поленко это тоже не понравилось: с другой стороны он в исступлении растоптал все лютики и даже слегка порвал на себе волосы, которых эксперт собрал в пакет великое множество. Еще раздосадованный взломщик ударил по стеклу рукой, оставив следствию чудесные отпечатки. Собрав улики, группа двинулась дальше, загибая вправо – все запомнили про астигматизм и его роль в векторе директора.

Уже окончательно стемнело. Хотя парк красиво подсвечивался, в тусклой сентябрьской сырости было зябко и неудобно.

– А мы ищем убийцу или тело женщины? – решив проявить инициативу, поинтересовался у Катанина молоденький милиционер. Инициатива в этот раз была еще более наказуема, чем обычно. Виталий суеверно поплевал в сторону и постучал коллеге по голове:

– Мы ищем подозреваемого, Балахонов! И ищем аккурат-

но. А если кто что-нибудь другое найдет, тому я не завидую.

Остальные шли в молчании, погружившись в мрачные думы о других перспективах. Наконец, перед ними показалась масляная гладь озера, живописно обставленного кувшинками внутри и ивами снаружи. На другом конце водоема воздушным пирожным нарисовался небольшой павильон. В окнах горел уютный свет, а прямо у двери сидело привидение.

Виталий пожалел, что с ними нет Господина Рафаэля. Он бы в миг наладил контакт с неведомым, и опергруппа ушла бы с озера не только целой, но и с мешком добытых сведений. Но колдун остался с Рыжим и теперь милиционерам предстояло провести спиритический сеанс самостоятельно.

– Давайте разделимся, – вдруг предложил следователь, – Катанин и ты, Балахонов, пойдете к домику. Я отсюда вижу, там пусто. А вот свет выключить надо, для всей страны экономим! Мы пока с товарищами пробежимся налево, там дом, кажется.

– Налево ты горазд, я посмотрю, – пробурчал эксперт, – все бани да пивные. Да не маши на меня, знаю я все. Твоя жена моей дочке кем приходится? Вот то-то же, ею и приходится. Так что мы еще поговорим с тобой и про налево, и про товарищей. И товарок.

Следователь изменился в лице, что, впрочем, на фоне привидения выглядело незаметно, и понуро поплелся за операми. Приблизившись вплотную к домику, Катанин набрал в легкие воздуха, чтобы поздороваться, но тут привидение

подскочило, и, стаяя и размахивая белыми одеждами, сигануло в павильон. Оглохшие милиционеры сжались до размеров одного постового, а Балахонов срывающимся голосом сказал:

– Какие волосы! Да это русалка!

– Да это Маман! – сзади на новичка коршуном налетел запыхавшийся Назар Никонович. Он раздраженно отпихнул милиционера и бодрой рысцой помчался в домик. Стоя на ступеньках, химик оглянулся на Катанина и шепотом пояснил:

– Она здесь лечит нервы. На водах. А вы наскоро залатанный душевный мир чуть обратно не порвали! – Назар покачал головой и юркнул в приоткрытую дверь.

Опергруппа зачарованно наблюдала, как в большом французском окне мелькнул силуэт молодого человека, мелькнул и тут же слился с очертаниями дикого привидения. Впечатлительный Балахонов предположил, что оно его проглотило. Он даже снял шапку и в знак скорби приложил ее к груди, но тут огромная тень в окне раскололась на две части. Взявшись за руки, осколки бывшего чудовища подошли к шторе. Было похоже, что они поладили. Через пять минут голова Назара высунулась из-за ставни:

– Можно расслабиться, господа. Маменька в порядке. Ей ваше вторжение даже понравилось, очень в стиле Гёте, так мрачно. В общем, мы здесь переждем в Монплезире, а вы пока хватайте Поленко. Там, за березовой рощей, большой

гостевой дом, – химик махнул на деревья и захлопнул окно. Раздался щелчок сигнализации и все стихло.

– Лечат, как же... Калечат они здесь нервы, – глухо завелся эксперт, – идите, говорит, ловите. Командир.

– Такая порода, – следователь не стал подогревать гражданскую позицию коллектива и постарался сразу вернуть группе деловой настрой. – Так, теряем время. Может, нефартовый Поленко тоже видел это нечто в белом. Вчера ночью, допустим. Тогда он уже должен где-то обнимать березку и пускать пузыри, если вообще не окочился с испугу. Осмотрим рощицу?

Милиционеры колебались, стоит ли в безлунную ночь плутать в лесонасаждениях, но вдруг прямо под ноги Катанину упал кружок фонаря. Это скорым шагом приближался к ним руководитель поисковой группы, призывно размахивая рукой.

– Братцы, – еще издали начал он. – Мы прочесали несколько квадратов до Северных ворот. В гостевой деревне пусто, в окрестностях на пять километров никого. Зато в лабиринте кто-то воеет.

– И что же он воеет, позвольте узнать? – следователь весь ощетинился, настолько ему нравилась помощь общественности в деле поимки неуловимого директора. Да и братцем бородатому руководителю ему быть не хотелось.

– Предположительно желает спастись, – отрапортовал человек, – наши думают, это ваш клиент. Кажется, он и сам

поминает милицию.

На такой призыв опергруппа не откликнуться не могла. Через пять минут запыхавшиеся коллеги уткнулись в упругую и твердую, как резина, стену из туи. Она тянулась в обе стороны насколько хватало глаз, возносясь к небесам в два человеческих роста и переплетаясь тысячами плотных росточков. Хо́да через стену не было. Где-то там, в глубине этого райского садика, застрял ищущий милицию индивид. До отряда доносились только заунывное бляенье откуда-то из центра зеленого клубка, но что и где там запряталось, было неясно.

В общем, вертолетыгодились. Как вспоминал позднее Катанин, без них до Нового года опергруппа искала бы директора, спасатели искали бы опергруппу, волонтеры – спасателей, а волонтеров, как всегда, искать уже было бы некому. Как результат, все бы сгинули, ибо лабиринт Берины сработали на совесть. А тут уже к часу ночи с неба удалось заметить одинокую фигурку, тщетно повисшую на талии очередной туи и даже не рискующую больше куда-либо дергаться.

Версия следствия подтвердилась: отшельником местных пампасов и льяносов оказался Леонид Серафимович Поленко, в прошлом убийца и злодей, а в настоящем – голодный, холодный и грязный исследователь дикой природы, сам одичавший до уровня беззубого койота.

Задержанный с благодарностью смотрел на милиционеров и чуть не полез к Катанину целоваться, когда тот строгим го-

лосом предложил ему водички. Наконец, до опергруппы добрался УАЗик с решетками, все расселись по местам и следователь скомандовал трогать. В последний момент он повернулся к бородатому помощнику, пожал ему руку и пригласил заходить. Тот горячо благодарил и ссылаясь на законную занятость.

Так милиция продвинула культуру лабиринтов в благородных домах.

А Поленко провалил свой последний выход. На бис отныне он ходил только за решетку.

Глава 28

В отделении директор упорствовал недолго. Хотя вид живых и упитанных инженеров его неприятно удивил, но тогда бывший летчик еще не верил, что его песенка спета от трех до пятнадцати. Он с пеной у рта настаивал на полном отсутствии какого-либо злого умысла, подчеркивая, что проявил себя как порядочный и добрый человек. "Не гражданин, а самаритянин. Пробы негде ставить", – сокрушался следовательно, когда Поленко в сотый раз излагал ему поучительную историю, как на улице он нашел украденную у него битку, но решил, что вора она нужнее. Как заботливо занес ее в подъезд по месту жительства этих несчастных, убогих людей, и, чтобы не потерялась, заправил за дверную ручку. Да, в люке. Да, загнал ее намертво, мало ли, какой сброд шатается по многоэтажке? А так не пропадет.

Похитителей он не признал, нет. И сейчас не припоминает. А то, что на капоте его автомобиля красуются их портреты, так все вопросы к художнику. Он просил нарисовать самолетик. Что там вышло, он не вглядывался. Даже себя по центру не видал. Это просто случайное сходство, аэрограф пытался изобразить Алена Делона, и Поленко не виноват, что следователю образцовый француз напоминает директора. Про оригинал фото в первый раз слышит, ибо магией величия не страдает и оставлять лишние свидетельства

не любит.

Что касается прогулки по резиденции Бериных и найденном в лабиринте пистолете с отпечатками пальцев Леонида Серафимовича, тут директор просто фонтанировал показаниями. Следователь уже жалел, что не ангажировался в какое-нибудь издательство литературным негром для слезливой романистики. Сейчас бы по мотивам признаний Поленко он выдал бы на-гора двадцатитомник сентиментальной прозы. Короче, в имение летчик забрал от переизбытка чувств. Жанна Станиславовна – подруга его молодости, вероломно бросившая юношу ради удачливого маляра. Вот так трагедии прошлого перекрывают кислород в настоящем! Директор страдал-страдал и наконец отправился поделиться своим горем с тонкой рябиной. Он долго шел. Подкоп помнит, это, наверное, белочки. За забором обнаружили дикие и лохматые звери, пришлось бежать и в целях сохранения собственной жизни стучаться в ближайший дом. Там не открыли, но Поленко сдавал ГТО и знает, что спасение утопающих – это их личное дело. Поэтому окно открылось само, но взять за ним оказалось нечего. Но он же искал спасательный круг! А вдалеке справа как раз виднелось озеро и какая-то беседка, но осенью на природе не очень комфортно. Посему директор отправился напрямиком к большому дому, чтобы спросить дорогу обратно. А на пути к дому застрял в этой чертовой посадке, кто только придумал ставить такие заборы с углами! Наверняка он не первый, кто там потерялся, да там

пропавших туристов можно искать, и золото скифов, и еще кое-что! Вот директор нашел пистолет. Подержался за него, во-первых, если бы пришлось там жить, он бы пригодился для охоты, во-вторых, когда такая жизнь стала бы затруднительной, пришлось бы застрелиться. Когда уважаемая, дорогая милиция его нашла, оружие он бросил за ненадобностью и присыпал землей, потому как в душе директор давно пацифист.

В общем, Поленко скорее всего и на этот раз удалось бы вывернуться, если бы не встреча с Афонькиным. Явление Вольдемара народу не обошлось без потрясений. В беготне следствия Катанин и его отдел как-то позабыли поинтересоваться результатами вскрытия и не знали, что судмедэксперты уже истратили всю наличность на успокоительное и маленькие сувениры вышестоящему начальству. И все для того, чтобы не вылететь с работы ни по статье о халатности, ни вперед ногами из-за инфаркта. А повод к этому имелся.

Бездыханный Афонькин поступил к врачам в аккуратном черном мешке без признаков жизни. Глубокие тона мозга у пострадавшего отсутствовали, вегетативное состояние было на лицо: охранник напоминал кабачок на грядке и ничего более. Происшествие случилось в пятницу, в красный день знаний, и эксперты в честь праздничка не стали долго рассусоливать. Умер – значит умер. Быстро накатав нелестное для Поленко заключение, старший смены сдал тело в морг и пошел прогуляться по бульварам, где на каждой лавочке

теперь не сидело по няньке или мамаше с противным ребенком. Все учились, и судя по всему, эксперту это тоже бы не помешало.

Если бы врачи знали Афонькина при жизни, его овощной вид не ввел бы их в заблуждение. Четвертинка беленькой, презентованная инженерами, стала той последней каплей, которая и лошадь бы убила. Еще до столкновения с битой охранник ощущал некоторое недомогание, ломоту в коленях, зато голова у него не болела. Ибо болеть в ней было нечему. Глубокие тона проскакивали по краешку этого монолита крайне редко и то нужен был очень чувствительный энцефалограф. Когда Вольдемар после всех испытаний очутился в прохладном и тихом месте, всего спустя пару часов жизнь стала к нему потихонечку возвращаться. И тут же вылезать обратно, потому как мороз крепчал, а одежды на мужчине не было никакой, кроме клеенчатого номерка на пятке. Как всегда, спас случай, а именно чисто по случайности в морге дежурил ленивый санитар, который корпел над учебниками в медицинский вместо того, чтобы раскладывать своих постояльцев по холодильникам. С каталки Афонькину было выбраться легче.

Санитар был медик от Бога, при этом в него и прочее нематериальное он категорически не верил. Не падая в обморок при виде отжившего покойника, он со вздохом оторвался от литературы, нашел и померял клиенту пульс и выдал ему пижаму из личных запасов. Затем вызвал неотлож-

ку. Девица в диспетчерской долго с санитаром бодалась, не желая отправлять машину туда, откуда не возвращаются, но милосердие победило. Афонькин еще был не совсем стабилен, то и дело проваливаясь в бессознательное, и приехавшие веселые врачи отправили его напрямик в областную, где местные не шибко радовались такому тяжелому подарку без документов – как никак, Вольдемар уже один раз умер.

Эксперты о внезапном воскрешении человека с пробитым черепом узнали первыми. Были написаны, выверены и посланы наверх весьма крепкие объяснительные, где специалисты особенно напирали на то, что и в современном мире остается место для чуда. Иначе, как волшебством и аномалией это назвать было нельзя. По всем медицинским и физическим канонам Афонькин давно должен был жить только в памяти своих друзей и близких, а он уже открывал глаза и просил добавку тефтелей на обед. Когда больной начал жевать спиртовые салфетки и изучать зеленочную этикетку на предмет содержания алкоголя, завотделением не выдержал и решил, что выздоровление наступило бесповоротно.

Следователь попытался опросить Афонькина еще несколькими днями ранее, но речь к пострадавшему пока не вернулась. Повторную встречу отложили на потом. Катанину, вечно где-то носящемуся, об изменении обстоятельств сказать забыли, а Рыжий все узнавал только от своего непосредственного начальника Виталия. Таким образом, весть о живом Вольдемаре отправила на освободившуюся койку ми-

лиционера, который не перенес столь сильных впечатлений. Производственная травма, с кем не бывает.

К моменту поимки Поленко охранник уже мог и хотел поговорить. Оказалось, проснувшись поутру после их с директором разговора, Афонькин прямо-таки горел рвением. Горело, как в плавильном цехе, у него внутри. Заметив шкалик беленькой прямо у себя в нагрудном кармане, он зауважал начальство еще больше, опорожнил пузырек и дальше некоторое время ничего не помнит. Ближе к полудню, когда он очнулся повторно, над ним стоял друг и товарищ, и даже брат по посиделкам, Леонид Серафимович. Он попросил подойти к его автомобилю, проверить, все ли там в порядке и не околачивается ли кто вокруг дорогого внедорожника. Директор даже любезно предложил Афонькину свою куртку. Охранник вышел, отогнал от машины двух подозрительных типов с перекошенными мордами, а потом решил посвистеть и заложил для этого руки в карманы. Это так надо, оно все взаимосвязано. Еще хорошо перед свистом полузгать семечки, но их не было. Так вот, в карманах он нашел клочки какой-то бумажки. Там всего четыре части было, минут десять ушло, чтобы их соединить. В брюках у него как раз нашелся обрывок скотча. И все равно оставалось непонятным, что это за "верни по-хорошему", "тебя ждет страшное" и так далее. В общем, когда директор подошел, на Вольдемара напало чувство юмора, и поскольку это было впервые, как и многие дебюты неудачно закончилось.

– Смотрите, что я вам написал, – сделав серьезное лицо, сказал Красномордый. – А вы рвете! У-у-у, – и он соорудил Поленко веселую козу. Розыгрыш по мнению Красномордого оказался удачным. Директор весь побледнел, заморгал глазами и вдруг стал показывать шутнику на что-то очень удивительное на другой стороне дороги. Пока охранник всматривался в гущу пятиэтажек, Леонид Серафимович щелкнул сигнализацией, зашуршал пакетом, а потом Афонькин провалился в темноту. Там было хорошо и спокойно, и он, Афонькин, ни к кому претензий не имеет.

После рассказа Вольдемара и очной с ним ставки Поленко с удовольствием дал признательные показания, упирая на то, что удар битой не имел преступных намерений. Убивать он вообще не собирался, и все это произошло в состоянии аффекта. Просто утром в своем кабинете в мусорном ведре Леонид Серафимович нашел клочки исписанной бумаги. Он привык быть в курсе всех дел, поэтому обрывки достал, соединил и прочитал. Это было то самое угрожающее письмо, в котором инженеры давали Поленко последний шанс. Убегая после происшествия с Тихоном, они как настоящие джентльмены убрали за собой и кинули неактуальную записку в ведро. Летчик, уверенный, что автор записки – школьный коллектив или отдельные его члены, во чтобы то ни стало решил отыскать этого Прометея и примерно наказать, желательно троекратным выговором и публичной поркой. Предательство Афонькина его поразило, и дальнейший резуль-

тат известен.

Когда охранник неожиданно оказался мертвым, на горизонте вдруг замаячили другие враги вредоносного директора: в убегающих с его битой двух мужчинах он моментально признал инженеров из Североморска. Благо дело, их он мог ежедневно лицезреть на собственном авто. Но дальше все было, как он сказал до этого, никакого преступления!

С походом на имение Бериных выходило не так ладно. Поленко все время путался в показаниях: то его лично вызвала Жанна Станиславовна, чтобы вместе полистать альбомы и вспомнить молодость, то он сам не мог пережить долгой разлуки с когда-то оставленной, нет, потерянной невестой и пошел искать ее в поля, но разумно и логично ничего не сходилась. Следовательно, опираясь на показания самой госпожи Валорской, ее сына, милиционеров, спасателей и вездесущих пони, все-таки пришел к выводу, что Поленко проник на территорию "Заозерной" с далеко идущими преступными намерениями и пистолет, смазанный и заряженный, был при нем. Наверное, не для того, чтобы пить с ним чай.

Показания Амалии Петровны Винтер оказались очень важными, хоть их и пришлось тащить почти клещами.

– Почему вы сразу не сказали, что видели нападение на Афонькина? – в который раз допытывался Катанин у ледяной математички.

– Потому что вы неверно сформулировали условия задачи, молодой человек, – не разжимая тонких губ, цедила учи-

тельница. – Вы спрашивали, знаю ли я, где на момент вопроса находится господин Поленко. Я не знала. Тренируйте абстрактное мышление. Пока вам даже "два" надо еще заработать.

Впрочем, об увиденном Винтер все же собственноручно написала, с графиком движения снаряда к голове жертвы и скоростью отхода Поленко от места преступления.

На суде же все перевернулось. Нанятый директором юрист, маститый седовласый мужчина, гарантировал торжество справедливости и ухмылялся следователю в лицо, критикуя каждое из доказательств. Опергруппа мрачнела день ото дня, готовясь, что дело рассыплется, как асфальтовая дорога, наспех положенная зимой к приезду премьер-министра.

Адвокат не подвел. Своим пламенным выступлением он отговорил суд давать его клиенту два года условно, чего гневно требовал прокурор.

– Ваша честь, Вы только посмотрите, – матерый правозащитник возводил глаза к небу и тряс кулаками, – только посмотрите на этого человека! – сухой палец упирался в директора. Зал с интересом поворачивался к пеговолосому мужчине, с видом оскорбленной невинности сидящему за решеткой. Адвокат заливался соловьем:

– Что вы видите? Хулигана, пошалившего с товарищем? Неверного мужа, шатающегося в поисках запретных удовольствий? Нет, ваша честь! То, в чем обвиняют моего под-

защитного, просто невысказано. Легкий вред здоровью и проникновение на чужую дачу с целью какой-то там порчи. Разве на такие мелочи разменивается этот талант, этот титан мысли? Нет, позвольте заметить, он не таков. Вы скажете мне: он покушался на убийство, но неудачно. Поэтому не будем к нему строгими. А я отвечу вам: убийство все-таки произошло. Убийство честного имени непорочной женщины, матери, благодетельницы нашей губернии. Убийство в этих детишках, его подопечных гимназистах, веры в старших, в начальство, в высший разум, наконец! Убийство нашего с вами времени, которое мы могли бы потратить на более достойные дела. Можем ли мы ему это простить? Этому губителю зеленых росточков юности? Моя совесть говорит мне: не забудем, не простим. Ваша честь, мой клиент достоин высшей меры наказания. Я сказал.

И под рукоплескание зала адвокат гордо вернулся к своему месту. Судьи плакали, свидетели обнимались и клялись друг другу стать лучше, а прокурор записывал основные моменты речи адвоката на будущее.

Вердикт был однозначным, хотя и вызвал недовольство публики своей мягкостью. Поленко приговорили к десяти годам с конфискацией. Впрочем, у него, как у всякого приличного человека, ничего не было, но от этого ему было не легче. Еще не до конца поверившего во все происходящее директора вывели под улюлюканье и свист публики, которая требовала для него самой далекой и холодной колонии. Еще

долго под сводами областного суда раздавались антиполенковские выкрики, и только к вечеру следующего дня волнение улеглось.

А через неделю все забылось, потому что на небосклоне городской жизни засияли новые звезды. Совершенно справедливо директорское кресло занял выдающийся во всех смыслах человек и учитель Назар Никонович Берин. Чиновники из Районо ломали свои светлые головы, почему же это очевидное кадровое решение их прежде не посетило. Но поздно – дождь спонсорской помощи уже вовсю изливался на гимназию, минуя высшие инстанции. Благодарили все: дети, родители, педколлектив, областная и городская администрация, и даже рядовые члены партии власти. В результате скопилось достаточно, чтобы вообще не работать, как учителям, так и всем детям, когда вырастут. Спасли положение только принципиальность и острый ум школьного завхоза. Деньги ушли в стабилизационный фонд, на черный день, и, поскольку жизнь настала чудесная, они из этого фонда никогда и носа не казали.

Марина Тухтидзе была вне себя от счастья. Наконец-то кресло, которое должно было принести ей мужа, досталось достойному, интересному и холостому человеку. Господин Рафаэль изготовил для биологички приворотный амулет из шишки с перышками, Мариной тут же в меру своих знаний усовершенствованный. Пришлось немного попотеть и в каждую чешуйку заткнуть по мухе, которую девица величала

шпанской. Получился мощный афродизиак, биологичка даже не рисковала выталкивать его из декольте на людях, такую сильную реакцию он вызывал. А вообще казалось, что химик начинает поглядывать на первую красавицу с интересом.

Вернувшийся к жизни Афонькин некоторое время поработал у Господина Рафаэля, а потом исчез. Городские сплетники говорили, что с битой Поленко ему предалась страсть к небу и полетам, и он поступил на службу в какой-то авиа-кружок. Не то конструктором, не то полотером. Но дело ему, видимо, понравилось, потому как в губернии его больше никто не видел.

Катанин был признан лучшим оперативников по итогам года, ему выдали почетную грамоту и премировали ежесубботними поездками на лыжные соревнования. Защищать честь коллектива мог только самый достойный. Виталий смущенно отнекивался, кивая на Рыжего и намекая, что есть в их отделении и куда более выдающиеся люди, но подчиненный прикрылся бюллетенем. Зато Катанин значительно укрепил здоровье, толкаясь каждые выходные в холодном автобусе, чтобы попасть на другой конец города в парк, где шли состязания. Лыжи к концу сезона даже загнулись от нагрузок, зато опер выпрямился, построился и получил новенькую звездочку на погоны. За стойкость.

Неутомимый Тихон Гаврилович в своих походах по инстанциям наконец-то набрел на неподготовленного слушателя. Еще до суда над Поленко он обнаружил в городе таин-

ственную организацию, некий учебно-экспериментальный центр Американской культуры при Пенсильванском обществе орнитологов. Ориентация заведения трудовику сумасшедше подходила. Он одолевал их дирекцию письмами, заявлениями и проектами, пока ничего не подозревающие гринго не согласились с ним встретиться. После этого жизнь Тихона круто изменилась. Он стал именовать себя Тайхон Гаври, заглывал букву "P", что лишило в его дикцию предпоследней ясной согласной, и поставил свой труд на коммерческие рельсы. Рельсы, правда, к пункту назначения не вели, в этом Тихон остался себе верен. Он занялся выпиливанием для привередливого американского потребителя товара первой необходимости: дайверского оборудования из дерева в натуральную величину. Пока он брал за основу величину среднего дуба. Во дворе центра уже стояли готовые фонарик и баллоны, когда дирекцию поняла, куда вляпалась. Она поспешила отправить Тайхона от греха подальше, прямо в сердце американской мечты. Вместо Майами мечта в этом случае засела в научно-исследовательском корпусе клиники Стэнфорд. Там Гаври жутко понравилось, судя по восторженным письмам на Родину на адрес бабули из Районо. А вот была ли в Стэнфорде медицина после приезда Квазимодыша, история умалчивает.

Счастливые, хоть и слегка растерянные внезапной развязкой инженеры, уехали на Север. Катанин, супруги Поповы и дедушка с внуком пошли провожать их на вокзал, чтобы еще

раз пожать мужественные руки лучшим помощникам следствия, почти родственникам и последним певцам коллективного сознания. Дедушка часто моргал, пытаясь скрыть предательскую слезу при виде двух честных работяг, которые не побоялись встать одни за всех, и всех бросить ради победы. Настя принесла бывшим племянникам пирогов и жареную курицу в исполнении Костика, чтобы хоть как-то подсластить инженерам горечь утраты почти пойманного Поленки. Ну и помочь им забыть годы погони, растворимых супчиков и походных кроватей. А Виталий осчастливил семью Лукиных супер-подарком: Поленковский автомобиль на днях случайно уронил эвакуатор. Капот вдребезги. Пришлось пока поставить фанеру, но супругу директора планирует продать остатки на запчасти. Аэрография канула в лету. Отец и сын уезжали спокойные и счастливые и обещали писать своим новым друзьям.

Но лучше всех жили Настя и Костик. Нина Васильевна съехала в деревню, нести в массы знания, полученные от господина Рафаэля. Однажды зимним вечером супруги мирно сидели на кухне и пили чай.

– А, кстати, – вдруг встрепенулась Настя, – помнишь тех инженеров, ну тех, что гостили у нас дома?

– Припоминаю, – супруг нехотя оторвался от булочки с маком. – Хорошие ребята, их инструменты – просто высший класс. Видела, как я ими капусту прижал?

– Отменно, – согласилась девушка. – Только знаешь, я все

время думаю, что же было на той фотографии, что ради нее они поехали не знамо, куда, и даже хотели нашего Камикадзе убить?

– Так ты до сих пор не поняла? – удивился Костик. – Ты же видела машину?

Настя непонимающе развела руками и посмотрела на супруга

– Машину видела. Ну и что?

– А то! На переднем плане Поленко, за ним самолет. Слева ангар, в нем инженеры и... – физик подмигнул жене, будто ожидая, что та немедленно догадается. Чуда не произошло, Настя в сомнении нахмурилась:

– ...и ящик, – закончила она Костикову фразу.

– Сама ты ящик! Самогонный аппарат. Они на него накрутили каких-то железок, трубочек и проходили все проверки. Говорили, что это необходимый компонент ремонтного цикла. Они же там на Севере совсем одичали, от жизни отстали. Теперь такой в каждом крепком хозяйстве, а у них, видишь, позор и пьянству бой.

Настя с благодарностью взглянула на мужа, запросто решившего для нее задачку последних месяцев. Пожалуй, физика развивает не только аппетит, но и мышление.

Все теперь снова было хорошо.